

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Архив РАН

Н.Ф. Петровский

ТУРКЕСТАНСКИЕ ПИСЬМА

Ответственный редактор
академик В.С. Мясников

ПАМЯТНИКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
2010

ББК 63.3(0)53

ПЗ0

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
Проект № 10-01-16150д*

Утверждено к печати Ученым советом Архива РАН

Рецензенты:

И.В. Зайцев, Г.А. Савина

Петровский Н.Ф.

ПЗ0 Туркестанские письма / Отв. ред. ак. В.С. Мясников, сост. В.Г. Бухерт. М.: Памятники исторической мысли, 2010. – 358 с.

ISBN 978-5-88451-283-2

Автор писем Н.Ф. Петровский (1837–1908) – офицер, бывший узник Петропавловской крепости, направленный в 1870 г. на службу в Ташкент в качестве агента Министерства финансов в Туркестанском генерал-губернаторстве, а в 1882 г. назначенный первым российским консулом (затем генеральным консулом) в Кашгаре. Письма содержат сведения о русско-китайских отношениях, событиях из истории присоединения Памира к России, научных исследованиях в Восточном Туркестане (Западный Китай).

ББК 63.3(0)53

ISBN 978-5-88451-283-2

© Петровский Н.Ф., 2010

© Мясников В.С., вст. ст., 2010

© Бухерт В.Г., вст. ст., составление, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Образ Н.Ф. Петровского в английском зеркале... <i>В.С. Мясников</i>	4
...И его русский портрет. <i>В.Г. Бухерт</i>	20
Письма Н.Ф. Петровского	67
Приложения	299
Донесения Н.Ф. Петровского	301
Документы, составленные Н.Ф. Петровским	302
Письма к Н.Ф. Петровскому	309
Российские консулы (генеральные консулы) в Кашгаре	312
Офицеры Генерального штаба, состоявшие при Императорском Российском генеральном консульстве в Кашгаре	313
Начальники Памирского отряда	313
Комментарии	314
Перечень опубликованных писем Н.Ф. Петровского	333
Список трудов Н.Ф. Петровского	337
Литература о Н.Ф. Петровском	341
Список сокращений	343
Указатель имён	344
Географический указатель	351

ОБРАЗ Н.Ф. ПЕТРОВСКОГО В АНГЛИЙСКОМ ЗЕРКАЛЕ...

Себя как в зеркале я вижу,
Но это зеркало мне льстит...

А.С. Пушкин

«The brightness of the outer world is mirrored in imperishable verse» – «Великолепие окружающего мира отражено в нетленных строфах». Почему мне вспомнилось это английское выражение, когда я читал туркестанские письма Н.Ф. Петровского? Потому что фигура русского консула в Кашгаре отобразена не только в его переписке. Может быть, даже более ярко она изобразилась¹ в английском зеркале – в донесениях в Лондон обитавшего в Кашгаре британского консула Джорджа Макартни². Это зеркало славилось и изумительным обрамлением, я имею в виду Кэтрин Макартни – умную, красивую и талантливую жену представителя лондонского двора, добавившую своим пером штрихи к портрету нашего героя³.

¹ Напомню, что английское слово «reflection» имеет несколько значений: основное – образ, отражение, но есть и дополнительные, например, критика, упрек, осуждение, порицание. В контексте данной статьи «reflection» оборачивается всеми этими гранями.

² *Skryne C.P., Nightingale P.* McCartney at Kashgar. New Light on British, China and Russia activity in Sinkiang. 1890–1918. L., 1973 (далее: *Skryne C.P., Nightingale P.*). Клэрмонт Скрайн британский дипломат, прибывший в Синьцзян в 1922 г., через четыре года, после того как Дж. Макартни ушел в отставку, пишет в предисловии к книге о своем предшественнике: «Макартни Джордж провел в Синьцзяне 28 лет с 1890 по 1918 г. в качестве единственного британского представителя в этой самой западной провинции Китая. Эта книга написана главным образом, основываясь на политических и секретных архивных документах из коллекции Управления по делам Индии (India Office Library), где хранятся кашгарские дневники и корреспонденция, дополненные материалами Министерства иностранных дел из Государственного архива Великобритании (Public Record Office). Джордж Макартни не оставил собрания личных документов, но авторы благодарны его сыну Эрику Макартни за сведения о семье и фотографии» (*Skryne C.P., Nightingale P.* P.VII).

³ Macartnay [Cat.] *An English Lady in Chinese Turkestan*. L., 1931. Second ed. Oxford Press. 1985. В данной работе использовано издание 1931 г. (далее: Macartnay [Cat.]). За помощь в отыскании книг Клэрмонта Скрайна и Памелы Найтингейл, а также Кэтрин Макартни выражаю глубокую сердечную благодарность моим петербургским коллегам: директору РНБ Владимиру Николаевичу Зайцеву, заведующей Справочно-библиографическим отделом БАН Н.А. Сидоренко и заведующей Отделом Востока РНБ О.В. Васильевой.

Европейское общество в Кашгаре не было многочисленным. Там обосновались всего два консульства – России и Британии. Николай Фёдорович Петровский был яркой фигурой – не заурядным дипломатом, посланцем Министерства иностранных дел, а послом русской культуры и науки в первую очередь. Он обладал необычайной способностью выстраивать свои отношения с представителями местной власти. И глава китайской администрации – *даотай*, и чиновники рангами пониже, все чутко прислушивались к голосу русского консула. Неслучайно английские авторы книги о Дж. Макартни завистливо называют главу русского консульства «фактическим правителем Кашгара». Поэтому интерес британских подданных к русскому дипломату был естественен. Чужбина часто сближает европейцев. Да к тому же и профессиональные обязанности заставляли британцев следить за каждым шагом Н.Ф. Петровского: на Востоке шло противоборство двух великих империй – Российской и Британской, – называвшееся «Большая игра в Азии».

С Дж. Макартни в Синьцзяне встречался не только Н.Ф. Петровский. 30 августа 1906 г. в Кашгаре побывал Карл Густав Маннергейм, возглавлявший русскую экспедицию в Западный Китай. Он оставил нам любопытную зарисовку своего общения с Дж. Макартни. Британский консул был «приятным и умным человеком. Он в совершенстве владел китайским языком – его мать была китайкой. Сэр Джордж оказал мне, – продолжает Маннергейм, – немало услуг, в частности одолжил очень редкий, огромных размеров учебник китайского языка; к нему прилагался столик, на котором следовало держать эту книгу»⁴.

⁴ Цит. по: Мясников В.С. По следам Маннергейма // Мясников В.С. Квадратура китайского круга. Избранные статьи. Кн. 2. М., 2006. С. 128.

Дж. Макартни был не только сыном известного британского дипломата, специалиста по Китаю Холлидэя Макартни, но и потомком того Джорджа Макартни, который, став в 1775 г. губернатором Мадраса, в 1793 г. прибыл в Китай в качестве посла ко двору покорителя Западного края⁵ императора Цяньлуна. Именно ему довелось доставить королю Георгу III письмо, заканчивавшееся знаменитыми словами Цяньлуна: «Молча трепещите и повинуйтесь!»

Холлидэй Макартни изучал медицину и в качестве помощника хирурга был участником Крымской войны. Затем примкнул к армии Чарльза Гордона, подавлявшего тайпинское восстание. При этом он женился на особе из семьи одного из лидеров тайпинов. Занявшись коммерцией, основал в Нанкине первый китайский арсенал, которым и руководил. Здесь у него и родился сын Джордж. Возвратившись в Лондон, Холлидэй Макартни занимался делами китайской миссии, получив должность ее секретаря. Меткую характеристику ему дал выдающийся китайский политический деятель – Сунь Ятсен.

Сунь Ятсен неоднократно общался с Х. Макартни в Лондоне, когда его схватили цинские дипломаты и держали под арестом в здании миссии. Старший Макартни присутствовал и при освобождении китайского узника совести. Сунь Ятсен, описывая процедуру своего выхода из плена в китайской миссии в Лондоне с помощью представителей министерства иностранных дел Англии и Скотланд-Ярда, особое внимание уделил поведению Х. Макартни.

«Едва ли кто обратил внимание на то, что нас выпустили через заднюю дверь, – пишет доктор Сунь. – Факт освобождения сосредоточивал на себе всепоглощающее внимание участвовавшей в деле небольшой группы англичан; для них это была мера первейшей важности. Не то с моими хитроумными соотечественниками, а в особенности – сэром Макартнеем, этим воплощением восточного ретроградства.

То обстоятельство, что представители британского правительства были удалены через черный ход, словно падала, немало послужит к поднятию посланника и его сотрульников во мнении высших кругов Китая. Ибо при этом имелось в виду выразить пренебрежение, унижить, и выполнено все это было так, что только человек, хорошо знающий китай-

---

⁵ В честь этого события, завершившего в 1758 г. многолетнюю войну Цинской империи против Джунгарского ханства, была создана серия батальных картин и портретов выдающихся полководцев. Значительная часть этой коллекции хранится в тайбэйском музее Гугун. Там в 2002 г. была организована выставка, называвшаяся «Великая культурная инициатива императора Цяньлуна». В каталоге этой выставки (с. 150–152) помещены репродукции некоторых картин из серии «Усмирение Синьцзяна»: «Рейд на лагерь Галдана» (Джузеппе Кастилионе), «Банкет в честь заслуженных воинов» (неизв. худ.). Здесь же были представлены портреты иностранных послов, привозивших дань, в том числе и английская супружеская пара (вполне вероятно Макартни), и карманные часы XVIII в., изготовленные в Лондоне, возможно, это часть подарков, привезенных Макартни.

скую манеру обращения с иностранцами, может вполне оценить внутреннее значение факта. Предлогом послужило, конечно, то, что передняя комната была полна репортерами, что снаружи здания собралась значительная толпа народу, что министерство иностранных дел очень желало окончить весь инцидент тихонько, без всяких демонстраций. Таковы, нет сомнения, были доводы, готовые к употреблению, которыми полны были головы этих маньчжурских плутов и их надсмотрщика Макартнея. Согласно английскому взгляду на вещи, факт моего освобождения был единственным, на который стоило обратить внимание; но для китайцев формы, в которые оно было облечено, совершенно уничтожили победу английской дипломатии в этом деле. Обе стороны, таким образом, имели каждая свое торжество, и, несомненно, обе остались одинаково **ДОВОЛЬНЫ**»⁶.

И к этому китайский революционер-демократ добавил: «Не мне разбирать поведение сэра Холлидэя Макартнея; я представляю это обществу моему и его собственной совести. Я не сомневаюсь, что у него были свои основания поступать известным образом, но едва ли эти основания соответствуют тем, какие должен был иметь человек в здравом уме и твердой памяти, не говоря уж о занимаемом им ответственном положении. Мне кажется, Тан вполне верно определил последнее, говоря мне, что «посланник (Китая. – *В.М.*) не более как мебель; все в руках Макартнея»⁷.

Таков был отец Джорджа Макартни. Младший Макартни вырос в доме, глава которого лучше всего характеризуется словами А.Н. Островского из его комедии «В чужом пиру похмелье»: «Никто, батюшка Кит Китыч, не смеет вас обидеть. Вы сами всякого обидите!» Джордж до десятилетнего возраста жил в Нанкине, затем получил хорошее образование, окончив колледж в Англии и один из французских университетов. Он свободно владел китайским, английским, французским языками, изучал русский и немецкий. Находясь в Синьцзяне, Джордж не терял связи со своим влиятельным отцом. Тем более, что тот ухитрился в качестве секретаря сопровождать в 1881 г. китайского посла Цзэн Цицзэ в Петербург, где помогал ему вести переговоры о заключении Санкт-Петербургского договора России с Китаем⁸.

Судьба свела Дж. Макартни с Н.Ф. Петровским в Кашгаре в то время, когда русский консул уже успел обжить свой дом в этой части Западного Китая. Дж. Макартни прибыл в Кашгар в 1890 году, т.е. через восемь лет после появления там Н.Ф. Петровского. В караване британского консула, пришедшем из Индии, находился и извест-

⁶ *Сунь Ятсен*. Избр. произв. М., 1964. С. 101–102.

⁷ Там же. С. 99.

⁸ *Skrine C.P., Nightingale P. P.* 27. Об этой миссии см.: Цзэн Пу. Цветы в море зла. Исторический роман / Пер. с кит. В. Семанова. М., 1960; *Воскресенский А.Д.* Дипломатическая история русско-китайского С.-Петербургского договора 1881 г. М., 1995.

ный английский путешественник по Центральной Азии, выполнявший по поручению Лондона секретную миссию, – капитан Френсис Янгхазбанд.

«Когда Макартни и Янгхазбанд прибыли в Кашгар, – пишут Скрайн и Найтингэйл, – власть Пекина в Синьцзяне оказалась ненадежной, и угроза, по-видимому, исходила с севера от планов, выработанных в Петербурге. [...] Самым влиятельным человеком в Кашгаре был не *дао-тай*, а Н⁹. Петровский, русский консул, который появился в Кашгаре в ноябре 1882 г. после подписания С. Петербургского договора»¹⁰.

Яркую картину той среды, в которой проходила жизнь и развивалась деятельность Н.Ф. Петровского и супругов Макартни – Синьцзяна 90-х годов XIX столетия, – нарисовал академик В.П. Васильев, в своём письме из Кульджи президенту Академии наук великому князю К.К. Романову:

«Не осмеливаюсь утруждать Ваше Императорское Высочество научными подробностями. Но, может быть, небезынтересно будет Вашему Императорскому Высочеству [узнать], как удивило и обрадовало меня появление русского влияния в стране, прославившейся своим затворничеством и чужданьем всего постороннего. Почти вся огромная провинция, вновь образованная в западной части застенного Китая – бывшие Чжунгария и Туркестан¹¹ – не может обойтись без русских товаров, даже чай еще недавно вывозился сюда из России¹². Чугучак, который русские и не занимали¹³ после того, как его разрушили дунгане, кишит русскими подданными – сартами, татарами, киргизами; на его рынок привозят поселенцы русские хлеб из-за 200, и лес из-за 100 верст. Огромное пространство, отведенное под факторию, почти уже всё застроено и напол-

⁹ В английском тексте вместо инициалов Н.Ф. Петровского обычно стоит латинская буква М. – это французское *Monsieur* – месье, вероятно так обращались к нему, потому что он говорил по-французски.

¹⁰ *Skrine C.P., Nightingale P. P.* 23.

¹¹ Западный край – Сией – в 1884 г. после подавления антицинского восстания был преобразован в провинцию Синьцзян (Новая граница).

¹² После заключения Кульджинского русско-китайского договора (1851) о нормализации торговли на среднеазиатской границе русские купцы получили доступ в Или (Кульджу) и Тарбагатай (Чугучак) в специально отведенных русских торговых факториях, причём наблюдение за русскими подданными возлагалось на русского консула. Но в связи с волнениями в Западном Китае, вызванными восстанием тайпинов в южных и центральных районах империи, консульство в Кульдже было учреждено лишь по прошествии многих лет.

¹³ Для защиты интересов русских подданных в Илийском крае, оказавшихся под угрозой во время восстания коренного населения, Россия в 1871 г. направила туда казачьи части, которые заняли Кульджу. Илийский край был подчинен Семиреченскому генерал-губернатору, в Верном была создана Канцелярия по кульджинским делам. В Кульдже русскими было сразу отменено рабство, а также организовано местное управление; развивалась торговля, строились дороги, мосты, открылись фельдшерские пункты и больницы, первые светские школы, закладывались сады. Подробнее см.: *Сутеева К.А.* Политика России в Илийском крае в 1871–1881 гг. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1987; *Моисеев В.А.* Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 гг.). Барнаул, 2003.

нено лавками, китайских домов еще немного. В Кульдже тоже чуть не $\frac{2}{3}$ пространства принадлежит нашим подданным. Мануфактурные наши товары и прочее развозятся по всей провинции, наши купцы доезжают до главного города – Урумчи¹⁴ и далее за 100 верст от нашей границы, и, что всего замечательнее, в русской упряжи, в русских экипажах. В Кульдже даже есть извозчики для разъездов по городу в русских тележках и тарансиках; кроме того, являются омнибусы – большие русские телеги для дальних поездок пассажиров. Многие китайские чиновники обзаводятся также русскими экипажами; они же являются большими охотниками до наших виноградных вин и сигар или папирос. Русские ассигнации ходят всюду, как в Кульдже, так и Чугучаке, – все покупки совершаются на них. Серебро, привозимое из внутреннего Китая для выдачи жалованья военным, сбывается в обмен на них, и слиток (ямба, собственно, юань бао) во 103–104 наших серебряных рубля охотно уступается за 101–102 рубля наших ассигнаций. Говорят, что богатые капиталисты держат их в большом количестве как самые верные деньги. Так как денежная система у китайцев очень беспорядочна – серебро ходит по весу, а неуклюжая медная монета по счету, и между ними нет определенных отношений, то можно бы, при небольшой ловкости, навсегда утвердить обращение в крае наших денег.

С другой стороны, надобно опасаться подрыва и утраты нашего влияния и значения – оно находится не в руках коренных русских. В нем участвуют только сарты¹⁵, как называют жителей Туркестана, татары из всех частей собственной России, начиная от Казани, таранчи¹⁶ – бывшие сарты китайского подданства, киргизы, начинающие на севере степей приближаться к оседлости, и дунгане¹⁷ – мусульмане, говорящие китайским языком. Все они нуждаются в сильной поддержке наших консульств и бдительного надзора со стороны русского начальства.

Хотя мусульманское (дунган и таранчей) восстание¹⁸ нам и очень помогло в упрочении нашего владычества в этой части Азии, но оно начи-

---

¹⁴ Урумчи (*кит.* Дихуа) – город в Северо-Западном Китае, на северных склонах Тянь-Шаня, центр Дунганского ханства, затем столица Синьцзяна.

¹⁵ Сарты – общее устаревшее наименование оседлых узбеков и таджиков, т.е. горожан, ремесленников, жителей крупных оазисов.

¹⁶ Таранчи («земледелец», «крестьянин») – термин, употреблявшийся для обозначения мусульманских земледельцев китайской области Кульджа тюркского или тюркско-монгольского происхождения, впоследствии синоним слову уйгур. В 1881 г., после поражения мусульманского восстания в Китае, часть таранчей переселилась в Семиреченскую область.

¹⁷ Дунгане являются потомками китаезычных мусульман хуэйцзу, часть которых, как и более многочисленные уйгуры, после поражения восстания в Северо-Западном Китае переселились на территорию Российской империи в 1880-х гг. (современные Киргизстан и сопредельные государства СНГ).

¹⁸ Восстание дунган (хуэйцзу, хуэйминь) и некитайских мусульманских национальных меньшинств (салар, уйгуров, казахов, киргизов) Северо-Западного Китая против Цинской империи в 1862–1877 гг. потерпело поражение.

нает, кажется, забываться со стороны китайцев. Они прежде неоднократно претендовали на завладение на[ши]ми, лежащими за их пикетами, киргизскими степями, так как считали их своей вассальной страной. Со сдачей Кульджи наши границы теперь определились трактатом¹⁹, и они подвинулись значительно даже внутрь прежних пограничных пикетов. Но самолюбие китайцев никак не позволяет им сознаться, что уступка Кульджи была следствием нашей миролюбивой снисходительности. Оперяясь понемногу, они стараются придать вид пред народом, что уступка сделана была из страха пред их оружием, которое, собственно говоря, и дошло до наших пределов в Кульдже с помощью нашего благосклонного (не смею сказать, ошибочного) безучастия. Китайцам стыдно, что столько десятков тысяч их бывших подданных предпочли отеческому, будто [бы], правительству богдохана, русское подданство. Потому, говорят, что с самого вступления в Кульджу нынешний губернатор Люцзиньтань заявлял под рукой, что ему нужен какой-нибудь десяток лет, чтобы собраться с силами и выгнать русских из Верного, Ташкента и Кокана; то же самое, будто, недавно еще говорил вновь назначенный сюда отрядный генерал. Из такого пустого хвастовства легко могут выйти, однако ж, большие неприятности в наших будущих пограничных сношениях. И теперь уже заметно большое недоумение в принявших наше подданство. Китайцы стараются переманивать и укрывать наших перебежчиков. Нужно, чтоб они торжественно отказались от своих претензий и сознались, что мы уступили им Кульджу не из страха.

Но я вдаюсь в политику – это невольное следствие постоянных разговоров, которые слышны кругом. Кругом также глаз встречает не много отрадного. Природа здесь и многообещающая, и много пострадавшая от человека – истреблённая растительность плохо восстанавливается усилиями редкого народонаселения. Здешние города и селения грязны и бедны постройками – это только серые глинобитные гнезда. Хотя китайское правительство всецело поглощено постройкой крепостей, так что для каждого отряда на 125 человек непременно уж требу-

¹⁹ Речь идёт о Петербургском договоре 1881 г. о демаркации границ между Россией и Китаем на северо-западе Китая в долине реки Или, который предусматривал передачу последнему (за исключением небольшого района на западе) всего Илийского края со столицей в Кульдже, занятого русскими войсками в 1871 г., и уточнял границу в районе озера Зайсан и реки Чёрный Иртыш, определял порядок решения пограничных вопросов, приграничной торговли и т.п. Этот документ дополнил Пекинский договор 1860 г. и завершил демаркацию российско-китайской границы в ее современном виде. Согласно ст. 3 Петербургского договора, жителям Илийского края предоставлялось «право остаться на нынешних местах жительства их в китайском подданстве или же выселиться в пределы России и принять российское подданство. Они будут опрошены об этом до восстановления китайской власти в Илийском крае. И тем из них, которые пожелают переселиться в Россию, дан будет на это годичный срок со дня передачи края китайским властям. Китайская власть не будет чинить каких-либо препятствий к выселению их и вывозу их движимого имущества». См.: Русско-китайские договорно-правовые акты (1689–1916) / Под. общ. ред. ак. В.С. Мясникова. М., 2004. С. 118.

ется ограда, всё-таки еще более развалин от бывших до восстания построек – старые города представляют кучу торчащих стен от домов и заборов, глинобитные сооружения легче строить на новом месте, чем поправлять старые; потому раз оставленным предоставляется на волю доживать свой век. В Кульдже, однако ж, не видно и следов бывшего русского квартала...

Кульджа, 22 августа 1890 г.»²⁰

И вновь предоставим слово английским авторам.

«Человек, который прибыл в Кашгар в конце 1882 г., – свидетельствуют Скрайн и Найтингэйл, – и занял пост консула России, появился там с женой²¹ и сыном, секретарем и конвоем из 45 казаков. Но натура Н. Петровского была такова, что даже без его казаков он был в состоянии добиться титула, который вскоре стал соответствовать ему – “фактический правитель Кашгара”. Человек очень честолюбивый и выдающихся личных качеств, темпераментный и полный самомнения, он был способен на абсурдные оскорбления и мучительную вражду, но он мог также, когда он хотел, быть очаровательным и остроумным хозяином, прекрасно информированным о всех мировых событиях.

Янгхазбанд и другие английские путешественники были поражены знаниями консула об Индии, полученными из его собрания синих парламентских книг и из ежегодника «Морал энд материал прогресс рекордс», публикуемого индийским правительством. Петровский критически относился к демократическим уступкам и либеральным тенденциям правительства Индии, которые он порицал как проявление слабости.

Когда английский путешественник Ральф Коббольд (Ralph Cobbold) был в Кашгаре в 1898 г., он пришел к заключению, что консул один из наиболее информированных людей из всех, кого он когда-либо встречал. И на Янгхазбанда огромное впечатление произвели его коллекция научных инструментов и его интерес к землетрясениям²² и астрономии²³.

²⁰ Цит. по: *Тункина И.В.* Письмо В.П. Васильева президенту Петербургской Академии наук К.К. Романову о поездке в Синьцзян летом 1890 г. // *Восток – Запад. Историко-литературный альманах* / Под ред. ак. В.С. Мясникова. 2007–2008. М., 2008. С. 140–141.

²¹ Кэтрин Макартни в своей книге, перечисляя визиты, которые она как жена британского консула должна была нанести, отмечает: «Месяц Петровский был здесь без жены». Поэтому она дружила с женой секретаря консульства Колоколовой, которая хорошо говорила по-французски. (Macartnay [Cat.]. p 48).

²² О чем не сообщают англоязычные авторы, так это о двух мощных землетрясениях в Синьцзяне летом 1895 и 1898 годов, которые нанесли значительный урон историческим памятникам. Н.Ф. Петровский был их свидетелем и описал их. См.: *Петровский Н.Ф.* Землетрясение в Кульдже и Кашгарии летом 1895 г. // *Изв. Русского Географического Общества* (далее: ИРГО). XXXI. 1895. Вып. 5. С. 574–575; *Он же.* Землетрясение в Кашгаре 10 июня // ИРГО. XXXIV. 1898. Вып. 3. С. 366.

²³ Академия наук поручала многим российским дипломатическим представителям в Китае, например, Русской духовной миссии, проведение астрономических наблюдений в этой части света. Вероятно, и у Н.Ф. Петровского была подобная академическая программа.

Никто не сомневался в дарованиях Петровского и его энергии, но как у дипломатического представителя его характер был испорчен чрезвычайным эгоизмом и мстительностью его натуры. Многие из русских коллег не любили и боялись его. Надо было быть смельчаком, чтобы бросить ему вызов пусть даже в чём-либо совсем незначительном. Петровский начинал неотступно преследовать такого человека, язва и интригуя. Таков был человек, который приобрёл влияние и внушал страх всем от *даотая* и иже с ним и подчинил их своей воле. Китайцы ненавидели его, но были беспомощны. Они знали, что Синьцзян находится в пределах мощи России и может быть ею поглощён»²⁴. Характеристика, данная Н.Ф. Петровскому английскими авторами, свидетельствует, на мой взгляд, о том, что русский консул был тем соперником Дж. Макартни, который превосходил британца по всем статьям.

Далее Скрайн и Найтингэйл признают, что «не только сила личности консула делала его опасным. За ним стояла политика русского правительства, которое взирало на Синьцзян как на неофициальную колонию. Генерал-губернатор Туркестана, который нес ответственность за политику в Кашгаре, был в подчинении не у российского Министерства иностранных дел, а у Военного министерства и царя. Таким образом, при принятии решений русской стороной военные интересы преобладали над дипломатическими. Петровский с восторгом говорил о той широте действий, которую его правительство позволяло своим представителям по сравнению с ограничениями, предписывавшимися властями в Симле и на Уайтхолле британско-индийским чиновникам. Более того, если китайские официальные лица в Кашгаре чинили препятствия, консул мог телеграфировать русскому послу в Пекине, который оказал бы нужное давление на китайское правительство. Но такая необходимость возникла редко, так как характер консула был уже сам по себе достаточной угрозой. Он без лишней скромности он заявил в разговоре с Ральфом Коббальдом, что *даотай* сделает все, что бы он ему ни сказал, а если бы он проявил упрямство, то угроза наказания в виде порки²⁵ была бы вполне достаточна, чтобы изменить его мнение. То, что последняя байка правдива – сомнительно, но она свидетельствует об отношении консула к его китайским хозяевам»²⁶.

Обосновавшись в Кашгаре, Макартни и Янгхазбанд начали серию встреч с различными людьми, главным образом торговцами, прибывавшими из разных мест: Кашмира, Ладака, Китая, Афганистана, Бухары, Ферганы и даже из Константинополя²⁷. Их всех интересовал ход борьбы между Россией и Великобританией за верховенство в Азии.

По утверждению Скрайна и Найтингэйл «характер этой борьбы поначалу не был ясен. Когда Янгхазбанд и Макартни были приглашены в

²⁴ *Skrine C.P., Nightingale P. P.* 24–25.

²⁵ Очевидно, речь шла о наказании бамбуковыми палками.

²⁶ *Skrine C.P., Nightingale P. P.* 25.

²⁷ Значит, не забывались традиционные маршруты Великого Шелкового пути.

русское консульство, они нашли Петровского дружелюбным и гостеприимным. И он, и его секретарь Лютш, производили впечатление, что они рады быть в их компании в течение долгих зимних месяцев. Петровский говорил свободно и открыто о вопросах высокой стратегии, как один цивилизованный европеец другому в стране, населённой неразумными азиатами.

Однажды в декабре он поделился своими мыслями с Макартни, и не делал никакого секрета из своих опасений и надежд, касавшихся будущего Кашгарии. «Киргизы, обитающие на горах, расположенных к западу, – сказал он, – совершенно не опасаются китайцев, наоборот, китайцы боятся их. Если что-нибудь случится и нарушит мир на равнине, или если правительство окажется ненадёжным, киргизы могут легко прийти и разграбить города, как это они делали ранее. Киргизы нуждаются только в сильном и заслуживающим их доверия вожаке, который по происхождению, равно как и по способностям мог бы получить власть, основанную на уважении мусульманского населения. Было два кандидата на кашгарский престол. Но, к несчастью, ни один из них не был подходящим по своим задаткам. Бек Кили Бек, который был сыном Якуб-бека²⁸, слыл слишком нечестным и чересчур неумелым интриганом, стремившимся пробиться к власти и влиянию. А Хаким хан – потомок покровителя Кашгара святого Хазарт Апак Ходжи, был слишком слабохарактерным, чтобы возглавить какое-либо движение. Оба, – добавил консул, – жили в российском Туркестане под наблюдением правительства». Подтекст доверительной информации Петровского не ускользнул от Макартни. Русский любил прихвастнуть, но за его откровенностями всегда скрывалась какая-то цель»²⁹.

В книге Скрайна и Найтингейл личности и действиям Н.Ф. Петровского отводится столь большое место, что, наверное, его имя можно было бы отразить и в подзаголовке. Сама же книга, на мой взгляд, заслуживает быть переведенной на русский язык.

Итак, о чём же догадался Макартни? «Дружественный приём, оказанный Петровским двум англичанам, скрывал тот факт, что он жадно впитывал все слухи, касавшиеся их поездки на Памиры. В стране, где, как Макартни неоднократно убеждался, появление небольшой группы людей, переправлявшихся через перевалы и ущелья, могло быть расценено, как вражеское вторжение, деятельность Янгхазбанда и сопровождавших его лиц, могла легко быть представлена в ложном свете³⁰.

Не было слуха, который был бы слишком нелепым для Петровского. Не было никакого сомнения, что он уже послал своим руководителям

²⁸ Якуб-бек – создатель в 70-е годы исламского государства Йэттишар в прилегающих к границе с Россией областях Западного края.

²⁹ Skrine C.P., Nightingale P. P. 27.

³⁰ Об экспедиции Ф. Янгхазбанда на Памиры подробнее см.: Постников А.В. Схватка на «Крыше мира». Политики, разведчики, географы в борьбе за Памир в XIX веке / Общ. ред. и предисл. ак. В.С. Мясникова. 2-е изд. М., 2005.

расцветенные всеми красками доклады, сообщавшие, что двое англичан вызвали волнения среди жителей близ границы с Россией и что британцы планировали атаковать через Памиры или захватить их силой»³¹.

Но русский консул питался отнюдь не слухами. Что же происходило на самом деле? 25 сентября 1890 г. Ф. Янгхазбанд и Дж. Макартни с сопровождавшим их эскортом из китайских солдат прибыли в Ташкуртан – где был расположен штаб китайского пограничного округа Сарыкол. Этот округ охватывал Тагдумбаш–Памир – один из восьми Памиров – который был занят китайцами. Что касается других, то, например, Вахан был афганской территорией, а остальные оставляли пока еще не востребованную зону, которая была объектом столь жгучего интереса англичан. Интерес состоял в том, что они должны были выяснить, не смогут ли русские, продвигавшие свои владения в Центральной и Средней Азии к границе Афганистана, войти через Памиры в соприкосновение с британскими колониальными владениями в Индии. Поэтому Макартни и Янгхазбанд и изучали страну, которой предстояло быть ареной споров, вторжений и конфликтов в предстоящие годы. Именно тот район, к западу от Сарыкольского плато, принадлежность которого могла оспариваться, и представлял интерес для Янгхазбанда во время этой рекогносцировки³². 1 ноября 1890 г. оба англичанина возвратились в Кашгар. Янгхазбанд считал свою разведывательную миссию выполненной и с собранными материалами отбыл в Индию.

«Бурная деятельность Петровского не ограничилась распространением слухов. В 1898 г. он без тени смущения признался английскому путешественнику Ральфу Коббольду, что когда Янгхазбэнд нажимал на даотая, чтобы тот занял войсками китайскую границу, даотай передавал Петровскому все, что Янгхазбанд говорил ему»³³.

Петровский, писал Коббольд, “рассказывал об этом с явным удовольствием и он изображал себя весьма позабавившимся тем, что правительство Индии наградило исследователя страны в знак признания его политических заслуг”. Петровский пошел дальше, сказав, что, действуя в соответствии с информацией, полученной от даотая, он “предпринял шаги, чтобы Россия фактически заняла Памиры до того, как китайские части будут еще на полпути к ним”. Он осмелел деятельность Янгхазбэнда в Кашгаре и политику правительства Индии, пославшего со столь деликатной миссией человека не знавшего китайский язык и не знакомого с двуличием китайского характера. Вряд ли Петровский говорил неправду, когда он насмешливо заявил, что был в курсе переговоров Янгхазбэнда с даотаем»³⁴.

³¹ Skrine C.P., Nightingale P. P. 29.

³² Ibid. P. 15.

³³ Даотай, очевидно, следовал древнему политическому принципу «употреблять один яд против другого».

³⁴ Skrine C.P., Nightingale P. P. 29–30.

В рассматриваемой нами книге имеется еще множество упоминаний о деятельности Н.Ф. Петровского в Кашгаре³⁵. Даны описания его отъезда из Синьцзяна³⁶, отставки³⁷ и кончины³⁸. Думается, что в этом предисловии я дал достаточное представление об отношении к нему и Дж. Макартни, и авторов работы о британском консуле. Оставим дальнейшее для исследователей «Большой игры в Азии» и биографов выдающегося русского дипломата. Но эту часть предисловия я хотел бы завершить последней беседой Н.Ф. Петровского с Дж. Макартни.

Итак, прошло два года. В Кашгаре должны были сменить даотая. Макартни давно жаждал, чтобы действовавший даотай Хуан был смещен, так как надеялся на то, что его преемник будет проводить более суровую линию в отношении Петровского. Однако в марте 1902 года вновь назначенный даотай, по настоянию Петровского, был переведён в другой город. А на его место был назначен тот, кого добивался русский консул. Макартни в своём донесении писал по этому поводу: «Моральный эффект победы Петровского или, вернее, посланника России, был великолепен для престижа его страны, которая теперь в Кашгаре и на Сарыколе просто осуществит то, что задумала»³⁹.

И действительно, на Сарыколе политика проникновения и присоединения, проводившаяся Петровским, почти не встречала осложнений и противодействия. В это же время Русско-Китайский банк⁴⁰, по предложению Петровского, начал поставлять серебро для денежного обращения провинции. Это было ударом по британской торговле и вело к росту русского влияния и успеху планов России в отношении Сарыкола. Такое стечение обстоятельств было не лучшим для Дж. Макартни, который собирался отбыть в Англию. И он был бы очень удивлен, если бы его должность в Кашгаре сохранилась за ним, когда его отпук закончится.

«За день до своего отъезда, – описывают следующую далее сцену Скрайн и Найтингэйл, – Макартни решил нарушить долгое молчание в своих отношениях с Петровским, и он позвонил в русское консульство. После двух с половиной лет жизни в маленьком городке, когда он фактически игнорировал существование его европейского коллеги, консул, непредсказуемый, как обычно, тепло приветствовал Макартни. Петровский, когда он выбирал какую-то линию, был неотразим, и Макартни смог покинуть Кашгар в атмосфере вечной русско-британской дружбы.

³⁵ Skrine C.P., Nightingale P. P. 31–32, 43–46, 50, 65, 67–70, 72–75, 77–81, 83, 86–88, 92, 94, 96–97, 103, 105–106, 108–113, 115–116, 118–119, 124–130.

³⁶ Ibid. P. 134.

³⁷ Ibid. P. 138.

³⁸ Ibid. P. 160.

³⁹ Ibid. P. 128.

⁴⁰ О его создании и деятельности см. Мясников В.С. Русско-китайский банк и его роль в истории международных отношений в Восточной Азии // Мясников В.С. Квадратура китайского круга. Избранные статьи. Кн. 1. С.456–482.

Но он был уже достаточно искушен в особенностях действий консула, чтобы понимать, что Петровский был олицетворением дружелюбия, когда он менее всего должен был считаться с силою его оппонента. Петровский выказывал теплые чувства и сердечную расположенность, так как он считал, что британское влияние в Кашгарии почти сошло на нет, и что в душе Макартни, сознавая своё бессилие, не мог не согласиться с ним. Это была с самого начала неравная борьба между двумя людьми. Петровский имел все преимущества на своей стороне. У Макартни не было ничего. Теперь консул тоже размышлял о длительном отпуске, но во время этой последней беседы с Макартни он был уверен, что его дело восторжествовало. Он находился в состоянии, позволявшем ему быть великодушным с человеком, который так мало значил для него в течение его 12 лет жизни в Кашгаре. 23 июня Макартни и его жена уехали. Прошло почти два года, прежде чем они возвратились»⁴¹.

Ну что ж, теперь передадим слово Кэтрин Макартни и узнаем, отличался ли женский взгляд на Н.Ф. Петровского от суждений о консуле ее мужа. В своей книге эта дама сообщает о русском консуле совсем немного. Конечно, он приятно поразил ее воображение, когда в одном дневном переходе до Кашгара они «были встречены несколькими казаками с небольшой удобной коляской, которую любезно прислал за нами месьё Петровский – русский консул в Кашгаре, чтобы торжественно доставить нас домой. Я и мой муж охотно спешили и перешли в экипаж, казаки сомкнулись вокруг нас, и наш караван последовал за нами», – описывает она свое прибытие к месту службы Дж. Макартни⁴².

Рассуждения Кэтрин Макартни о русской политике в Синьцзяне практически никак не разнятся с суждениями ее мужа. Да и было бы странно обнаружить такого рода различия во взглядах этой дипломатической четы. Зато книга Кэтрин Макартни содержит много описаний историко-этнографического характера. Не обошла она в своем повествовании и такое событие, как археологический бум, который ей пришлось наблюдать на территории консульского округа. Вот как она излагает историю нашествия археологов в Западный Китай:

«Как раз перед тем, как мой муж прибыл в Кашгар, английский путешественник – капитан Боуэр (Bower), пересекая Китайский Туркестан, приобрел поразительно древнюю рукописную книгу. Это послужило причиной того, что русский консул в Кашгаре – месьё Н.Петровский – начал поиски. И то, что было найдено месьё Н.Петровским и моим мужем, вскоре привело исследователей Востока в Европе к осознанию того, что перед ними страна, представляющая огромное поле для археологических исследований.

В результате этого здесь появилось большое количество археологических экспедиций почти из всех частей Европы и Америки. Наиболее

⁴¹ Skrine C.P., Nightingale P.P. 131–132.

⁴² Macartnay [Cat.]. P. 29–30.

важными из них были те, которые возглавлялись нашим другом сэром Аурелом Стейном и позже профессором фон Ле Когом. Они раскопали большое количество остатков городов вокруг пустыни Такламакан – часто [следующий находился] в нескольких днях перехода от их предыдущей стоянки.

И их труды были щедро вознаграждены. Среди находок, которые они принесли по возвращении, большую часть представляли рукописи, написанные приблизительно на двадцати различных языках. Те, что были на китайском, тибетском, санскрите, персидском, арабском, арамейском⁴³ и других языках, я полагаю, можно было читать более или менее легко. Но там были и другие на языках, названия которых были неизвестны большинству, однако ряд учёных приступил к исследованию их. Кто из нас, например, слышал о согдийском, центрально-азиатском брахми, манихейском, уйгурском, тангутском, кушанском⁴⁴, языках?

Материалы, на которые наносились эти письма, были так же разнообразны, как и сами языки, например, древесная кора, кожа, шелк, хлопчатые ткани, деревянные дощечки и бумага. И кстати, о бумаге. Моим читателям будет интересно узнать, что сэр Аурел Стейн был тем, кто обнаружил старейший образец этого материала из существующих. У него есть документ на китайской бумаге, на котором стоит дата, относящаяся к тому времени, когда Христос был на земле.

Рукописи можно датировать от первого до восьмого века нашей эры. Тематически они связаны с самыми разными видами деятельности: денежные счета, присвоение титулов, официальные бумаги, торговая переписка, надгробные надписи, буддийские каноны и т.д. Но, что более всего поразило наше воображение, это было открытие фрагментов Нового Завета, написанных арамейской⁴⁵ письменностью. [Они дошли до нас как] наглядное свидетельство средних веков, когда Китайский Туркестан был населен большим количеством несториан.

Живопись также великолепно представлена в различных жанрах. Среди находок рисунки, изображающие буддийских монахов и демонических небожителей, разрисованная штукатурка, настенная живопись из пещерных храмов, изображающая сцены из жизни Будды, куски де-

⁴³ В тексте использован термин Syriac – сирийская письменность. На территории Сирии в древности и средневековье в интеллигентных слоях общества был распространён греческий язык. Около второго тысячелетия до н.э. были изобретены письма, состоявшие из 22 букв, обозначающих каждая особую согласную. Гласные в семитских языках не обозначаются особым знаком. Идеографические знаки и особые знаки для обозначения определённых слогов были устранены. Это упростило и облегчило искусство писания, и почти весь культурный мир региона усвоил эти письма, получившие название арамейских.

⁴⁴ В тексте: Kuchean, возможно, речь идет об одном из тохарских языков, на которых имелись рукописи V–VIII вв. – переводы буддийской литературы и надписи – на основе особой разновидности брахми.

⁴⁵ В тексте вновь использован термин Syriac.

коративных тканей и вышивки. Все это – высокого качества исполнения, показывающее во многих случаях различные внешние влияния, такие как китайское, индийское, персидское и греческое. И действительно, оценивая эти реликты прошлого, можно предположить, что на территории Туркестана находилась одна из высоко развитых цивилизаций. И одновременно здесь была некая свалка чужестранных культур. И все это происходило, когда древние британцы рисовали себя с помощью деревянных пластинок и исполняли жуткие церемонии человеческих жертвоприношений в первозданных дубовых лесах!

Если кто-либо из моих читателей думает, что я придаю слишком большое значение прошлой культуре Туркестана, пусть он, или она, пойдет в Британский музей и поинтересуется «Коллекцией Стейна» и потом судит о нем и о себе»⁴⁶.

Единственным человеком в Кашгаре, который мог бы присоединить и свой голос к этому дифирамбу в честь туркестанских древностей, был русский консул. Попав в край, полный старинных памятников различных культур и цивилизаций, Николай Фёдорович Петровский всё свободное от дипломатических обязанностей время посвящал собиранию коллекций, которыми старался пополнить музейные собрания своей страны. В отличие от Дж. Макартни он не только внёс большой вклад в подготовку и проведение русских экспедиций в Восточный Туркестан⁴⁷, но и вёл постоянную переписку с академиками С.Ф. Ольденбургом и В.Р. Розеном, которые руководили его изысканиями. В академических изданиях публиковались статьи этого подвижника науки⁴⁸.

Приведу лишь несколько отрывков из интереснейших писем Н.Ф. Петровского, публикуемых в данном сборнике и проливающих свет на его научные интересы. Так, 15 сентября 1892 г. он сообщал В.Р. Розену, что приобрел в Куче «еще несколько рукописей, написанных такими же письменами, как моя “кашгарская рукопись” и те 12-ть листов, которые я имел честь послать Вашему превосходительству для их просмотра»⁴⁹.

В октябре 1893 г. он докладывал директору департамента внутренних сношений МИД барону Ф.Р. Остен-Сакену: «Археологическое внимание моё, после Кучи и Курля на севере, имевшее в результате отыскание более 100 листов санскритских рукописей на коже, коре и бумаге и

⁴⁶ Macartnay [Cat.]. P 56–58.

⁴⁷ См.: Российские экспедиции в Центральную Азию в конце XIX – начале XX века / Под. ред. И.Ф. Поповой. СПб., 2008.

⁴⁸ *Петровский Н.Ф. Учёно-торговая миссия в Китай в 1874–1875 гг. // Русский вестник. 1877. № 5. С. 101–141; Он же. Буддийский памятник близ Кашгара // Записки Восточного Отделения Русского Археологического Общества (далее: ЗВОРАО). VII. 1892. С. 298–301; Он же. Загадочные яркендские монеты // Там же. С. 307–310; Он же. Заметки о древностях Кашгара. I. Хан-уй // ЗВОРАО. IX. 1896. С. 147–155.*

⁴⁹ См. наст. изд., док. № 119, с. 231.

открывшее (как пишет мне С.Ф. Ольденбург) совершенно новое поле исследований, обратилось к югу – к Хотану; и тут мне посчастливилось: добыл великолепные геммы великолепной резьбы, некоторые с подписями на языке гупти (династия между V и VIII вв. по Р[ождеству] Х[ристову]) и разные вещи и монеты»⁵⁰.

Наконец, 25 декабря 1895 г., вновь обращаясь к Ф.Р. Остен-Сакену, Н.Ф. Петровский, подытоживал свои успехи за истекший год: «О моих открытиях в области археологии, скажу с гордостью, Вы, конечно, знаете. Можно было бы сделать гораздо больше, но нет возможности отлучиться даже за 25 в[ерст] от Кашгара, а настоящие древности от меня далеко. Прав был В.В. Григорьев, говоря что В[осточный] Туркестан гораздо древнее Бактрии. Много мне помогли своими советами и поощрениями барон В.Р. Розен и [С.Ф.]Ольденбург»⁵¹.

Именно этой, научной деятельности Н.Ф. Петровского посвящена большая часть его переписки, публикуемой в представляемом читателям томе. И подобно тому, как леди Макартни обратилась к своим читателям, отсылая их в Британский музей, имею все основания сказать российским читателям: «Если вас заинтересовали результаты многочисленных русских экспедиций в Синьцзян, о которых вы узнали, читая переписку русского консула в Кашгаре, пойдите в Эрмитаж и ознакомьтесь с “Восточно-Туркестанской коллекцией”».

В.С. Мясников

---

⁵⁰ См. наст. изд., док. №126, с. 240. Империя гуптов существовала в Индии в IV–VI вв. В ней были высоко развиты литература и искусство.

⁵¹ См. наст. изд., док. № 162, с. 271. В РГАДА хранится личный фонд Остен-Сакенов. Барон Фёдор Романович Остен-Сакен был потомственным дипломатом. Его отец Роман Фёдорович Остен-Сакен служил старшим советником Министерства Иностранных дел в 1835–1863 гг. Ф.Р. Остен-Сакен возглавлял Департамент внутренних сношений в 1875–1897 гг. При нём в феврале 1897 г. департамент был переименован во Второй департамент (Очерк истории Министерства Иностранных Дел. 1802–1902. СПб., 1902. Приложения. С. 5).

... И ЕГО РУССКИЙ ПОРТРЕТ

Имя русского дипломата Николая Фёдоровича Петровского (1837–1908) вошло в историю отечественного востоковедения. Выдающиеся учёные, академики С.Ф. Ольденбург, В.В. Бартольд, И.Ю. Крачковский отдали должное вкладу Петровского в науку. О Петровском писали, что он «первый заставил учёных обратить деятельное внимание на научные сокровища Китайского Туркестана»¹, что им было составлено «единственное по своему научному значению собрание древностей края»². «Очень велики научные заслуги» русского дипломата, писал Крачковский, «в особенности как собирателя памятников древней письменности на различных языках Китайского Туркестана: благодаря ему наши фонды обогатились рядом памятников исключительного значения»³. В письмах к Ольденбургу и барону В.Р. Розену, официальных отчётах Петровский «настоятельно рекомендовал начать широкое изучение письменного наследия Индии и Центральной Азии». Используя своё положение дипломатического представителя России в Восточном (Китайском) Туркестане, он «всячески способствовал развёртыванию здесь научных археологических и археографических изысканий»⁴.

По Пекинскому дополнительному договору от 2 ноября 1860 г. Россия получила право открыть, «в виде опыта», торговлю в Кашгаре (Восточный Туркестан) и направить туда консула, однако восстание мусульман против китайского владычества превратило Восточный Туркестан в район боевых действий. Первый русский консул смог появиться в Кашгаре лишь спустя многие годы. Им и стал Н.Ф. Петровский, поначалу не помышлявший о службе на дипломатическом поприще.

¹ *Ольденбург С.Ф.* Памяти Николая Фёдоровича Петровского 1837–1908 // ЗВОРАО. СПб., 1910. Т. XX. С. 8.

² *Бартольд В.В.* История изучения Востока в Европе и России // *Бартольд В.В.* Соч. М., 1977. Т. IX. С. 462.

³ *Крачковский И.Ю.* Очерки по истории русской арабистики // *Крачковский И.Ю.* Избр. соч. М.-Л., 1958. Т. V. С. 134.

⁴ Памятники индийской письменности из Центральной Азии. М., 1985. Вып. I. С. 9.

Он получил образование во 2-м Московском кадетском корпусе, откуда был выпущен в 1858 г. в чине фельдфебеля и назначен на службу в 12-й гренадерский Астраханский полк⁵. В 1859–1861 гг. Петровский преподавал русский язык в Александринском сиротском кадетском корпусе, а затем вышел в отставку «по домашним обстоятельствам»⁶.

16 июля 1862 г. отставной штабс-капитан Н.Ф. Петровский оказался узником Петропавловской крепости, будучи обвинён в связях с «лондонскими пропагандистами» («процесс 32-х»). В Алексеевском равелине Петровский пробыл до 9 декабря 1863 г.⁷, а затем был выпущен на поруки⁸ своего друга Д.Д. Дашкова⁹. Приговор – год тюремного заключения – был вынесен Петровскому 30 марта 1865 г.¹⁰, пребывание под арестом во время следствия было зачтено ему как наказание. 28 мая 1865 г. Петровский женился на дочери штабс-капитана Софье Алексеевне Сахановской¹¹ и в том же году поступил на службу в Государственный контроль. Свидетельством зародившегося у него интереса к научной деятельности можно считать тот факт, что 20 марта 1866 г. он становится сотрудником Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете¹².

В 1870 г. Петровский был назначен агентом Министерства финансов в Туркестанском генерал-губернаторстве и отправился в Ташкент. Главной его обязанностью являлся сбор сведений о состоянии торговли и промышленности в этом отдалённом крае.

Обстановка в соседнем с Туркестанским генерал-губернаторством Восточном (Китайском) Туркестане определялась последствиями крупного восстания мусульманского населения 1864–1877 гг., в результате которого в Кашгарии (на территории Кашгарского, Янгигисарского, Яркендского, Хотанского, Аксуйского, Кучаского и Карашарского округов) было создано мусульманское государственное образование Йэйтишар (Семиградье) во главе с Якуб-беком¹³. Между тем вставал вопрос о границе Российской империи с Восточным Туркестаном. Способство-

⁵ Поливанов А.Н. Пятидесятилетие 2-го Московского императора Николая I кадетского корпуса. М., 1899. С. 19.

⁶ Александринский сиротский кадетский корпус с 1851 по 1863 год и Александровское военное училище с 1863 по 1901 год. М., 1901. С. 79.

⁷ ГАРФ. Ф. 109 (III Отделение Собственной е.и.в. канцелярии). I-я экспедиция, 1862 г. Д. 230. Ч. 73. Л. 20.

⁸ РГИА. Ф. 1630 (Дашковы). Оп. 1. Д. 450. Л. 9.

⁹ Дашков Дмитрий Дмитриевич (1831–1901) – земский деятель, сын Д.В. Дашкова.

¹⁰ Лемке М.К. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». СПб., 1908. С. 71, 101, 221; Семёнов А.А. Николай Фёдорович Петровский // Этнографическое обозрение. 1908. № 4. С. 201–204.

¹¹ РГИА. Ф. 1630. Оп. 1. Д. 450. Л. 47 об.

¹² Устав и список членов Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Императорском Московском университете. М., 1868. С. 19

¹³ О нём см.: Исиев Д.А. Уйгурское государство Йэйтишар (1864–1877). М., 1981.

вать его решению была призвана экспедиция полковника В.А. Полторацкого¹⁴, отправившаяся 2 июля 1867 г. в путь из Верного. В ней принял участие, случайно присоединившейся к ней, барон Ф.Р. Остен-Сакен, будущий сослуживец Н.Ф. Петровского и адресат многих его писем.

Экспедиция имела целью провести рекогносцировку пространства к югу от р. Нарын. Участники экспедиции отдавали себе отчёт, что их труд будет иметь более значительный успех, если съёмку местности привязать к какому-либо общеизвестному и важному географическому пункту, каковым считался Кашгар, поэтому, минуя озеро Чатыр-Куль, двинулись через перевал Туругарт в Восточный Туркестан. Они «нисколько не помышляли» дойти до самого Кашгара, но, надеялись увидеть его «хотя издалека»¹⁵. Этого, однако, не случилось. 31 июля 1867 г. экспедиция достигла караула Тессык(Тешик)-Таш в 30 верстах к северо-западу от Кашгара, а уже на следующий день повернула в обратный путь. Однако перед этим Полторацкий отправил от своего лица письмо Якуб-беку. Ответ был получен, когда к Полторацкому в Верный прибыл Тюрю-Ахун – секретарь Якуб-бека. В своём письме правитель Йеттишара выражал согласие на постоянное пребывание в Кашгаре аксакала (старшины) торговцев – подданных Российской империи, что, как полагал Полторацкий «было бы равносильно учреждению там консульства»¹⁶. Инициативу Полторацкого в Петербурге сочли преждевременной, поскольку не располагали к тому времени сведениями о степени власти и влияния Якуб-бека в Восточном Туркестане¹⁷.

19 октября 1868 г. в Кашгар прибыл капитан П.Я. Рейнталь¹⁸ – посланец военного губернатора Семиреченской области генерала Г.А. Колпаковского. Он дважды был принят Якуб-беком¹⁹. Впоследствии именно П.Я. Рейнталь рассматривался в качестве возможного кандидата на должность первого российского консула в Кашгаре²⁰.

Вслед за вступлением русских войск в июне 1871 г. в принадлежащий Китаю и охваченный мусульманским восстанием Илийский край (г. Кульджа) казалось, наступает черёд Кашгара. Г.А. Колпаковский 1 октября 1871 г. представил туркестанскому генерал-губернатору

¹⁴ Полторацкий Владимир Александрович (1830–1886) – генерал-лейтенант, военный губернатор Семипалатинской области (1868–1878), командир 5-й пехотной дивизии (1878–1885), 36-й пехотной дивизии (с 1885 г.).

¹⁵ *Остен-Сакен Ф.Р.* Поездка в Занарынский край летом 1867 года // ИРГО. 1869. Т. 5. № 4. С. 144.

¹⁶ *Моисеев С.В.* Взаимоотношения России с уйгурским государством Йэттишар (1864–1877). Барнаул, 2006. С. 182.

¹⁷ Там же. С. 42.

¹⁸ Рейнталь Павел Яковлевич (1840–1882) – полковник, командир Новогеоргиевской крепостной артиллерии (с 1879 г.).

¹⁹ *Р[ейнталь] П. [Я.]*. Из путевых записок о Нарыне и Кашгаре // Военный сборник. 1870. № 8. С. 384–388.

²⁰ Русские военные востоковеды до 1917 года / Сост. М.К. Басханов. М., 2005. С. 202.

К.П. Кауфману докладную записку «об экспедиции в Кашгар»²¹. Исходя из успеха экспедиции в Кульджу, стоившей «самых незначительных издержек» и сравнительно небольших потерь (менее 100 человек), Колпаковский предлагал совершить подобную экспедицию и в Кашгар для защиты Семиреченской области, «южные границы которой никогда не будут спокойны, пока Кашгаром будет править Якуб-бек» – выходец из Кокандского ханства. Целью экспедиции, направленной «лишь против личности Якуб-бека», является его замена на правителя, который будет «обязан» России и будет «дорожить дружбой» с ней, после чего русские войска «немедленно» вернутся обратно. «Занятие» Кашгара, в смысле его захвата и присоединения к Российской империи, «ни в каком случае» не может иметь место, вместе с тем сведения «о политических интригах в Кашгаре в такой степени скудны», признавал Колпаковский, что нельзя назвать лицо, «которым полезно было бы заместить Якуб-бека». Наряду с защитой южной границы не менее важно, что экспедиция позволит восстановить прерванную с Кашгаром торговлю, «оживит промышленность и даст занятие торговцам, убивающим время и силы на мелкое торгашество» в Семиреченской области. Расходы на экспедицию, полагал Колпаковский, составят 75, 5 тысячи рублей серебром и с лихвой возместятся контрибуцией, наложенной на местное население. Противник «вряд ли может выставить более 20 тысяч человек», впрочем, и это войско Колпаковский оценивал как «сброд». В условиях гористой местности можно ожидать, однако, «большую потерю в людях, чем в экспедиции на Кульджу». Поход на Кашгар Колпаковский предлагал осуществить в мае–июле 1872 г. Он считал его более эффективным средством покончить с Якуб-беком по сравнению с военной экспедицией, которую русское правительство «решалось было предпринять». В качестве исходного пункта движения войск на Кашгар указывалось Нарынское укрепление. В марте 1872 г. последовал приказ К.П. Кауфмана сосредоточить войска в стратегически важных пунктах Семиреченской области на границе с Китаем²², однако на Кашгар русские войска не двинулись.

В том же 1872 г. Н.Ф. Петровский предпринимает поездку в тогда ещё малодоступное Бухарское ханство и публикует описание своего путешествия²³. Обосновавшись в Ташкенте, он включается в научную деятельность, участвует в создании Туркестанского отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, Среднеазиатского учёного общества, являвшегося «пионером научных обществ дореволюционного Туркестана»²⁴, становится «главным его деятелем», заняв в нём должность

²¹ РГВИА. Ф. 1396 (Штаб Туркестанского военного округа). Оп. 2. Д. 73. Л. 2 – 19 об.

²² Там же. Л. 57 – 57 об.

²³ См.: *Петровский Н.Ф.* Моя поездка в Бухару // Вестник Европы. 1873. Т. II. Кн. 3. С. 209–248.

²⁴ *Лукин Б.В.* Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность. Ташкент. 1962. С. 71.

секретаря-казначей. Именно с отъездом Петровского, отозванного из Ташкента «по настоянию» К.П. Кауфмана²⁵, Среднеазиатское учёное общество «кончило свои дни». Вместе с тем «стала замирать, а затем и вообще прервалась на несколько лет»²⁶ деятельность Туркестанского отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, в создании которого Петровский также принимал участие и «душой» которого (наряду с А.П. Федченко²⁷) являлся. Оказавшись вне Туркестана, Петровский продолжал следить за событиями в крае. В январе 1874 г. он, находясь в отпуске в С.-Петербурге, решил вернуться в Ташкент через Индию, Афганистан и Бухару, с тем чтобы собрать сведения «об условиях индо-бухарской торговли», и даже заручился согласием на это министра иностранных дел А.М. Горчакова²⁸, но поездка так и не состоялась.

Откликом на Кокандское восстание 1875–1876 гг. стала статья Петровского в «Вестнике Европы». В ней он назвал «отдалённую причиною» восстания «атмосферу ваххабизма», которая «уже проникла в Среднюю Азию и начинает производить действие, выражающееся пока в отдельных, ещё малозаметных, но уже знаменательных явлениях»²⁹. Вместе с тем он указывал на несоответствие административной системы, установленной в Туркестане, потребностям края.

Подавление русскими войсками Кокандского восстания совпало с военной кампанией китайцев против Йэттишара. Кашгар был взят китайскими войсками под предводительством Сюй Хуэня 5 (17) декабря 1877 г.³⁰

За этими событиями Н.Ф. Петровский мог следить, находясь далеко от Туркестана. В октябре – декабре 1878 г. он побывал в Тифлисе, Батуме, Потти и Карсе, выполняя данное ему поручение исследовать положение русской торговли в Закавказском крае, Персии и в отвоёванных у Турции областях³¹. В 1880 г. Петровского командировали в распоряжение сенатора И.И. Шамшина³² для ревизии Саратовской и Самарской губерний.

Переходу Петровского на дипломатическую службу предшествовало важное событие в истории русско-китайских отношений – подписание

²⁵ Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана // Соч. М., 1963. Т. II. Ч. 1. С. 377.

²⁶ Луин Б.В. Указ. соч. С. 98.

²⁷ Федченко Алексей Павлович (1844–1973) – естествоиспытатель.

²⁸ АВПРИ. Ф. 161 (С.-Петербургский главный архив МИД). Разряд IV-2. Оп. 119. 1870–1874 гг. Д. 4. Л. 27–28, 31 – 31 об.

²⁹ Петровский Н.Ф. Очерки Кокандского ханства // Вестник Европы. 1875. № 10. С. 750.

³⁰ Из Западного Китая // Туркестанские ведомости. 1878. 11 апреля. № 15; Ходжаев А. Цинская империя, Джунгария и Восточный Туркестан. М., 1979. С. 102.

³¹ Петровский Н.Ф. По Закавказью и новопокорённым областям // Древняя и новая Россия. 1879. № 3. С. 177–186.

³² Шамшин Иван Иванович (1835–1912) – управляющий Межевой частью Министерства юстиции (1884–1894).

12 февраля 1881 г. Петербургского договора. Им, в частности, признавалось право России на открытие консульств в ряде китайских городов (Или, Тарбагатае, Кашгаре, Урге, Сучжоу и Турфане). 1 июня 1882 г. Петровский был назначен, по его просьбе, на должность российского консула в Кашгаре. В ноябре 1882 г. он побывал в Кашгаре с ознакомительной поездкой. 13 декабря 1882 г. Петровский докладывал в Министерство иностранных дел об открытии в Кашгаре консульства и о назначении торгового старшины³³. С отъездом в Кашгар на постоянное место жительства спешить не приходилось. В 1882–1883 гг. Петровский принимал участие в ревизии Туркестанского генерал-губернаторства, затеянной вновь назначенным генерал-губернатором М.Г. Черняевым. Руководившему ревизией тайному советнику Ф.К. Гирсу было поручено составить проект положения об управлении Туркестанским краем. Петровский был твёрдым сторонником введения гражданского управления в Туркестане. Ссылки же на всякого рода особенности в управлении Туркестаном, требующие сохранения существующего положения вещей, скрывают корыстные намерения, считал Петровский. Невысоко оценивал он административные способности М.Г. Черняева. Туркестанский генерал-губернатор был о Петровском совершенно иного мнения. Он решил ходатайствовать перед императором о присвоении Петровскому чина камергера и обратился 16 февраля 1883 г. к Н.К. Гирсу за поддержкой. Петровский, благодаря своему опыту и знаниям, писал министру иностранных дел М.Г. Черняев, «сделался одним из самых редких в среде нашей лиц, могущих честно и правдиво разъяснить правительству местные финансовые и политические вопросы»³⁴. Гирс, однако, не решился поддержать ходатайство, ссылаясь на то, что придворные чины жалуются лишь по личному усмотрению императора³⁵. Присвоение придворного звания бывшему узнику Петропавловской крепости было бы шагом более чем экстравагантным.

Недовольство положением дел в туркестанской администрации, безусловно, было одной из причин, побуждавших Петровского не слишком задерживаться в Ташкенте. В Кашгаре он поселился в январе 1884 г. Русское консульство обосновалось в регионе, ещё недавно бывшем ареной многолетних военных действий. Ощущение тревоги передавалось и консулу. В Кашгаре проживало более 400 русских подданных, в случае волнений их надо было защищать, а охрана консульства состояла всего лишь из 10 казаков (во главе с урядником) 3-го (в 1884 г. переименованного в 6-й) Оренбургского казачьего полка. С этим конвоем Петровский прибыл в Кашгар³⁶. До первого же русского населённого пункта было 15 дней езды, и на скорую помощь рассчитывать не приходилось. Петровский сообщал 18 февраля 1884 г. в Министерство иностранных дел, что местные

³³ РГВИА. Ф. 400 (Главный штаб). Оп. 1. Д. 807. Л. 2.

³⁴ АВПРИ. Ф. 161. Разряд IV-3. Оп. 122. 1882 г. Д. 1. Л. 8.

³⁵ Там же. Л. 9 об.

³⁶ РГВИА. Ф. 1438 (Штаб войск Ферганской области). Оп. 1. Д. 66. Л. 12.

китайские власти «намеренно разоряют край», рассчитывая таким образом «сделать невозможным новое восстание», но это лишь способно «подвергнуть серьезной опасности» владычество китайцев в Восточном Туркестане³⁷. На совещании в МИД 5 апреля 1884 г. с участием начальника Главного штаба генерала Н.Н. Обручева и туркестанского генерал-губернатора Н.О. Розенбаха было решено, в случае возникновения «местных беспорядков», держаться «строгого нейтралитета», не допуская вмешательства в события выходцев из Кашгарии, живущих в Ферганской области. Петровскому же, добивавшемуся увеличения охраны консульства, было предложено, в случае обострения обстановки, выехать из края «пригласив предварительно сделать то же и проживающих в Кашгаре русских подданных»³⁸. Материалы совещания легли в основу всеподданнейшего доклада Н.К. Гирса от 10 апреля 1884 г., получившего одобрение императора Александра III³⁹.

Дипломатической службе в Восточном Туркестане Н.Ф. Петровский отдал более двадцати лет своей жизни. Посетившие Кашгар иностранные путешественники отмечали «всемогущее влияние» на местные власти русского консула⁴⁰, воспринимавшегося подлинным властителем Кашгарии, «кашгарским падишахом». Всю свою власть Петровский использовал для защиты имущественных и личных прав русских подданных, главным образом выходцев из Средней Азии, приезжавших для торговли в Кашгар и другие города Восточного Туркестана.

Близость Кашгара к Памиру, оказавшемуся в 1880–1890-е гг. объектом притязаний ряда государств (Англи, Афганистана, Китая и России), побуждала Петровского, наряду с защитой торговых интересов России в Восточном Туркестане, уделять внимание и политическим вопросам. Главным из них был «сарыкольский вопрос» о границе России и Китая на Памире, как часть общего «памирского вопроса», включавшего и проблему разграничения России с Афганистаном.

Разгром китайцами Йэйтишара позволил им восстановить контроль и над Сарыколом. Топонимом «Сарыкол» в русских изданиях было принято обозначать всю прилегающую к юго-восточной части Памира местность, «составляющую систему рек, образующих верховья реки Яркенд-Дарьи, одного из главных притоков реки Тарима»⁴¹. После создания Китайской Народной Республики на территории Сарыкола, административным центром которого было селение Ташкурган, 17 сентября 1954 г. был образован Ташкурган – Таджикский автономный уезд Синьцзян-Уйгурской автономной области КНР⁴².

³⁷ АВПРИ. Ф. 143 (Китайский стол). Оп 491. Д. 2. Л. 6 – 7 об.

³⁸ Там же. Л. 7. об.

³⁹ Там же. Л. 6 – 7 об.

⁴⁰ *Бартольд В.В.* История культурной жизни Туркестана. С. 400.

⁴¹ *Зайченко [З. И.]* Памиры и Сарыкол. Ташкент, 1903. С. 19.

⁴² *Котов К.Ф.* Местная национальная автономия в Китайской Народной Республике (на примере Синцзян-Уйгурской автономной области). М., 1959. С. 89.

В 1832–1834 гг. кокандский правитель Мадали-хан⁴³ подчинил Памир «со всеми владениями по Сарыколу и правому берегу Пянджа»⁴⁴.

О принадлежности Сарыкола к Яркендскому округу Восточного Туркестана, т.е. к китайской провинции Нань-лу (Южная линия) упоминал Ч.Ч. Валиханов⁴⁵. Однако он писал о нём как о селении. Более точными сведениями располагал Р.Б. Шау⁴⁶, находившийся в Кашгаре в январе–апреле 1869 г., в период присоединения Сарыкола к Йэттишару. Он упоминал о Сарыколе как о «маленькой провинции, находящейся в углу между Памирской и Каракорумскими цепями»⁴⁷. Вновь после Марко Поло европейцы побывали на Сарыколе лишь в 1874 г. Это была экспедиция Т.Д. Форсайта⁴⁸, обследовавшая также и Вахан.

Русские исследователи к изучению Памира и прилегающих районов приступили после разгрома Кокандского восстания и включения территории Кокандского ханства в состав Российской империи.

В 1876 г. состоялась военно-научная экспедиция полковника Л.Ф. Костенко⁴⁹ и А.Р. Бонсдорфа⁵⁰ на Алай и Памир, в ходе которой были достигнуты и обследованы котловины озёр Кара-Куль и Ранг-Куль⁵¹.

23 мая 1877 г. начальник штаба Туркестанского военного округа В.Н. Троцкий⁵² писал туркестанскому генерал-губернатору К.П. Кауфману о необходимости организовать под руководством Л.Ф. Костенко научную экспедицию на озеро Кара-Куль с целью «выяснить характер местности и населения по ту сторону Алая и Заалайского хребта»⁵³. Эту экспедицию решено было отложить на следующий год в связи с известием о подготовке экспедиции Н.А. Северцова⁵⁴.

⁴³ Мадали-хан (1800–1842) – правитель Кокандского ханства (с 1822 г.).

⁴⁴ *Зайцов В.Н.* Памирская страна – центр Туркестана. Н. Маргелан, 1903. С. 27.

⁴⁵ *Валиханов Ч.Ч.* О состоянии Алтышара, или Шести восточных городов китайской провинции Нан Лу (Малой Бухарии) в 1858–1859 гг. // *Валиханов Ч.Ч.* Избр. произв. М., 1981. С. 133.

⁴⁶ Шау Роберт Баркли (1839–1879) – английский исследователь Восточного Туркестана, комиссар в Ладакхе.

⁴⁷ *Ша (Шау) Р.Б.* Очерки Верхней Татарии, Ярканда и Кашгара. СПб., 1872. С. 191.

⁴⁸ Форсайт Томас Дуглас (1827–1886) – английский путешественник и общественный деятель.

⁴⁹ Костенко Лев Феофанович (1841–1891) – генерал-майор, начальник штаба войск Семиреченской области (1878–1885), заведующий Азиатской частью Главного штаба (с 1887 г.).

⁵⁰ Бонсдорф Аксель Робертович (Эдвард) (1839–1923) – военный топограф, геодезист, астроном, генерал-лейтенант, чл.-корр. АН (с 1897 г.).

⁵¹ *Костенко Л.Ф.* Военно-научная экспедиция на Алай и Памир // Военный сборник, 1977. № 4. С. 375.

⁵² Троцкий Виталий Николаевич (1835–1901) – генерал от инфантерии, генерал-адъютант, начальник штаба Туркестанского военного округа (1873–1877), военный губернатор Сыр-Дарьинской области (1877–1883), начальник штаба Кавказского военного округа (1883–1889), виленский, ковенский и гродненский генерал-губернатор (с 1897 г.).

⁵³ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1461. Л. 1.

⁵⁴ Там же. Л. 14. Северцов Николай Алексеевич (1827–1885) – зоолог, зоогеограф и путешественник.

Китайцы восстановили контроль над Сарыколом в 1883 г. вследствие «усиленных убеждений» английского эmissара Э. Далглиша⁵⁵. Сарыкол был включён в образованную 5 ноября 1884 г. провинцию Синьцзян⁵⁶, в её Яркендский округ. Начальником Сарыкольского района являлся командир размещённой там китайской воинской части – конной лянзы⁵⁷, непосредственно населением управлял хаким. Судебная власть была в руках у китайцев.

Русско-китайским протоколом от 22 мая 1884 г. о разграничении Туркестанского генерал-губернаторства с Западным Китаем граница была определена до перевала Уз-Бель, западнее Сарыкола. Выяснение реальной принадлежности Сарыкола откладывалось на неопределённый срок. В значительной степени это объяснялось недостаточными знаниями географии и особенно истории этого района. Первая русская экспедиция на Сарыкол капитана Д.В. Путятя⁵⁸, Д. Л. Иванова⁵⁹ и Н.А. Бендерского⁶⁰ состоялась лишь в 1883 г.⁶¹.

8 мая 1887 г. из г. Ош на Памир отправилась экспедиция Г.Е. Грум-Гржимайло. Нарушая данное ему туркестанским генерал-губернатором Н.О. Розенбахом предписание не выезжать за пределы Туркестанского края и Восточной Бухары, Грум-Гржимайло отправился на Сарыкол, «проник до Канджута»⁶² (пригиндукушское княжество Хунза⁶³) и оказался всего в нескольких переходах от границы Британской Индии. Пребывание экспедиции Грум-Гржимайло на территории Китая было незаконным: он не имел на то соответствующего разрешения, и потому кон-

⁵⁵ Макгрегор Ч.М. Оборона Индии // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1891. Вып. 44. Ч. II. С. 209.

⁵⁶ Корнилов Л.Г. Очерк административного устройства Синьцзяна // Сведения, касающиеся стран, сопредельных с Туркестанским военным округом. Ташкент, 1901. Вып. XXVI. С. 3.

⁵⁷ Лянза – боевая и хозяйственная единица китайских войск. По штату пехотная лянза насчитывала 500 воинов, конная – 250, артиллерийская состояла из 8–12 орудий.

⁵⁸ Путятя Дмитрий Васильевич (1855–1915) – генерал-лейтенант, военный агент в Китае (1886–1892), заведующий Азиатской частью Главного штаба (1898–1902), военный губернатор Амурской области (1902–1906).

⁵⁹ Иванов Дмитрий Львович (1846–1924) – геолог, чиновник особых поручений при туркестанском генерал-губернаторе (1879–1882), начальник Иркутского горного округа (1899–1905), директор Кавказских минеральных вод (1905–1907), заведующий научным архивом Геологического комитета в Ленинграде (с 1919 г.).

⁶⁰ Бендерский Николай Александрович (1845–1908) – топограф, начальник съёмочного отделения Туркестанского военно-топографического отдела (с 1899 г.).

⁶¹ См.: Путятя Д.В. Очерк экспедиции в Памиры, Сарыкол, Вахан и Шугнан // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1884. Вып. 10.

⁶² «Только благодаря Вашей помощи...». Письма Г.Е. Грум-Гржимайло графу С.Д. Шереметеву. 1887–1889 гг. / Публ. подг. В. Г. Бухерт // Исторический архив. 2006. № 2. С. 183.

⁶³ Территория бывшего княжества Хунза находится на севере штата Джамму и Кашмир. В 1948–1971 гг. княжество входило в состав политического агентства Гилгит (Пакистан), ликвидированного в 1972 г. в ходе административной реформы.

сул Петровский потребовал от Грум-Гржимайло покинуть китайскую территорию. Это требование, подкреплённое действиями китайских властей по изоляции экспедиции от местного населения, поставило Грум-Гржимайло «в совершенно критическое положение», он должен был «бросить маршрут свой и бежать на Алай, чтобы не умереть с голоду»⁶⁴. Между тем правитель Хунзы Сафдар Али-хан, узнав, что какой-то русский, направляясь в княжество, был задержан китайцами, отправил в Кашгар своего посланца с письмами к Петровскому и императору Александру III⁶⁵. Оба письма Петровский переслал в Азиатский департамент МИД, сообщив, что, по его мнению, имеется удобный случай привлечь хана «к постоянным сношениям с русской властью в Туркестане» если, конечно, это будет сочтено желательным «по политическим соображениям»⁶⁶. В ответ Петровскому сообщили, что не туркестанскому генерал-губернатору, а именно ему поручено поддерживать связь с ханом, которому приказано было сообщить, что русское правительство «приняло с удовольствием его желание быть к услугам России»⁶⁷. Петровский сделал это во время встречи с братом правителя Хунзы Мухаммад Назим – ханом, прибывшим в мае 1888 г. в Кашгар. От него Петровский узнал, что Сафдар Али – хан, конфликтовавший с махараджей Кашмира, за спиной которого стояли англичане, «потерял всякую надежду добиться от китайцев какой-нибудь помощи»⁶⁸. Тогда же удалось договориться о встрече штабс-капитана Б.Л. Громбчевского с правителем Хунзы.

Экспедиция Громбчевского в Хунзу была снаряжена на средства Императорского Русского географического общества. Хотя в целесообразности самой экспедиции Петровский сомневался, именно ему было поручено составить для начальника экспедиции инструкцию и снабдить его письмами к хану. Целью экспедиции было ознакомиться с положением в княжестве и Громбчевскому предписывалось подчёркивать её неофициальный, научный характер, тем не менее, «вопреки намерениям самого Громбчевского, его поездка получила сильный политический резонанс»⁶⁹. В Хунзе экспедиция находилась с 10 августа по 17 сентября 1888 г. На торжественном прощальном приёме, устроенном в столице княжества Балтите, хан публично заявил о желании, чтобы его страна приняла подданство Российской империи⁷⁰. С Громбчевским хан отослал свои письма к Петровскому, министру иностранных дел Н.К. Гирсу

⁶⁴ «Только благодаря Вашей помощи...». С. 184.

⁶⁵ *Рустамов У.А.* Пригиндукушские княжества Северной Индии в конце XIX – начале XX в. Ташкент, 1956. С. 33. Рустамов утверждал, что посланец хана прибыл в Кашгар в 1886 г., однако очевидно, что случилось это годом позже.

⁶⁶ *Рустамов У.А.* Указ. соч. С. 34.

⁶⁷ РГАДА. Ф. 1385 (Ф.Р. Остен-Сакен). Оп. 1. Д. 466. Л. 271 – 271 об.

⁶⁸ АВПРИ. Ф. 147(Среднеазиатский стол). Оп. 485. Д. 1296. Л. 15–18.

⁶⁹ *Лужецкая Н.Л.* Очерки истории Восточного Гиндукуша во второй половине XIX в. М., 1986. С. 58.

⁷⁰ *Громбчевский Б.Л.* Наши интересы на Памире. СПб., 1891. С. 3.

и туркестанскому генерал-губернатору Н.О. Розенбаху, в которых сообщил о своём намерении направить посла. Когда посол правителя Хунзы прибыл в Кашгар, Петровский задержал его и в Ташкент не пустил. Действия Петровского были оправданы, но повлиять на ситуацию он уже не мог. Путешествие Громбчевского в Хунзу «объективно» имело «отрицательные последствия», так как «было использовано английской колониальной администрацией для ускоренного внедрения в Гилгит и захвата Хунзы и Нагара»⁷¹.

У политики территориального расширения России в Центральной Азии были влиятельные сторонники, что показала реакция на события, происшедшие в Афганистане.

18 июля 1888 г. наместник Чар-виллойата⁷² (Южный Туркестан) Исхак-хан⁷³ объявил в г. Мазари-Шерифе об отделении подвластной ему территории от Афганистана⁷⁴. В Керки (Закаспийская область) 30 июля 1888 г. прибыл посланец Исхак-хана с письмами к императору Александру III и генерал-губернатору Н.О. Розенбаху, в которых содержалась просьба о помощи оружием, боеприпасами и, по возможности, посылкой русских войск⁷⁵. Розенбах распорядился отпустить посланца назад, объявив ему, что он не может рассчитывать на помощь⁷⁶. Вопрос о помощи Исхак-хану всё же рассматривался 17 августа 1888 г. на заседании Особого совещания. В нём участвовали: военный министр П.С. Ванновский, министр иностранных дел Н.К. Гирс, исправляющий должность начальника Главного штаба Ф.К. Величко⁷⁷, начальник Азиатского департамента МИД И.А. Зиновьев и заведующий Азиатской частью Главного штаба Л.Ф. Костенко. Военный министр высказался за необходимость безотлагательной и тайной помощи Исхак-хану оружием, однако на совещании возобладало другое мнение: следует ограничиться сбором точных сведений о происходящих в Афганистане событиях⁷⁸. 14 сентября 1888 г. отряды Исхак-хана были разбиты⁷⁹ и власть афганского эмира над Чар-виллойатом восстановлена. Оценивая случившееся, Б.Л. Громбчевский заявлял, что, если бы российское правительство проявило соответствующее стремление, «весь Северный Афганистан вошёл бы в состав империи, и Россия встала бы твёрдою ногою на Гиндукуше»⁸⁰. Пе-

⁷¹ Лужецкая Н.Л. Указ. соч. С. 58.

⁷² Чар-виллойат – провинция в Северном Афганистане, состоящая из четырёх областей: Балх, Кундуз, Андхой и Меймене.

⁷³ Мухаммад Исхак-хан (1851–1909) – наместник Чар-виллойата (1880–1888), двоюродный брат эмира Афганистана Абдуррахман-хана.

⁷⁴ Россия и Афганистан. М., 1989. С. 116.

⁷⁵ АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 696. Л. 26 – 26 об.

⁷⁶ Там же. Л. 49–50.

⁷⁷ Величко Филадельф Кириллович (1833–1898) – генерал от инфантерии, помощник начальника Главного штаба (с 1881 г.).

⁷⁸ АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 696. Л. 72 – 72 об.

⁷⁹ Россия и Афганистан. С. 120.

⁸⁰ Громбчевский Б.Л. Наши интересы на Памире. С. 2.

тровский на своём посту в Китае проявлял должную дипломатическую осторожность, однако и он был сторонником активной защиты интересов России в Центральной Азии.

История страны, в которой довелось служить Петровскому, заинтересовала его. Сообщения Петровского о найденных им исторических памятниках побудили русских учёных-востоковедов обратить особое внимание на Восточный Туркестан. Многолетнее сотрудничество Петровского с Восточным отделением Императорского Русского археологического общества началось с его участия в заседании 15 марта 1890 г., на котором он продемонстрировал несколько древних монет, привезённых им из Средней Азии⁸¹. В 1891 г., по предложению С.Ф. Ольденбурга, Восточное отделение Императорского Русского археологического общества запросило Петровского о наличии буддийских памятников в Кашгаре и поставило вопрос о научной экспедиции в Центральную Азию, идею которой российский консул «горячо поддержал»⁸². Не дожидаясь отправки экспедиции из России, Петровский сам организовал археологические изыскания. В 1892–1893 гг. он переслал Ольденбургу свыше 100 листов и фрагментов древнейших рукописей, приобретённых у местных жителей⁸³.

26 января 1894 г. Петровский избирается действительным членом Императорского Русского географического общества⁸⁴, а 18 мая того же года – членом-сотрудником Императорского Русского археологического общества⁸⁵. Он принимает участие в деятельности основанного в 1895 г. в Ташкенте, по инициативе В.В. Бартольда, Туркестанского кружка любителей археологии⁸⁶. Наведываясь в отпуск в С.-Петербург, Петровский посещал заседания Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. На одном из них (25 февраля 1897 г.) он сделал сообщение об обстоятельствах собирания им коллекции древностей, которые «были предметом многих научных сообщений и рассмотрения специалистов»⁸⁷. 1 апреля того же года он принял участие в обсуждении сообщения Н.И. Веселовского «Воспоминание одного современника о Якуб-беке Бадаулете»⁸⁸.

Начало 90-х гг. XIX в. было временем активизации политики России в отношении Памира. Внимание русского правительства к этому во-

⁸¹ Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. СПб., 1891. Т. V. Вып. I. С. II–III.

⁸² Памятники индийской письменности. С. 9.

⁸³ Там же. С. 16.

⁸⁴ Семёнов П.П. История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества. 1845–1895. СПб., 1896. Т. III. С. 42.

⁸⁵ Веселовский Н.И. История Императорского Русского археологического общества за первое пятидесятилетие его существования. 1846–1896. СПб., 1900. С. 450.

⁸⁶ Лунин Б.В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Ташкент, 1958. С. 74–75.

⁸⁷ ЗВОРАО. СПб., 1897/1898. Т. XI. Вып. I–IV. С. I–II.

⁸⁸ Там же. С. II.

просу привлек Н.Ф. Петровский. 30 сентября 1890 г. он сообщал начальнику Азиатского департамента МИД Н.П. Шишкину о прибытии в Яркенд в августе того же года английской миссии во главе с Ф.Э. Янгхазбандом с целью совершить «предварительное» разграничение Памира⁸⁹. О том, что на миссию Янгхазбанда возложено «разделение Памира между Афганистаном и Китаем» писал 23 ноября 1890 г. министру иностранных дел Н.К. Гирсу новый туркестанский генерал-губернатор А.Б. Вревский⁹⁰. Если это случится, полагал он, Россия «потеряет единственный и вполне доступный путь в Кашмир, Читрал, Канджурт и другие северо-индийские ханства»⁹¹. Вревский опирался на сведения, полученные от побывавших в Восточном Туркестане князя Г.С. Голицына и Б.Л. Громбчевского.

Активность англичан на подступах к Памиру побудила Россию к действиям, которые привели к закреплению за ней этого обширного горного края.

23 января 1891 г. военный министр П.С. Ванновский писал Н.К. Гирсу, что считает «весьма полезным» отправить летом на Памир из Ферганы «под видом дальней в горы поездки и для рекогносцировок» отряд в сотню или две казаков⁹². Демонстрация притязаний со стороны России на Памир могла бы, по мнению военного министра, послужить возобновлению русско-английских переговоров о границе на Памире и удалению афганцев из захваченных ими в 1883 г. районов Западного Памира (Шугнан и Рушан).

К активным действиям призывал и Б.Л. Громбчевский. В докладе, сделанном в Николаевской Академии Генерального штаба 14 марта 1891 г., он утверждал, что Китай «фактически занял большую часть Памиров»⁹³,⁹⁴, однако власть китайцев проявляется на деле лишь в том, что они назначают местных правителей (беков). Из этого Громбчевский делал вывод: «Китайцы, захватив Памиры, владеют ими номинально, выгод никаких не извлекают, а потому вряд ли теперь можно ожидать серьёзного дипломатического протеста при предъявлении прав своих на Памиры»⁹⁵, однако ситуация «резко изменится», если афганцам (при участии англичан) удастся договориться с китайцами о разделении Памиров, что «существенно затрагивает интересы России». Необходимо опередить англичан. «Ссориться нам с многомиллионным населением Китая немисливо, – заявлял Громбчевский. – Но, разграничившись с

⁸⁹ АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 864. Л. 1 об.

⁹⁰ Там же. Л. 5 об.

⁹¹ РГВИА. Ф. 846 (Военно-учёный архив [коллекция]). Оп. 1. Д. 106. Л. 1 об.

⁹² АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 864. Л. 13 об. – 14.

⁹³ В топонимике того времени употреблялся термин «Памиры». Различались «Большой и Малый Памиры», «Харгош-Памир», «Аличур-Памир», «Тагдумбаш-Памир».

⁹⁴ *Громбчевский Б.Л.* Наши интересы на Памире. С. 20.

⁹⁵ Там же. С. 28.

Китаем, вытеснить с Памиров англичан не представит никаких затруднений»⁹⁶. В случае же военного конфликта с Великобританией «появление даже небольшого отряда русских войск со стороны Памиров отвлечёт громадные силы у англичан и в значительной степени облегчит задачу главного операционного корпуса»⁹⁷. В этом случае Громбчевский считал возможным направить на Памир 3–4-тысячный корпус для действий в направлении Кашмира. Если «этапным пунктом» движения русских войск на Памир и далее за Гиндукуш является долина Большого Алая, то для движения индо-британских войск в сторону Русского Туркестана такое же значение, утверждал Громбчевский, имеет долина озера Шива в Бадахшане⁹⁸.

В начале июля 1891 г. в Кашгар вновь прибыли посланцы Сафдар Али-хана с предложениями об установлении торговых отношений с Россией, о присылке в Хунзу доверенного лица и с просьбой о помощи оружием. Петровский пытался отговорить посланцев от поездки в Ташкент. Между тем отношение к этой миссии было вовсе не однозначным. П.С. Ванновский 4 июля 1891 г. писал Н.К. Гирсу, что считает «весьма полезным установить добрые сношения с племенами, живущими у Памира», началом к чему мог бы послужить приём посланцев из Хунзы в Ташкенте⁹⁹. Очевидно соглашаясь с этим в принципе, Гирс писал туркестанскому генерал-губернатору А.Б. Вревскому, что к приёму посланцев Хунзы, по его мнению, «препятствий не встречается»¹⁰⁰. Вревский принял их в конце августа 1891 г., но не в Ташкенте, а в селении Уч-Курган Ошского уезда Ферганской области. Итог встречи заключался в том, что «официальной поддержки Хунзе Россия не оказала»¹⁰¹. В декабре 1891 г. княжество Хунза в ходе боевых действий было занято английскими войсками и административно подчинено Гилгитскому политическому агентству. Для России, готовящейся к установлению контроля над Памиром, ввязываться в конфликт с англичанами по поводу одного из пригиндукушских княжеств было бы действительно неразумно.

Рекогносцировочный отряд полковника М.Е. ИONOва, состоящий из охотничьих¹⁰² команд 2, 4, 15, 18 и 20-го Туркестанских линейных батальонов и казаков 6-го Оренбургского казачьего полка, совершил поход на Памир в июле–августе 1891 г.¹⁰³ В его составе находились штабс-капитан А.Г. Скерский¹⁰⁴ и топограф Н.А. Бендерский.

⁹⁶ Громбчевский Б.Л. Наши интересы на Памире. С. 29.

⁹⁷ Там же. С. 23.

⁹⁸ Там же. С. 26.

⁹⁹ Рустамов У.А. Указ. соч. С. 39.

¹⁰⁰ Там же. С. 39.

¹⁰¹ Лужецкая Н.Л. Указ. соч. С. 62.

¹⁰² Охотничьи команды – особые формирования в отдельных частях пехоты и кавалерии, создаваемые для проведения разведки.

¹⁰³ РГВИА. Ф. 1438. Оп. 1. Д. 89. Л. 7–7 об.

¹⁰⁴ Скерский Александр Генрихович (1861–?) – генерал-лейтенант, начальник штаба 21-го армейского корпуса (1910–1914).

О результатах похода Ванновский писал 9 октября 1891 г. начальнику Азиатского департамента МИД Н.П. Шишкину. Военный министр полагал, китайскому правительству, «во избежание серьезных недоразумений на будущее время», было бы полезно предложить войти с Россией в соглашение об установлении на Памире, «формальным образом», русско-китайской границы «на протяжении от перев[ала] Узбель до Муштагского хребта»¹⁰⁵.

24 февраля 1892 г. Н. К. Гирс послал императору Александру III полученную от Н.Ф. Петровского телеграмму, в которой сообщалось, что «англичане всё же, по-видимому, желают продвинуться по направлению к Памиру». Гирс сопроводил её запиской, указывающей, насколько это известие противоречит тем, которые доходят из других источников. На запросе Гирса император поставил резолюцию: «Может быть, но всё-таки нам зевать нельзя» и повелел сообщить о содержании телеграммы военному министру¹⁰⁶.

Во время новой экспедиции на Памир полковника Ионова в июне–августе 1892 г. произошла стычка с афганским отрядом у озера Яшиль-Куль (12 июля), о которой Ванновский сообщил императору во всеподданнейшем докладе, представленном 23 августа 1892 г. На докладе Александр III поставил резолюцию: «Совершенно одобряю действия Ионова»¹⁰⁷.

Результаты второй экспедиции Ионова привели Ванновского к выводу, что временное пребывание войск на Памире не может обеспечить за Россией обладание этим краем¹⁰⁸. С целью постоянной дислокации, из состава уходящего в Фергану с Памира отряда, 1 сентября 1892 г. был выделен Шаджанский отряд, названный так по месту расположения в урочище Шаджан на реке Мургаб, во главе с капитаном П.А. Кузнецовым¹⁰⁹. В отряде было 7 офицеров, 172 пехотинца, 44 казака, 26 джигитов и 1 врач¹¹⁰. После того как в его состав 18 мая 1893 г. влился пришедший ему на смену отряд капитана В.Н. Зайцова¹¹¹, в Шаджане оказалось 347 пехотинцев, 107 казаков, 36 джигитов, взвод конно-горной батареи (2 орудия), 2 ракетных станка и 3 пулемёта¹¹². В ведении отряда была территория к северу и востоку от р. Мургаб, на западе – до границ, захваченных афганцами Шугнана и Рушана; на озере Ранкуль был основан отдельный пост из 10 пехотинцев и 30 казаков. 22 июля 1893 г.

¹⁰⁵ АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 864. Л. 139 об.

¹⁰⁶ *Ламздорф В.Н.* Дневник. 1891–1892. М.-Л., 1934. С. 293.

¹⁰⁷ РГВИА. Ф. 846. Оп. 1. Д. 114. Д. 445 – 450 об.

¹⁰⁸ АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 864. Л. 454.

¹⁰⁹ Кузнецов Поликарп Алексеевич (1860-?) – генерал-лейтенант, командир 37-го (1915–1916) и 13-го (1916–1917) армейских корпусов.

¹¹⁰ РГВИА. Ф. 14920 (Шаджанский отряд). Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

¹¹¹ Зайцов (Зайцев) Василий Николаевич (1851–1931) – полковник, начальник Ошского уезда Ферганской области (1895–1906).

¹¹² РГВИА. Ф. 14920. Оп. 1. Д. 4. Л. 22.

в устье р. Ак-Байтал, в восьми верстах от Шаджана, был заложен первый камень укрепления, возведённого к 31 октября того же года и названного пост Памирский (11720 футов над уровнем моря)¹¹³. Памирским, а не Шаджанским теперь стал называться отряд, ежегодно направляемый для зимовки на Памир. Начальник отряда подчинялся непосредственно военному губернатору Ферганской области и поддерживал связь с консулом Н.Ф. Петровским. Таким образом, Памир с помощью военной силы и даже не без кровопролития был закреплён за Российской империей, и теперь ей предстояло договориться о юридически признанной границе как с англичанами, так и с китайцами.

Вновь прибывший в Пекин российский посланник А.П. Кассини сообщил 26 января 1893 г. в Министерство иностранных дел, что китайское правительство не может принять за основание при разграничении «линию по Сарыкольскому хребту». Оно, однако, готово сделать первые уступки, если за основу будет принят протокол 1884 г.¹¹⁴. Однако российская сторона оказалась не готова к немедленному обсуждению вопроса о границе. Товарищ министра иностранных дел Н.П. Шишкин писал 20 мая 1893 г. императору Александру III, что МИД «затрудняется безвозвратно указать, как этого требует посланник наш, пункты, на которых нам следовало бы настаивать со стороны китайской границы». Вопрос этот не был вполне выяснен «вследствие необходимости предварительно установить более важную границу со стороны Афганистана, по возможности посредством соглашения с Англией»¹¹⁵. Обстановка тем не менее требовала ускорить решение вопроса о границе с Китаем.

25 мая 1893 г. П.С. Ванновский извещал Н.П. Шишкина, что китайцы заняли урочище Акташ на западе Сарыкола¹¹⁶; несколько дней спустя он вновь обращался к Шишкину, прося удалить китайцев с занятой ими территории дипломатическим, «иначе придётся выгнать их силою оружия»¹¹⁷. Через месяц, когда китайцев уже не было в Акташе, Ванновский снова обращался с письмом к Шишкину, в котором заявлял, что урочище Акташ «никоим образом не может быть уступлено Китаю»¹¹⁸.

17 июля 1893 г. во время народного гуляния в окрестностях Кашгара китайские солдаты совершили нападение на секретаря российского консульства Я.Я. Лютша, сопровождавшим его лицам были нанесены побои. По этому поводу Петровский обратился с письмом к туркестанскому генерал-губернатору А.Б. Вревскому. В нём он предлагал воспользоваться случившимся и ввести в Кашгар русский военный отряд,

¹¹³ РГВИА. Ф. 1438. Оп. 1. Д. 99. Л. 335 об.

¹¹⁴ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 11. Л. 5 об. – 6.

¹¹⁵ Там же. Л. 38 об. – 39.

¹¹⁶ Там же. Д. 1172. Л. 45.

¹¹⁷ Там же. Л. 54. Письмо от 29 мая 1893 г.

¹¹⁸ Там же Л. 109 об. Письмо от 23 июня 1893 г.

расположенный на Алае, главным образом для того, чтобы покончить с «памирским вопросом». Китайцы, уверял Петровский, пойдут на самые широкие уступки, «даже, может быть, на отдачу нам Сарыкола или, по крайней мере, на проведение границы так, чтобы английский Канджунт не имел непосредственного соприкосновения с Восточным Туркестаном». Военное превосходство алайского отряда над войсками Синьцзяна таково, писал Петровский, что «не даст повода ни к каким неприятным с ним случайностям»¹¹⁹. Поддержав консула, А.Б. Вревский пытался убедить военного министра П.С. Ванновского (в письме от 6 августа 1893 г.), что инцидент в Кашгаре следует использовать «для энергического воздействия на Китай и в отношении окончательного разграничения нашего с Китаем по Сарыколу». Бездействие в сложившейся ситуации, писал Вревский, «нанесёт громадный ущерб» влиянию России в Средней Азии¹²⁰. В политических кругах России, вопреки призывам к решительным действиям, всё же возобладала сдержанность: не только не было предпринято каких-либо военных действий, но и численность находящихся на Памире военных сил была уменьшена. 25 августа 1893 г. Шаджанский отряд ушёл в Новый Маргелан, оставив на Памире отряд капитана В.Н. Зайцова.

В августе 1893 г. – апреле 1894 г. в С.-Петербурге были проведены переговоры о русско-китайской границе на Памире с китайским поверенным в Париже, заявившим по прибытии в российскую столицу, что китайское правительство не настаивает на протоколе 1884 г. как основе для переговоров¹²¹. В завершающей стадии этих переговоров российская сторона пыталась усилить свою позицию, расширив территорию реального военного контроля на Памире. В ответ на предложение российского посланника А.П. Кассини «немедленно занять нужные нам пункты на Памирах»¹²², П.С. Ванновский сообщал 28 февраля 1894 г. Н.К. Гирсу о намерении с наступлением весны выдвинуть в урочище Акташ казаков Памирского отряда, чтобы основать там небольшой пост¹²³. В результате переговоров Россия и Китай взяли взаимное обязательство сохранять на Памире status quo (линию фактического контроля) до заключения соглашения о границе. Это было подтверждено обменом нот в апреле 1894 г.¹²⁴. Успеху переговоров содействовало единство позиций Военного министерства и Министерства иностранных дел. По мнению Ванновского, к моменту завершения переговоров Россия уже занимала на Памире со стороны Китая фактически все пункты, которые её могли интересовать¹²⁵.

¹¹⁹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1683. Л. 10 – 11 об.

¹²⁰ Там же. Л. 9 – 9 об.

¹²¹ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 12. Л. 1.

¹²² Там же. Д. 1172. Л. 234.

¹²³ Там же. 234 – 234 об.

¹²⁴ Известия МИД, 1914. Кн. IV. С. 58–59.

¹²⁵ АВПРИ. ф. 143. Оп. 491. Д. 12. Л. 42.

Теперь внимание военного министра было привлечено к Западному Памиру. Надёжное снабжение продовольствием Памирского отряда, считал он, было бы обеспечено «лишь занятием западных окраин вплоть до реки Пянджа»¹²⁶, что означало установление полного контроля над Шугнаном и Рушаном и изгнания оттуда афганцев. В связи с приходом афганских войск на правый берег Пянджа в дополнение к Памирскому отряду и пришедшему ему на смену другому отряду решено было выдвинуть ещё один – резервный. Начальником всех трёх отрядов 10 июня 1894 г. был назначен генерал-майор М.Е. Ионов¹²⁷, а его штаб возглавил подполковник Н.Н. Юденич¹²⁸. Ионову особо предписывалось «никоим образом не допускать перехода» русскими войсками Сарыкольского хребта и «поддерживать дружественные отношения к китайским властям»¹²⁹. С целью «нравственно поддержать шугнанцев и оградить их от возможных насилий» со стороны афганцев Ионов 14 июня 1894 г. послал два отряда: на р. Гунт (во главе с Н.Н. Юденичем) и на р. Шахдару (во главе с капитаном А.Г. Скерским). Афганцы вынуждены были уйти за р. Пяндж¹³⁰.

Хотя России и Китаю удалось достигнуть промежуточного соглашения по «памирскому вопросу», перспективы окончательного разграничения по Сарыколу, особенно в связи с начавшейся японо-китайской войной и вероятностью внутренних потрясений в Восточном Туркестане, в случае неудачного для Китая хода военных действий были не ясны. Сообщения кашгарского консула Н.Ф. Петровского не давали, между тем оснований беспокоиться за судьбу русских подданных в Восточном Туркестане. «Никакого особенного движения в населении не видно» – писал он 28 декабря 1894 г. начальнику штаба Туркестанского военного округа генералу М.П. Хорошину. Лишь кашгарские купцы – китайские подданные «гораздо охотнее и чаще прежнего, не стесняются говорить, что дело китайцев гибнет, что Бог карает их за те притеснения, которые они делали и делают, и пр.». Власти Синьцзяна «не знают, что происходит теперь в Китае, ибо, по китайским обычаям, дурные новости чиновникам не сообщаются». Они вынуждены поэтому довольствоваться сведениями из газет, доставляемых им российским консулом. Происходящие события не особенно печалят их, так как они более интересуются судьбой «разных личностей, играющих роль в этих событиях». Неудача Ли Хунчжана¹³¹, который «никогда не был любим здеш-

¹²⁶ Там же. Ф. 147. Оп. 485. Д. 864. Л. 457.

¹²⁷ РГВИА. Ф. 846. Оп. 1. Д. 81. Л. 228 – 230 об.

¹²⁸ Юденич Николай Николаевич (1862–1933) – генерал от инфантерии, главнокомандующий Кавказской армией (1915–1917), войсками Кавказского фронта (1917), Северо-Западной армией (1919).

¹²⁹ РГВИА. Ф. 846. Оп. Д. 81. Л. 229 об.

¹³⁰ Там же. Ф. 1438. Оп. Д. 99. Л. 377.

¹³¹ Ли Хунчжан (1823–1901) – губернатор провинции Чжэцзян (1864–1872), великий канцлер (1872–1883), министр иностранных дел (1896–1898).

ними чиновниками» – хунаньцами, ставленниками Цзо Цзунтана¹³², «даже возбуждает у некоторых нескрываемое удовольствие»¹³³.

Отложив окончательное решение вопроса о памирской границе с Китаем, Россия занялась пограничной проблемой с Афганистаном. Англо-русским соглашением от 27 февраля (11 марта) 1895 г. предусматривалось создание смешанной англо-русско-афганской «Комиссии по русско-афганскому разграничению на Памирах» («Commission pour la délimitation Russo-Afghane aux Pamirs»). Позиция туркестанской администрации по вопросу о русско-афганской границе на Памире была выражена в докладной записке генерал-губернатора А.Б. Вревского императору Николаю II от 9 апреля 1895 г.¹³⁴. Вревский выступал против уступки Афганистану северных склонов Гиндукуша, вошедших в сферу влияния России со времени присоединения Кокандского ханства. Вревский мотивировал это тем, что Афганистан не является нейтральным государством и потому территориальная уступка ему не создаст якобы желаемого англичанами «буфера» между владениями их и России. Если бы англичане действительно стремились к созданию такого «буфера», считал Вревский, они не стали бы занимать Канджун в 1891 г., когда русские уже были на Памире. Вревский считал «совершенно необходимым» привести границу на Памире «в непосредственное соприкосновение» с владениями Англии, ибо «полное спокойствие и порядок» на среднеазиатской границе «могут быть вполне обеспечены» лишь в этом случае¹³⁵. Николай II 3 июня 1895 г. утвердил всеподданнейший доклад министра иностранных дел князя А.Б. Лобанова-Ростовского о составе русской части «Комиссии по русско-афганскому разграничению на Памирах» и о смете её расходов¹³⁶. «Императорским комиссаром» был назначен А.Н. Повало-Швейковский¹³⁷, а его помощниками – статский советник П.Е. Понафидин¹³⁸ (от МИДа), полковник А.С. Галкин (от Военного министерства) и начальник Памирского отряда капитан А.Г. Скерский. Английским комиссаром являлся генерал-майор М.Дж. Джерард (Gerard), а его помощниками полковник Т.Х. Хоулдич (Holdich) и майор

¹³² Цзо Цзунтан (1812–1885) – губернатор провинции Цзянсу (1861–1864), наместник провинций Фуцзянь и Чжэцзян (с 1864 г.), полномочный комиссар по военным делам в Синьцзяне (1875–1881), наместник провинций Цзянси и Цзянсу (с 1881 г.).

¹³³ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1387. Л. 17–18.

¹³⁴ Там же. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4944. Л. 2–17. Записка называется «Разграничение на Памирах».

¹³⁵ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4944. Л. 14 об., 16 об. – 17.

¹³⁶ См.: Сведения, касающиеся стран, сопредельных с Туркестанским военным округом. Ташкент, 1898. Вып. VII. С. 10–13.

¹³⁷ Повало-Швейковский Александр Николаевич (1834–1903) – генерал-лейтенант, начальник штаба Туркестанского военного округа (1892–1893), военный губернатор Ферганской области (1893–1898), императорский комиссар по разграничению Памиров (1895).

¹³⁸ Понафидин Пётр Егорович (?-?) – дипломат, генеральный консул в Константинополе (1907–1912).

Р.А. Вахаб (Wahab). 22 июля 1895 г. русский и английский комиссары встретились на Памире у озера Зоркуль (Виктория), а к 10 сентября демаркация границы уже была завершена¹³⁹.

Военное поражение Китая в войне с Японией имело следствием «Дунганское восстание»¹⁴⁰, о начале которого Петровский писал М.П. Хорошину 9 апреля 1895 г., сообщая, что в г. Сюньхуатин провинции Ганьсу (в 150 верстах к юго-западу от Ланьчжоу) «вспыхнуло восстание населения против китайцев»¹⁴¹. Позднее стало известно о гибели начальника г. Сюньхуатин, зарезавшего себя и свою семью накануне взятия города дунганцами¹⁴². 12 августа 1895 г. Петровский сообщал А.Н. Повало-Швейковскому, что восстание «обнаружилось уже в Анси-чжоу (один из главных центров прежнего восстания), о чём, неохотно, рассказал мне сам даотай»¹⁴³. Отсюда посылают туда три лянзы (человек 800); пройдут они туда месяца четыре, т. е. иначе говоря, тамошних войск там очень мало, или же самоё восстание распространяется по другим местам»¹⁴⁴. События дали основание Петровскому сделать вывод, что «нарождается новый “вопрос” – дунганский, едва ли не более серьёзный, чем бывший»¹⁴⁵. О памирском же вопросе он писал, что понимает выгодное для России его разрешение «только при условии Сарыкола в наших руках», почёркивая, что высказывает своё «давнее и неизменное мнение»¹⁴⁶.

Вопрос о русско-китайской границе в районе Памира, окончательное решение которого было отложено до более благоприятного времени, вновь стал обретать актуальность из-за усиления активности англичан. В сентябре 1895 г. Министерство иностранных дел России получило сведения «из секретного источника» о намерении англичан добиваться присоединения к Канджуту Тагдумбаш-Памира (долина реки Кара-Чукур)¹⁴⁷ и проинформировало военного министра П.С. Ванновского о том, что Англия «собирается хлопотать в Пекине о разграничении Китая с Кашмиром, Канджутом и Афганистаном по направлению к Сарыколу». Англичане «в видах вознаграждения» за уступки недавно сделанные китайцами Франции¹⁴⁸, «будто бы предполагают даже настаивать на присоединении Тагдумбаша к подчинённой им Хунзе». В связи с этим рос-

¹³⁹ Постников А.В. Схватка на «Крыше Мира». М., 2001. С. 307, 324.

¹⁴⁰ Дунганское восстание 1895 г. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1896. Вып. 67.

¹⁴¹ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1387. Л. 25.

¹⁴² Там же. Л. 37.

¹⁴³ Даотай – помощник губернатора китайской провинции по гражданскому управлению.

¹⁴⁴ АВПРИ. Ф. 335 (Архив комиссии по разграничению Памиров с Афганистаном). Оп. 581. Д. 3. Л. 4 – 4 об.

¹⁴⁵ Там же. Д. 6. Л. 50 об. Письмо от 24 августа 1895 г.

¹⁴⁶ Там же. Д. 3. Л. 3 об. Письмо от 18 августа 1895 г.

¹⁴⁷ РГВИА. Ф. 846. Оп. 1. 138. Л. 2 – 2 об.

¹⁴⁸ Имелась в виду уступка Франции двух районов провинции Юньнань и другие уступки, сделанные Франции за её роль в возвращении Китаю Ляодунского полуострова, на который претендовала Япония.

сийскому посланнику в Пекине А.П. Кассини предписывалось заявить китайскому правительству о недопустимости подобных территориальных сделок¹⁴⁹. П. С. Ванновский в письме к А.Б. Лобанову-Ростовскому от 17 октября 1895 г. отмечал, что через Тагдумбаш-Памир проходит «кратчайший и относительно лучший горный путь из Кашмира и Канджута, значит, и из Ост-Индии, в Кашгарию». Он высказывал мнение, что если китайцы проявят склонность к уступке Тагдумбаш-Памира Канджуту (Хунзе), России стоит позаботиться о присоединении к Памиру «северной части Сарыкольского округа, долин Ташкурмана, Таргармы, Булункуля, Мужи и Маркансу». Это означало перенесение границы «с Сарыкольского хребта на восток к Мустагским отрогам, простираясь от верховий Кизылсу (Кашгар-Дарьи) до верховий Яркенд-Дарьи», что позволило бы «заслонить англичанам путь в Кашгар» и получить на востоке Памира «удобный для обитания район и более удобную государственную границу»¹⁵⁰. Министерство иностранных дел России поручило посланнику в Пекине А.П. Кассини в случае необходимости заявить китайцам о недопустимости без ведома России совершать территориальные сделки с Англией в районе, граничащим со Средней Азией¹⁵¹.

Значительная роль в сборе разведывательной информации отводилась Памирскому отряду. Туркестанским генерал-губернатором А.Б. Вревским 26 мая 1897 г. была утверждена «Инструкция начальнику Памирского отряда»¹⁵², которому вменялось в обязанность добывать сведения о гарнизонах на афганской территории и, с помощью жителей Западного Памира, о путях ведущих в Афганистан; сообщать о случаях появления на границе отдельных лиц или групп подданных соседних государств. Особое внимание уделялось регламентации взаимоотношений с бухарской администрацией на Западном Памире. Начальник отряда обязан был наблюдать за тем, чтобы уполномоченные бухарского правительства относились бы к местным жителям «справедливо», не позволяли бы себе «неправильных поборов», за собираемые для своих нужд предметы или продукты уплачивали бы «по действительной стоимости». В случае поступления жалоб от местных жителей офицерам отряда предписывалось «относительно не входить в переписку с бухарскими властями», а, проверив обоснованность жалоб, «стараться нравственным воздействием, в личных переговорах, склонять бухарских чиновников к справедливому отношению к жителям», удовлетворению их законных претензий. В случае необходимости предлагалось угрожать чиновникам привлечением внимания эмира к творимому беззаконию, но всё же, отмечалось, что «нравственное воздействие» с учётом дружест-

¹⁴⁹ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3053. Л. 132 – 132 об.

¹⁵⁰ РГВИА. Ф. 846. Оп. 1. Д. 138. Л. 5–6.

¹⁵¹ Там же. Л. 2 об.

¹⁵² Там же. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2129. Л. 64–65.

венных отношений Российской империи и Бухары, несомненно, является «лучшим средством». Укреплению позиций Памирского отряда на Западном Памире способствовал перевод его штаб-квартиры с поста Памирского в укрепление Хорог, что произошло 21 июля 1897 г., по прибытии туда сменного Памирского отряда¹⁵³, возглавляемого штабс-капитаном К. Кивекэсом¹⁵⁴.

Тем временем статус российского консульства в Кашгаре изменился, оно было переименовано в генеральное консульство, к этому побуждал возросший объём работы, которую приходилось вести Петровскому и другим служащим консульства. По инициативе Петровского в Кашгаре было начато в 1897 г. строительство, на добровольные пожертвования, православной церкви, под которую пытались приспособить здание старого караван-сарая. Работу по сооружению церкви пришлось остановить, поскольку ходатайство Петровского о присылке в Кашгар на постоянное жительство православного священника «не имело успеха»¹⁵⁵. Православное население Кашгара, численность которого постепенно возрастала, вынуждено было обходиться без церкви. Православный священник приезжал в Кашгар из Нарынского укрепления Семиреченской области не чаще двух раз в год¹⁵⁶.

Усилить разведывательную деятельность в Восточном Туркестане русских военных побудило появление в конце октября 1897 г. в китайском Тагдумбаш-Памире двух англичан: капитанов Г. Дизи и Р. Коббольда. Первый из них занялся топографическими съёмками в долине реки Раскем-Дарьи (притока Яркенд-Дарьи)¹⁵⁷. Капитан Р. Коббольд последовал в Кашгар, где находился под видом частного лица¹⁵⁸. Петровскому, впрочем, удалось установить, что он является политическим агентом в Гилгите (Кашмир). В частном письме своему знакомому чиновнику МИДа Г.А. Плансону от 25 января 1898 г. Петровский выражал возмущение по поводу крайне бесцеремонных, по его мнению, действий англичан: «Я ещё могу понять и допустить, когда путешественник или какой-нибудь агент для каких-либо целей обманно, на свой риск и страх, проникает в страну; но если первый министр Великобритании обращается к русскому министру с просьбою о пропуске к нам «для охоты» частного, будто бы, лица, которое в действительности есть политический агент и о котором, конечно, можно найти ука-

¹⁵³ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2129. Л. 70.

¹⁵⁴ Кивекэс Карл-Эдуард Карлович (1866–1940) – полковник, начальник Памирского отряда (1897–1899, 1901–1902, 1905–1906).

¹⁵⁵ *Бартольд В.В.* История культурной жизни Туркестана // *Бартольд В.В.* Соч. М., 1963. Т. II. Ч. 1. С. 400.

¹⁵⁶ *Корнилов Л.Г.* Кашгария, или Восточный Туркестан. Ташкент, 1903. С. 271.

¹⁵⁷ Сведения, касающиеся стран, сопредельных с Туркестанским военным округом. Ташкент, 1898. Вып. IV. С. 33–34.; Вып. VII. С. 29–32.

¹⁵⁸ Миссия Г. Дизи закончилась его возвращением в Лех в июле 1898 г. (Сведения. 1902. Вып. XXX. С. 38).

зание в любом английском адрес-календаре, – это, по моему мнению, верх наглости. [...] Шпионы – продолжал Петровский, – везде есть и всегда будут, но я первый раз вижу, чтобы их посылали с таким цинизмом». Англичане, считал Петровский, «приготавливают разграничение Кашгарии с кашмирскими владениями и идут пока сзади канджутцев, получив их требовать у китайцев земель по Раскем-Дарье»¹⁵⁹. Об опасности завладения англичанами Тагдумбаш-Памиром генерал-губернатору А.Б. Вревскому 28 января 1898 г. писал А.Н. Повало-Швейковский: «С захватом Тагдумбаша¹⁶⁰ влиянию Англии подчинится, конечно, и весьма важный для нас в стратегическом отношении Сарыкольский округ Кашгарской провинции, что, в свою очередь, откроет англичанам свободный и вполне удобный путь через Ташкурган, Тагарму, Булункуль и далее на Кашгар». Поэтому, писал Повало-Швейковский, «было бы своевременным возбудить вопрос о разграничении с Китаем, об установлении прочной постоянной линии, перенеся временно условленную ныне граничную черту с Сарыкольского хребта, начиная от перевала Беик, далее на восток к отрогам Мустагского хребта, лежащего между верховьями рек Кизилсу и Яркенд-Дарьи, со включением в наши пределы Ташкургана, Тагармы, Булункуля, Мужы и Маркансу, что дало бы нам возможность парализовать английские происки и заслонить прямой путь из Кашмира в Кашгар»¹⁶¹. О том же Вревский сообщал 3 февраля 1898 г. управляющему Военным министерством А.Н. Куропаткину. Генерал-губернатор усматривал в действиях англичан явное стремление захватить Тагдумбаш-Памир и часть Южной Кашгарии с Яркендом с целью обойти с юго-востока памирскую границу и «открыть ост-индскому правительству свободный и безопасный путь к завладению всей Кашгарской провинцией, в более или менее близком будущем». Во всяком случае, с захватом Тагдумбаш-Памира, писал Вревский, влиянию англичан подчинится важный в стратегическом отношении Сарыкольский район, и потому необходимо добиваться установления «прочной, постоянной граничной линии» с Китаем. Тем самым будет закрыт прямой путь из Кашмира и Канджута в Кашгар. Особо подчеркнвалось значение долины Тагармы «для обеспечения благосостояния» памирских киргиз¹⁶².

Попытка Петровского привлечь внимание к подозрительной деятельности Коббольда привела к задержанию его 11 июня 1898 г. русским отрядом на Памире (в Рушане). Коббольд был вынужден вернуться в Кашгар¹⁶³.

¹⁵⁹ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 503. Л. 14–15-об.

¹⁶⁰ Коббольд в своей книге ставил под сомнение принадлежность Тагдумбаш-Памира Китаю, указывая на его зависимость от Канджута (*Cobbold R. Innermost Asia. London, 1900. P. 38*).

¹⁶¹ *Рустамов У.А. Указ соч. С. 78.*

¹⁶² РГВИА, Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1507. Л. 1 – 1 об.

¹⁶³ Сведения. 1898. Вып. VII. С. 30–31.

В августе 1898 г. Петровскому удалось получить от китайских властей разрешение установить почтовое сообщение с Памирским отрядом через Сарыкол. Это давало «полную возможность следить за положением дел в этой местности». Для этого Петровский предлагал «посылать со стороны Памира через Сарыкол в консульство, под видом почтарей, разведчиков, и даже, если будет нужно, держать одного из них постоянно в Ташкургане (на Сарыколе)»¹⁶⁴. Петровского поддержал новый туркестанский генерал-губернатор С.М. Духовской, предлагавший 7 сентября 1898 г. военному министру А.Н. Куропаткину направить в распоряжение Петровского офицера Генерального штаба¹⁶⁵.

10 июня 1899 г. Петровский извещал С.М. Духовского о том, что «англичане добились уступки части Сарыкола Канджуту»¹⁶⁶. Из секретной телеграммы Петровского от 18 июля об этом стало известно и министру иностранных дел М.Н. Муравьеву¹⁶⁷. Военный министр А.Н. Куропаткин 20 июля 1899 г. сообщал Муравьеву, что недостаток войск на Памире не позволит «ныне сделать какие-либо демонстративные шаги»¹⁶⁸. Однако министр иностранных дел, во всеподданнейшей записке от 21 июля 1899 г. о переговорах с китайцами по поводу территориальных приобретений на Тагдумбаш-Памире предлагал военному ведомству принять все необходимые меры «к ограждению русских интересов вблизи Сарыкола»¹⁶⁹. Император Николай II, обратив на содержание записки «серьёзное внимание», отметил, что «без энергических представлений или мер» Англия «не остановится в своих действиях»¹⁷⁰. Английский посол в С.-Петербурге Ч. Скотт 31 июля 1899 г. сделал заявление, что его правительство «не имеет никаких притязаний на территориальные приобретения в долине Раскема» и что оно отнюдь не намерено поддерживать подобное требование «в случае возбуждения вопроса об исправлении границ между британскими владениями и Китаем»¹⁷¹. В свою очередь российский посланник в Пекине М.Н. Гирс 2 августа 1899 г. заявил, что «вследствие неопределённости русско-китайской границы по Сарыколу» русское правительство не будет игнорировать факт передачи территории в этой местности другому государству и намерено принять «надлежащие меры во избежание нарушения

¹⁶⁴ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2340. Л. 2 – 2 об.; Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1507. Л. 61 – 61 об. Известие о том, что Н.Ф. Петровский «объявил о намерении своего правительства учредить военный пост в Тагарме, по примеру существующего в Иркештаме», основанного на границе Ферганской области и Западного Китая в 1885 г., было получено правительством Британской Индии в апреле 1899 г. (Сведения. 1899. Вып. XII. С. 76–77).

¹⁶⁵ РГВИА. Ф. 400. Оп. Д. 2546. Л. 5 – 5 об.

¹⁶⁶ АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 867. Л. 25.

¹⁶⁷ Там же. Л. 45 – 45 об.

¹⁶⁸ Там же. Л. 47.

¹⁶⁹ Там же. Л. 48 – 49 об.

¹⁷⁰ Там же. Л. 48.

¹⁷¹ Там же. Л. 67; РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2546. Л. 10 – 10 об.

русских интересов»¹⁷². От китайского правительства было получено заверение, что Канджуту «не будет уступлено никакой территории»¹⁷³. Это, очевидно, повлияло на смягчение позиции российской дипломатии. Гирс уведомил китайцев об отсутствии возражений относительно сдачи земель канджутцам под обработку, но не в собственность¹⁷⁴. Между тем активность англичан в районе Раскем-Дарьи и Тагдумбаш-Памира заставила скорректировать среднеазиатскую политику России и отложить в 1899 г. решение вопроса о включении принадлежавшего Бухарскому эмирату Западного Памира в состав Российской империи из-за опасения спровоцировать англичан на требование «компенсации» в виде этих китайских территорий¹⁷⁵.

Способ обеспечить интересы России Петровский видел в решительном образе действий, о чём и писал В.О. Клемму¹⁷⁶ 30 июля 1899 г. «Остановить подвохи англичан очень просто: занять Сарыкол и Тагдумбаш-Памир, без всяких предварительных переговоров о границе. Предлог: огромное развитие контрабанды, прекратить которую китайцы решительно не хотят, скрытие беглых андижанских¹⁷⁷ преступников, и даже, наконец, слухи об отдаче Тагдумбаш-Памира Канджуту»¹⁷⁸. Комментируя это мнение, Клемм писал генерал-губернатору С.М. Духовскому, что не является сторонником немедленных действий. Однако он всё же считал необходимым «испросить вперёд разрешение на немедленное занятие Сарыкола, в случае, если англичанам действительно удалось бы добиться уступки всей долины р. Тагдумбаша до слияния её с Карасу, а равно держать наготове необходимые для этого силы»¹⁷⁹. В ответ на запрос А.Н. Куропаткина, что нужно делать, «если англичане будут упорствовать получить Тагдумбаш»¹⁸⁰, Духовской писал 8 августа 1899 г., что «результаты происков англичан в Кашгарии ещё не столь ясны» и «нет определённых сведений о границах предполагаемого захвата англичан на Раскеме и Тагдумбаше»¹⁸¹. Поэтому генерал-губернатор предлагал: 1) содержать при российском генеральном консульстве в Кашгаре офицера Генерального штаба (с помощником) для разведывательной деятельности, 2) установить почтовое сообщение

¹⁷² Известия МИД. 1914. Кн. IV. С. 60.

¹⁷³ АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 867. Л. 54.

¹⁷⁴ Известия МИД. 1914. Кн. IV. С. 60–62.

¹⁷⁵ Халфин Н.А. Россия и Бухарский эмират на Западном Памире (конец XIX – начало XX в.) М., 1975. С. 45.

¹⁷⁶ Клемм Василий (Вильям) Оскарович (1861–1938) – генеральный консул в Бомбее (1900–1905), Мешхеде (1905–1908), чиновник особых поручений при министре иностранных дел (1908–1911).

¹⁷⁷ «Андижанцами» по традиции в Восточном Туркестане называли всех выходцев из Средней Азии, приезжавших с торговыми и иными целями.

¹⁷⁸ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1545. Л. 16.

¹⁷⁹ Там же. Л. 15.

¹⁸⁰ АВПРИ. 143. Оп. 491. Д. 504. Л. 58.

¹⁸¹ Там же. Л. 58 об.

Кашгара с Ферганой и Памиром «посредством джигитов», 3) усилить конвой при консульстве¹⁸². 29 сентября 1899 г. на первые два предложения было получено «соизволение» императора Николая II¹⁸³.

19 декабря 1899 г. в Кашгар прибыл капитан Л.Г. Корнилов с помощником подпоручиком В.Е. Кирилловым¹⁸⁴. Специально составленной инструкцией¹⁸⁵ Корнилову был поручен «сбор точных и обстоятельных сведений военно-политического характера о Кашгарии вообще и Сарыколе в частности», также и обо всех «сопредельных с Кашгарией странах», причём предписывалось «обратить особое внимание на деятельность везде там англичан и других»; осуществить в течение года «подготовку и обработку материалов для составления полного военно-статистического описания страны», в котором «особое внимание» надлежит уделить Гилгиту, как центру английского влияния в Восточном Туркестане. Поездки по стране Корнилов обязан был предпринимать «не иначе как с согласия» генерального консула Н.Ф. Петровского и вообще «сообразовываться» в своей деятельности с его указаниями.

Для установления почтовой связи Кашгара с Памирским отрядом в Ташкурган (с Памира) должен был отправиться поручик Н.М. Бабушкин¹⁸⁶, но китайские власти отказались дать на это разрешение. В связи с этим в рапорте окружному генерал-квартирмейстеру, генерал-майору М.Д. Евреину от 8 января 1900 г., Корнилов выразил мнение, что «вряд ли удастся отстоять наши интересы, связанные с Сарыколом, мирным путём, путём дипломатических переговоров». Он утверждал: «Нам остаётся один путь – захват Сарыкола, занятие его отрядом и притом без дальнейшего промедления, т. к. иначе нас могут предупредить»¹⁸⁷.

16 февраля 1900 г. Корнилов выехал из Кашгара в Яркенд и Каргалык, намереваясь побывать и в Хотане¹⁸⁸. В марте он завершил сбор статистического материала по Южной Кашгарии¹⁸⁹. По возвращении в Кашгар Корнилов выслал в Ташкурган подобранного Петровским агента – мирзу Сулеймана. В Ташкургане к тому времени уже находился английский агент – «мунши» (писец) Шир-Мухаммед. Теперь у Корнилова на очереди стояла поездка на Сарыкол, куда торопиться его побуждало полученное известие о прибытии в Ташкурган английского археолога А. Стейна, который во время своих экспедиций «обследо-

¹⁸² АВПРИ. 143. Оп. 491. Д. 504. Л. 58 об. – 59.

¹⁸³ Там же. Л. 80.

¹⁸⁴ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1519. Л. 56; Д. 1567. Л. 52. Кириллов Вячеслав Евгеньевич (1877–?) – капитан 17-го Туркестанского стрелкового полка (с 1913 г.).

¹⁸⁵ Там же. Д. 1519. Л. 34 – 35 об. Инструкция была вручена Корнилову 30 ноября 1899 г.

¹⁸⁶ Бабушкин Николай Михайлович (?-?) – штабс-капитан 10-го Туркестанского стрелкового батальона (с 1903 г.).

¹⁸⁷ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1519. Л. 86 об. – 87 об.

¹⁸⁸ Там же. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2546. Л. 76 – 76 об.

¹⁸⁹ Там же. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1567. Л. 96.

вал почти всю территорию» Восточного Туркестана¹⁹⁰. Узнав, что Стейна сопровождает индеец Рам Синг, который был и в экспедиции капитана Г. Дизи, Корнилов пришёл к выводу, что археологические работы Стейн проводит лишь для отвода глаз. Истинный же смысл экспедиции состоит в том, что по окончании её работ «англичане будут иметь подробные карты всей горной полосы юго-западной Кашгарии, начиная от Аксайчина на востоке до Сарыкола на западе»¹⁹¹. Корнилов отмечал, что англичане «обнаруживают настойчивое стремление к обладанию долиной Раскема», открывавшей путь на Сарыкол¹⁹². Его озабоченность разделяла и русская администрация Туркестана. Её интерес к Сарыколу – местности, «весьма мало» известной, возрастал по мере стремления англичан «водвориться там»¹⁹³. Мнение Корнилова и Петровского совпало: оба считали необходимым «занять» Сарыкол¹⁹⁴. Однако согласованная позиция военного и дипломатического ведомств России в этом вопросе была иная. Она была выражена в письме А.Н. Куропаткина к графу М.Н. Муравьёву от 30 марта 1900 г. «Не в интересах России – писал военный министр – изменять в настоящее время» границы в Средней Азии и «занимать вновь какие-либо пункты». И потому присоединение «всей территории Ташкуртана» к Российской империи следует признать «вполне нежелательным»¹⁹⁵. Никаких конкретных планов по изменению границы в районе Сарыкола в правящих кругах России не вынашивали. Русская дипломатия, отвергая идею аннексии Сарыкольского округа, тем самым «избегала преждевременного обострения отношений с Китаем, которое могло сорвать успешно наладившееся разрешение активных задач» на Дальнем Востоке¹⁹⁶.

Планируемая Корниловым на июль 1900 г.¹⁹⁷ поездка на Сарыкол не состоялась, хотя он и заручился поддержкой яркендского окружного начальника Лю-дарина, отдавшего распоряжение сарыкольскому окружному начальнику Ди-дарину оказать Корнилову «полное содействие во всём»¹⁹⁸.

Вступление Китая в период народного Ихэтуаньского восстания и интервенции иностранных держав отозвалось и на отдалённых окраинах страны. Обстановка потребовала от Корнилова остаться в Каш-

¹⁹⁰ *Кляшторный С.Г., Колесников А.А.* Восточный Туркестан глазами русских путешественников (вторая половина XIX в.). Алма-Ата, 1988. С. 57.

¹⁹¹ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1567. Л. 32 об. – 33.

¹⁹² Там же. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1632. Л. 210 об.

¹⁹³ Там же. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2546. Л. 68 – 68 об.

¹⁹⁴ *Белоголовый Б.Г.* Кашгарские письма Лавра Корнилова // Московский журнал. 1995. № 11. С. 5.

¹⁹⁵ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 504. Л. 159 – 159 об.

¹⁹⁶ *Монич.* Британский империализм на границе Западного Китая // Революционный Восток. 1931. № 11/12. С. 83.

¹⁹⁷ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1567. Л. 20 – 20 об.

¹⁹⁸ Там же. Д. 1561. Л. 9.

гаре и разработать план защиты генерального консульства¹⁹⁹. 30 июня 1900 г. Петровский запросил его мнения относительно ввода в Кашгар русского военного отряда, в случае «смуты»²⁰⁰. Военное ведомство России стремилось избежать такого варианта развития событий. 20 июля 1900 г. была разослана шифрованная телеграмма военного министра командующему войсками Туркестанского военного округа, в которой указывалось, что главной заботой должно явиться принятие мер во избежание вооружённого конфликта с китайцами; предписывалось держаться «строго оборонительного образа действий», переход границы допускался только по особому повелению императора Николая II, самовольный же переход влёт за собой отдачу виновного под суд²⁰¹. Обстановка была такова, что, как впоследствии свидетельствовал Корнилов, переход русским отрядом границы «был же сигналом к восстанию, если не повсеместному, так по крайней мере в главнейших городах края»²⁰².

5 сентября 1900 г. военный губернатор Ферганской области генерал-майор А.П. Чайковский²⁰³ писал начальнику штаба Туркестанского военного округа В.В. Сахарову²⁰⁴ о необходимости принять меры в связи с выдвинутым перед китайским правительством требованием о разоружении армии. Если, писал А.П. Чайковский, это требование не касается Кашгарской провинции, то достаточно усилить пограничный пост Иркештам и Гульчу ротой пехоты и сотней казаков. В случае же если придётся добиваться разоружения войск в Кашгарской провинции, ферганский военный губернатор полагал необходимым «выдвинуть к границе отряд такой силы и состава, который мог бы поддержать предъявляемое требование немедленным занятием Кашгара»²⁰⁵. В.В. Сахаров в свою очередь докладывал Туркестанскому военно-окружному совету 14 сентября 1900 г., что «неопределённость положения» в Китае заставляет быть готовым к распоряжению о движении Джаркентского отряда²⁰⁶ на Кульджу. Так как это может «вызвать волнение» в соседней Кашгарской провинции, необходимо сосредоточить в Оше отряд для движения его «в случае необходимости» к Кашгару. В Ошский отряд (во главе с генерал-майором) решено было включить 5-й и 6-й стрелковые батальоны, Туркестанскую конно-горную батарею, три сотни

¹⁹⁹ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1567. Л. 26 – 26 об.

²⁰⁰ Там же. Ф. 1438. Оп. 1. Д. 140. Л. 1 – 1 об.

²⁰¹ Там же. Л. 10 – 10 об.

²⁰² *Корнилов Л.Г.* Кашгария, или Восточный Туркестан. С. 27.

²⁰³ Чайковский Андрей Петрович (1841–1920) – генерал-лейтенант, военный губернатор Ферганской области (1898–1901).

²⁰⁴ Сахаров Всеволод Викторович (1851–1935) – генерал-майор, начальник Софийского военного училища (1884–1885), начальник штаба войск Закаспийской области (1896–1899), начальник штаба Туркестанского военного округа (1899–1904).

²⁰⁵ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 786. Л. 12 – 12 об.

²⁰⁶ Во главе с генерал-майором М.Е. Ионовым.

2-го Уральского казачьего полка, военно-телеграфную роту и команду сапёр Туркестанского сапёрного батальона (всего 2292 чел.)²⁰⁷.

В сентябре–октябре 1900 г. Корнилов возобновил поездки по Кашгарию, провёл съёмку укреплений Янгишаара и Куня Гульбаха (Старый Кашгар)²⁰⁸, затем выехал на Сарыкол, заявив Петровскому в ответ на его просьбу отложить поездку, что в случае какого-либо происшествия в пути всю ответственность берёт на себя²⁰⁹. В отношениях Корнилова с Петровским возник разлад. Он усугубился в связи с участием Корнилова в смотре китайских войск в Янгишааре 19 ноября 1900 г. Петровский счёл этот поступок неуместным, Корнилов же приравнял отказ от приглашения на смотр к «унижению достоинства русского офицера»²¹⁰. Приглашение поступило от начальника гарнизона Куня Гульбаха се-тая Ян – тун-лина²¹¹, единственного из китайских офицеров, с кем генеральное консульство, русская колония и сам Корнилов «поддерживали хорошие отношения»²¹².

В Кашгаре Корнилов занялся обработкой собранного им материала и подготовил «Очерк административного устройства Синьцзяна»²¹³, который 15 декабря 1900 г. выслал генерал-квартирмейстеру М.Д. Евреину²¹⁴.

Обстановка в Кашгаре в целом оставалась спокойной, однако Петровскому всё же пришлось пойти на конфликт с китайскими властями. По его требованию был смещён сарыкольский окружной начальник Дидарин, изгнавший из Ташкургана агента мирзу Сулеймана²¹⁵ и публично заявлявший, что русские являются врагами китайцев²¹⁶. Инцидент дал Петровскому основание, сославшись на нарушение китайцами их обещания обеспечить условия для нормального почтового сообщения с Памирским отрядом, вынудить их согласиться на пропуск в Ташкурган поручика Н.М. Бабушкина. Он прибыл туда с пятью казаками 6-го Оренбургского казачьего полка 16 января 1901 г.²¹⁷ и основал Ташкурганский пост.

21 марта 1901 г. вновь назначенный туркестанский генерал-губернатор Н.А. Иванов писал министру иностранных дел В.Н. Ламздорфу, что в Восточном Туркестане «имелись многие факторы для народных волнений». И если эта «дальняя окраина» Китая «пережила всё критиче-

²⁰⁷ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 786. Л. 1 об. – 2.

²⁰⁸ Там же. Д. 1567. Л. 96.

²⁰⁹ Там же. 78 об.

²¹⁰ Там же. Л. 109 об.

²¹¹ Се-тай – звание, соответствующее званию полковника в русской армии; тун-лин – командир отряда, расположенного в пределах одного округа, уезда или населённого пункта.

²¹² РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1567. Л. 109 об.

²¹³ *Корнилов Л.Г.* Очерк административного устройства Синьцзяна. С. 1–20.

²¹⁴ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1576. Л. 1.

²¹⁵ Изгнание произошло 5 сентября 1900 г.

²¹⁶ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1567. Л. 57–58.

²¹⁷ Там же. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2547. Л. 9 – 9 об.

ское время совершенно спокойно», то заслуга в этом не китайских властей, а российских консулов «ясно дававших понять населению», что правительство Российской империи «будет не на стороне мятежников»²¹⁸. Особенно трудно было в Кашгаре, где китайские военные «громко заявляли о необходимости немедленно изгнать иностранцев», чиновники же «не решались открыто проповедовать поход» против русских. Всё это могло «привести к крупным недоразумениям и вызвать смуту»²¹⁹. Петровский, пользуясь своим «огромным авторитетом» в Кашгаре, «чрезвычайно искусно подчинил своему влиянию высшую китайскую администрацию» и «энергично настаивал на удалении беспокорных элементов» из числа военных. По настоянию генерального консула был смещён командующий войсками в Кашгарии ти-ду²²⁰ Чжан, «позволивший себе враждебные выходки против русских», кашгарский же даотай «вполне подчинился влиянию» Петровского²²¹. Только вследствие «неусыпных забот и огромного авторитета» Петровского, а также «глубокого знания им края», писал генерал-губернатор, есть основания полагать, что Кашгария благополучно переживёт кризис²²². Ходатайство Н.А. Иванова о награждении Петровского за заслуги чином тайного советника²²³ тем не менее удовлетворено не было, вместо этого ему была пожалована украшенная бриллиантами золотая табакерка с вензелем императора Николая II²²⁴.

Заручившись согласием Петровского, Корнилов 5 апреля 1901 г. выехал в Ташкурган. В этой поездке он намеревался закончить «сбор всех материалов для военно-статистического описания Кашгарии»²²⁵. Накануне он пришёл к выводу, что взгляды его и Петровского по вопросу о Сарыколе «расходятся диаметрально»²²⁶. Петровский, по его мнению, был слишком заинтересован в мирном улаживании отношений с китайцами и недооценивал значение Ташкурганского поста. Корнилов же считал необходимым довести численность казаков на посту до полусотни и заодно потребовать от китайцев убрать свои посты с Сарыкола. Сделать это Корнилов считал нужным «не ради одной безопасности» Ташкурганского поста, но и как средство «понудить китайцев к исполнению наших требований в Сарыколе»²²⁷. Дабы «предупредить» ан-

²¹⁸ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 487. Л. 42 об. – 43.

²¹⁹ Там же. Л. 43 об.

²²⁰ Ти-ду – звание, соответствующее званию генерал-лейтенанта в русской армии.

²²¹ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 487. Л. 44.

²²² Там же. Л. 44 об.

²²³ Там же. Л. 45. Чин действительного статского советника, который имел к этому времени Петровский, был присвоен ему ещё в 1884 г. за участие в ревизии Туркестанского генерал-губернаторства.

²²⁴ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 487. Л. 47 – 47 об. Пожалование состоялось 18 мая 1901 г.

²²⁵ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1576. Л. 165 об.

²²⁶ Там же. Л. 171 об.; Ф. 400. Оп. 1. Д. 2548. Л. 160.

²²⁷ Там же. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1576. Л. 172 об.

гличан, он предлагал «занять» Сарыкол под предлогом постоянного нарушения китайцами договоров и принадлежащих Российской империи «беспорных исторических прав на Сарыкол, как наследие бывшего Кокандского ханства»²²⁸. Очевидно, разделявший это мнение поручик Н.М. Бабушкин предлагал занять Сарыкол движением отряда от памирского Истыкского поста на Ташкурган²²⁹. Сарыкол представлял интерес не только из-за того, что по нему проходил путь из Индии и Афганистана в Кашгарию. На Сарыколе были более благоприятные климатические условия, чем на Памире, и овладение Сарыколом рассматривалось, как средство улучшить продовольственное снабжение памирских постов и тем самым упрочить их положение²³⁰.

Прибыв в Ташкурган 12 апреля 1901 г., Корнилов узнал, что подпоручику Кириллову, сменившему заболевшего поручика Бабушкина, «пришлось занять тёмную, полуразвалившуюся землянку, отстоящую на значительном расстоянии от помещения казаков, казакам же – саклю, примыкавшую к нежилым, разрушенным строениям». Лошадей, за отсутствием конюшен, «пришлось держать под открытым небом»²³¹. Новый начальник Сарыкольского округа амбань²³² Чжао, очевидно, решил выжить русских «холодом и голодом»²³³. Он запретил местным жителям снабжать казаков продовольствием и попытался принудить их заявить, что они покинут Сарыкол, если оттуда не уйдут русские. Второе же по значению лицо на Сарыколе – хаким Мухаммед Карим-бек – командир конной киргизско-таджикской лянзы, в дела управления не вмешивался. Он характеризовался Корниловым как «человек робкий, очень ограниченный и слабохарактерный»²³⁴. Корнилов перевёл пост в более удобное помещение – дом местного жителя Рахмонкула, добился от амбана снятия запрета на поставку продовольствия и 30 апреля 1901 г. вернулся в Кашгар²³⁵. По настоянию Петровского сарыкольский амбань был смещён с должности и заменён более сговорчивым²³⁶.

11 июня Корнилову стало известно о партии анаши, готовящейся в Кашгаре для перевоза через русско-китайскую границу. Корнилов, как он сам признавал, «упустил из виду доложить» об этом Петровскому, который, полагая, что Корнилов успел уже отдать распоряжение о пресечении контрабанды (чего на самом деле не было) не ставя его в известность, сообщил о якобы самоуправстве Корнилова туркестанскому генерал-губернатору. Комментируя это донесение, Корнилов, в разговоре с

²²⁸ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1576. Л. 51.

²²⁹ Там же. Л. 193 об.

²³⁰ Там же. Л. 192 об. – 193 об.

²³¹ Там же. Л. 203 об.

²³² Амбань – сановник (маньчжур.).

²³³ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1576. Л. 191.

²³⁴ Там же. Л. 249.

²³⁵ Там же. Л. 213.

²³⁶ Зайченко [З.И.] Указ. соч. С. 109–112.

Петровским, «позволил себе выразится несколько резко», но, спохватившись, принес на следующий день генеральному консулу «почтительное извинение»²³⁷. После этого Петровский посчитал конфликт исчерпанным.

14 июня 1901 г. Корнилов обратился к окружному генерал-квартирмейстеру М.Д. Евреинову с просьбой разрешить ему вернуться в Ташкент через Сарыкол и Памир с тем, чтобы «лично собрать сведения о действиях англичан в долине Кара-Чукура и осмотреть один из перевалов Сарыкольского хребта»²³⁸. Корнилов получил на это согласие. 15 июля он вернулся в Ташкент²³⁹, а 3 сентября представил М.Д. Евреинову свою записку²⁴⁰, озаглавленную «Вооружённые силы Китая в Кашгарии»²⁴¹.

Собранные Л.Г. Корниловым во время двухлетней командировки материалы легли в основу книги «Кашгария, или Восточный Туркестан», в которой он изложил своё понимание «сарыкольского вопроса» как одной из проблем русско-китайских отношений. Долины Сарыкола перешли под власть китайцев «лишь по случайным обстоятельствам» и признание Сарыкольского хребта в качестве границы «можно оспаривать на основании не одних только исторических прав наших на эти местности». Сарыкольский хребет «представляет отроги Музтаг-ата, втиснутые между цепями Памирского нагорья». Перенесение границы на Музтаг-ата обеспечило бы за Российской империей «важные в стратегическом отношении долины Сарыкола»²⁴². С основанием Ташкурганского поста, считал Корнилов, в решении «сарыкольского вопроса» был сделан «значительный шаг вперёд, но далеко ещё не решительный», мера это временная и «не может быть признана гарантией» политических и торговых интересов России в Восточном Туркестане. Уверения английского правительства о не стремлении к территориальным приобретениям «по эту сторону Музтага и Каракорума» были, писал Корнилов лишь «ловким манёвром» с целью выиграть время и усыпить бдительность русских. На самом же деле англичане «снова добиваются от китайцев уступки долин Раскем-Дарьи, Тагдумбаша и Кара-Чукура»²⁴³. Они рассматривают Кашгарию как политическую базу, которая дала бы им возможность «оказать ближайшее воздействие» на мусульманское население Средней Азии в направлении враждебном России и «тем обеспечить себе лишние шансы в предстоящей борьбе»²⁴⁴. Россия, считал Корнилов, заинтересована в сохранении Кашгарии в составе Китая. Он писал: «Включение в наши пределы этой обширной страны, большая часть площади которой совер-

²³⁷ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1576. Л. 253–255.

²³⁸ Там же. Л. 250 об.

²³⁹ Там же. Д. 1742. Л. 4.

²⁴⁰ Там же. Д. 1576. Л. 306.

²⁴¹ *Корнилов Л.Г.* Вооружённые силы Китая в Кашгарии // Сведения. Ташкент, 1902. Вып. XXXII–XXXIII.

²⁴² *Корнилов Л.Г.* Кашгария, или Восточный Туркестан. С. 141.

²⁴³ Там же. Л. 54.

²⁴⁴ Там же. Л. 66.

шенно непригодна к культуре, страны, почти изолированной от соседних стран, не даёт нам выгод ни в смысле приобретения богатой, производительной страны, ни в смысле улучшения общего положения нашего на территории Азии. Нам несравненно выгоднее оставить её во власти такого уживчивого и миролюбивого соседа, как китайцы, обеспечить за собой безусловное политическое и торговое влияние в этой стране...» и потому «нет никакого расчёта» стремиться к присоединению Кашгарии к Российской империи²⁴⁵. Появление русских войск в Кашгарии Корнилов допускал лишь в случае прямого вооружённого конфликта с Китаем. Побудительным мотивом к вторжению могли бы послужить беспорядки, если их не предотвратят расквартированные в Кашгарии китайские войска, из-за их низкой боеспособности. Вместе с тем Корнилов не исключал, что при определённых обстоятельствах в Кашгарии «могут создаться вооружённые силы», с которыми «придётся считаться». Но будет это, полагал он, не скоро, а до тех пор «наиболее солидной гарантией внутреннего спокойствия в Кашгарии и неприкосновенности её границ являются соседство России и миролюбие её, доказанное всей историей наших отношений с Китаем»²⁴⁶.

На смену Корнилову в Кашгар 4 июля 1901 г. прибыл капитан З.И. Зайченко²⁴⁷. Первые месяцы своего пребывания в этом городе он был занят составлением (при участии Петровского) очерка «Памиры и Сарыколь»²⁴⁸, который 30 января 1902 г. отослал генерал-квартирмейстеру М.Д. Евреинову²⁴⁹. Ему же Зайченко писал 17 февраля 1902 г. о распространившихся в Кашгаре слухах относительно предложения англичан афганскому эмиру Хабибулла-хану²⁵⁰ уступить Британской Индии Вахан, Зебак и Ишкашим, на что тот якобы ответил категорическим отказом²⁵¹. Именно в связи с этими слухами туркестанский генерал-губернатор Н.А. Иванов докладывал военному министру А.Н. Куропаткину о необходимости усилить пост в Ташкургане до 15 казаков и построить там здание²⁵². Меры эти были сочтены необходимыми, пост был усилен до предлагаемого состава²⁵³, и было начато сооружение для него специального здания²⁵⁴.

²⁴⁵ Корнилов Л.Г. Кашгария. С. 426.

²⁴⁶ Там же.

²⁴⁷ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1595. Л. 5; Д. 1742. Л. 4 об. Зайченко Захарий Иванович (1871-?) – генерал-майор, начальник штаба 38-го армейского корпуса (1916–1917), начальник 59-й пехотной дивизии (с 1917).

²⁴⁸ Зайченко [З.И.] Указ. соч.

²⁴⁹ РГВИА. Ф. 1396. О. 2. Д. 1597. Л. 41.

²⁵⁰ Хабибулла-хан (1872–1919) – эмир Афганистана (с 1901 г.).

²⁵¹ РГВИА. Ф. 1396 Оп. 2. Д. 1597. Л. 57.

²⁵² Там же. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2548. Л. 18 – 19 об.

²⁵³ Там же. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1612. Л. 73 – 73 об.

²⁵⁴ Сооружение здания Ташкурганского поста продолжалось с 21 июня 1903 г. до 6 июля 1904 г. (См. РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1626. Л. 7–8; Д. 1831. Л. 12–13 об.; Д. 1833. Л. 37.).

Между тем З.И. Зайченко не видел в этих мерах особого смысла, поскольку полагал, что в принципе «нужно было не ставить пост, а занять Сарыкол»²⁵⁵. Весь вопрос, считал он, «в настоящее время зависит от того, чтобы выбрать наиболее благоприятную минуту для решительных действий и, когда таковая настанет, предъявить самые широкие требования по обеспечению нас на юго-восточном фронте Ферганы, требования безусловные и категорические, опирающиеся на внушительную военную силу»²⁵⁶. Вместе с тем он признавал, что «трудно даже приблизительно определить время, когда, наконец, настанет благоприятное окончание для нас памирского вопроса»²⁵⁷.

Ташкурганский пост фактически выполнял функцию аванпоста по отношению к постам, осуществлявшим военно-административное управление Памирским районом. Их задачи были определены «Инструкцией начальнику Памирского отряда», утверждённой туркестанским генерал-губернатором Н.А. Ивановым 27 сентября 1902 г.²⁵⁸. Предназначение отряда состояло в охране безопасности как Восточного (Русского), так и Западного (Бухарского) Памира. В отношении памирских киргизов и таджиков восточно-памирской Орошорской волости начальник отряда наделялся правами уездного начальника, осуществлял судебную власть на основании местных обычаев и был непосредственно подчинён военному губернатору Ферганской области²⁵⁹. Ему вменялось в обязанность «бдительно следить» за бухарской администрацией на Западном Памире с целью предотвращения насилий над местным населением и привлечением его симпатий на сторону русских властей. Связь с властями Бухарского ханства предписывалось поддерживать исключительно через политического агента в Бухаре, представлявшего интересы Российской империи в этом государстве. Памирскому отряду вменялось в обязанность также сбор сведений о сопредельных странах, прежде всего об Афганистане, Северной Индии, Пригиндукушских странах, Бальтистане, Ладакхе, Ягистане, Кашмире, о которых было известно менее всего.

Инструкцией определялся состав Памирского отряда: 7 офицеров, включая начальника отряда, 100 пеших, 72 казака, «некоторое количество» джигитов, 1 врач, 4 фельдшера. Отряд был распределён по двум группам постов: западных (Хорогский, Ишкашимский и Лянгарский²⁶⁰) и восточных (Памирский, Акташский²⁶¹ и Рангульский²⁶²). На запад-

²⁵⁵ Зайченко [З. И.] Указ. соч. С. 113.

²⁵⁶ Там же. С. 115.

²⁵⁷ Там же. С. 114.

²⁵⁸ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2749. Л. 132–137.

²⁵⁹ Военному губернатору Ферганской области Памирский отряд был подчинён в 1899–1904 гг., командиру 1-го Туркестанского армейского корпуса – в 1904–1905 гг., начальнику штаба Туркестанского военного округа (в военном отношении) – с 1905 г.

²⁶⁰ У слияния рек Памира и Вахан-Дарьи.

²⁶¹ На левом берегу реки Оксу.

²⁶² В 8 верстах от озера Ранкуль. Этот пост был основан в 1900 г.

ных постах службу несли преимущественно пехотинцы. На восточных – казаки. Распределение наличного состава по постам выглядело следующим образом:

Хорогский пост – 3 офицера (включая начальника Памирского отряда), 38 пехотинцев, 20 казаков.

Памирский – 2 офицера (включая начальника восточных постов), 35 пехотинцев, 18 казаков.

Ишкашимский – 1 офицер, 15 пехотинцев, 6 казаков.

Лянгарский – 12 пехотинцев, 6 казаков.

Акташский – 1 офицер, 15 казаков.

Рангульский – 7 казаков.

Начальник Памирского отряда мог менять состав постов и даже выставлять новые посты.

Силы Памирского отряда признавались достаточными для контроля за обширным горным краем в мирное время, однако для «серьёзной обороны» Памира, отмечал А.К. Разгонов²⁶³, необходима бригада пехоты с артиллерией. На Памирский отряд он смотрел лишь как на «слабое сторожевое охранение, выброшенное на далёкую окраину», которому в случае неожиданного вторжения афганцев или англичан «останется лишь умереть»²⁶⁴.

В феврале 1902 г. российский посланник в Пекине П.М. Лессар телеграфировал в МИД о возобновившихся контактах англичан с китайцами по поводу уступки земель канджутцам не только по Раскем-Дарье, но и на лежащем севернее Тагдумбаш-Памире. С телеграммой ознакомился император Николай II, поставивший резолюцию: «Надо энергично отстоять»²⁶⁵. Для изучения обстановки на месте на Раскем-Дарью 7 мая 1902 г. выехал Зайченко. Он осмотрел пять участков, сданных канджутцам в аренду, расположенных по рекам – левым притокам Раскем-Дарьи (Таш-момо, Кок-Таш, Упранг, Урюк и Илы-су), общей площадью 814 квадратных вёрст. При этом выяснилось, что пригодная к обработке земля составляет лишь 335 десятин²⁶⁶. Таким образом, делал вывод туркестанский генерал-губернатор Н.А. Иванов, проинформированный о результатах поездки Зайченко, притязания канджутцев «есть только предлог для англичан к овладению выходами в долину Раскем-Дарьи»²⁶⁷.

На обратном пути с Раскем-Дарьи Зайченко 14 июня 1902 г. посетил Ташкурган²⁶⁸. На смену ему в Кашгар 6 сентября 1902 г. прибыл капитан

²⁶³ Разгонов Александр Константинович (1873-?) – полковник, начальник штаба 1-й Кавказской казачьей дивизией (с 1916 г.). В 1907 г. А.К. Разгонов совершил путешествие к верховьям р. Пяндж.

²⁶⁴ *Разгонов А.К.* По Восточной Бухаре и Памиру. Ташкент, 1910. С. 104.

²⁶⁵ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2548. Л. 114.

²⁶⁶ Там же. Л. 101 об.

²⁶⁷ Там же. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1597. Л. 306 – 306 об.

²⁶⁸ Там же. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2548. Л. 71.

Н.Г. Чернозубов²⁶⁹. Его в свою очередь заменил приехавший в Кашгар 25 октября 1903 г. капитан А.П. Фёдоров²⁷⁰. К этому времени Петровского уже не было в Кашгаре, он покинул его в августе 1903 г., оставив управлять генеральным консульством своего секретаря М.И. Лаврова. Признанием заслуг Петровского перед наукой стало предложение барона В.Р. Розена на заседании Восточного отделения Императорского Русского археологического общества 18 марта 1904 г., выдвинуть кандидатуру бывшего генерального консула на избрание почётным членом ИРАО²⁷¹. По докладу С.Ф. Ольденбурга на общем собрании ИРАО 14 мая 1904 г. Петровский единогласно был избран почётным членом²⁷².

О последних годах жизни Петровского с семьёй в Ташкенте известно мало. Можно лишь предполагать, что он не утратил связь с Кашгаром, куда консулом был назначен его бывший секретарь С.А. Колоколов. «Сарыкольский вопрос», так много занимавший Петровского в период его службы в Кашгаре, продолжал оставаться предметом обсуждения в дипломатических и военных кругах России.

20 июня 1904 г. капитана А.П. Фёдорова в Кашгаре сменил подполковник В.Г. Ласточкин²⁷³. Результатом двухлетней командировки Ласточкина стала книга «Восточный Туркестан. Кашгария». Ласточкин (как и Корнилов) придерживался мнения о том, что граница России с Китаем на Памире должна отличаться от существовавшей линии фактического контроля. Как и Корнилов, он обосновывал своё мнение географическим фактором: связью Сарыкольского хребта с хребтами Куньлуня. Ласточкин приходил к выводу, что «принятие Сарыкольского хребта как водораздельного за временную границу между Россией и Китаем сделано ошибочно». Границей на этом участке, считал он, «должен служить хребет Музтаг-ата с его северо-западными и юго-восточными отрогами». Это дало бы России не только «естественную, крепкую и определённую границу», но и «важные в стратегическом отношении долины Сарыкола, заключающие в себе узел путей из Индии и Памира в Кашгарию», к тому же имеющие «кое-какие местные средства», позволяющие перенести сюда посты с Восточного Памира. Своевременным занятием «привольных и богатых долин Ташкурмана и Тагармы удалость бы избежать того «тяжёлого и неопределённого положения», в какое попали русские, учредившие пост в Ташкурмане, «где на таких же основаниях, заключив соглашение с китайцами, могут поставить свой пост и англичане»²⁷⁴.

²⁶⁹ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1612. Л. 64 – 64 об. Чернозубов Николай Григорьевич (1875–?) – камер-паж, подьесаул лейб-гвардии Казачьего полка (с 1901 г.).

²⁷⁰ Там же. Д. 1626. Л. 219.

²⁷¹ ЗВОРАО. СПб., 1906. Т. XVI. Вып. IV. С. XXVIII–XXIX.

²⁷² Протоколы общих собраний Имп. Русского археологического общества за 1899–1908 годы. Пг., 1915. С. 198–199.

²⁷³ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1833. Л. 4. Ласточкин Владимир Гурьевич (1871–1920) – генерал-майор, начальник штаба 1-го Кавказского армейского корпуса (1915–1917).

²⁷⁴ Ласточкин [В.Г.] Восточный Туркестан. Кашгария. Ташкент, 1911. С. 32.

Русско-английский договор о разграничении сфер влияния в Азии 1907 г., писал Ласточкин, «как бы нарочно оставил развязанными руки англичан» в Кашгарии и «нет ничего удивительного», если «в ближайшем будущем они обойдут нашу недалёковидную дипломатию и заставят нас окончательно принять совершенно невыгодную для России границу по Сарыкольскому хребту»²⁷⁵. В противовес этому следовало бы добиваться границы «по главному хребту Куньлуня»²⁷⁶. Стратегическое положение Памира Ласточкин описывал так: «В настоящем своём виде неприветливые, высокие плато Памиров представляют как бы выдвинутый на юг кулак, который если и не наносит удара, то, во всяком случае, представляет большое препятствие для идущего прямо на него. Мы не проявили стараний для того, чтобы враги с юга не могли обойти этот кулак, между тем удобные пути через Сарыкол и Раскем в Кашгарию именно могут служить для этой цели нашим врагам англичанам»²⁷⁷. Завладев северо-индийским княжеством Канджут и сохранив его «наружную зависимость» от Китая, англичане «стараются запустить лапу дальше на север в обход наших Памиров»²⁷⁸. Их цель состоит в том, чтобы, захватив долины Тагармы, Ташкургана и Раскема, «зажать нас на негостеприимном плато Памиров, а себе добыть удобнейший путь из Индии в Кашгарию»²⁷⁹. Притом путь через долину Раскем-Дарьи Ласточкин оценивал как «более удобный и безопасный» для доставки товаров, чем через Ташкурган²⁸⁰. «Недоразумения» России с Китаем по поводу памирской границы, писал Ласточкин, «старательно раздувались» англичанами, но «к их прискорбю были кое-как мирно улажены»²⁸¹. В случае вооружённого конфликта России с Китаем военные действия ограничатся (кроме Маньчжурии) Илийским краем, «задев лишь крылом» Кашгарию. Она же в военном отношении «вперёд почти не двигается»²⁸². Китайцы «не особенно заботятся» о её обороне, «вероятно предполагая, что лучшей защитой её целостности являются обоюдные интриги» англичан и русских²⁸³. «Громадная по своей площади, но мало населённая и бедная страна эта представляет для нас – писал Ласточкин, – мало привлекательного, тем более что и торговые интересы наши в ней невелики и едва ли могут много увеличиться». Поддерживая с Кашгарией торговлю, Россия стремится «не к реальным барышам», а добивается «торгового и, пожалуй, политического господства в этой стране», которое из-за неверной политики последних лет «значительно упало», чему способствовал «не всегда удачный выбор наших предста-

²⁷⁵ Ласточкин [В.Г.] Восточный Туркестан. Кашгария. С. 93.

²⁷⁶ Там же. С. 86.

²⁷⁷ Там же. С. 87.

²⁷⁸ Там же. С. 89.

²⁷⁹ Там же. С. 90.

²⁸⁰ Там же. С. 78, 90.

²⁸¹ Там же. С. 89.

²⁸² Там же. С. 92.

²⁸³ Там же. С. 144.

вителей» в Восточном Туркестане²⁸⁴. Отмечая, что в отношении Кашгарии совершено «много политических промахов», Ласточкин отдавал должное Н.Ф. Петровскому, который «отлично понимал слагавшуюся обстановку и неоднократно протестовал против принимаемых мер, однако к его голосу и советам редко прислушивались»²⁸⁵.

Ласточкин стал последним из офицеров-разведчиков, командированных в Кашгар, после него решено было посылать разведчика не в Кашгар, а в административный центр Синьцзяна – Урумчи, где, «в виду реформирования китайских войск было более необходимо иметь опытного в военном деле наблюдателя»²⁸⁶.

12 января 1905 г. генерал-губернатором Н.Н. Тевяшёвым²⁸⁷ была утверждена «Временная инструкция начальнику Памирского отряда», в которой, в частности, определялось положение чиновника от гиссарского кушбеги, назначаемого в качестве представителя бухарского эмира на Западный Памир, вместо шугнанского бека. Чиновник этот должен был жить постоянно в Хороге и все указания по управлению местным населением получать от начальника Памирского отряда, которому, в случае необходимости предписывалось, брать на себя управление, минуя чиновника.

В 1905 г. на Западном Памире было введено выборное управление (волостные старшины)²⁸⁸.

После решения отказаться от посылки офицера-разведчика в Кашгар Ташкурганский пост стал подчиняться штабу Туркестанского военного округа. В связи с возникшим вопросом о разработке «Инструкции начальнику Ташкурганского поста» начальник штаба Туркестанского военного округа генерал-лейтенант Г.К. Рихтер²⁸⁹ писал 28 июля 1907 г. в Главное правление Генерального штаба: «Главная, хотя и скрытая, цель наших мероприятий в Сарыколе, конечно, является не поддержание почтового сообщения между Кашгарией и нашими Памирами, а разведка». Основным направлением её должен быть отнюдь не китайские владения, а «страны, сопредельные с юго-восточным углом наших Памиров». Именно единство разведывательных задач, стоящих перед Ташкурганским постом и Памирским отрядом, писал Г.К. Рихтер, требует необходимым подчинить начальника поста «во всех отношениях» начальнику отряда²⁹⁰.

²⁸⁴ Ласточкин [В.Г.] Восточный Туркестан. Кашгария. С. 143–144.

²⁸⁵ Там же. С. 92.

²⁸⁶ Там же.

²⁸⁷ Тевяшёв Николай Николаевич (1842–1905) – генерал от кавалерии, астраханский губернатор (1890–1895), туркестанский генерал-губернатор (с 1904 г.)

²⁸⁸ 18 июня 1905 г. политический агент в Бухаре Я.Я. Лютш сообщал об этом в письме к бухарскому зякетчи (Халфин Н.А. Россия и Бухарский эмират на Западном Памире. С. 73).

²⁸⁹ Рихтер Гвидо Казимирович (1855–1919) – генерал от инфантерии, начальник штаба Туркестанского военного округа (1906–1910), начальник 16-й пехотной дивизии (с 1910 г.).

²⁹⁰ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1681. Л. 99 об.

Тем временем в Ташкенте Петровский занимался обработкой собранных им за время долголетней службы материалов, стремясь сохранить их для науки. В 1905 г. он передал свою коллекцию рукописей в дар Русскому комитету для изучения Средней и Восточной Азии, впоследствии она поступила в Азиатский музей Петербургской Академии наук²⁹¹. Уже после смерти Петровского, в 1909 г., его библиотека (1500 названий книг на русском и европейских языках) была приобретена у его наследников для Туркестанской публичной библиотеки в Ташкенте²⁹². В Кашгаре Петровский оставил о себе крепкую память. Ещё несколько лет спустя после его отъезда китайские власти, несмотря на настойчивые просьбы английского правительства, отказывались признать за английским представителем в Кашгаре Д. Макартни статус консула. После Петровского им, видимо, трудно было свыкнуться с мыслью, что в Кашгаре может быть какой-либо другой консул, кроме российского. Когда же англичанам удалось добиться своего, в городах Восточного Туркестана разнёсся слух, что скоро в Кашгар прибудет «дженераль-консул» Н.Ф. Петровский²⁹³. Вернуться, однако, ему было не суждено. Николай Фёдорович Петровский скоропостижно скончался в Ташкенте 19 ноября 1908 г. Последние месяцы жизни он был занят переводом с уйгурского языка сказания о Якуб-беке («Якуб-бек, его смерть и занятие Кашгара китайцами») и подготовкой большого словаря уйгурского языка²⁹⁴.

В церемонии отпевания тела Петровского в ташкентском Спасо-Преображенском соборе 21 ноября 1908 г.²⁹⁵ приняли участие директор Туркестанской учительской семинарии Н.П. Остроумов и помощник управляющего Канцелярией туркестанского генерал-губернатора А.А. Семёнов²⁹⁶.

На смерть Петровского отозвался В.В. Бартольд: «Доходившие до меня в последнее время известия из Ташкента были не особенно радостны; в особенности меня огорчило неожиданное известие о смерти Н.Ф. Петровского. Насколько наше арх[еологическое] общество обязано покойному – об этом нечего и говорить»²⁹⁷. На заседании Восточного отделения ИРАО 26 февраля 1909 г. С.Ф. Ольденбург сделал сообщение «О научном значении коллекции Н.Ф. Петровского». Она была

²⁹¹ Памятники индийской письменности. С. 17.

²⁹² РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3788. Л. 14 – 14 об.

²⁹³ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 480. Л. 72.

²⁹⁴ СПб ФА РАН. Ф. 68. (В.В. Бартольд). Оп. 2. Д. 295. Л. 26.

²⁹⁵ Туркестанские ведомости. 1908. 23 ноября. № 252.

²⁹⁶ Семёнов Александр Александрович (1873–1958) – востоковед, профессор Среднеазиатского государственного университета в Ташкенте, директор Института по изучению рукописей АН Узбекской ССР (1943–1948), Института истории археологии и этнографии АН Таджикской ССР (с 1951 г.), академик АН Таджикской ССР (с 1951 г.).

²⁹⁷ Лунин Б.В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Ташкент, 1958. С. 75.

передана его наследниками, согласно завещанию, музею Императорского Русского археологического общества. Ольденбург отмечал, что в коллекции «не мало ценного материала, который должен быть, несомненно, издан вместе с хранящимися в Эрмитаже хотанскими древностями»²⁹⁸.

Смерть Петровского вызвала отклик и у А.Е. Снесарева²⁹⁹. В его памяти Петровский запечатлелся как «мудрый старик, с гибким умом, с богатой русской сметкой», знания которого «были поразительны, понимание вещей широкое». Петровский, вспоминал Снесарев, был прекрасным собеседником, общаться с которым было «чистое наслаждение»³⁰⁰.

Общую оценку личности и деятельности Петровского дал С.Ф. Ольденбург³⁰¹ писавший: «Он был большой человек, из числа тех, чьё имя остаётся и память о которых живёт в делах их и у людей, которые их знали». На посту генерального консула Петровскому часто приходилось заниматься политическими делами, и он проявлял себя как «трезвый политик», вместе с тем он «был несколько склонен недооценивать силу Китая, имея постоянно дело с далёкой китайской окраиной, заброшенной в административном отношении». Русская торговля в Западном Китае была «одной из его серьезных и постоянных забот» и именно благодаря его поддержке «в значительной мере обусловлен тот быстрый рост распространения русских товаров» в Кашгарии, который бросался в глаза всякому, посещавшему её. По свидетельству Н.В. Богоявленского, служившего консулом в ряде городов Западного Китая, благодаря «постоянному и разумному содействию» Петровского крупная русская торговля в Кашгарии создалась буквально «из ничего»³⁰². Количество русских подданных, проживавших в Кашгарском округе, за время службы Петровского выросло в пять раз³⁰³. Главной научной заслугой Петровского, считал Ольденбург, было то, что он первый «стал последовательно собирать всё относящееся к прошлому края», где ему довелось служить³⁰⁴. Вместе с тем «как все люди действия он писал мало; исследования и статьи его, собранные вместе, составят не более одного тома», а его служебные отчёты и донесения «обречены на более или менее продолжительное пребывание» в архивах. С годами, выражал уве-

²⁹⁸ ЗВОРАО. СПб., 1910. Т. XIX. Вып. IV. С. XXII–XXVIII.

²⁹⁹ Снесарев Андрей Евгеньевич (1865–1937) – востоковед, генерал-лейтенант, командир 9-го армейского корпуса (1917), начальник Академии Генерального штаба РККА (1919–1921), ректор Института востоковедения АН (1921–1926).

³⁰⁰ *Снесарев А.Е.* Николай Фёдорович Петровский (некролог) // Голос правды. 1908. 29 ноября. № 957.

³⁰¹ *Ольденбург С.Ф.* Указ. соч. С. 1–8.

³⁰² *Богоявленский Н.В.* Западный Застенный Китай. СПб., 1906. С. 359.

³⁰³ *Мамедова Э.М.* Из истории развития консульских отношений между Туркестанским генерал-губернаторством и Синьцзяном // Научные работы и сообщения Академии наук Узбекской ССР. Ташкент, 1963. Кн. 7. С. 308–309.

³⁰⁴ *Ольденбург С.Ф.* Указ. соч. С. 5.

ренность Ольденбург, на основании документов архивов можно будет «ярко и определённо» воссоздать образ Н.Ф. Петровского как человека, которым Россия «вправе гордиться», делавшим «в лучшем смысле этого слова, истинно русское дело, человеческое дело на далёкой китайской окраине». Ольденбург особо подчёркивал ценность такого источника, как письма Петровского, призывая их обладателей передать письма на хранение в Азиатский музей Петербургской Академии наук.

Очередная фаза обсуждения «сарыкольского вопроса» была инициирована Китаем. В письме российского посланника в Пекине И.Я. Коростовца³⁰⁵ от 8 марта 1910 г. в Министерство иностранных дел сообщалось о возбуждении китайским правительством вопроса о совместной проверке на месте участков государственной границы, прилегающих к Ферганской области и установленной лишь на карте³⁰⁶. Позиция Военного министерства в этом вопросе была выражена в письме от 9 ноября 1910 г. товарища военного министра А.А. Поливанова³⁰⁷ к вновь назначенному министром иностранных дел С.Д. Сазонову³⁰⁸. Военное министерство, писал Поливанов, «уже давно сознавало все невыгоды, происходящие от неопределённости пограничного вопроса на юго-восточной окраине Туркестанского края», поэтому оно «вполне присоединяется» к мнению, выраженному прежним министром иностранных дел А.П. Извольским³⁰⁹, «о желательности в настоящее время урегулирования границы Ферганской области с Кашгарией». Сделать это тем более необходимо теперь потому, что «при возрастающем самосознании Китая, чем дальше, тем всё труднее будет разрешение этого вопроса сообразно нашим интересам»³¹⁰, однако сначала необходимо получить разведывательные данные «с целью выяснения наиболее желательного направления демаркационной черты»³¹¹. В письме управляющему МИД А.А. Нератову от 4 апреля 1911 г. Поливанов писал, что Военное министерство стоит на позиции, изложенной туркестанским генерал-губернатором С.М. Духовским в 1898 г. и признаёт «необходимость включения при предстоящем разграничении в пределы России долины Сарыкола». В связи с этим Поливанов указывал на необходимость обследования всего Сарыкольского хребта «до восточных горных его границ

³⁰⁵ Коростовец Иван Яковлевич (1862–1933) – дипломат, востоковед, посланник в Пекине (1908–1912), Танжере (1912–1914) и Тегеране (1914–1915), член Совета МИД (1915–1917).

³⁰⁶ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 1173. Л. 25.

³⁰⁷ Поливанов Алексей Андреевич (1855–1920) – генерал от инфантерии, начальник Главного штаба (1905–1906), товарищ военного министра (1906–1912), военный министр (1915–1916).

³⁰⁸ Сазонов Сергей Дмитриевич (1860–1927) – товарищ министра иностранных дел (1909–1910), министр иностранных дел (1910–1916).

³⁰⁹ Извольский Александр Петрович (1856–1919) – дипломат, гофмейстер, министр иностранных дел (1906–1910), посол в Париже (1910–1917).

³¹⁰ АВПРИ. Ф.143. Оп. 491. Д. 1173. Л. 23.

³¹¹ Там же. Л. 23 об.

включительно», ограничение района обследования «было бы равносильно признанию ныне существующей границы за постоянную»³¹². В ответном письме от 16 мая 1911 г. Нератов указывал, что МИД в принципе исходит из отсутствия необходимости «округления» российских владений вдоль западной границы с Китаем³¹³. Требовать у китайцев территорию за Сарыколом было бы неуместно, ибо Сарыкольский хребет уже назывался Россией в качестве естественной природной границы на переговорах с Китаем в 1894 г.³¹⁴, аргументация же о законной принадлежности России территорий, некогда принадлежавших Кокандскому ханству, вообще является зыбкой³¹⁵. Возбуждение территориального вопроса в отношениях с Китаем может привести к нежелательному обострению отношений с Англией. Заверений же ранее сделанных Англией (об отказе от территориальных приобретений в Раскеме) и Китая (не уступать никому Тагдумбаша и Раскем-Памира) вполне достаточно³¹⁶. Обследование границы поэтому должно ограничиться пределами Сарыкольского хребта. 11 августа 1911 г. Нератов дополнительно сообщил Поливанову, что по сведениям, полученным Министерством иностранных дел, англичане готовят на границе Канджута отряд, который в зависимости от хода работ разведывательных партий в районе Сарыкола может перейти туда³¹⁷. Итог работы двух разведывательных партий, во главе с подполковником А.И. Егоровым³¹⁸ и капитаном Г.А. Шпилько³¹⁹ обследовавших в июле–августе 1911 г. границу между перевалами Бедель и Туругарт, Поливанов подводил в письме от 8 октября 1912 г. к С.Д. Сазонову. Существующая граница от укрепления Иркештам до перевала Беик, писал Поливанов, может служить хорошей постоянной государственной границей, «если только отказать от притязаний на включение в наши пределы Сарыкольского округа». Пожелание о включении этого округа высказывал туркестанский генерал-губернатор А.В. Самсонов³²⁰. Военное министерство в переписке с Министерством иностранных дел «сарыкольский вопрос» предпочитало в принципиальном плане не затрагивать, хотя и подчёркивало, что сознаёт «всю важность его в военном отношении»³²¹. В Министерстве иностранных дел же считали, что нашли понимание со сто-

³¹² АВПРИ. Ф143. Оп. 491. Д. 1173. Л. 33.

³¹³ Там же. Л. 47.

³¹⁴ Там же. Л. 46 – 46 об.

³¹⁵ Там же. Л. 45 – 45 об.

³¹⁶ Там же. Л. 47 об.

³¹⁷ Там же. Л. 59.

³¹⁸ Егоров Александр Иванович (1876–1914) – полковник, штаб-офицер для поручений при штабе Туркестанского военного округа (с 1909 г.).

³¹⁹ Шпилько Григорий Андреевич (1872–1936) – полковник, начальник Памирского отряда (1912–1914), начальник штаба Петроградского военного округа (1917).

³²⁰ Самсонов Александр Васильевич (1859–1914) – генерал от кавалерии, туркестанский генерал-губернатор (с 1909 г.).

³²¹ АВПРИ. Ф143. Оп. 491. Д. 1173. Л. 87 об.

роны Военного министерства в толковании «сарыкольского вопроса» как «несвоевременного»³²².

В период Синьхайской революции в Кашгар в июне 1912 г. для защиты консульства и русских подданных был введён отряд из 300 казаков и двух рот пехоты, вооружённый тремя пулемётами, выведенный лишь в октябре 1913 г. За время его пребывания «никаких задач по аннексии Синьцзяна или его отдельных частей не ставилось»³²³.

31 января 1914 г. генерал-губернатор А.В. Самсонов утвердил новую «Инструкцию начальнику Памирского отряда»³²⁴, в соответствии с которой состав отряда был увеличен за счёт пулемётной команды из 13 пулемётчиков, рассредоточенной по двум постам: Хорогскому и Лянгарскому. Численность военнотружущих на этих постах увеличена: на Хорогском – 3 офицера, 46 (вместо 38) пехотинцев, 20 казаков; на Лянгарском – 1 офицер, 23 (вместо 12) пехотинца, 6 казаков. Ослаблен Памирский пост – 2 офицера, 29 (вместо 35 пехотинцев), 17 (вместо 18) казаков. Ишкашимский (1 офицер, 15 пехотинцев, 6 казаков) и Ранг-кульский (7 казаков) посты оставлены в прежнем составе. Вместо Акташского, в «Инструкции» упоминается Кызылрабатский пост (1 урядник, 15 казаков). Кроме того, к отряду прикомандировывались сапёры. Начальнику отряда вменялось в обязанность «поддерживать связь» с Ташкурганским постом, на котором находилось 16 казаков (полусотня) 6-го Оренбургского казачьего полка, расположенным между Памирским и Кызылрабатским постами, и «в исключительных случаях» оказывать необходимую поддержку. Начальник отряда по военной части подчинялся непосредственно начальнику штаба Туркестанского военного округа, а по управлению Памирским районом пользовался правами начальника уезда и подчинялся военному губернатору Ферганской области³²⁵. Начальнику отряда предписывалось «заботиться о культурном развитии Памиров», под которым понималось улучшение путей сообщения, необходимые оросительные работы, бесплатная (за счёт эконоимленных средств отряда) раздача местным жителям семян и саженцев деревьев. Врачу Памирского отряда предписывалась «подача медицинской помощи местному населению». Начальнику отряда поручался общий контроль за общественными запасами продовольствия, причём предписывалось в хранении, выдаче и пополнении запасов опираться исключительно на местное население. Начальник отряда наделялся правом сменять и утверждать лиц местной администрации и вместе с тем в «Инструкции» особо отмечалось, что «существующий порядок управления населением должен, по возможности, быть сохранён без изменения». Суд на Памире

³²² АВПРИ. Ф143. Оп. 491. Д. 1173. Л. 81.

³²³ Белов Е. А. Краткая история Синьхайской революции 1911–1913 М., 2001. С. 115.

³²⁴ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 2166. Л. 149 – 153 об.

³²⁵ О подчинённости Памирского отряда см. прим. 259.

вёлся на основе местных обычаев, однако вынесенные судебные взыскания подлежали утверждению начальника Памирского отряда. «Инструкция» исходила из признания Западного Памира в юридическом отношении частью Бухарского ханства и упоминала о его официальном представителе – шугнанском беке. Вместе с тем отмечалось, что живший в Хороге при начальнике Памирского отряда бек «не должен допускаться к административному управлению населением Западного Памира, а управление всецело лежит на начальнике отряда». В «Инструкции» содержались указания, как начальнику отряда следует поступать при решении дел о недвижимости. Ему предписывалось исходить из того, что десятилетнее беспорочное пользование недвижимостью даёт право закрепить её в собственность с выдачей «васики» (дарственной). Право на владение приобретает также расчисткой под посеы неосвоенных или брошенных, никому не принадлежащих земель. Разрешение на освоение земель давал начальник отряда, и он же санкционировал закрепление их в собственность. Не используемая в течение пяти лет земля изымалась из собственности и передавалась другому владельцу, обязавшемуся освоить её в течение двух лет.

Дальнейшие изменения в порядке управления Памирским районом были связаны с революционными событиями в России.

По постановлению состоявшегося в Андижане 16–17 марта 1917 г. областного съезда советов рабочих и солдатских депутатов военный губернатор Ферганской области полковник П.П. Иванов³²⁶ 20 марта сложил свои полномочия. Командование войсками области временно перешло к генерал-майору С.Е. Полонскому³²⁷, а губернатором был избран податной инспектор Андижанского уезда П.Н. Шереметьевский³²⁸.

3 апреля 1917 г. начальник Памирского отряда полковник И.Д. Ягелло³²⁹ писал комиссару Временного правительства князю И.С. Васильчикову³³⁰ о необходимости «спешно разъяснить основной принцип пребывания русского отряда на Памирах вообще и Западных в частности». Бухарское правительство, писал И.Д. Ягелло, «навязало» русскому управлению своими бекствами: Рушанским Шугнанским, Ишкашимским и Ваханским и потому необходимо «выяснить окончательно», удобно ли управлять чужой собственностью как своей. Фактически предрешая

³²⁶ Иванов-Ринов Павел Павлович (1869–?) – генерал-лейтенант, военный губернатор Ферганской области (1916–1917), военный министр Временного Сибирского правительства и командующий Сибирской армией (1918), атаман Сибирского казачьего войска (1918–1924).

³²⁷ РГВИА. Ф. 1438. Оп. 1. Д. 30. Л. 35, 64.

³²⁸ Там же. Л. 34. 7 июня 1917 г. он был назначен комиссаром Ферганской области.

³²⁹ Ягелло Иван Дионисьевич (1865–1942) – востоковед, полковник, начальник Памирского отряда (1906–1907, 1914–1917).

³³⁰ Васильчиков Илларион Сергеевич (1881–1969) – князь, ковенский губернский предводитель дворянства (1909–1915), комиссар Временного правительства при Главном управлении Российского общества Красного Креста (1917).

ответ, И.Д. Ягелло упоминал о постоянном желании жителей Западного Памира перейти в русское подданство³³¹. В тот же день И.Д. Ягелло обратился с воззванием к киргизам и таджикам «Восточных и Западных Русских Памиров» о необходимости перемен в составе волостных управителей и избрания на эти должности «лучших людей». В воззвании говорилось об избрании, «кроме того», и «общественных комитетов», без пояснения каким образом эти новые органы будут взаимодействовать с прежними³³². Местные жители восприняли это как отказ от традиционной системы местного самоуправления и стали обращаться к новому начальнику Памирского отряда подполковнику В.В. Фенину³³³, чтобы их «освободили от свобод» и оставили по-прежнему в его власти, заверяя, что если этого не будет, то «начнётся резня» и местное население разбежится в соседние страны³³⁴.

Исследователь Памира, «секретарь по административной части» Памирского отряда И.И. Зарубин³³⁵, вернувшийся с Памира и проживавший в Павловске, подал 6 мая 1917 г. помощнику военного министра генералу В.Ф. Новицкому³³⁶ записку «Об устройстве Памирского района»³³⁷. Зарубин заявлял, что уполномочен русской администрацией и колонией на Памире выяснить отношение новой власти к этому району. Хотя всей полнотой власти военной и гражданской (административной и судебной) на Памире наделён начальник Памирского отряда, фактически, утверждал Зарубин, власть находится в руках переводчиков из местных жителей. На населении лежат тяжёлые повинности по снабжению русских постов, не установленные ни законом, ни обычаем, что побуждает местных жителей бежать в Афганистан³³⁸. «Между тем, писал Зарубин, население, девять десятых которого принадлежат к секте исмаилитов, чрезвычайно лояльно и вовсе не фанатично, очень восприимчиво к европейской культуре (с которой оно знакомится чаще всего в Индии, куда таджики часто отправляются с религиозными целями), с охотой отдаёт детей в русско-туземную школу, учиться мастерствам и хотело бы с симпатией относиться к русским, глубоко ненавидя афганцев»³³⁹.

Для «спокойного и безболезненного перехода Памирского района к новому строю» Зарубин предлагал:

³³¹ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 2168. Л. 262 – 262 об.

³³² Там же. Л. 261 – 261 об.

³³³ Фенин Валериан Викторович (1875–1933) – полковник, начальник Памирского отряда (1917–1918), председатель Русского дома в Багдаде (1929–1930).

³³⁴ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 2168. Л. 601.

³³⁵ Зарубин Иван Иванович (1887–1964) – востоковед-иранист, профессор ЛГУ (1938–1949).

³³⁶ Новицкий Василий Фёдорович (1869–1929) – генерал-лейтенант, помощник военного министра (1917).

³³⁷ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4616. Л. 91–93.

³³⁸ В 1915 г. население двух аминств перебежало в Афганистан и лишь после долгих уговоров вернулось.

³³⁹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4616. Л. 92.

1) разъяснить населению «в простой и доступной его пониманию форме» суть происходящих событий, сделать это необходимо в связи с тем, что среди некоторых народностей Туркестана падение старого строя было воспринято «как отказ русского правительства от государственной власти»;

2) переизбрать всех должностных лиц из местных жителей;

3) передать все судебные дела в исключительное ведение судебных властей, отменить телесные наказания и объявить о состоявшейся в России отмене смертной казни;

4) добиться отмены «всех архаических ни на чём не основанных повинностей»;

5) назначить на Памир для общего надзора за гражданским управлением областного (районного) комиссара.

В Главном штабе, куда поступила записка И.И. Зарубина, сочли затронутые в ней проблемы лежащими полностью в компетенции местной власти и направили 12 мая 1917 г. копию записки председателю Туркестанского комитета Временного правительства Н.Н. Щепкину³⁴⁰.

26 июня 1917 г. Соправление по делам края при Туркестанском Комитете Временного правительства одобрило «Временное положение об управлении Памирским районом»³⁴¹. В соответствии с ним всё гражданское управление на Памире и административные функции начальника Памирского отряда перешли к комиссару Памирского района, главной задачей которого являлась организация перевыборов местной администрации и создание «повсеместно» новых органов – «народных комитетов». Комиссаром Памирского района был назначен И.И. Зарубин, прибывший в Хорог 25 июля 1917 г.³⁴².

21 июля 1917 г. в Кашгаре было объявлено об образовании Исполнительного комитета как органа граждан России, в его состав вошли представители и от мусульманской части³⁴³. Председателем Исполкома 5 августа 1917 г. стал С.В. Дукович³⁴⁴. В 1918 г. на территории Кашгарского округа насчитывалось 9563 российских гражданина. Как отмечалось в отчёте Кашгарского консульства за 1918 г., в конце этого года оно «занялось установлением сношений с предводителями мусульманских отрядов в Фергане и выяснением настроения на Памирах, среди офицеров Памирского отряда». Им были также приняты меры «к установлению сношения между Сибирью и Закаспием через Кашгар»³⁴⁵. Во-

³⁴⁰ Щепкин Николай Николаевич (1854–1919) – политический деятель, председатель Туркестанского комитета Временного правительства (1917).

³⁴¹ РГАДА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 2168. Л. 421–422.

³⁴² Там же. Л. 556 об. В этой должности он пробыл до февраля 1918 г. (См.: Юсупов Ш.И. И. Зарубин на Памире // Памироведение. Душанбе, 1985. Вып. 2. С. 38–39).

³⁴³ АВПРИ. Ф. 188 (Миссия в Пекине). Оп. 761. Д. 790. Л. 15.

³⁴⁴ Там же. Л. 16.

³⁴⁵ Там же. Л. 9.

влечённость консульства в политические события отразилась на его судьбе. В 1920 г. российское консульство в Кашгаре и связанный с ним Ташкурганский пост были упразднены³⁴⁶.

Для публикации отобраны автографы писем Н.Ф. Петровского, адресованных известным востоковедам (В.Р. Розену и С.Ф. Ольденбургу), его сослуживцам, видным чиновникам Министерства финансов (Н.А. Ермакову, Д.Ф. Кобеко, Г.П. Небольсину) и Министерства иностранных дел (Ф.Р. Остен-Сакену, П.Н. Стремоухову), другим лицам. Всего публикуется 189 писем за 1871–1907 гг. В них отражена служебная деятельность Петровского, его научные интересы и занятия, а главное, довольно многие реалии русской политики в Центральной Азии в ходе «Большой игры»³⁴⁷, кульминационной стадией которой стала борьба за Памир³⁴⁸. Документы публикуются по современным правилам правописания, с сохранением их стилистических особенностей; сокращения раскрыты в квадратных скобках. Все письма, адресованные к П.Н. Стремоухову, и большинство писем к Ф.Р. Остен-Сакену и Д.Ф. Кобеко составителем данной публикации ранее были опубликованы³⁴⁹. Публикуются письма к известному исследователю Центральной Азии Н.М. Пржевальскому. Правда, они были изданы ранее А.А. Колесниковым³⁵⁰, но с серьезными отступлениями от правил археографии: текст писем издан им без необходимых комментариев (автор публикации ограничился лишь предисловием), к тому же в ряде случаев он передан не точно, что влияет на понимание содержания писем.

Выражаю благодарность директору Архива РАН В.Ю. Афиани за помощь в подготовке издания.

В.Г. Бухерт

³⁴⁶ *Скрин А.* Китайский Туркестан. М.–Л., 1930. С. 33–34, 47.

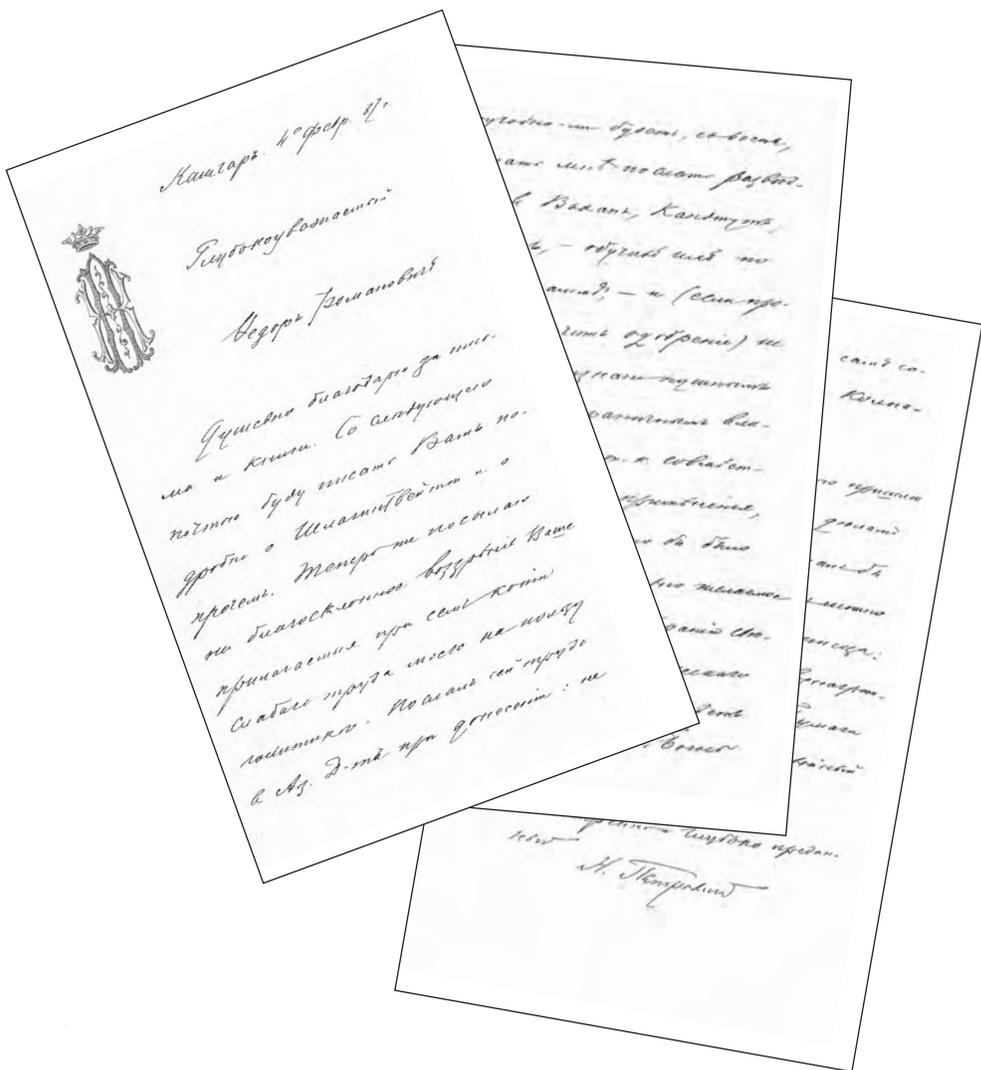
³⁴⁷ *Мясников В.С.* Из истории российской политики в Центральной и Средней Азии (XVIII–XX вв.) // *Постников А.В.* Становление рубежей России в Центральной и Средней Азии (XVIII–XIX вв.). М., 2007. С. 5.

³⁴⁸ *Мясников В.С.* К читателю // *Постников А.В.* Схватка на «Крыше Мира». М., 2001. С. 3.

³⁴⁹ См.: Туркестанские письма Н.Ф. Петровского / Публ. подг. В.Г. Бухерт // Российский архив. Новая серия. М., 2003. Т. ММII. С. 450–517; «С китайцами мы живём пока ладно». Письма российского консула в Кашгаре Н.Ф. Петровского к Д.Ф. Кобеко. 1883–1895 гг. // Исторический архив. 2007. № 1. С. 167–196.

³⁵⁰ См.: Из переписки Н.Ф. Петровского с Н.М. Пржевальским / Публ. подг. А.А. Колесников // Н.М. Пржевальский и русские исследователи Кыргызстана. Бишкек, 2004. С. 8–29. Повторная публикация (за исключением письма от 15 сентября 1888 г.): *Колесников А.А.* Русские в Кашгарии. Бишкек, 2006. С. 133–134, 136, 138–142, 144–150.

ПИСЬМА Н.Ф. ПЕТРОВСКОГО

1

Н.А. Ермакову¹

Ташкент. 24 ноября 1870 г.

Милостивый государь Николай Андреевич.

Управляющий Туркестанскою контрольною палатою, мой хороший знакомый, Влад[имир] Павлович Череванский², изъявил желание представиться Вашему превосходительству и сообщить Вам, по моей просьбе, некоторые небезынтересные для нашего Министерства сведения о финансовом положении края, известном ему более чем всякому другому лицу здешней администрации.

Из разговора с Владимиром Павловичем, которому Вы можете доверять как мне лично, Ваше превосходительство усмотрите в каком жалком, если не совсем безысходном положении находится этот, в сущности богатый, край. Все сведения о нём собранные местною администрациею, до того малы и ничтожны, что, право, удивляешься, на что истрачены и тратятся здесь такие громадные суммы, лежащие прямой обузой на государственном казначействе. Если бы затрата таких капиталов делалась ввиду будущего развития края, ввиду будущих барышей – тогда бы о них и речи не было; но жалко то, что все у нас расходы идут не на то, что нужно, идут, что называется, прахом, не будучи вызываемы никакими серьезными потребностями. При этом всё приправляется обильным количеством лжи, которая, проникая через «Туркестанские ведомости», в нашу литературу и общество, даёт о крае совершенно извращённые понятия. По-видимому, здесь всё идёт по пути самого быстрого прогресса, а между тем самые существенные для края вопросы не затронуты. Статистики края нет, поземельные отношения ещё не определены, пути не устроены (сообщение с Оренбургом почти прервано), агрономический вопрос, весьма важный для определения значения здешнего сырья, ещё не поднят. Если Вы прибавите к этому отсутствие здесь солидных коммерческих деятелей, неумение и невежество здешних предпринимателей-барышников, то картина получится весьма грустная. Вместе с тем, вот, вот, того и гляди, что заполонят нас английские произведения, как заполнил индийский чай, – и тогда все надежды на новый рынок и на лёгкий сбыт наших мануфактурных произ-

ведений погибнут безвозвратно. Позвольте привести Вашему превосходительству маленький пример. В Самарканд привезено было из Бухары (из Ташкента не везут) за пять м[еся]ц[е]в нынешнего года 294 пуда чая (индийского). Если Вы разделите это количество на число жителей Самаркандского отдела (200 т[ысяч]), то получите, что за сказанное время каждый житель этого отдела выпил легально только 5 сотых фунта, т.е. менее одной засыпки; всё остальное количество (по крайней мере, $\frac{1}{2}$ ф[унта]) он допил контрабандно. В скором времени я представлю официально в Д[епартамен]т все мои наблюдения по здешней чайной торговле.

Рисуя Вам мрачную и вполне достоверную картину здешних дел, я не имею намерения винить в ней главное лицо в крае³, вообще очень почтенное и с благими намерениями. Мне кажется, что здесь виновато вообще всё общество предержавших властей, наехавшее сюда только для того, чтоб поживиться и через три года убраться по добру и здорovu с маленьким капиталцем или без оного.

Прошу принять Ваше превосходительство извинение за несколько бесцеремонное изложение Вам моих взглядов. Поверьте, что делаю это только потому, что хорошо знаю, как дороги Вам русские интересы вообще и будущность русской торговли в особенности.

Отношения мои с администрацией самые лучшие.

Примите уверение в совершенном моём почтении и глубокой преданности

Ваш покорный слуга

Н. Петровский

ИВР РАН. Ф. 43 (Н.Ф. Петровский). Оп. 2. Д. 6. Л. 41 – 42 об.

2

П.Н. Стремоухову⁴

Ташкент. 11 февраля 1871 г.

Милостивый государь Пётр Николаевич.

При последнем свидании моём с Вашим превосходительством перед моим отъездом в Ташкент Вам угодно было выразить мне желание, чтобы, по временам, я сообщал Вам сведения о нашей торговле в Средней Азии и о ходе моих занятий по изучению производительности Туркестанского края.

Желание Вашего превосходительства не было мною до сего времени исполнено потому, что с самого приезда моего в Ташкент я занимался только собиранием нужного мне материала и ознакомлением, в общих

чертах, с предстоящею моему изучению почвою. Рассказом об этом занятии я не хотел утруждать Вашего внимания, тем более что собирание материала давалось мне вначале очень трудно по незнанию языка и по разным другим причинам. Кроме всего этого новость впечатлений невиданной ещё мною и весьма своеобразной азиатской жизни долго застилала мне глаза. В одном трудно было отрешиться от заранее предвзятых идей, в другом – ориентироваться на новой почве. Да и теперь, после продолжительных поездок по краю, я не могу – откровенно говоря – вполне положиться на свои мнения. Пусть это коротенькое предисловие послужит мне извинением, если Ваше превосходительство, знакомый с азиатской жизнью лучше меня, найдёт в моём письме какие-либо промахи и неверности.

Начну с пути, который мне показался вовсе не таким страшным, как его обыкновенно описывают. Безлюдные, безводные и песчаные пустыни умалились до весьма обыкновенных почтовых перегонов с не совсем вкусной водой и местами очень неудобной дорогой. На две тысячи вёрст по ненаселённой почти степи – это еще, слава Богу. Впрочем, надо прибавить, что я ехал в хорошее время года и (как говорят) особенно удачно. Теперь путь, по слухам, совсем невыносим, особенно в наших пределах, где довольно часто от Чимкента до Ташкента (150 в[ёрст]) едут шесть суток. Всё-таки, как бы то ни было, оренбургский путь или (как его здесь называют) орско-казалинский, имеет за собою многие существенные преимущества перед другими путями. О них уже много писано и они, по моему мнению, очень верны. Если бы туркестанской администрации удалось соединить путь почтовый с путем товарным, т.е. устроить при станциях маленькие караваны для склада товаров и отдыха верблюдов (для чего станции нужно расположить на равных расстояниях) – то торговля наша много бы от этого выиграла. Вообще говоря, вопрос об устройстве путей сообщения, один из самых важнейших вопросов, не был до сего времени, как мне кажется, достаточно обсуждён и оставался в ряду мероприятий туркестанской администрации несколько на заднем плане. На бывшем у нас здесь коммерческом съезде вопрос этот возбуждался торговыми лицами, но опять дело вышло как-то не совсем удачно: мнения разделились, записка, поданная купцом Кузнецовым о проложении нового пути на Акмоллы, остаётся без движения. Весьма вероятно, что путь оренбургский придётся устроить самой администрации, но это потребует очень большой суммы и очень большого уменья.

Не смотря, однако же, на это существенное неудобство торговля наша в Средней Азии, за исключением чайной, значительно развивается. В начале сюда навезено было весьма значительное количество товаров, которое, хотя и неблагоприятно отзывалось на выгоды здешних купцов, но, как я думаю, задушило здесь зародыши английской торговли. Английских произведений, за исключением кисеи (которую употребляют на чалмы – салля) – здесь почти не встречается. Редко, редко, как ис-

ключение, забежит на базар несколько кусков ситцу или миткаля, которые, кроме того, и продаются здесь несколько не дешевле русских. Кисеи английской встречается на базаре очень много и по весьма дешёвой цене; Здесь её зовут дока. Вытеснить эту, весьма важную статью торговли нам едва ли удастся: русская кисея гораздо хуже и дороже, а между тем ношение чалм есть не только религиозная потребность, но и своего рода франтовство. Подарок чалмы считается богоугодным делом.

Как утешительна с точки зрения русских интересов мануфактурная торговля, так печальна чайная. Индийский чай идёт к нам (контарбандно) в громаднейшем количестве; предотвратить контрабандно торговлю почти невозможно. Я приведу Вашему превосходительству один пример, который самым осязательным образом (цифрами) подтвердит моё мнение. В Самаркандский отдел привезено было из Бухары в 9^{ть} месяцев прошлого года 11670 ф[унтов] индийского чая, оплаченного зякетом⁵ и пошлиной. Из Ташкента чай привезён был в самом ничтожном количестве. Если 11760* разделить на 200 т[ысяч]; т.е. на число жителей Самаркандского отдела (без Катта-Курганского; там свой зякет-сарай), то получим, что каждый житель в 9 месяцев выпил легально только 0,05 ф[унтов] чая, т.е. менее одного чайника; значит, всё остальное количество (по меньшей мере, 1/2 ф[унта] в м[есяц] он допил иллегально, покупая чай контрабандный. Следовательно, мы потеряли 100 т[ысяч] р[ублей] зякетного сбора.

О промышленности Туркестанского края, главным образом о шёлке, я сообщу Вашему превосходительству в следующий раз; теперь же прибавлю, что по этому предмету у меня собраны уже весьма порядочные сведения.

В заключение я представляю Вашему превосходительству ещё одно сведение, которое, как мне кажется, должно обратить на себя особенное внимание.

Трёхдневное пребывание моё в Самарканде, где я жил у источника всех торговых сведений – в зякет-сараяе, окончательно укрепило меня в том убеждении, что центром, как русской среднеазиатской торговли, так и вообще торговли в Средней Азии, должна считаться Бухара, а не Ташкент. В этом отношении особенно замечательно то обстоятельство, что почти все русские товары, привозимые на самаркандский базар из Бухары (до игральные карты включительно), продаются не только дешевле тех же товаров, привезённых русскими купцами в Ташкент, но – что особенно поразительно, цены некоторых из этих товаров бывают даже ниже цен оренбургских, т.е. на первый взгляд кажется, что товары эти продаются бухарцами как бы в убыток. Между тем, на самом деле, явление это вполне объясняется именно тем, что бухарский рынок есть центр среднеазиатской торговли, который, не имея серьезных конкурентов в торговле сырьём, может всегда, так сказать, безнаказанно, вос-

---

* Так в тексте.

полнить означенную разницу цен на русские мануфактурные товары повышением цен на свои продукты. Таким образом, купленный в Оренбурге ситец 15 к[опек] аршин, продаётся в Бухаре и Самарканде за 12 к[опек], но это не убыток, ибо разница (3 к[опейки]) и расходы на фрахт накладываются бухарцами на цену своего хлопка.

Явление это, по моему мнению, чрезвычайно важно. Оно поведёт к тому, что вся розничная и, пожалуй, оптовая торговля русскими товарами перейдёт к сартам. Я не могу сказать теперь – будет ли это хорошо, но я почти убеждён, что это так будет.

Письмо это передаст Вашему превосходительству мой хороший знакомый Ник[олай] Дмитр[иевич] Флавицкий, отправляющийся в Петербург с целью образовать компанию для устройства в Ташкенте хлопчатобумажной мануфактуры.

Приношу Вашему превосходительству мою глубокую благодарность за память обо мне: я получил Ваши поклоны от Трубочанинова и К.В. Струве⁶, с которым мы очень сошлись и живём рука об руку.

С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть Вашего превосходительства покорным слугой

Н. Петровский

АВПРИ. Ф. 161 (С.-Петербургский главный архив МИД).

Разряд IV-2. Оп. 119. 1870–1874 гг. Д. 4. Л. 43 – 46 об.

3

П.Н. Стремоухову

Ташкент. 24 февраля 1871 г.

Милостивый государь Пётр Николаевич.

В прошлом письме, посланном к Вашему превосходительству с г. Флавицким, я имел честь сообщить Вам, в общих чертах, о путях сообщения и положении нашей торговли в Туркестанском крае. В настоящем письме, которое передаст Вашему превосходительству мой хороший знакомый подп[олковник] Генер[ального] штаба Ник[олай] Вас[ильевич] Соболев⁷, я представляю Вам несколько данных о шёлковой промышленности Туркестанского края и Зеравшанского округа. При этом я считаю нужным оговориться, что я сообщаю Вашему превосходительству пока самые общие сведения, имеющие интерес разве только потому, что они собраны непосредственным наблюдением, у самого источника; подробные записки по всем этим предметам я буду иметь честь представить Вам впоследствии, когда я придам собранному и выверенному мною материалу более стройную форму⁸.

В настоящее время весь вопрос о шёлковой промышленности вертится на вопросе о вывозе грены⁹. Вот, что я писал недавно по этому поводу в Д[епартамент] торговли и мануфактур.

Шелководство Туркестанского края, несмотря на обилие в нём тутовых деревьев, считает свою историю, вопреки установившемуся мнению о его незапамятной древности, только ещё десятками лет. По взятии в 1782 г. бухарским ханом Шамуратом¹⁰ города Мерва, все жители его, исконные шелководы, переселены были в окрестности Бухары и Хатырчи¹¹ и, ради их искусства, избавлены были просвещенным ханом от многих повинностей. Оседлость близь Самарканда мервцы приобрели при предшественнике настоящего эмира, его отце Насруллахане¹², который поселил их в кишлаке (деревня, собственно зимовка – кыш – зима) Богу-Шамалле около Самарканда. С тех пор искусство шелководства начало развиваться очень быстро и в настоящее время выводка червей, продажа коконов и размотка шёлка составляет главнейшее занятие многих тюменей Самаркандского отдела. Недостаток данных не позволяет мне решить, откуда и когда появилось это искусство в Кокан[д]е и Ходжентском районе Туркестанского края, т.е. шло ли оно с запада от Бухары или распространялось с востока от Китая, но, во всяком случае, недавнее водворение его в Туркестанском крае и Зеравшанском округе не подлежит, по моему мнению, никакому сомнению.

Этим обстоятельством, т.е. новизною дела, объясняются, между прочим, и многие стороны настоящего положения этой промышленности. Кроме малого умения туземцев в выводке червей шелкопрядов, отсутствия надлежащей сортировки коконов и грубых приёмов размотки шёлка, шёлковая промышленность в Туркестанском крае, в целом её объёме, не может считаться, по моему мнению, достаточно окрепшею и вполне установившеюся. Туземный шелковод, не имея определённых плантаций, на которые он затрачивал бы капитал, и занимаясь шелководством, так сказать исподволь, при другом хозяйстве, вовсе не настолько заинтересован им, чтобы считать себя от него зависимым. (Собственно говоря, шелковое хозяйство есть почти исключительная принадлежность женщин. В доходы от этого хозяйства мужчины редко вмешиваются. В этом обстоятельстве лежит, между прочим, и причина трудности собирания сведений о шелковой промышленности, так как расспросы от женщин невозможны.) Поэтому если шёлковое хозяйство не идёт успешно, то оно так же легко бросается, как было начато, ибо от прекращения его почти ничего не теряется. Таким образом, прекратилась разводка червей от верховьев Зеравшана до самого Пенджикента, где, как мне сказывали, ещё в прошлом году занимались им с успехом. (Впрочем, прекращение это могло произойти и от болезни шелковичного червя, о которой мне говорили в Пенджикенте, но такие лица, на слова которых я не могу вполне положиться. Шелководы же тамошние (пять лиц) были в это время в отсутствии.)

Хотя подобный характер подвижности имеют, сколько я заметил, почти все отрасли здешней промышленности, находящейся в самом патриархальном положении, но так как ни одна из них не имеет такого важного значения, какое представляет собою промышленность шёлковая, то, конечно, что усилия правительства, затратившего на Туркестанский край весьма значительные суммы, должны быть направлены прежде и скорее всего на развитие этой последней промышленности, имеющей притом все данные для самой блестящей будущности. Дать же шёлковой промышленности надлежащую устойчивость и правильное развитие можно, по моему мнению, только путём ограждения её от всякого вмешательства торговцев греной, нарушающих значительным и всегда неравномерным спросом грены естественное соответствие между количеством добываемых в краю коконов и размерами шелкомотальных заведений, и препятствующих, вследствие сего, правильному и прогрессивному ходу этой промышленности. При совершенной неспособности или, лучше сказать, по неразвитию азиатцев к широкому пониманию торговых целей, при их мелком торгашестве и бегании за ближайшими и большими барышами, всякий приезд сюда какого-либо нового лица с коммерческой целью, а тем более иностранца, менее им известного и, следовательно, более заманчивого, всегда вызывает такую горячку в торговле спрошенным товаром, что все другие отрасли производительности известной местности приносятся в жертву этой, так сказать, привилегированной отрасли. Например, требование в 1868 г. дубильного корня (тарана) для фабрики Хлудова лишило несколько деревень самого необходимого, ибо жители их, услышав спрос на новый продукт и высокую за него цену, буквально бросили пахать свои поля и занялись добыванием этого корня до излишества. То же повторилось и с греной: разрешение вывозить яички шелков[ичных] червей и приезд сюда для этой цели нескольких иностранцев привело к вздорожанию и закрытию многих шелкомотальных заведений. В виду вышеизложенного допущение торговли греной отзовётся на шёлковой промышленности Туркестанского края значительным сокращением шелкомотания, причём масса лиц останется на долгое время без всякого занятия. Конечно такие лица, несколько обедневшие, не будут в Средней Азии пролетариями и обратятся к другим промыслам, может быть менее прибыльным, но важно то, что целая отрасль промышленности, могущая в недалёком будущем снабжать наши шёлковые мануфактуры огромным количеством сырья, будет потрясена в своих основаниях ради временного обогащения нескольких десятков лиц, преимущественно иностранцев.

Заканчивая моё письмо к Вашему превосходительству, я вспоминаю, что обязан написать Вам ещё многое: о ярмарке, коммерческом съезде, о некоторых предположениях администрации об устройстве здесь фермы, конского завода и многого другого. Позвольте это оставить до следующего раза.

С истинным почтением и совершенную преданностью имею честь
быть Вашего превосходительства покорным слугой
Н. Петровский

Р. С. Н.В. Соболев, взявшийся передать это письмо, может сообщить
Вашему превосходительству многое о здешнем быте, он был долгое
время уездным начальником и с особенною любовью занимался своим
уездом.

АВПРИ. Ф. 161. Разряд IV-2. Оп. 119. 1870–1874 гг. Д. 4. Л. 47–51.

4

А.Ф. Кони¹³

[Ташкент. Февраль 1871 г.]

Милостивый государь и уважаемый сослуживец!

Чаю, что писание моё с неким господином Флавицким к Вам посланное, Ваше превосходительство получить изволили и свойственными нежными струнами души Вашей уразумели, что оно от кавалера достойного Вам писано. Сего ради вновь восприял желание в недлинном писании мыслей своих течение Вам изложить и о жизни своей сказание представить. Некий известный нам вдревле сочинитель (ныне действительный) ст[атский] сов[етник]) господин Прутков, не раз, как изволите помнить, говаривал: «Никто не обнимет необъятного». Глубокие сии мысли мне часто, в отношении здешнего края, на память приходят. Но ежели кто необъятное обнять не может, то тем паче оный же безобразного в благообразное привести не может, иначе сказано: может ли страна сия, самим Господом Богом, к безобразию предназначенная, нашими грешными деяниями к красоте быть направлена? Могут ли здешние люди, управляя оною приехавшие, будучи развращены нравом и несътия алчностью, к гражданственному житию её направить? Нет и паки реку нет. Многие мысли наполняют в сём отношении мне душу и стремятся к обмену с Вашими. Но умолкну, ибо не желаю огорчать оными сердце Ваше, к добродетели, а не к порицанию направленное. Впрочем письмо* вручит Вам некий кавалер Ник[олай] Мих[айлович] Бахтиаров¹⁴, служитель и фаворит Фемиды, человек честности и добродетели исполненный; он, будучи мыслями своими с моими схожий, изъяснит Вам о нашем здешнем пребывании всё по порядку. Преклоните к его разумным словам любознательное ухо Вашего превосходительства и перед умственными очами Вашими предстанет нечто, ему же нет названия. О горе, горе, ежели добродетельной души кавалер принуждён

* Далее зачёркнуть: «сие».

бывает, в разлуке с друзьями* и сомысленниками, в азиатских странах жите свое иметь, ежечасно мечтаю**, борясь и стремясь душевную невинность свою от всяческого насилия охранить. Картина сей ничего подобного нет для сравнения.

Не оставьте, милостивый государь мой, господина Бахтиарова, весьма мною любимого, Вашими душеспасительными беседами.

Вашего превосходительства рап

Николай Петровский

ГАРФ. Ф. 564 (А.Ф. Кони). Оп. 1. Д. 2855 Л. 5 – 6 об.

5

П.Н. Стремоухову

Ташкент. 19 мая 1871 г.

Милостивый государь Пётр Николаевич.

Всякий раз мне приходится сообщать Вашему превосходительству не особенно приятные сведения по предмету моих занятий в Туркестанском крае. И в настоящем письме будет то же. Как хороша наша здесь политика (если бы ещё немного умалился воинственный жар), так печально положение торговых дел. Полнейшее неустройство путей сообщения, беспрестанное колебание курса, неимение звонкой монеты, малое участие купцов в обсуждении касающихся торговли дел – всё это, конечно, не осталось без влияния на положение здешней торговли. Но кроме этих, до некоторой степени внешних причин, есть ещё более глубокие причины, влияние которых гораздо сильнее и решительнее. Медленное, но постоянное исчезновение отсюда русских торговцев (не русских товаров) объясняется теми способами и приёмами, которые употребляют торговцы туземные. Вся масса этих торговцев составляет, в некотором роде, обширнейший торговый заговор против русского купечества, заговор, с грандиозностью которого не сравняются никакие английские strike'и***. По всей Средней Азии торговля производится туземцами сообща, более или менее значительными ассоциациями торговцев. Эти господа никогда наперёд не скажут русским, какую долю капитала они участвуют в складчине, в каких размерах им нужен товар, сколько обменного товара они могут выставить. Всё темно и неопределённо донельзя. Между тем русский торговец весь на виду, его капитал, его товары, его обороты известны как нельзя лучше. Если он заупрямится в сделке, его тотчас прижмут; товар его (обмененный) не поспеет

* Далее зачёркнуто: «души».

** Далее зачёркнуто: «быть».

*** Забастовки (англ.).

к ярмарке, капитал его не обернётся и в два года раз. Сартам же это решительно всё равно: не гоняясь за большими барышами и не имея значительных капиталов, одному лицу принадлежащих, они могут выждать сколько угодно времени, тем более что от торговли можно сейчас же перейти к земледелию, шелководству, даже какому-нибудь ремеслу и нажить себе на пропитание маленький барышок. Такие явления у нас встречаются сплошь да рядом. Один мой знакомый, проторговавшись, сделался кузнецом, потом маляром, теперь он выводит коконы, потому что все эти занятия просты до невероятности и почти никакого знания не требуют. Понятно, что при таких торгово-социальных обычаях русскому торговцу вести своё дело не под силу. Приехав в край из-за тысячи вёрст с определённым товаром, с[о] срочными кредитными обязательствами, с приказаниями хозяина продать товар как можно дороже, русский купец с первого же раза сталкивается с сартовским strike, жмётся год-другой, смотря по капиталу, и спешит оставить край, чтобы уже более в него не возвращаться. На моих глазах закрылись уже здесь фирмы Хлудова¹⁵, Емельянова, Штукен-Спис, имеют закрыться Первушина¹⁶, Немчинова. Конечно, на закрытие этих фирм влияли и другие причины, но всё-таки общее моё положение верно: закрылись они потому, что торговали в убыток, а торговали в убыток не потому, что товар не шёл, а потому, что сарты сбивали ему цену, имея на это самое действительное средство – торговую стачку. Вышеописанное явление, конечно, не имеет вредного влияния на торговлю русскими произведениями, ибо район их потребления всё более и более увеличивается; но оно вредно в том отношении, что у нас не будет здесь русских капиталистов, а они нам здесь более чем нужны. До какой степени важность вытеснения из Средней Азии русских торговцев сознана сартами, можно видеть из того, что кокандский хан¹⁷, как мне известно, роздал весьма значительные суммы своим торговцам для того, чтобы они вошли в непосредственное сношение с Москвою и Нижним Новгородом и постарались вытеснить отсюда местных торговцев русских.

К сожалению, между нашим купечеством нет того похвального единодушия, которое существует у сартов, и поэтому надо думать, что намерения их увенчаются полным успехом. Эта старая история. В Кяхте, как изволите припомнить Ваше превосходительство, наше купечество также было в руках у китайцев и за это кончило печально.

Письмо это вручит Вашему превосходительству В.В. Длотовский, человек, много видевший и наблюдавший в этом крае. Если Вашему превосходительству будет угодно получить от него некоторые сведения о крае и предложить ему некоторые вопросы – то он (как обещал мне) с величайшей готовностью исполнит Ваше желание.

Примите, Ваше превосходительство, уверение в совершенном почтении и глубокой преданности.

Ваш покорный слуга

Н. Петровский

Р. С. С. К. В. Струве, который теперь в Бухаре, мы большие друзья и друг другу помогаем усердно.

Р. С. Сейчас получено известие о том, что г. Колпаковский¹⁸ выступает на Кульджу. Значит, мы войны всё-таки дождались¹⁹. Об этих делах, а равно о последних событиях в Кокан[д]е Вашему превосходительству передаст В. В. Длотовский.

*АВПРИ. Ф. 161. Разряд. IV-2. Оп. 119. 1870–1874 гг. Д. 4.
Л. 52 – 54 об.*

6

Н. А. Ермакову

Ташкент. 27 октября 1871 г.

Милостивый государь Николай Андреевич.

Давно я уже не имел чести писать к Вашему превосходительству. Главнейшею причиной этого было моё нездоровье. Несмотря на хороший, по видимому, климат, на независимость в роде и времени моих занятий, я весь нынешний год периодически хвораю. Здешний доктор, которому я, впрочем, не верю, объявил мне, что у меня хроническое воспаление бронхия и желчное расстройство. Теперь мне лучше, и я спешу поведать Вам о наших делах.

Возвращение А. И. Гомзина²⁰, с которым мы всегда были в весьма хороших отношениях, очень меня порадовало, тем более, что отношения эти, как я мог заметить, нисколько не изменились, если не стали ещё интимнее. Петербург его значительно освежил: на многое, особенно на состояние торговых дел, он смотрит теперь с большим вниманием, чем прежде.

Из письма ко мне П. Н. Стремоухова я вижу, что проект нового положения о крае «произвёл самое невыгодное впечатление» в Петербурге и «вероятно провалится совсем или примется из него весьма малое». Слава Богу, что так случилось. До настоящего времени я знал об этом проекте только по слухам (о чём и писал Вам). Теперь, прочтя его весь, я только с ясностью уразумел, над какую пропасть стояли судьбы Средней Азии. Я пишу Вашему превосходительству совершенно частным образом и в интересах представления Вам совершенно беспристрастного мнения; поэтому я считаю себя вправе и в обязанности выражаться так, как думаю; иначе говоря, другому я этого не скажу. Такого гнуснейшего проекта, каков составлен для Туркестанского края, я ещё не читывал. Отдать весь край, ещё неизвестный и неисследованный ни с одной из его важнейших сторон, а с ним вместе и судьбы всей Средней Азии, на 25 ть лет в жертву капризов одного лица, как бы оно не было почтенно, или – может и это случится – в жертву капризов мелких интриганов и помпадурш – да это такое безобразие, которому нет на-

звания. Не говоря о всех нелепостях этого проекта, которые Ваше превосходительство видите лучше меня, я укажу Вам только на одну часть его, чтобы Вы могли судить, в какой степени составитель его знает ту страну, для которой положение составлено. Суннитская секта (здесь все сунниты) уже несколько сотен лет не допускает у себя никакого толкования шариата от разума и авторитета его толкователя; иначе говоря, шариат толкуется суннитами только по тем письменным комментариям его, которые были составлены несколько сотен лет тому назад известными учёными – мудтегидами, т.е. такими комментаторами, которые обладали способностью (иджигат) пояснять шариат на основании своего собственного разума и приобретённой учёности. Сословия мудтегидов у суннитов давно нет, и в этом состоит одно из коренных отличий их от шиитов. Не знать этого в Туркестанском крае, особенно человеку, знающему туземный язык и близко стоявшему к народу, значит не знать ничего. А между тем по проекту нового положения генерал-губернатор является толкователем шариата – новым мудтегидом! Если же допустить, что я ошибаюсь, т.е. что под толкованием шариата в проекте положения разумеется такое разъяснение мусульманского законодательства, которое допускается суннитскою сектою, то выйдет вот что. Разъяснять шариат – значит найти у надлежащего комментатора разрешение на данный случай. Сделать это может только лицо, глубоко изучившее мусульманскую юриспруденцию. Таких лиц (кази, улемы) и в мусульманском мире не много, а у нас, конечно, и совсем нет, ибо такие лица в начальники отделений к нам не пойдут. Следовательно, толкование шариата, даже если бы оно согласовывалось с началами суннитской секты, практически не возможно. Другого же толкования шариата, пока он нами признаётся, существовать не может, ибо толкование его от русского разума и русских законов, во-первых, бессмысленно, а во-вторых, будет казаться мусульманам святотатственным посягательством на их религиозный и нравственный мир. Ваше превосходительство можете теперь представить, что бы такое вышло из этой статьи проекта положения, если бы он был одобрен.

На днях военный губернатор Сыр-Дарьинской области генерал Голвачёв²¹ отправился из Джизака к Буканским горам. Цель этой экспедиции не известна, но, принимая во внимание, что с ним только две сотни казаков, ракетная команда и триста верблюдов, которые растянуты, по крайней мере, на две версты, а также, что в самое дурное время года (ноябрь) он будет только в 150 в[ерстах] от границ Хивы, – думается, что положение экспедиции может быть очень опасным. На этот поход, хотя и с малыми средствами, но под начальством губернатора, смотрят как на преддверие к походу на Хиву. Такой взгляд не лишён основания: вчера вечером я был у генерал-губернатора и он показывал мне составленную для него в здешнем штабе карту хивинских владений. Конечно, без особой нужды подобной карты не составили бы, тем более что мы не имеем ещё подробных карт Кокан[д]а и Бухары, более к нам близких.

Нынешнею зимою я приведу в порядок и вышлю в Министерство все мои труды по исполнению инструкции.

О торговле и других официальных делах я пишу вместе с сим к его пр[евосходительств]у Александру Ивановичу²².

Не прикажете ли Ваше превосходительство выслать Вам что-либо из здешних произведений, напр[имер] мех, ковёр, шитую шёлком салфетку, тигровую шкуру? Мех из серой мерлушки я могу приобрести за 60–70 р. – такой, какой в Петербурге стоит двести. Ковёр, очень ноский, можно достать (хороший) рублей за 40. Салфетки очень дешевы и красивы, рубл[ей] за 10–15 ть, тигровую шкуру – рублей за 12–15 ть. Бирюза такой величины – рублей за 15 ть.

Я слышал, что Ал[ександр] Ив[анович] Бутовский любитель восточных вещей. Я бы мог выслать ему очень хорошую (по здешнему), но по нашему очень аляповатую сбрую, седло и чепрак. Я получил её в подарок и отдал за неё вещь в 30 ть рублей.

Можно, наконец, выслать такую же бирюзовую палку (за 100 р.), какую кокан[д]ский хан, через Струве, прислал кн[язю] Горчакову²³.

Примите, Ваше превосходительство, уверение в совершенной моей преданности и глубоком уважении

Ваш покорный слуга

Н. Петровский

ИВР РАН. Ф. 43. Оп. 2. Д. 6. Л. 38 – 40 об.

7

Н.А. Ермакову

Ташкент. 18 февраля 1872 г.

Милостивый государь Николай Андреевич.

Г. Лесков, недавно прибывший в Ташкент, передал мне поклон от Вашего превосходительства и небольшой от Вас реприманд* за редкие письма. При этом он сообщил мне и Ваше желание о том, чтобы на будущее время я не смешивал моих частных к Вам писем с сообщениями, имеющими более или менее общезанимательный характер.

Прежде всего, я считаю нужным оправдаться перед Вашим превосходительством. Редко я пишу к Вам не потому, что, так сказать, обуян был леностью, а потому, что хорошо понимаю, что сообщения мои к Вам должны быть строго взвешены и обдуманы, иначе сведения мои будут походить на вести из местных ведомостей, где, что ни слово, то ложь о Туркестанском крае. Всё это время, кроме собирания материала,

---

* Выговор (*фр.*).

я учился туземному (тюркскому) языку и теперь знаю его настолько, что, в полтора года, объясняюсь на нём достаточно свободно. Это для меня чрезвычайно важно. Я буквально единственный человек в Ташкенте, к которому ходят сарты не для того, чтобы заявить свой салям русскому тюря (начальнику), а для того, чтобы побеседовать по душе о религиозных и других вопросах. В этом отношении я отстал только от А.К. Гейнса²⁴: ко мне ходят по пять человек в день – к нему ходили, говорят, по пятидесяти. За маленькие любезности, которые я им делаю и выпрашиваю у администрации, я получаю от них самые разнообразные сведения по различным предметам. Таким образом у ех*-беков (Джурабека²⁵, Баба-бека, Абдулгафара, Саид-бека), которым я выпросил кой-какие денежные вспоможения, я записал историю Бухары и мелких владений, у земледельцев – я узнаю о здешнем земледелии; кази (судья) я учу русскому языку и поучаюсь от него шариагу; торговцы снабжают меня своими сведениями и т.п. Всё это стало возможным только при знании языка, т.е. по истечении известного времени. Теперь я буду уже писать к Вам чаще о наших делах и, думаю, более увереннее. Что же касается до того письма, где высказывались некоторые общезанимательные факты, что я, право, не думал, чтобы они могли иметь особенно важное значение. Таких замечаний я думаю прислать Вам гораздо более и притом систематически расположенные.

Затем позвольте Вам сообщить о наших делах.

Проект положения возвращён обратно; взамен его составляется другой проект и уже не скрытым образом, а целыми большими ком[ис]сиями. Теперь действуют ком[ис]сии: зякетная, поземельная, юридическая (о судебном устройстве в крае) и две о городском управлении. Всем этим ком[ис]сиям никаких общих указаний не дано и потому две или три из них, наверное, окажутся несамостоятельными. Ни председатели, ни члены ком[ис]сий решительно не знают к чему стремиться: к объединению ли края общими с Россиею учреждениями или к местной обособленности; надо ли удерживать мусульманское право или вводить русское. В нашей, например, Зякетной ком[ис]сии нашлись члены, и даже большинство, которые усмотрели в безобразной подати – зякете какой-то идеал податного устройства, к которому должна стремиться вся Европа. Протоколы этой ком[ис]сии и всех других с моими примечаниями я пришлю Вашему превосходительству как материал для будущего рассмотрения проекта. О зякете я буду подробно писать со следующей почтою к Александру Ивановичу. Для поддержки нас (т.е. меня и управляющих Казённой и Контрольною палатами) в борьбе против зякета нам нужен авторитет Министерства финансов, которое давно уже признало несостоятельность зякетной системы.

Для разрешения поземельного вопроса, как Вам уже известно, ничего не сделано, и, следовательно, ком[ис]сия за неимением решительно

---

* Бывших (лат.).

никаких данных по этому предмету будет бродить в[о] мраке и вряд ли своё дело кончит. Надо Вам прибавить, что те данные, которые Вы изволили читать в объяснительной записке отверженного проекта – не суть данные; это отрывки из известной и редкой книги Worms`а и сообщения одного здешнего учёного (теперь кази) Шерифа-Ходжи, сообщения, не проверенные ни по книжному, ни по обычному праву. С этой точки зрения я, например, имею гораздо более такового рода данных, ибо я дою всех четырёх кази, а автор проекта доил только одного, да и то самого худшего; но и мои сливки, я очень хорошо знаю, ничем особенным похвалиться не могут, ибо обычное право здесь так же сильно, как и книжное, а кази (по крайней мере, Шериф-Ходжа) предлагал автору проекта только это последнее. По моему крайнему разумению поземельный вопрос можно в настоящее время только изучать, а не разрешать, а тем паче вводить. Изучать же его надо с танапа и вот почему: харадж, ушр (т.е. десятина) существуют везде или, по крайней мере, везде известны – в Турции, Африке, Аравии и т.д.; танап – есть местная особенность – может быть не только по названию, но и по существу – и притом такая особенность, которая здесь играет гораздо большую роль, чем харадж и ушр. В проекте нового положения танап только упомянут как мера поземельная, не больше, и это понятно – потому что кази из своих арабских книг вряд ли могут что-нибудь сказать о танапе, существующем только в Средней Азии.

Юридическая ком[ис]сия впадает в те же недоумения: как вводить, например, русские законы о наследстве, когда мусульманские и гораздо пригоднее, и гуманнее нашего свода. Впрочем, для этой ком[ис]сии есть прекрасные руководства в книгах барона Торнау²⁶ и Казем-Бека²⁷ хотя и составленных по шиитскому толку. Таких вопросов можно задать каждой из означенных ком[ис]сий массама, и каждый вопрос породит целый ряд недоумений. Всё это, конечно, происходит оттого, что предварительной подготовки для разрешения таких важных вопросов ни сколько сделано не было. Вместе с протоколами этих комиссий я буду присылать Вашему превосходительству те фактические сведения, которые мне удалось собрать по этим предметам. Сообщать их в ком[ис]сии я не считаю удобным, ибо, прежде всего, они принадлежат Министерству финансов, а потом, кроме того, они потонут в массе общих рассуждений, не принеся им, своею отрывочностью, никакой существенной пользы.

Каждое письмо моё к Вашему превосходительству писалось всегда по поводу каких-либо событий. Настоящее письмо – имеет то же назначение. Вам, вероятно, уже известно, что Ташкент посещал сын кокан[д]ского хана, андижанский бек. Вот по поводу этого-то события я и хочу представить Вам кой-какие соображения мои о нашей политике в Средней Азии. Сколько мне известно из слов П.Н. Стремоухова и из общего направления дел – политические усилия наши должны стремиться к тому, чтобы среднеазиатские ханства, оставаясь, по-видимому, неза-

висимыми, были вполне подчинены нам. Этого мы почти достигли, по крайней мере, по отношению к Кокан[д]у и Бухаре. Не только эмир и хан, но и всякий благоразумный бухарец и кокан[д]ец очень хорошо понимают, что борьба с нами невозможна и что судьба и независимость их отечества вполне в наших руках. Ташкентцы понимают это, пожалуй, лучше русских, ибо лучше нас знают, что такое Кокан[д] и Бухара, и какая громадная разница между нашею силою и слабостью этих владений. Зная такое положение дел, что же заставляло нас призывать к себе сына кокан[д]ского хана? Уверить его в нашем могуществе? Да это он сам отлично знает. Закрепить за ним будущий престол? Да этого вовсе не нужно: тот ли, другой ли хан будет сидеть в Кокан[д]е, а всё-таки каждый из них, волею-неволею, имея в 100 верстах (в Ходженте) батальон русского войска, будет нашим чиновником. Если же ему отрежут голову кипчаки, то эти же самые кипчаки опять придут к нам с поклоном за покровительством. Словом, куда ни кинь, всё клин. Но положим, что сын хана сам захотел приехать в столицу Средней Азии, что с нашей стороны не было о том и намёка. Как мы должны принять его? По моему мнению, так, чтобы он видел, что его владение менее самого последнего уезда из владений Белого Царя. Принять иначе – значит вскружить ему голову. Азиатцы хвастливы и заносчивы донельзя; малейшую любезность они принимают за акт глубокого к ним уважения и почитания, и сейчас же начинают мечтать о себе Бог весть что. На ех-беках, которые меня часто посещают, я имел случай наблюдать это десятки раз. Если к этому прибавить, что Хан-Заде (заде – сын) молодой и притом несколько заносчивый юноша, что он хватил нечто от цивилизации (т.е. построил дом по русскому обычаю и тихонько пил шампанское, за что у его дядьки выбили все зубы) и стал походить отчасти на русского кутилу-купчика, то мнение моё, как следует держаться вообще с азиатцами, будет, по отношению к такому человеку как Хан-Заде, ещё резче. Представьте же себе, что сей юноша был встречен у нас почти также, как был бы встречен, например, великий князь русской Империи. Прибыв в Ташкент, с 300 свиты, он был встречен за 12 вёрст сотнею казаков со значком, которая потом, во всё время его пребывания, повсюду за ним следовала. Говорят, что в Ходженте ему выставлен был почётный караул, и начальники двух уездов провожали его по всей дороге. Затем всё русское чиновничество ежедневно ходило к нему на поклон, приглашалось к завтраку, где на счёт казённых сумм угощало себя разными питиями и яствами. Почти каждому из приходящих давался подарок – халат, лошадь, сабля и т.п. Откровенно говоря, зрелище это не возбуждало во мне удовольствия, и потому сам я был у Хана-Заде только перед его отъездом, устроив моё свидание с ним так, чтобы не получать поддачи. При этом к стыду нашему надо прибавить, что туземцы наши держали себя по отношению к Хану-Заде не в пример лучше нас. Мои приятели учёные и кази даже его, в некотором роде, третировали. Не говоря уже о том, что никто из этих лиц у него не был, все они прямо мне го-

ворили, что генерал-губернатор верно уже особенно любит Хан-Заде, что так торжественно его чествует. Я, разумеется, объяснял это как мог. Наконец в довершение всего, генерал-губернатор, на обеде, в честь его данном, сравнил своего гостя с Петром Великим, приехавшим учиться уму разуму к иноземцам, забыв при этом сравнении, что Петр Великий имел не 200 т[ысяч], а 11 м[иллионов] подданных и что, обучившись, он побил своих учителей. На торжественные речи, как уже было не раз замечено, мы, русские как-то неспособны. Вот и в прошлом году, мой друг К.В. Струве также проврался в Бухаре, пожелал бухарским войскам победы, а драться им можно только с русскими. Но положим, что все эти ошибки ничто перед теми результатами, которые от такого свидания добыты. К сожалению, и этого последнего сказать нельзя и вот почему. Когда в прошлом году был взят нашими войсками и отдан затем бухарскому эмиру Шахрисябз, то злополучные его владетели, Джура-бек и Баба-бек, бежали к кокан[д]скому хану, ища у него убежища. Хан, наш слуга, тотчас же их нам выдал, и был, разумеется, строго за это порицаем всеми мусульманами. Джура-бек, один из самых замечательнейших личностей в мусульманском мире, очень со мною подружился и, живя в Ташкенте на весьма маленьком содержании, бывает у меня почти каждый день. Уже ранее, по делу об убийстве на станции Карасу русского офицера, он заявил себя преданным нам человеком, сообщив губернатору о предстоящем нападении шайки. Перед отъездом Хан-Заде он пришёл ко мне в большом смущении и передал мне, что Хан-Заде прислал ему денег и выразил ему своё искреннее расположение и раскаяние за поступок своего отца, выдавшего Джура-бека русским. Деньги Джура-бек отослал обратно Хан-Заде, а меня просил передать об этом обстоятельстве генерал-губернатору, перед которым он не хотел ничего скрывать. Я, разумеется, сейчас же эту просьбу исполнил, и генерал-губернатор поручил мне передать Джура-беку, что поступок его он очень ценит. Из этого рассказа Ваше превосходительство можете видеть, что в то время, когда генерал-губернатор расточал свои любезности Хан-Заде, видя в нём «покорного сына своего отца», этот последний входил в секретные сношения с человеком, которого он предполагал врагом русских, и раскаивался ему за поступок своего отца. Какие же результаты могли быть достигнуты таким свиданием? С[о] своей стороны я смотрю на приезд Хан-Заде как на самое неудачное политическое дело. Этот великолепный приём, это чествование маленького принца одного города, непременно дурно подействует и на него самого, и на наши отношения с Кокан[д]ом. Я не могу утомлять Вас всеми мелкими подробностями этого дела, ибо они меня не касаются, полагая, что и сказанного достаточно, чтобы пояснить Вам мою мысль, выраженную в начале этого рассказа.

Сейчас я получил извещение, что из Бухары идёт сюда до 100 п[удов] чая, индийского. Если мне удастся его законфисковать в Чиназе, куда я через день отправляюсь, то дело это будет очень не дурное. Контрабанда

этим чаем, по распоряжению генерал-губернатора к привозу сюда запрещённым, как мне известно, очень сильна. Надо во что бы то ни стало не дать ей распространиться.

На этих днях, как я слышал, администрацией Туркестанского края ассигновано 20 т[ысяч] р. на постройку в Ташкенте обсерватории. Ташкент, как известно, лежит под одною широтою с Римом, где есть уже обсерватория и издаются анналы. К какой стати, и для какой цели будет устроена обсерватория здесь – мне неизвестно. Это такой же непроизводительный расход, какой был сделан на устройство конного завода, никому не приносящего пользы, собора, в котором некому молиться, клуба (20 т[ысяч] р.), где только играют в карты, издание фотографического альбома (8 т[ысяч]), который может быть полезен только тогда, когда удовлетворены первые потребности, и т.п. А между тем у нас нет дорог, нет аптеки, нет топлива. Сажень дров стоит 16 рубл[ей], а каменный уголь киргизы отказались возить. А если и возили, то за 80 в[ёрст] расстояния брали по 20 к. с пуда, когда, например, от Ак-моллы до Петропавловска, за 400 в[ёрст], берут только 10 к. с пуда. Лучшим доказательством, в каком состоянии находятся наши дороги, может служить то, что два уездных начальника, первые люди в уезде, приехали сюда из своих резиденций – Чимкента²⁸ и Аулиеаты²⁹ – верхом, сделавши первый 114, а второй 260 вёрст.

Примите Ваше превосходительство, уверение в моём глубоком уважении и искренней преданности

Ваш покорный слуга

Н. Петровский

ИВР РАН. Ф. 43. Оп. 2. Д. 6. Л. 32–37.

8

А.Ф. Кони

[Ташкент]. 6 апреля [1872 г.]

Благоденственное и мирное житие, здравие и спасение и во всём благое поспешение Анатолию Фёдоровичу Бегунову.

Слышно стало нам, брате, что, быв в нашем граде Питере, не похоте целования нашего прияти и лицезрения своего не удостои нас. Велию прияхом печаль и болесть сердца неутешимую и не могохом не точию утешится, но в ярость некую и озлобление приидохом, понеже деланием сим нанесена бысть язва сердцу нашему, его же на любовь к тебе всеконечно настроаем. Почто презрел еси благоутробием нашим, забыл еси редьку, юже вместе ядохом, беседы наши, их же и пр. пр. А ведь стыдно? правда?

Так как посетить не хотели, то и знать о нас не хотели, след[ова-
тельно], и писать о житье нечего.

Предъявитель сего, Тахтамов, выслан из Питера за прежде тяготев-
шие над ним подозрения, жрать ему нечего, человек (по отзыву прия-
теля) хороший, следовательно, волею-неволею должны помочь, т.е. пре-
доставить ему хотя маленькое местечко, чтобы не умереть от голода.

Затем простите

Ваш Н. Петровский

ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 2855. Л. 3–4.

9

Н.А. Ермакову

Ташкент. 10 апреля 1872 г.

Милостивый государь Николай Андреевич.

На этих днях генерал-губернатор весьма любезно разрешил мне от-
правиться в Бухару вместе с уезжающим отсюда бухарским посланни-
ком Иссамедином-мирахуром (мирахур – нечто вроде нашего полков-
ника), моим хорошим знакомым. На эту поездку генерал-губернатору
удобно было дать мне авансом 1000 р[ублей]. Хотя я отправляюсь в Бу-
хару в качестве мусафира, т.е. путешественника, но, тем не менее, мне
придётся много потратиться на разные безделушки для подарков, ибо
официальное моё положение не может быть неизвестным в Бухаре.
Поэтому аванс генерал-губернатора был мне как нельзя более кстати.
В отправлении вместе с посольством есть и хорошие и невыгодные для
меня стороны. Без посланника и письма генерал-губернатора к эмиру³⁰,
которое мне будет дано, мне бы, наверное, чинили некоторые неприят-
ности и не пустили бы вглубь страны (а я имею намерение пробраться в
Керки, чтобы первому из русских увидеть Аму). С другой стороны,
поездка совсем простым человеком с каким-нибудь купцом, даже и при
подзатыльниках (что случается) давала бы мне возможность видеть всё-
таки действительность, а не подмалёвку. Я взял первое попавшееся под
руку, т.е. поездку с посольством. Затем позвольте рассказать Вашему
превосходительству о моей программе для этого путешествия. Бухара –
несомненно, центр среднеазиатской торговли, тем более для нас важ-
ный, что в настоящее время там образуется склад товаров английского
происхождения и индийского чая. Русских торговцев в Бухаре почти
нет, размеры чайной и мануфактурной торговли и, следовательно, раз-
меры угрожающей нашей торговле опасности – неизвестны. Узнать эту
торговлю – крайне необходимо теперь же, когда в Ташкенте работает
Ком[ис]сия о тарифном и прочих торговых вопросах до окончания её

трудов. Это и будет главной целью моего путешествия, отчёт о котором составит вторую часть моего общего отчёта по исполнению возложенного на меня поручения (первая часть – Туркест[анский] край, третья – Кокан[д]). Кроме того, я желал бы в этом отчёте обновить и переверить сведения о Бухарском ханстве, заключающиеся в сочинениях Ханыкова³¹, Мейендорфа³², Лемана³³ и даже устарелого Борнса³⁴. Таким образом, составилось бы нечто целое о Бухарском ханстве не только по отношению к торговле и промышленности, но и этнографии и политике. Из Бухары я думаю съездить на переправу у Аму-Дарьи в Керки – на главном торговом пути из Афганистана, затем через Карши и Шахри-сыбз возвратиться в Самарканд. В дороге думаю пробыть около 2 х месяцев, если какие-либо обстоятельства не ускорят или не задержат моего маршрута. С начала весны всё усиленнее и усиленнее идут из Бухары слухи о приготовлении эмира к войне с нами. Слухи эти дошли до генерал-губернатора и через меня: преданные мне люди (бывшие шах-рисябзские беки) доставили о приготовлении к войне такие известия и факты, сомневаться в которых нет возможности. Сам я лично несколько не верю, чтобы эмир первый начал войну, и глубоко убеждён, что поводом к его распоряжениям послужили наши же воинственные разговоры о необходимости взять Бухару, Кокан[д] и всё, что попадётся под руку; но с другой стороны, зная туземный язык и имея в мусульманском мире пропасть знакомых, я вижу, что критическая минута для Бухары настала. Эмир – самая развращённая личность, пренебрегаемая всеми, сколько-нибудь порядочными мусульманами, всё торгующее сословие положительно на нашей стороне, а рабы, индийцы и евреи (около $\frac{1}{3}$ населения) сейчас же перебегут к нам, как только узнают о нашем движении. Лица прошлогоднего посольства мне говорили, что во время их пребывания в Бухаре достаточно было бы посольского конвоя, чтобы покончить с этой страной и обратить благородную Бухару, опору ислама, в русскую провинцию. Я не принадлежу к воинственной партии и положительно порицаю открывшуюся у нас лавочку крестов, но с этими доводами этой партии не могу не согласиться и не признать их основательными. Впрочем, все обстоятельные сведения по этому предмету я сообщу Вашему превосходительству по возвращении из Бухары, а теперь прибавлю, что на днях едет в Кашгар русское посольство, которое вряд ли мирно окончит свою миссию. Скорее, что все наши проекты и соображения отложатся в сторону и победоносные войска наши пойдут на Кашгар пожинать неуываемые для них лавры.

Примите, Ваше превосходительство, уверение в моём глубоком уважении и искренней преданности

Ваш покорный слуга

Н. Петровский

ИВР РАН. Ф. 43. Оп. 2. Д. 6. Л. 30 – 31 об.

Ташкент. 5 августа 1872 г.

Милостивый государь Николай Андреевич.

Настоящее письмо вручит Вашему превосходительству Мих[аил] Никиф[орович] Колесников, доверенный купцов Пупышевых, бывший недавно членом нашего посольства в Кашгаре и первый из русских, посетивший Яркенд. Живши долгое время в Кокан[д]е и зная хорошо тюркский язык, г. Колесников, как мне известно, был очень полезным членом посольства по собиранию сведений о промышленности и торговле Джитышара, за что и представлен уже к награде. Ввиду всего этого я счёл возможным рекомендовать г. Колесникова вниманию Вашего превосходительства, полагая, что сообщение его о торговле Кашгара и [в] особенности Яркенда не будет для Вас безынтересным. С[о] своей стороны я позволю себе прибавить, что пресловутое Шестиградие, а ныне Семиградие (Джитышар) оказалось далеко не таким, как о нём говорили ранее. Это – как я себе представляю – полукучевая страна, вроде нашего подташкенья или бухарского подкаршинья, производящая порядочный хлопок и дурной шёлк и обменивающая свою бумажную материю – дабу на верненских баранов. Ситцу нашего, очень теперь там дорогого, будет, при самых благоприятных обстоятельствах, расхотиться немного, ибо суровые узбеки не чета франтам таджикам; для них пока решительно всё равно, какой халат они наденут: из русского ли ситца или местной алачи. Я это вижу по недавно приехавшим сюда кашгарским посланникам, бедно одетым на дрянных лошадёнках. В сравнении с Бухарою, например, это небо от земли. Там самый последний арбакеш (извозчик) и мардыкер (работник) носит халат из русского ситца. Наконец эта проклятая даба, которой снабжает Кашгар наше Семиречье за баранов, вовсе нам не на прибыль, а на эксплуатацию наших киргиз[ов]. Ради избытка в дабе к киргизам мало идёт наших дешёвых ситцев и, кроме того, наши бараны уходят за бесценок. Остаются: наш чай, сахар, железо и, пожалуй, кожи. Чай и сахар пойдут хорошо, железо, как мне кажется, не особенно сильно, кожи – тоже. Из Кашгара хлопок возить дорого, а плохой шёлк (из Хотана) далеко. Словом, Семиградье, чтобы ни говорили о ней наши послы, вовсе для нашей торговли не привлекательно, особенно когда под носом Бухара и Кокан[д]. Впрочем, этим я не хочу сказать, чтобы первому торговцу или первому каравану там не было выгодно: я говорю вообще. В Кашгаре ещё наши товары, в Яркенде же, как говорят, много английских. На это обстоятельство многие смотрят здесь с опасением. Я этого не вижу, ибо с этой стороны англичане до Кокан[д]а не дойдут, да едва ли дойдут до Кашгара; на Яркенде они должны, по моему мнению, остановиться. Опасность от англичан не отсюда, а со стороны Бухары. Это я говорил уже в своих пись-

мах к туркестанскому генерал-губернатору (вероятно, уже Вами прочтённых) и докажу в своём отчёте о бухарской торговле, который вслед за сим высылаю.

О наших внутренних делах я готовлю Вашему превосходительству большое письмо. Здесь же прибавлю, что весь труд по составлению для Туркестанского края торгового положения пал почти на меня одного. Теперь я печатаю положение о пошлинах на право торговли и промыслов и объяснительную мою к нему записку. Тариф, т.е. материалы для него, составляю я, исключительно; назначенная для сего Ком[ис]сия к обсуждению тарифного вопроса не приступала вовсе.

С истинным почтением и глубокою преданностью имею честь быть Вашего превосходительства покорным слугою

Н. Петровский

ИВР РАН. Ф. 43. Оп. 2 Д. 6 Л. 19 – 20 об.

11

П.Н. Стремоухову

Ташкент. 16 августа 1872 г.

Милостивый государь Пётр Николаевич.

Ваше превосходительство, вероятно, уже изволили получить копии с трёх писем моих из Карши и Бухары к туркестанскому генерал-губернатору. Я знаю, что некоторые места этих писем не будут Вами одобрены как выражение слишком воинственного духа против Бухары. Если бы мне не было хорошо известно, что Ваше превосходительство горячо принимает к сердцу дела Средней Азии и интересуетесь ими столько же в качестве директора Департамента, сколько и частного человека, избравшего себе для изучения любимый предмет, я не стал бы объяснять Вам причину перемены моих взглядов на Бухару. Теперь же я почёл бы себя виноватым перед Вами, если бы не дал Вам такого объяснения.

Завоевание части Средней Азии, сделанное более или менее случайно, нашло затем себе оправдание в двух отношениях: политическом и торговом. В первом, приближая нас к английским владениям, оно давало нам возможность путём восточных отношений влиять на западные; во-втором – оно открывало нам рынки для сбыта наших мануфактурных произведений (лично я с этим мнением не согласен; привожу его как факт). Если оба положения верны, то вывод из них сделать не трудно, а именно: для выполнения той и другой задачи надо иметь у себя в руках политический и торговый центр Средней Азии – Бухару. Я мог бы представить Вашему превосходительству множество доказательств тому, что в политическом отношении Бухаре, бесспорно, принадлежит

первое место в Средней Азии и что политические стремления бухарского правительства, с точки зрения мусульман и эмира, никогда не сойдутся с нашими. Но я не делаю этого потому, что обсуждаемый вопрос Ваше превосходительство знаете лучше меня. Для выполнения цели моего настоящего письма мне достаточно разобрать этот вопрос с точки зрения торговой, как наиболее мне известной.

По отношению к России среднеазиатская торговля распадается на два рынка; ташкентско-кокан[д]ский и бухарско-хивинский. О Семиречье я не говорю, потому, что оно, по моему мнению, не может входить в Среднюю Азию, и даже могло бы быть отделено от Туркестанского генерал-губернаторства. Оба эти рынка имеют для нас во всех отношениях не равное значение. Я скажу о них в нескольких словах. Ташкентско-кокан[д]ский рынок, тяготеющий к Сибири, Троицку и Петропавловску, будет всегда наш в силу своего географического положения, замкнутого на юге хребтом Тянь-Шаня и совершенно доступного с севера, особенно при движении товаров по прямому, кратчайшему и удобнейшему направлению через Акмоллы. Размеры этого рынка, обусловленные социальным благосостоянием небольшого Кокан[д]ского ханства, Сыр-Дарьинской областью (Зеравшанский округ тянет к Бухаре, а верхняя часть Сыр-Дарьинской области, по Дарье, к Оренбургу) и малыми потребностями киргизских степей, никогда не могут быть большими. Значит, с этой стороны всё будет обстоять благополучно совершенно независимо от того, будет ли Кокан[д] русскою провинцией или владением Худоярхана. Поэтому же и наш Ташкент, сам ничего не производящий, останется навсегда тем, чем он [есть] в настоящее время: скупщиком и перепродавцом кокан[д]ских товаров. Большого значения он иметь не может и не будет. Даже более, я полагаю, что в недалёком будущем он уступит своё место Казале и останется только административным центром. Совершенно другое дело бухарско-хивинский рынок или, точнее, Бухара. Срединный по своему географическому положению между Афганистаном, Персиею, Россиею и нашими, вновь приобретёнными азиатскими владениями, рынок этот образует собою огромный меновой двор и склад для всех произведений этих стран, и притом одинаково для всех их доступный. Такое положение даёт ему, если не теперь, то в будущем, мировое значение, которое для нас, русских, может иметь (судя по настоящему положению дел) весьма печальный исход, если мы заблаговременно не отнесёмся к нему разумно. Правда, нашими товарами бухарский рынок завален с верху до низу, но «мудрый сморит в корень», и я, причисляя себя в этом отношении к мудрым, сим положением дел не восхищаюсь: во-первых, потому, что заваление рынка Бухары русскими товарами не нормально. Наши ситцы продаются там так дешёво, что не окупают расходов фрахта. Продажа же их выгодно идёт оттого, что весь убыток налагается на туземный товар, преимущественно хлопок, отправляемый в Россию. Хлопок этот на Нижегородской ярмарке с каждым годом теряет свою цену, уступая место хлопку суратскому. Если иностранный хлопок

будет одолевать (а это непременно случится), то размеры нашей мануфактурной торговли значительно сократятся и бухарские торговцы (русских нет) обратятся к Афганистану, куда уже пробита дорога и откуда привоз английского товара увеличивается с каждым годом (английские ситцы идут даже из Мешхеда); во-вторых, потому, что бухарский рынок, несмотря на его 190 вёрстное расстояние от Ташкента, остаётся вне всякого русского влияния. Правда, русские товары привозятся туда из России во множестве, но привозятся туземцами, а не русскими. Несмотря на массу мануфактурного товара, высылаемого Москвою в Бухару (до 10 фабрик), там нет ни одного приказчика, ни одного агента от московских купцов и мануфактуристов. Один Шмелёв пробавляется менюю самоварчиков и мелочи на каракульки, да некто Грошев заготовляет бумажный холст для туркестанских войск. Какие потребности этого рынка, что дорого, что дешёво, что идёт с пользой и в убыток – всё это «темна вода во облацех» для московских торговцев, благо приезжают в Нижний бухарцы и покупают так называемый азиатский товар, за который сплошь да рядом платят 20 копеек за рубль. А ведь торговля идёт на миллионы. И, наконец, в-третьих, потому, что соседи наши не зевают и постепенно, медленно и прочно, высылают в Бухару свои произведения с каждым годом в увеличивающемся размере. Таким образом, незаметно для нас, мы потеряли в Бухаре чайный рынок и, того гляди, потеряем бумажный.

Вот, Ваше превосходительство, мои доводы в пользу несколько воинственного настроения против Бухары. Если Вам угодно, я готов их развить гораздо подробнее. Впрочем, я должен сказать, что воинственное настроение это вынужденное – сознание того принципа, что если нужно уже открывать рынки штыками, то нельзя обойти Бухары, ради опасения не быть обойдённым.

С чувством глубокого почтения и искренней преданности имею честь быть Вашего превосходительства покорным слугой

Н. Петровский

АВПРИ. Ф. 161. Разряд IV-2. Оп. 119. 1870–1874 гг. Л. 112 – 114 об.

12

Н.А. Ермакову

Ташкент. 17 августа 1872 г.

Милостивый государь Николай Андреевич.

Позвольте представить Вам вручителя сего письма, дипломатического чиновника при туркестанском генерал – губернаторе д[ействи-

тельного] с[татского] с[оветника] Струве. Заслуги Карла Васильевича как дипломата и астронома, без всякого сомнения, известны Вашему превосходительству лучше меня, да и не мне их перед Вами оценивать. Я пишу это письмо с другой целью. Я так верю в Ваше доброе ко мне расположение, и так привык обращаться к Вам с различными описаниями моей здешней жизни, симпатий и антипатий, что отъезд отсюда К[арла] В[асильевича] я не мог не сопроводить письмом к Вам. С самого начала знакомства моего с Карлом Васильевичем (в день самого приезда моего в Ташкент) мы сошлись с ним искренно и нелицемерно (как здесь не часто бывает) и затем шли с ним рука об руку, давая друг другу советы, указания, помощь и подчас внушения. Конечно, нас сближала более всех одинаковость положения, знакомство с П.Н. Стрелюховым и родственность наших занятий. Но я всё-таки должен сказать, что все эти обстоятельства, как они ни важны сами по себе, связывались личностью самого Карла Васильевича. Могло статься, что при другом лице они имели бы для меня иные последствия. Другой на месте К[арла] В[асильевича] мог бы посмотреть на моё, более выгодное, в Туркестанском крае положение с некоторой завистью, а на моё знакомство с Петром Николаевичем как на повод от меня отдаляться. К счастью для меня и для дела, этого не случилось – и честь и хвала Петру Николаевичу и Карлу Васильевичу за их умение: первому – отрекомендовать меня как было нужно, а второму – понять эту рекомендацию. По-видимому, вещь эта очень простая, а между тем, в другом случае, результаты были бы другие, и я надоедал бы Вашему превосходительству уже не таким письмом, как теперь. Кроме этого, я считаю своею обязанностью заявить Вашему превосходительству, что К[арл] В[асильевич] должен быть и приятный человек нашему Министерству: во всех делах по торговле в соседних ханствах К[арл] В[асильевич] принимал самое деятельное участие. Благодаря ему был возвращён, напр[имер], неправильно взятый в Бухаре зякет с купца Быковского, сделано удовлетворение купцу Красильникову, в Кокан[д]е не раз оказывалось содействие купцам Пупышевым и т.п. Вот что, собственно, я хотел было сообщить Вашему превосходительству и остановиться, но теперь, перечитав письмо и зная, что оно останется у Вас, я прибавлю ещё несколько слов. Были, конечно, у нас невзгоды и от таких лиц, от которых мы должны были бы ожидать помощи и содействия, а не интриг. Но невзгоды эти нашим благоразумным поведением устранены или, иначе говоря, они никогда не были вызваны наружу, а это главное. Вы не поверите – здесь такая масса интриг и сплетен, что даже умение молчать требует известной сноровки, иначе оно будет принято за протест. Впрочем, К[арлу] В[асильевичу] было гораздо легче моего: с Министерством иностранных дел был мир, а у нас – война. Во время оно здесь были умники, которые уверяли, что, напр[имер], управляющий Казённою палатою делает свои законные протесты по моему наущению и т.п. нелепости. Теперь всё это прошло, но тогда было досадно и неприятно.

С чувством искренней преданности и глубокого уважения имею честь быть Вашего превосходительства покорным слугой
Н. Петровский

ИВР РАН. Ф. 43. Оп. 2. Д. 6. Л. 27 – 28 об.

13

П.Н. Стремоухову

Ташкент. 20 августа 1872 г.

Милостивый государь Пётр Николаевич.

Настоящее письмо вручит Вашему превосходительству К.В. Струве. Простите, что на сей раз я отступлю от своего обычного правила, и буду говорить не о торговых сведениях, а о личностях; моей и Карла Васильевича. Провожая его отсюда, хотя, по всему вероятно, не надолго, я считаю для себя по многим причинам необходимым написать Вашему превосходительству несколько слов о наших отношениях. С самого приезда моего в Ташкент я сблизился с Карлом Васильевичем искренно и нелицемерно, и нашёл в нём не только опытного для меня советчика, но и истинного доброжелателя и друга. Во всё время нашего совместного жительства в Ташкенте мы виделись почти каждый день и во всех, общих для нас, делах шли рука об руку, напутствуя друг друга советами, указаниями и помощью. Я глубоко и искренне благодарен Вашему превосходительству за умение отрекомендовать меня Карлу Васильевичу, и не могу не отдать ему чести за умение понять Вашу рекомендацию. В другом случае, при массе здешних интриг, мы могли бы увлечься общих их потоком и косвенно повредить этим нашему общему делу. Теперь же мы искренно и дружески посмеиваемся над каверзами лиц, науськивавших нас друг на друга. Наконец я много одолжен К[ар]лу Васильевичу за постоянное ознакомление меня с общим ходом политических дел Средней Азии. Его сведения, мнения и взгляды по этой части уяснили мне многое в изучаемом мною предмете. Словом, знакомство с Карлом Васильевичем составило для меня солидное приобретение. Благодаря ему я мог надлежащим образом ориентироваться в месте моего служения и в моей деятельности, хотя, в сущности, очень безобидной, но для многих мало понятной. Людей, относящихся к делу не по личным отношениям, а по принципу, здесь очень мало и понять принципиальные отношения могут не многие. Поэтому и наша связь с Карлом Васильевичем казалась для некоторых непонятною. Меряя на свой аршин, они в подобном положении непременно подставляли бы друг другу ножки. Впрочем, всё это Карл Васильевич расскажет Вам сам. Теперь позвольте мне попроситься к Вам на совет.

Из моих писем генералу Кауфману Ваше превосходительство изволили усмотреть, что и я записался в воинственную партию – по принципу. Это, конечно, не значит, чтобы я одобрял всякое поползновение ради инсигний* взять Бухару. Напротив того, такие бессознательные и кровавые упражнения находят во мне искреннего порицателя.

Может статься, что теперь, с отъездом генерал-губернатора, опять поднимутся разные воинственные слухи и будут раздуваться. Расследовать их справедливость будет в состоянии только один Карл Васильевич, как беспристрастный и стоящий у дел человек. Другие лица, в том числе и я, не будут для этого компетентны. Поэтому Карлу Васильевичу следовало бы, по моему мнению, недолго оставаться в Петербурге, а возвратиться поскорее в Ташкент. Впрочем, если бы случилось что-нибудь особенное, я тотчас сообщу о нём Вашему превосходительству или Ник[олаю] Андр[еевичу] Ермакову.

С чувством глубокой преданности и истинного потения имею честь быть Вашего превосходительства покорным слугой.

Н. Петровский

*АВПРИ. Ф. 161. Разряд IV-2. Оп. 119. 1870–1874 гг. Д. 4.
Л. 116 – 117 об.*

14

Н.А. Ермакову

Ташкент. 25 августа 1872 г.

Милостивый государь Николай Андреевич.

В письме моём к Вашему превосходительству, посылаемом с К.В. Струве, я забыл упомянуть ещё об одном моём хорошем приятеле, отправляющемся в Петербург с К.В. Струве, именно о посланнике кокан[д]ского хана Мирза Хакиме³⁵ – парванчи (парванчи – очень большой чин). Позвольте и его представить Вашему превосходительству. Мирза Хаким – один из самых почтенных личностей мусульманского мира. Изучая этот мир, я, тем не менее (как это часто случается), не принадлежу к его поклонникам и, вообще говоря, в мусульман не верю. Мирза Хаким должен составлять в этом отношении исключение. На первый раз он не произведёт на Вас особого впечатления, но если бы Вы пожили с ним подольше и в Туркестанском крае, Вы убедились бы, как и я, что это золотой для наших интересов человек, прямой, искренний, не боящийся говорить своему деспоту такие вещи, за которые здесь обыкновенно платятся головой. Будь другой человек при Кауфмане в

* Знаков высшей власти (*лат.*).

Самарканде, когда его осаждал Джура-бек, дела Средней Азии приняли бы иной оборот, и теперешний мой приятель Джура-бек (как он сам мне сознавался) гнал бы нас до самой Казалы. Но Мирза Хаким, посланный тогда от кокан[д]ского хана к генералу Кауфману, умел понять, что затруднение это случайное и временное, и посоветовал своему государю сидеть смиренно. Этим он сохранил ему царство и нам принёс великую пользу. Константин Петрович мне сам рассказывал обо всех этих событиях, и потому здесь, по отношению к Мирзе Хакиму, я повторяю только его слова. К сожалению, подобные вещи у нас как-то забываются и разве остаются, то только в наших дневниках, издаваемых в свет лет 40 спустя после нашей смерти.

Последующее затем поведение Мирзы Хакима показало, что самаркандский его поступок не случайный, а совершенно сознательный. Зная порядочно Россию, с которой он много торговал, он видел, что спасение его родины – только в нашей с ней дружбе и что малейший повод к раздору дал бы сию минуту предлог воителю (как, напр[имер], Романовскому³⁶) получить за взятие Кокан[д]а Георгий на шею.

Ко всему этому я должен прибавить, что Мирза Хаким пользуется у нас в Ташкенте всеобщей любовью и уважением за его любовь к России и русским обычаям.

С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть Вашего превосходительства покорным слугой.

Н. Петровский

ИВР РАН.. Ф. 43. Оп. 2. Д. 6. Л. 25 – 26 об.

15

А.Ф. Кони

Ташкент. 14 сентября 1872 г.

Его превосходительству господину генерал-майору Бегунову от действительного статского советника Ассигновкина

Писание

Наслышан есть, что Ваше превосходительство произошед многие ранги в служении Вашем Престол-Отечеству и многие грады, как фамилии Вашей свойственно, пребыванием своим украсив, творя в них нелицеприятный суд и злодеям посрамление, паки возвратились в Петербурх и самую Фемиду в объятии свои взяли. Премного обрадован такими вестями, в коих не могу не узреть веления рока, Ваше превосходительство от фендрикова³⁷ ещё ранга по стезе добродетели ведущего, я, как доброму кавалеру надлежит, почитаю себя в обязанность учинить Вам в том поздравление, питая надежду и самому с Вами в скором вре-

мении свидание иметь. Полагаю, что и Ваше превосходительство, получив моё^{*} писание, от сердца моего к Вам устремляющееся, возымеете желание о Вашем старом сослуживце, ныне в азийских странах пребывающем, такожды известие получить. Сего ради, для единого Вас токмо уведомления, поистине скажу, что азийския страны и главный град оных Ташкент, к подножию престола, как Вам небезызвестно, недавно приведённый, весьма мне несвойственны суть, не ради жителей оных, хотя и мусульман, но нравы тихие и образование имеющих; а для ради русских живущих в оных кавалеров, кои достойно сим именем нарицатся не могут, ибо^{**}, будучи рабски духом и нравами извращенны, о едином только чревоугодии и пьянственной жизни помышление имеют. Сего ради мне, в науках обученному и до сего времени ум свой в оных изощряющему, компанию водить с ними не можно. Не могу умолчать Вам об оных людей пороке, иметь у себя в жёны красивых мальчиков, чем паче всех других дел в омерзение к себе меня поставляют.

О всех здешних странах, градах и народах, а такожды о жителей сих градов обычаях и нравах я Вашему превосходительству^{***} отписать не премину, если на то желание иметь будете.

Супруга моя и дети Вашему превосходительству чинят усердный поклон.

Вашего превосходительства всепокорнейший раб
Николай Фёдоров

ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 2855. Л. 1 – 2 об.

16

Н.А. Ермакову

Ташкент. 14 сентября 1872 г.

Милостивый государь Николай Андреевич.

Хороший мой знакомый Н.Д. Флавицкий, бывший у Вашего превосходительства с письмом от меня в прошлом году, отправляется завтра в Петербург хлопотать по одному своему делу, в котором Вы не можете принять участия, но сообщить о котором Вам, интересующемуся нашими делами, не бесполезно. Письмо это предназначается исключительно для Вас и, потому, я буду говорить прямо и резко. Администрация Туркестанского края, о которой я, как человек и русский не могу отозваться с похвалою, постоянно кричала и кричит о своём усердии в развитии промышленных и всяких других сил этого края, а между тем кроме самой бе-

* Далее зачёркнуто: «настоящее».

** Далее зачёркнуто: «люди сии».

*** Далее зачёркнуто: «я».

зумной траты денег на награды, пособия и предприятия, затеваемые различными пролазами ради возможности поживиться за счёт казны, ничего не сделала. Всё здесь делается и делается так, чтобы било в глаза, а действительно скромно ведомые коммерческие дела не только не поощряются, а даже тормозятся. Пример Н.Д. Флавицкий. Эта почтенная личность задумала построить в Ходженте мост через Дарью без всякого пособия от казны, на свои средства. Надо Вам заметить, что независимо [от] прямой, так сказать, пользы этого предприятия, строение дорог и мостов производит на туземное население чудовищное впечатление. Знаменитейшие ханы и строители, украсившие роскошнейшими зданиями, напр[имер], Самарканд, не додумались в тысячи лет до постройки шоссе, а тем более мостов. Поэтому построенное года два тому назад, по болотистой местности, шоссе из Ташкента в Той-Тюбе (40 вёрст) привлекло нам изумление и благословение не только местных жителей, но и всего Кокан[д]а. Этот случай – единственный совершенно случайный пример полезного предприятия. Зная это, конечно, благоразумной администрации следовало бы не только благодарить Флавицкого, вбившего уже почти все сваи для моста и вообще деятельно принявшегося за своё дело, но и всем, чем только можно, поддержать его. Но не тут-то было. Не знаю, вследствие каких личностей (у нас всё личности) и ради каких соображений Флавицкому, после заключения контракта предъявили такую резолюцию генерал-губернатора, после которой ему остаётся только жаловаться Сенату. Вместе с военным губернатором мы недавно осматривали этот мост в Ходженте, и г[енерал]-м[айор] Головачёв, в присутствии всех, сказал мне: «Остановка этого полезного дела будет лежать на душе А.И. Гомзина». Вот Вам и весь сказ; один порицает, что сделал другой и обратно, а лица и предприятия терпят.

Вероятно, ташкентские гости будут делать Вам на мой счёт некоторые намёки, ибо многие из них меня недолгобливают. Поэтому, положив руку на сердце, я считаю нужным сказать Вам, что никаких личностей к этим господам у меня нет, и никогда не было. В отсутствии личных отношений – моя сила. Я, слава Богу, настолько умён, что на личности не поддамся. Вам, к которому я пишу самые интимные о моём здешнем положении вещи, я никогда не писал о личностях. Но есть положения, которые, в некотором отношении, хуже всяких личностей для того, кто в них (положениях) находится. Таково моё положение, несмотря на многие его прелестные стороны. Меня не особенно жалуют уже потому, что я держу себя чрезвычайно отдалённо от всех больших и малых предрержащих властей и делаю это единственно, чтобы не замешаться в интриги и личности нашего самого избраннейшего по интригам и сплетням города. Кроме того, сам, по своему характеру, я решительно не в состоянии якшаться с большинством наехавших сюда деятелей, по большей части скрывшихся от долгов, чтобы делать новые. Если Ваше превосходительство жилали когда-нибудь в губернских городах, то Вы сами знаете эту жизнь местной так называемой аристократии – жизнь между

бутылкой, картами и сплетнями. Но там, в прежнее время, до крестьянской и других реформ, она имела свой *raison d'être*³⁸: невозможность серьёзной деятельности. Здесь другое; здесь самая интереснейшая и полезнейшая деятельность во всех возможных родах, так сказать, под носом, и если мы, вместо неё занимаемся делами прежних дней, то мы, значит, сами плохи. Изучение края свелось у нас, при таком порядке дел, на образование общества педерастов, и ради приобретения красивых мальчиков стали твориться такие дела, что всякий кредит наш у туземцев падает с каждым днём. Я не пурист нравственности и предоставляю всякому, в этом отношении, поступать как ему угодно. Я даже с должным вниманием выслушивал покойного члена Военного совета Николаева³⁸ о прелестях педерастии. Но если такие вещи делает уездный начальник у всех на виду и освящает, так сказать, своим авторитетом этот гнусный порок, – вопрос становится другим. Понятно, что я и люди моего закала своим неприсутствием на таких оргиях, своими мнениями о них и своим образом жизни, не можем не составлять живого протеста против жизни и поведения многих и многих здешних деятелей. Кроме того, выучившись тюркскому языку, я получил возможность знать, что не знают даже самые близкие к народу лица. Это возбуждает зависть, ибо с народом здесь сносятся через невежественных переводчиков, по преимуществу взяточников, которым, уже конечно, ничего не известно.

Я не знаю, понятно ли я обрисовал Вам моё положение. А хотелось бы привести для пояснения, несколько примеров, но вижу, что письмо выходит большим и для Вашего внимания обременительным. Во всяком случае, я ещё раз докладываю Вам, что как мне ни трудно, но до сего времени я сумел держаться здесь так, чтобы оправдать Ваше ко мне доверие и участие и исполнить советы и наставления, которыми Вы снабдили меня при прощанье.

Флавицкому это письмо, конечно, не было показано.

С истинным почтением и глубоким уважением имею честь быть Вашего превосходительства покорным слугою

Н. Петровский

ИВР РАН. Ф. 43. Оп. 2. Д. 6. Л. 21 – 24 об.

17

Н.А. Ермакову

Ташкент. 25 октября [1872 г.]

Милостивый государь Николай Андреевич.

Одновременно с настоящим письмом моим к Вашему превосходительству я посылаю к А.И. Бутовскому, при особом письме, проект по-

³⁸ Назумное основание (*фр.*).

ложения о пошлинах за право торговли и промыслов в Туркестанском генерал-губернаторстве с двумя объяснительными записками: общемо и частною. Проект этот был составлен мною и управляющим Контрольною палатою, а объяснительная записка – мною исключительно. В письме к А.И. Бутовскому подробно изложен весь ход наших работ по этому делу. Ваше превосходительство, вероятно, будете членом той комиссии, которая будет рассматривать новый проект управления Туркестанским краем и в том числе, конечно, и нашу работу. Я далёк от того, чтобы признавать её вполне удовлетворительною. Может статься, что многие её части не будут Вами одобрены. Во всяком случае, так или иначе, т.е. будет ли эта работа одобрена всецело или только частью, но я покорнейше или настоятельнейше буду просить Вас не выпускать этого дела из рук Министерства финансов. Лучше прикажите ввести здесь русское торговое положение без всяких изменений и дополнений, но не передавайте только это дело для переработки опять в Туркестан. С русским торговым уставом мы всё-таки как-нибудь сладим, а с зякетом жить стало положительно невозможным. Лучше всякие натяжки на местные условия русского торгового положения, чем самый разумный зякет. Я знаю, что малейшая с Вашей стороны уступка в пользу зякета (т.е. временного его оставления) или нового пересмотра на месте торгового положения снова надолго затянет это, несколько уже раз затеваемое дело. Зякет здесь потому нужен (смешно сказать), что он не даёт Казённой палате права вмешиваться в торговлю, заправляемую администрацией исключительно. Для непосредственных же его сборщиков он такой лакомый кусок, за существование которого стоит серьезно бороться. Следовательно, раз не разрешённый торговый вопрос опять попадёт в омут зякета, и мы опять будем его вытаскивать оттуда года два, если не более. Вы не можете вообразить себе всю нелепость и всё безобразие этого сбора: это действительно такой омут, где можно и ловить рыбу, и миловать и прижимать по своему усмотрению, и где честному сборщику сплошь да рядом можно быть обвинённым в неправильности действий и беззаконии. Ко всему этому надо прибавить наш отдалённый край, где всё шито да крыто. По поводу этого последнего обстоятельства я не могу не доложить Вам, что здесь существует такой грабёж казны, какого вероятно ещё не было в летописях управления нашими окраинами. В Кураминском уезде, как теперь открывается (и конечно будет скрыто), взяты с жителей почти двойные подати, т.е. до 100 т[ысяч] р. лишних, не считая самых безобразных взяток натурой, и прочих самых возмутительных безобразий. Деньги эти, конечно, в казну не поступили, а остались на руках у уездного начальника³⁹ и его магометанской администрации. Заметим притом, что Кураминский уезд под самым Ташкентом и что начальник его, всем известный картёжник, получая 2000 р. жалованья, открыто проигрывал в один вечер по 10 тысяч р. и более. Словом, здесь такое безобразие творится, что сколько-нибудь порядочному человеку становится невыносимо. Я почти убеждён,

что рассказанное Вам дело кончится ничем, т.е. уездный начальник, преспокойно и открыто под носом губернатора обобравший уезд, останется почтенным деятелем края⁴⁰. А что делается в других уездах, далёких от центра? Об них до нас доходят только тёмные, но столь же печальные слухи.

Ваше превосходительство, конечно, не покажете этого письма нашим ташкентцам. На меня и так косятся, называя фискалом министра финансов (слова моего друга А.И. Гомзина).

С истинным почтением и глубокою преданностью имею честь быть Вашим покорным слугой

Н. Петровский

ИВП РАН.. Ф. 43. Оп. 2. Д. 6. Л. 17 – 18 об.

18

Н.А. Ермакову

Ташкент. 4 декабря 1872 г.

Милостивый государь Николай Андреевич.

Позвольте представить Вашему превосходительству одного из здешних моих хороших знакомых, Никол[ая] Михайловича Бахтиярова. Служа пять лет в Туркестанском крае в должности члена организационной комиссии, верненского мирового судьи и в последнее время, состоя при генерал-губернаторе, Ник[олай] Мих[айлович] не только хорошо знает край, но и знает о нём нечто более, чем прочие смертные. Он, между прочим, разбирал много следственных дел о том злосчастном Кураминском уезде, о котором я недавно писал к Вам. Благодаря его любезности я мог получить те сведения и видеть те дела, на которые я сослался в моём к Вам письме. О посылке сего письма я ему не говорил, но если Ваше превосходительство найдёт нужным проверить или пополнить мне сведения, то лучшего источника, как Ник[олай] Мих[айлович], Вы не найдёте. С этой целью я и вручил ему настоящее письмо, не говоря, впрочем, о его содержании.

Для пополнения собранных мною и сообщённых Вам сведений я считаю нужным Вас уведомить: во 1 х, что полезно бы было (если потребуется) взять из Канцелярии Государственного контроля представление Туркест[анской] контроль[ной] палаты о свидетельстве Кураминской кассы и во 2 х, что о жалобах жителей Кураминского уезда на излишний сбор податей донесено Туркестанскою казённою палатою Д[епартамен]ту окладных сборов, вчера, 3 го декабря. Значит, кроме моего письма в Петербурге имеются уже об этом деле официальные донесения.

В этом же письме, хотя и некстати, я хотел бы с Вами побеседовать ещё об одном деле или, лучше сказать, сделать Вам предложение.

Я знаю Ваше деятельное участие в Комитете грамотности. Нельзя ли распространить эту деятельность (путём Комитета или отдельного общества) и на наш, бедный край? Теперь я порядочно знаю тюркский язык и туземцев, и знаю, что для них из умственной пищи было бы нужно. Здесь сделать ничего нельзя, а у Вас, при моём содействии, было бы можно сделать многое и полезное. Например, издать для туземцев хороший календарь – не такой, каким здесь награждает администрация – верхом всякого безобразия (материалы для календаря у меня есть). Календари (хорошие), как Вам известно, первые проводники элементарных познаний и цивилизации. Потом следовало бы издать карту России с тюркскими названиями городов, рек, гор, и пр. (названия могу доставить). Такая карта, при ежегодно увеличивающемся интересе туземцев ознакомиться с Россиею, очень нужна. Следует также издать перевод хорошей арифметики (можно сделать под моим руководством) и книжечку с наставлениями, как помогать в несчастных случаях без помощи врача и т.п. и т.п. Если моя мысль Вам понравится, то я готов развить её гораздо подробнее. Может, в Петербурге найдутся лица, желающие образовать общество для просвещения здешнего забитого мусульманской схоластикой мира, готового, впрочем, к восприятию более свежих идей. Вашему превосходительству да будет принадлежать первый почин в этом деле.

Примите уверение в глубоком моём уважении и искренней к Вам преданности

Ваш покорный слуга

Н. Петровский

ИВР РАН.. Ф. 43. Оп. 2. Д. 6. Л. 15 – 16 об.

19

Н.А. Ермакову

Ташкент. 9 января 1873 г.

Милостивый государь Николай Андреевич.

Вместе с настоящим письмом моим к Вашему превосходительству я посылаю два письма к А.И. Бутовскому, в которых прошу его отрекомендовать меня какому-нибудь банку и страховому от огня обществу в качестве лица, желающего быть их агентом в Ташкенте. В письмах этих я изложил А[лексан]дру И[ванови]чу, насколько было нужно, общие соображения о необходимости и выгоды устройства таких агентств в

настоящее время, когда Ташкент связывается телеграфною линиею с остальною Россиею. Прежде, до проведения телеграфа, о подобных предприятиях нельзя было и думать; теперь же чем они скорее осуществляется, тем лучше. Ваше превосходительство, вероятно, прочтёте мои письма и согласитесь с приведёнными в них доводами. Если это будет так, то позвольте и Вас просить принять участие в разрешении моей просьбы, Вы меня больше знаете, чем А[лексан]др И[ванов]вич, и потому, я надеюсь, не откажете помочь этому, столько же моему, сколько и общему делу.

Вашему превосходительству известно, что я на здешние дела не смотрю и не могу смотреть светло, зная, что в большинстве случаев они не удаются. Перед моими глазами здесь прошло столько предприятий, мертворожденных, что, смотря на них, нельзя не сделаться пессимистом. Тем не менее, в предприятия, о которых я говорю в письмах к А[лексан]дру И[ванови]чу, я положительно верю и не потому, что хочу делать их сам, а по общему, так сказать, разуму и положению дел.

На днях я написал договор и привлёк к нему известного в Семиречье деятеля Кузнецова об устройстве товарищества для обработки здесь табаку с основным капиталом в 5 т[ысяч] р. Думаю, что и это дело пойдёт у нас не без успеха, ибо мы основываем его на собственные средства и без шума и хвастовства о том, что мы облагодетельствуем край и превознесём его правителей. Это замечание пришло мне невольно в голову, когда я вспомнил об оном здешнем предприятии: Константиновском конном заводе, устроенном при пособии и на средства местной администрации. Заводу дали 2 т[ысячи] десятин земли (что, по здешнему, громаднейшая ценность), 25 т[ысяч] р. в ссуду, позволили прихватить ещё 15 т[ысяч] из сумм уездной ссудо-сберегательной кассы, разрешили кочевать в трёх уездах – и, в конце концов, только что устроенный завод, имеет уже 20 т[ысяч] р. дефициту за год и умирает, не успевши родиться! Это блистательный образец казённых пособий на частные (и, замечу, совершенно не нужные) предприятия в то время, когда ни в одном городе края нет аптеки и сколько-нибудь порядочной школы. Вам, читая моё письмо, конечно несколько непонятен его озлобленный тон; но если бы Вы жили здесь, за 5 т[ысяч] вёрст от России, и если бы Ваши больные дети умирали, например, – от неимения лекарства, Вы разразились бы проклятиями не на один конный завод, а на многое, что делается в крае.

В заключение позвольте мне обратиться к Вашему превосходительству ещё с одною просьбою: не найдёте ли возможным получить для меня разрешение приехать в Петербург не для какого либо определённого времени, а, так сказать, *carte blanche*^{*}, которую я мог бы употребить в дело в то время, когда найду это возможным и необходимым. Мне надо побывать в Петербурге, а между тем сам от себя я не могу назна-

^{*} Свобода действий (*фр.*).

чить для этого определённого времени. Исполнением моей просьбы Вы сделали бы для меня большое одолжение.

С чувством глубокого уважения и искренней преданности имею честь быть Вашего превосходительства покорным слугой

Н. Петровский

Р. S. Дело, о котором я Вам писал, как я и предсказывал остаётся без всякого движения, боюсь, чтобы не было серьезных беспорядков, ибо многое слагается так, что они возможны.

ИВР РАН.. Ф. 43. Оп. 2. Д. 6 Л. 13 – 14 об.

20

Н.А. Ермакову

Ташкент. 28 марта 1873 г.

Милостивый государь Николай Андреевич.

Приезд в Ташкент, на короткое время, генерал-губернатора, его встречи, приёмы и проводы несколько задержали мою обычную корреспонденцию с Вашим превосходительством. Спешу исправить мою неаккуратность настоящим письмом о самом важном и современном у нас событии – походе на Хиву⁴¹.

Мои письма к Вашему превосходительству о делах русского Туркестана не блестят светлыми красками, несмотря на всё моё желание указать Вам на что-нибудь светлое. То же самое придётся мне сказать и относительно Хивинского похода.

Я не буду и не смею обсуждать здесь политическую необходимость этого похода на узбекское ханство в 140 в[ёрст] длины, 60 в[ёрст] ширины с 75 ю деревушками, совершенно справедливо называемых кишлаками (т.е. зимовками) – похода, который будет стоить нам, по меньшей мере, два миллиона рублей; я передам Вам только местные факты с моим мнением о том, какое значение имеет этот поход для гражданской жизни русского Туркестана.

Вашему превосходительству известно, что по случаю составления для края нового положения прежний проект, введённый (с 1867 г.) только на три года, в самых существенных своих частях (податных) не только терпел значительные изменения, но и вовсе оставлен, и потому многое делалось и делается по непосредственным распоряжениям и приказаниям генерал-губернатора. Таким образом, хараджная⁴² и танапная⁴³ подати, например, слились в одну поземельную, назначаемую, по сведениям 1868 г., общею цифрою для раскладки на целый уезд и при-

том так, что почти всякий год цифра эта, без всякой проверки и по странному рассуждению, что народ богатеет – назначалась на 10 % выше года предшествующего (нынешний год на 7 %). Неразрешение вопроса о праве поземельной собственности вызвало распоряжение о том, чтобы ни одно присутственное место не заключало актов о покупке и продаже земель вне городской черты, т.е. прекратило на неопределённое время законное право каждого собственника распоряжаться своим имуществом. Ваше превосходительство сами можете судить, какое может быть гражданское развитие страны, в которой нарушены все имущественные права и отношения. Ни купить, ни продать, ни подарить, ни разделить нельзя собственной своей земли. Конечно, такой край требует немедленного устройства в самом, так сказать, простом смысле, не говоря уже о пропаганде новым нашим подданным идей справедливости, законности, уничтожения произвола и водворения порядка. Между тем генерал-губернатор, по случаю похода в Хиву, прожил в Ташкенте только две недели и всё время был занят военными делами, а затем, оставив край, увёл с собою всё, что только можно было увести, даже начальника судного отделения, которому, конечно, предстояло более дел в Ташкенте, чем в Хиве. Но это ещё не всё. На поход понадобились перевозочные средства, т.е. верблюды, а ассигновано было (270 т[ысяч]), ровно столько, чтобы при приезде в Ташкент забрать сверх сметы ещё 360 т[ысяч] р., которых, тем не менее, всё-таки не хватит. Таким образом, уже теперь, не считая платы за будущих упавших верблюдов, походная смета возросла до 600 т[ысяч] р. (кроме отрядов Оренбургского и Кавказского). Верблюдов пришлось взять нарядом, хотя и за плату, но насильно и притом, по малой распоряжительности, они были взяты не сразу 13 т[ысяч], а сначала 8 т[ысяч], потом ещё 4 т[ысячи], а потом остальные. Хотя у нас и верблюжье царство, но всё-таки забрать у населения 13 т[ысяч] и оставить его в надежде заполучить от него ещё, когда потребуется – слишком тяжело. Понятно, как всё это должно отзываться на весь строй гражданской жизни края. Дороговизна жизни, общий застой в делах, общее неудовольствие и русских, и мусульман на все эти порядки слышатся повсюду. А тут ещё подстрекательства эмира и, кажется, хана⁴⁴, и те события в Кураминском уезде, оставленные без разбора, о которых я писал Вашему превосходительству. Становится страшно, как бы с нами не повторилось того, что было с англичанами в Афганистане. Вот почему Хивинский поход отсюда, из Ташкента, я считаю великим злом для Средней Азии и нашего в ней влияния.

Примите, Ваше превосходительство, уверение в моём глубоком к Вам уважении и преданности.

Н. Петровский

Ташкент. 22 мая 1873 г.

Милостивый государь Пётр Николаевич

В то время как мы с нетерпением ждём окончания одного политического события на нашем западе, в Хиве, другое, едва ли не более важное, подвигается к нам с востока, со стороны Кашгара. По весьма достоверным известиям, мною с неделю тому назад полученным, большая китайская армия пришла под Урумчи и после небольшого сражения, вне города, с войсками Якуб-бека⁴⁵, предводимыми его сыном и обратившимися в бегство, заняла Урумчи без боя. Затем китайские войска разделились: меньшая часть их отправилась по направлению к Кульдже и взяла Джинхо, а большая – овладела Турфаном и Карашаром. В главном всё это совершенно верно; неверности могут быть только в подробностях. По получению этих известий до меня начали доходить слухи (базарные) об обложении Аксу и сильном смятении в Кашгаре. Говорят, что Якуб-бек прислал Худояр-хану огромные подарки с просьбою дать ему помощь войсками. Здешние кашгарцы насмешливо говорят, что дело походит на то, что Якуб-бек скоро придет к вам чай пить, позаботьтесь о его содержании. Действительно, если Аксу будет взято, Якуб-бек вряд ли станет дожидаться исхода борьбы, и по всему вероятно убежит – разумеется, к нам, ибо, кроме как к нам, бежать ему некуда.

На этом остановилось пока дело. Если Вашему превосходительству будет угодно знать все подробности этих, недавних событий, то я могу их сообщить Вам в следующий раз: беглецы из-под Урумчи, которых мне не удалось повидать, проехали в Кокан[д] и скоро возвратятся. Конечно, мне, по моим здешним связям, они расскажут более, чем всякому другому русскому.

О хивинских событиях Вашему превосходительству, вероятно, известно более чем мне. Но так как у Вас источники официальные, а в Средней Азии полезно знать и базарные слухи, то я скажу несколько слов о последних. Все туземцы, знающие халатинскую дорогу на Уч-Учаг, весьма положительно утверждают, как и о мин-булакской дороге, с которой наш отряд свернул, не доходя Тамды, что по этой (халатинской) дороге отряд к Аму-Дарье не выйдет, ибо при огромных песках, на этой дороге на расстоянии пяти переходов нет ни одного колодца. Живущий здесь секретарь Катта-гюри⁴⁶ бухарского Мирза Юнус, говорит мне, что во время бегства их из Кермине в Хиву, они шли по этой дороге в числе 500 человек, зимой, и едва не умерли от жажды. Вчера приехавший из Бухары татарин принёс известие, что русский отряд опять вблизи Бухары, если это так, то с дороги, значит, опять свернули. Это обстоятельство важно не по отношению к Хиве, а к Бухаре. В прошлый

раз при движении из Арстан-бель-Кудука на Карагаты в Бухаре было очень тревожно. Я знаю наверное, что жители хотели схватить эмира и вынести его навстречу русскому отряду, если он будет двигаться к Бухаре. Кажется, что и сам эмир знал это, ибо три дня не выходил из крепости (кремля) и тщательно запирался. Если отряд действительно свернул с дороги близко от Бухары, то г. Кауфман будет иметь удовольствие получить в подарок Муззафар-Эддина.

На письмо Вашего превосходительства от 29 апреля о Н[икола]е П[етрови]че⁴⁷ я буду отвечать со следующей почтою. Пока у нас всё благополучно.

С чувством глубокой преданности и искреннего уважения имею честь быть Вашего превосходительства покорным слугой

Н. Петровский

P. S. Если китайские подробности будут нужны скоро, то прикажите мне по телеграфу доставить их Вам.

*АВПРИ. Ф. 161. Разряд IV-2. Оп. 119. 1870–1874 гг. Д. 4.
Л. 118 – 119 об.*

22

М.М. Стасюлевичу⁴⁸

Ташкент. 4 июня 1873 г.

Милостивый государь Михаил Матвеевич.

Сегодня получена у нас майская книжка Вашего журнала, во «внутреннем обозрении» которой помещена небольшая заметка о Хиве и Хивинском походе. По поводу этой заметки я счёл нужным сообщить Вам несколько замечаний и сведений собственно для Вас. После занятия Хивы Вы, вероятно, скажете что-нибудь в Вашем журнале об этом новом (и, кажется, совершенно бесполезном) приобретении России; тогда моё настоящее письмо может быть, Вам пригодится.

«Поводов к войне с Хивою накопилось немало» говорит Ваше «обозрение». Это не совсем верно. Повод явный был только один: невыдача пленных, да и то, если не ошибаюсь, повод этот возник очень недавно. Я не читал ещё всей переписки по хивинским делам, но в том, что я читал, вопрос о пленных не был главнейшим; настаивалось больше на том, чтобы хан вошёл с нами в сношения. Тайный, или лучше скрытый повод, как во всех наших здешних делах, желание наград и отличий. Этими поводами руководствовались при взятии Шахрисябза и Кульджи, и этот же повод играет главнейшую роль в теперешнем походе. Все уве-

рения о коварстве Хивы, подстрекательствах кочевников, грабежах караванов, притеснениях торговли – преувеличены до последней степени. По степям гораздо безопаснее ездить, чем ходить из Петербурга в Лесной или из Москвы к Троице. Теперь, когда у Вас в Петербурге думают, что вся степь в волнении, что нет проезда от грабежей, американец, корреспондент газеты «New Herald» Макгахан⁴⁹, не знающий ни слова по-русски, с четырьмя киргизами, совершенно ему неизвестными, преспокойно переехал от Перовска до Халата, т.е. перерезал всю киргизскую степь, и везде встречал самый радушный приём. Ни в [18]69 м году, когда я сам ехал в степи без всякого конвоя, ни в [18]70 м году никогда никакого перерыва торговых сношений не было («обозрение» заимствовало это сведение, вероятно, из «Турк[естанских] вѣдом[остей]», где о таких предметах сплошь да рядом печатается ложь). Не думайте, впрочем, что такая тишь происходила из признания нашего могущества или от наших порядков и бдительности. Совсем нет. Народ здесь уж очень тих и апатичен; ему решительно всё равно, что вокруг него делается, лишь бы ему не мешали спать и в прямом, и в переносном смысле. Во время взятия Чимкента (спросите Черняева⁵⁰) в то время как солдаты наши грабили и резали на улицах, у крепости сарты преспокойно продавали лепёшки нашим же солдатам. Здесь такая духовно-нравственная мертвенность, что ни один человек не пошевельнётся не только с защитой, но даже с протестом, если возле него будут резать другого. Джюдда кызык иди (т.е. очень забавно было), говорил мне недавно один из сартов, рассказывая, как русские убивали его собратий при взятии Ура-Тюбе. Примеров таких можно найти бесчисленное множество. Поэтому управлять Среднею Азией легче лёгкого, а воевать с нею просто невысказано. Факты – на каждом шагу. Как это Вы не могли защититься против Черняева, спросил я раз у бывшего после Алимкула⁵¹ губернатором Ташкента Мусса-Магомет-бия. Я был в это время в урде (кремле), отвечал он мне, и как только узнал, что русские у Камаланских ворот (вёрст 8 от кремля), сейчас же приказал всем бежать, сам прежде всех, скачу и плачу, а всем встречным наказываю кланяться домашним и сказать, что я убежал. Рассказывая это, добродушный старик и не подозревал, что он совершил преступление воина. Вот с каким народом приходится иметь дело нашим здешним воителям.

Теперь поговорим о Хиве. Хивинский поход будет нам стоить не менее трёх миллионов рублей, т.е. сумму, которую не выручить, если даже последовательно, раз двадцать продать Хиву. С нашей стороны уже истрачено 270 т[ысяч] р. первоначального ассигнования и 385 т[ысяч] р. после ассигнованных. Кроме того, взято 14 т[ысяч] верблюдов (14 %; по офици[альным] сведениям в Туркестанском крае 100 т[ысяч] верблюдов) нарядом, с тем, что за каждого павшего верблюда будет выдано из казны 50 р. Верблюды, как пишут из отряда, почти все подошли, значит, к прежде ассигнованной сумме нужно прибавить ещё, по крайней мере, 500 т[ысяч] р. Понятно, как всё это должно отразиться на пере-

возочных средствах страны, которые у нас только одни – верблюды. Теперь уже к нам не пришло ни одного из обычных в это время караванов. Англичане будут очень глупы, если не воспользуются настоящими обстоятельствами. От Бухары до Пешавара фрахт 4 р. 50 [к.] с пуда, а до Москвы 3 руб. Теперь фрахты могут сравняться, а в этом-то и вся суть дела: как только цены перевоза будут одинаковы, англичане нас победят. И всё это делается ради взятия клочка земли в 120 вёрст длиной и 40 шириной, населённого 70 ти деревнями мизерабельнейших* лачуг из навоза и глины, обитаемых полужверями, отжившими свой исторический век и не способными ни к какому развитию и никому не нужными. Гандж агар Ургенджада бульса, пушты пай ур ганджни. т.е. если бы даже сокровища были в Хиве, то попирай их ногами (туда не ходи, они ничего не стоят), справедливо говорит о Хиве пословица. Наконец ко всему этому надо прибавить, что удержание Хивы нам будет стоить очень дорого, а не удержать нельзя, ибо в противном случае каждый год будут находиться случаи к наказанию коварства Хивы для получения отличий. Если, впрочем, занятие Хивы, для обеспечения сношений заставит овладеть Бухарою, которую по многим причинам, взять, несомненно, надлежит, то дело может поправиться, и существование наше в Средней Азии не будет бесцельным; в противном случае одною глупостью в среднеазиатском вопросе будет больше.

Я получил недавно «History of Bokhara» Вамбери⁵². Последние события Средней Азии (с Насруллы, о которых я могу судить, и которые мне хорошо известны) перевраны до последней степени. Я не говорю уже о том, как можно писать историю страны, совершенно неизвестной европейскому миру, не имеющей обработанных летописных сказаний и посещённой в продолжении тысячи лет всего несколькими путешественниками; мне странно, как Вамбери не прочёл даже того, что известно читающему миру из русских источников, переведённых на английский язык, и из книги Тренча («Russo-indian question»)⁵³, на которую он сам ссылается. По поводу книги Вамбери я пишу теперь статью, где укажу на все его ошибки (в двух последних главах) и восстановлю историю новейших событий Средней Азии по тем данным, которые есть у меня. Данные эти – рассказы очевидцев, прежних беков, правителей и различных лиц, игравших в этих событиях видные роли. Статью эту я думаю послать к Вам через месяц, именно к тому времени, когда выйдет в свет и будет прочитан русский перевод «Истории Бухары».

Примите уверение в совершенном к Вам почтении и преданности
Ваш покорный слуга

Н. Петровский

*ОР ИРЛИ. Ф. 293 (М.М. Стасюлевич). Оп. 1. Д. 1113.
Л. 1 – 4 об.*

* Ничтожнейших (фр.).

9 января 1874 г.

Милостивый государь Николай Андреевич

Со времени завоевания русскими местностей, составляющих ныне Туркестанское генерал-губернаторство, и усмирением среднеазиатских независимых владений, значительно увеличилось и увеличивается количество лиц, посещающих Мекку (делающих поклонение гробу Магомета, так называемый хадж). Беседуя не раз с этими лицами (хаджи), я узнал, что движение пилигримов в Мекку и обратно направляется по трём путям: а) на Бухару через Персию, б) на Бухару или Самарканд через Афганистан и Индию, и в) на Оренбург через Россию. Первый путь, мало удобный и опасный, избирается не многими, преимущественно бедняками; второй и третий – большинством и людьми зажиточными. Расспрашивая многих хаджей о преимуществах этих последних путей, я узнал, что на английский, длиннейший, путь направляются богомольцы по преимуществу потому, что в Индии со стороны английского правительства им оказываются всякие льготы и любезности, тогда как у нас им делают, будто бы, по дороге разные мелкие притеснения, задержки и обиды. Обстоятельство это, по моему мнению, весьма важно и я счёл бы не лишним написать Вам о нём, т.е. в движении богомольцев на Индию, может лежать весьма серьезная для нас опасность. Я уже не говорю о том, весьма нелестном для нас, сравнении с англичанами, которые будут делать, и распространять среди своих поклонников и населения эти святые и уважаемые мужи, достойным образом выполнившие одну из пяти главных заповедей исламизма; меня занимает тут другая сторона дела. Вам, без сомнения, известно, что притихшее было в Индии движение ваххабизма (как видно из недавней книги об этом предмете Hanter 'a⁵⁴) вновь поднимает голову и не на шутку страшит англичан. Учение ваххабитов – уничтожение богатых и неверных, несомненно, рано или поздно появиться и у нас. (Я не выдаю своего мнения за достоверное, но мне хорошо известно, что лет 15 или 20 ть тому назад в Кокан[д]е жил один сектатор по имени Суфи-Бадал, учение которого (подробности его я не знаю) несколько походило на ваххабизм. Сектатор этот имел много последователей и был даже в Ташкенте. Ученик его ишан Иш-Магомет, живший под Ташкентом в селении Юнгушкалик (или Кулькара), как доказано, был главным подстрекателем шайки, которая нападала на станцию Карасу, сожгла её и убила офицера Колесникова. Иш-Магомет бежал в Кокан[д]). Если это случится, то наши хаджи, конечно, будут играть в этом деле не последнюю роль. Положим, что они и не примут вполне ваххабистского учения, но одно уже то, что фанатизм их будет подогреваться этим учением, а ненависть к нам любезностями англичан, – не будет полезно для нашего влияния в Средней Азии.

Запретить хождение богомольцам через Индию, я полагаю, не возможно, потому, что много народа идёт туда из Бухары и Кокан[д]а, но до некоторой степени отвратить и парализовать это хождение можно: для этого следовало бы предписать попутным богомольцам властям о том, чтобы они оказывали хаджи своё особенное покровительство. Особенно следовало бы подтвердить это зрителям и содержателям почтовых станций. Тогда, несомненно, что большинство богомольцев пойдёт по русскому пути, более короткому и дешёвому.

С чувством глубокого уважения и искренней преданности имею честь быть Вашего превосходительства покорным слугой

Н. Петровский

ИВР РАН. Ф. 43. Оп. 2. Д. 6. Л. 9 – 10 об.

24

Н.А. Ермакову

Станция Токан (за Орском). 22 марта 1875 г.

Милостивый государь Николай Андреевич.

Я намеревался было писать к Вашему превосходительству из Оренбурга, но утрашения о скором разлитии Урала и речек в Уральских горах, могущих загородить мне дальнейший путь, побудили меня выехать из Оренбурга как можно скорее. Писать к Вам было некогда. Впрочем, скорость отъезда из Оренбурга нисколько мне не помогла: первые станции к Орску я ещё кой-как протащился по воде, но с четвёртой станции пришлось уже ехать верхом с заводными и вьючными лошадьми – способом, который уже давно не знают в Европе. Тут даже для меня, несколько привычного к таким путешествиям, начались совершенные мучения. Сто слишком вёрст мы, с[о] спутником моим, ехали, по трём и более верстам буквально по воде, доходившей нам, верховым, до колен. Под самым Орском нас застала ночь в лугах перед Уралом, залитых водой; пришлось ночевать в степи на стоге сена. Хорошо ещё, что вьюки наши не отстали: мы могли вывезти их на сухое место, переменить бельё, зажечь снопы сена и обсушиться. На другой день, голодные и измученные, явились мы в Орск, прожили там три дня за невозможностью переехать Урал, переплыли его затем на лодке, сели, на другом берегу, в тарантасе, и опять по воде, доходившей до брюха лошадей, доехали до станции Токана, с которой я пишу Вам это письмо. Здесь перед нами р. Орь в полном разливе, переехать на ту сторону нельзя; вчера мы пытались было верхом на верблюдах, но меня понесло течением и пришлось вернуться назад и ждать неопределённое время. Провизия наша выходит, кругом голая степь, залитая водой, на станции ничего нет, кир-

гизы, у которых можно бы было купить барана, на той стороне реки – положение не завидное. Если удастся переплыть Орь верхами к стороне Орска, то возвратимся туда – на грязную станцию, набитую проезжающими, но всё-таки в городе, где есть базар и лавки и где можно, по крайней мере, быть сытыми.

Несмотря на короткое время, которое я пробыл в Оренбурге, мне всё-таки удалось побывать у Н.А. Крыжановского⁵⁵ и повидаться кой с кем, от кого я, обыкновенно собираю разные торговые сведения. Генерал-губернатор принял меня весьма любезно, говорил, что он читал, присланные ему мною, мои отчёты министру и нашёл их, будто бы, весьма интересными. По-видимому, ему очень хотелось знать о положении дел г. Кауфмана и его проекта, но я благодарно от сообщения всяческих подробностей уклонился, и сказал только, что проект ещё не внесён в Государственный совет и что на него сделаны нашим и другими министерствами многие замечания. Вообще, я заметил, что положением туркестанских дел здесь (т.е. в Оренбурге) очень интересуются. Заключение известной Вам статьи г. Черняева в «Русском мире» о необходимости ревизии в Туркестанском крае толкуется в Оренбурге так, что – чего же лучше, как не поручить эту ревизию, если бы она была необходима, г. Крыжановскому, который и старше г. Кауфмана, и сам был в крае, и знает положение тамошних дел. Я имею основание думать, что такие мнения высказываются и распространяются не без намерения.

Степная торговля в упадке. Повсюду слышатся жалобы, что она уже не даёт тех выгод, что давала прежде: сырьё дорожает, а фабрикаты, на которые это сырьё обменивается, ежегодно дешевеют. Кроме того, вздорожал провоз, и в этом винят Хивинскую экспедицию, погубившую массу верблюдов. На одной станции за Оренбургом я встретил одного, очень смышленного, хивинца купца, торгующего с Оренбургом, и проговорил с ним добрую часть ночи. Он мне передал, весьма, впрочем, острожно, что положение хивинской торговли очень плохо, что в прежнее время провозная цена верблюда от Хивы до Оренбурга была 8 и 9 р., а теперь она 15 р. Вследствие этого движение караванов почти остановилось, ибо везти товар в Оренбург не выгодно. На месте, в Хиве шёлк стоит в настоящее время 170 р., а в Оренбурге он только 160 р. за пуд; хлопок на месте 4 р. пуд, а в Оренбурге около 5-ти р.; прочие товары в той же пропорции. Словом воинственные экспедиции и торговые договоры, кажется, торговле помогли мало.

Отрадное впечатление на этом безотрадном пути производят наши казацкие станицы от Оренбурга до Орска, резко выделяющиеся и от русских селений Самарской губернии и от кочевого населения степи. Здесь нет места и времени подробно говорить об этой разнице, но довольно сказать, что производство платков из козьего пуха, которым заняты все эти станицы, достигло весьма значительных размеров и постоянно развивается. Одна только станица Верхнеозёрная, известная

со времён Пугачёвского бунта, производит таких платков на 50 т[ысяч] р[ублей]. Платки со всех станиц скупаются на месте самарскими купцами, которые для этой цели разъезжают, раннею весною, по станицам и забирают, по весьма дешёвой цене, всё, что было заготовлено зимою трудолюбивыми руками казачек. Выгоды от этой торговли весьма большие. Фунт пуха на месте, покупаемый у киргиз[ов], стоит, вместе с волосом, до 2 $\times$ рублей; очистить и обратить его в пряжу – до 8 р. Из четверти фунта выходит один, средней доброты и величины, платок, срабатываемый недели в две и стоящий на месте рублей 6–10. Самарские же скупщики продают такие платки за 25 и дороже рублей. На возвратном пути я имею намерение подробно расспросить об этом производстве и составить о нём небольшую записку, которая, может быть, не будет излишнею для «Материалов о кустарной промышленности».

Настоящее письмо к Вашему превосходительству заканчивается на следующей станции, Ащевутаке, куда мы переправились с большим трудом сегодня утром и где должны сидеть дня три или четыре, ибо паром на лежащей перед нами речке Кум-Сае снесён водою, а переехать никакими способами нельзя. Да и паром-то был таков, о котором, конечно, в остальной России понятия не имеется: это две пустые бочки с привязанными на них тремя досками. На таком пароме перевозят каждую вещь и каждого человека, а лошадей пускают вплавь.

С глубоким уважением и искреннею преданностью имею честь быть Вашего превосходительства покорным слугою

Н. Петровский

ИВР РАН. Ф. 43. Оп. 2. Д. 6. Л. 4 – 7 об.

25

Н.А. Ермакову

Секретно

Станция Ащевутак за г. Орском. 23 марта 1875 г.

Милостивый государь Николай Андреевич.

На одной станции за г. Орском я встретил двух местных ташкентских купцов евреев, моих знакомых, которые, между прочим, передали мне, что по случаю введения в Туркестанском крае, вместо зякета, русского торгового положения, в гг. Самарканде и Ургуте, месяц том назад, произошли волнения и что, вследствие этих волнений, в последнем городе был даже убит аксакал (старшина). Отмена зякета, по словам сказанных купцов, встречена неприязненно только мелкими торговцами, для которых торговые пошлины по русскому положению представляются,

будто бы, сравнительно с зякетом, гораздо обременительнее. Крупные же торговцы, по удостоверению этих купцов, русским торговым положением весьма довольны.

Нет сомнения, что означенное обстоятельство будет сообщено генерал-губернатором в наше министерство и, может быть, даст повод утверждать, что местные особенности края препятствуют ещё введению в него общих с остальной империей положений, и что торговое для края положение, составленное при участии нашего министерства и единственное из всех проектов генерал-губернатора получившее одобрение, оказывается несостоятельным в применении на месте.

В отклонение этих будущих возражений я счёл долгом сообщить Вашему превосходительству нижеследующее.

Весьма трудно верить, чтобы истинною причиною волнений в населении и притом волнений, имевших последствием убийство старшины, было неудовольствие за обложение торговую пошлиною, по русскому положению, мелких торговцев, да и то только тех, которые торгуют чаем, сахаром и мануфактурными товарами, ибо все другие мелкие торговцы, продающие жизненные припасы и сельские произведения, освобождены от всякой пошлины. Ещё труднее предположить, чтобы сказанная причина могла найти себе место в Ургуте, горном городке, торговлею почти не занимающемся. Истинные причины подобных волнений, как известно Вашему превосходительству, лежат гораздо глубже – во всём современном положении дел в крае; поводом к обнаружению этих причин может быть и прививка оспы (как уже и было в Ходженте года два тому назад), и якобы подстрекательство фанатиков (как было при убиении офицера Колесникова в Кураминском уезде около того же времени), и, пожалуй, введение торгового положения в Самарканде и Ургуте. Мне очень хорошо памятно, как пригородные селения (кишлаки) этого города (так называемые камангеранские) вследствие неправильного, по их мнению, обложения их тапапною, вместо хараджною, податью, все выселились в соседний Шахрисябзский округ, принадлежащий Бухаре; тогда волнений не было, и потому причина выселения 13 ти селений объяснена была недостатком воды в Зеравшане. Теперь причиною волнений оказывается отмена зякета, расстаться с которым скорее неприятно нашим сборщикам, видевшем в этом бесконтрольном сборе самую выгодную доходную статью, чем населению, для которого зякет, по его характеру бесконтрольности, тяжелее всякого другого сбора.

С чувством глубокого уважения и искренней преданности имею честь быть Вашего превосходительства покорным слугой

Н. Петровский

ИВР РАН. Ф. 43. Оп. 2. Д. 6. Л. 2 – 3 об.

13 августа [1875 г.]

Милостивый государь Александр Николаевич.

Вам, вероятно, известно, что на днях Кокан[д]ское ханство кончает своё независимое положение. После возмущения кипчаков и бегства хана в наши пределы, кокан[д]цы перешли нашу границу (10 т[ысяч] ч[еловек]) и объявили джихад.

Я пишу теперь коротенький очерк ханства (листа 2 печатн[ых]) и полагал бы предложить его редакции «Вестника Европы», если она найдёт возможным поместить его в будущей, т.е. сентябрьской, книжке журнала. На этом предмете я настаиваю потому, что весь вопрос в современности очерка.

Могу ли я просить Вас уведомить меня: может ли быть помещена моя статейка в будущей книжке (разумеется, по признанию статейки годной). Тогда, 20 го числа сего месяца, я пришлю её в редакцию. Я не пишу к Стасюлевичу, потому что он, вероятно, уже забыл мою фамилию, а с Вами я имел удовольствие познакомиться у Котляревского⁵⁷.

Я недавно опять приехал в Петербург и живу на Офицерск[ой] у Фонарн[ого] переул[ка], д[ом] Баха (№ 16), кв. № 12.

С истинным почтением имею честь быть Вашим покорным слугою
Н. Петровский

Р. S. Прилагаемую книжечку посылаю в Ваше распоряжение.

ОР РНБ. Ф. 621 (А. Н. Пыпин). Оп. 1. Д. 662. Л. 1–2.

Москва. 12 октября 1878 г.

Милостивый государь Николай Андреевич.

В частных беседах с Вашим превосходительством о судьбах Средней Азии мы не раз останавливались на вопросе о торговом движении нашем вглубь этой страны, от Каспия через Хорасан к Герату. До сего времени о торговле в эту сторону нам было известно очень мало, почти ничего, а о Герате наши торговцы, за исключением разве туркестанских, едва ли и слышали что-нибудь. Но вот на прошлую Нижегородскую ярмарку в склад торгового дома «Викул Морозов» явились три гератца – Хаджи-Азис Аливердиев, Наурус Аливердиев и Мирза Аливердиев – посмо-

трели товар, нашли его несравненно дешевле, чем тот, который они покупают из вторых и третьих рук, купили на 6000 р., преимущественно пунцового ситца, и обещали постоянно ездить на ярмарку. Особенно хорошо, что они попали в такой склад, которым управляет бывалый в Азии человек, знаток дела Ив[ан] Кондрат[ьевич] Поляков. Он их обласкал, уважил, и гератцы остались очень довольны. О факте этом, весьма утешительном и замечательном во многих отношениях, я счёл долгом сообщить Вашему превосходительству. Если бы русским товарам удалось солидно укрепиться в Герате – торговом центре этой части Азии – то результаты такого положения были бы громадные. О них, при более свободном времени, я напишу или уже лично передам Вашему превосходительству.

С чувством глубокого уважения и совершенной преданности имею честь быть Вашего превосходительства покорным слугою

Н. Петровский

РГАЛИ. Ф. 2555 (Ф. В. Кельин). Оп. 1. Д. 1149. Л. 18–19.

28

Н.А. Ермакову

Тифлис. 16 ноября 1878 г.

Милостивый государь Николай Андреевич.

Вчера его высочество великий князь наместник⁵⁸, которому я имел счастье представляться, при общем приёме, на третий день моего приезда, изволил потребовать меня к себе и принять в частной аудиенции, в своём кабинете. Аудиенция эта продолжалась около часу, в течение которого его высочеству угодно было расспросить меня о моих занятиях по исполнению возложенного на меня поручения и о моих мнениях как относительно здешней торговли, так и относительно Аму-Дарьи, Закаспийского края и Туркестана. В заключение его высочество выразил мне сожаление о кратковременности моей командировки и приказал мне явиться к нему в Петербург, дабы – как он выразился – помочь ему моими сведениями по тем вопросам, которые будут обсуждаться в Петербурге. Под этими вопросами, как я могу догадываться, его высочество разумел орошение хивинско-красноводского пути направлением Аму-Дарьи по её старому руслу и, может быть, подчинение Хивинского оазиса кавказской администрации.

Сегодня несколько лиц, и в их числе генерал-контролёр Бутыркин⁵⁹, передавали мне, что его высочество отзывался им обо мне в самых лестных для меня выражениях. Сегодня же его высочество приказал пере-

дать на моё заключение присланную к князю Мирскому⁶⁰ нашим послом в Константинополе⁶¹ ноту персидского посла о некоторых затруднениях по кавказскому транзиту. Ноту эту я в настоящее время рассматриваю и не замедлю сообщить о ней Вашему превосходительству.

С чувством глубокого уважения и искренней преданности имею честь быть Вашего превосходительства покорным слугою

Н. Петровский

РГАЛИ. Ф. 2555 Оп. 1. Д. 1149. Л. 40–41.

29

Н.А. Ермакову

Джалаб-Кичут. 29 декабря 1878 г.

Милостивый государь Николай Андреевич.

Вчера возвратился из Карса обратно в Александрополь, не успев, как прежде желал, проехать оттуда прямою дорогою на Ардаган, Артвин и Батум: вьючные пути оказались занесенными снегом, а по Батумской области ехать, к тому же, небезопасно. Теперь я на пути из Александрополя на Ахалцих и пишу Вам это письмо в ожидании лошадей, на станции Джалаб-Кичут (в 18 в[ерстах] от Александрополя) в мерзейшем армянском духане (в нём же и конюшня). Дорога, по которой я теперь еду, известна как контрабандная; потому-то, несмотря на все её неудобства, я и избрал её для возвращения в Потти. Судя, однако ж, по первому духану, который я встретил на этой дороге и в котором теперь сижу, контрабанда не приносит особенных выгод придорожным жителям: бедность здесь порядочная, а грязь невообразимая.

Новое наше приобретение, Карс и его область, кажется приобретение весьма хорошее. Издавна Карсский санджак считался, как известно, житницей Анатолии, и это название вполне подтверждается. У карсского губернатора (Франкини⁶²), подарившего мне весь турецкий таможенный архив Карса, я имел возможность видеть и выписать официальные сведения о количестве провианта и фуража, которое поставила, во время войны, русским войскам Карсская область. Приняв во внимание эти цифры, а также и то, что Карсская область кормила, кроме того, и стотысячную турецкую армию, и всё-таки не обеднела, становится очевидным, что земледельческая промышленность этой области весьма значительна. Что касается до торговли, то размеры её определяются тогда, когда я переведу и разберу вышеупомянутый таможенный архив, весьма небольшой, но, судя по первому взгляду, находящийся в большом порядке. Теперь о торговле Карса я могу сказать только то, что Карс был

взят, как известно, 6 ноября 1877 г., а таможня открыта в нём только 4 го декабря 1878 г. За это время туземные купцы навезли в Карс массу мануфактурного товара (ситцев и сукна) иностранного происхождения и напитков. То и другое они теперь, конечно, будут высылать в Закавказье беспошлинно. Беспечность в этом отношении местной власти совершенно не понятна. Надо было либо перевести таможню в Карс, как только мы его заняли, либо, до времени, пока область не будет устроена, вовсе её не переводить и, оставив таможню в Александрополе (как было прежде), считать Карсскую область за иностранную (в таможенном отношении). Теперь – таможню перевели поздно, заставили её перештмпелевать весь находящийся в лавках товар, и притом не дали ей никаких средств, как исполнить, надлежащим образом, это штмпелование, так и вообще исполнять свои обязанности и охранять границу. Я подробно доложу Вашему превосходительству об этом предмете письмом из более удобного, чем настоящее, помещения, так как, вообще говоря, таможенная часть поставлена здесь в самые неблагоприятные условия, и, право, трудно винить чиновников за разные поущения и злоупотребления, когда местная власть сама ставит их в такое положение, что, обвиняя их во взяточничестве, требует от них невозможного.

С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть Вашего превосходительства покорным слугою

Н. Петровский

РГАЛИ. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 1149. Л. 63 – 64 об.

30

А.С. Суворину⁶³

С.-Петербург. 19 декабря 1879 г.

Милостивый государь Алексей Сергеевич.

Спешу Вас уведомить, что Абдурахман-хан⁶⁴, афганский, живший с 1868 г. у нас в Самарканде, бежал в Афганистан. Для Вас прибавлю, по секрету, что бежал он с нашего согласия и с нашею денежною помощью. Завтра об этом, вероятно, будет напечатано в «Инвалиде». Можете это известие (если успеете) завтра же напечатать и у Вас. Об Абдурахмане я могу Вам дать маленькую заметку дня через два.

Передайте, пожалуйста, В. П. Буренину⁶⁵, что я жду от него листки, (он знает какие) с книжечкой его стихотворений.

Ваш покорный слуга

Н. Петровский

РГАЛИ. Ф. 459 (А. С. Суворин). Оп. 1 Д. 3271. Л. 5 – 5 об.

31

А.С. Суворину

С.-Петербург. 31 декабря [1879 г.].

Милостивый государь Алексей Сергеевич.

Посылаю при сём обещанную заметку об Абдурахман-хане⁶⁶. Если понравится – будет продолжение.

Ваш покорный слуга

Н. Петровский

РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 3271. Л. 4.

32

Д. Ф. Кобеко⁶⁷

Маргелан. 14 марта 1883 г.

Глубокоуважаемый Дмитрий Фомич.

Не буду извиняться и излагать причины моего молчания – потому, что сам чувствую, что они не будут убедительны. Добравшись с большим трудом до Ташкента, я вскоре уехал в Кашгар, возвратился оттуда в Ташкент, застал там Фёдора Карловича⁶⁸ с его скоропалительностью, возился с ним, устраивался, ревизовал, и теперь облетаем Фергану. Сообразив такое положение, Вы может быть, и сами оправдаете моё молчание.

Положением своим я очень доволен (что в наше время редко). Даже Кашгар, разорённый и обезлюденный, меня удовлетворяет. Право, в последнее время я так устал в Петербурге, расслаб душевно, что бежать из него как можно скорее сделалось для меня решительною необходимостью. Я попал в Кашгар при редких условиях. Зимой, в октябре, я пересёк Тянь-Шань, обогнув, из Нарынского укрепления, озеро Чатыр-Куль (11 т[ысяч] ф[утов]). На перевале Туругарт (12 т[ысяч] ф[утов]) меня застал буран, от которого мы чуть было не погибли. Затем, по дороге из Кашгара, в декабре, на Ош я перевалил Терек-Даван (13 т[ысяч] ф[утов]) и два Икезьяка (по 11 т[ысяч] ф[утов]). Было и тяжело, и страшно; но зато такие приключения не забываются всю жизнь, и – верьте – приятнее кисельного спокойствия Петербурга. С китайцами, как истый русский человек, я уже подружился. Моему Чжан Лаушаю (губернатору Кашгара) чиню в Ташкенте часы, посылаю семена и черенки, и жду на днях поручение от мадам Лаушай, которая, собственно говоря, более правит Кашгаром, чем её достопочтенный супруг. Впрочем, я должен оговориться, что мадам Лаушай я никогда не видал, ибо

аристократические китайки никому не показываются. Весною, т.е. очень скоро, я опять отправлюсь в Кашгар – уже на постоянное жительство.

Ревизия окончит свои дела, вероятно, к концу мая. Найдено ею полное безобразие. Последние деяния Кауфмана граничили с безумием; далее, не попав в дом сумасшедших, идти было некуда. Новый порядок, откровенно говоря, меня также не удовлетворяет, чтобы не сказать более. Хорошо, что я кашгарский, а не ташкентский человек; иначе пришлось бы порицать, что уже давно надоело.

Мы поселились в Ташкенте, где гимназии, мужская и женская, совсем не хуже петербургских, если не лучше. Странно только, что девицы мои имеют по всем предметам 5. Меня это, как подозрительного отца, немного смущает. Отметки Коли⁶⁹ – те же, что в Петербурге.

Прошу Вас передать Ольге Александровне, что поручения её о платках я не забыл: платки давно купленные, лежат у меня; но только они белые, а не тёмные. Этих последних в продаже не было. Если белые нужно, то я их вышлю. Кроме того, я могу Вас снабжать кашгарскими произведениями, а именно: шёлком для вышивания, китайским все здешние барышни его требуют; мехами длинными тибетскими, бывшими некогда в моде в Петербурге; чашками китайскими, не особенно хорошими (в Кашгаре хороших нет); шёлковыми коврами, довольно дорогими.

В свою очередь позвольте попросить Вас выслать мне руководство к акварели, французское, Сиссерé (заглавия не знаю) с пробными рисунками. Намереваюсь в Кашгаре рисовать.

Прошу передать мой искренний привет Ольге Александровне.

Желал бы знать, как поживает Н.В. Экк⁷⁰, и не ради ли его застрелился Маков⁷¹.

Искренно преданный и глубоко уважающий Вас
Н. Петровский

ОР РНБ. Ф. 354. (Д. Ф. Кобеко). Оп. 1. Д. 93. Л. 1 – 3 об.

33

Ф. Р. Остен-Сакену⁷²

Маргелан. 14 марта 1883 г.

Глубокоуважаемый Фёдор Романович.

Не лень, а тем более не нежелание и не всякие другие отягощающие обстоятельства не позволяли мне до сего времени писать Вам; были тут другие причины, о которых я скажу Вам как-нибудь после. А теперь надо бы было написать Вам многое, да не знаю, как это сделать.

Прежде всего – искренняя, глубокая и нелицемерная благодарность за Ваши попечения об устройстве меня в Кашгаре. Что бы ни говорили и не говорят мне и обо мне, но право, я доволен Кашгаром, хотя и был в нём не более месяца – и был когда? – в самые зимние месяцы, обогнув в конце октября, Чатыр-Куль и перевалив, при сильном буране, Туругарт, а, затем, в начале декабря, Терек-Даван. Это нечто такое, что не забывается во всю жизнь и чего, конечно, никогда не даст кисельная жизнь Петербурга. Затем, чувствовать себя совершенно одиноким, оторванным и отрезанным от всего, что зовётся нашей цивилизацией – очень приятно, по крайней мере, на некоторое время и для меня.

Я так устал в Петербурге, так расслаб душевно, что все дорожные лишения и беспокойства, испытанные нами в степи и по пути в Кашгар – куда выше и целебнее петербургского спокойствия. Словом, я доволен вполне.

Затем я расскажу Вам о наших делах, ташкентских и кашгарских. От первых я ждал лучшего, чем оказывается на деле. Я думал, что будет если не вполне сознанный программа, то, по крайней мере, даровитое проникновение вещей; я ждал, что к делу отнесутся серьёзнее, чем было до того, что резко повеет новым духом. Но ожидания пока не оправдываются, чтобы не сказать более. Ревизия⁷³ застала положение дел в таком хаосе и безобразии, каких ни Вы, ни я, не видав их собственными глазами, представить не в состоянии. Последние деяния Кауфмана граничат с безумием; дальше, не попав в дом сумасшедших, идти было некуда. В день 25-тилетия покойного Государя он издал здесь манифест, в котором освободил всех заключённых по приговорам судей, сократил сроки приговорённым к каторжным работам и тюрьмам и велел прекратить производство всех уголовных дел, возникших и неоконченных до этого дня. Разве это не безумный? Мы теперь в Фергане. Здесь истрачено на поземельную организацию по бракованному Петербургом проекту более миллиона рублей; доходы после этой организации сократились на 400 т[ысяч] рублей, и – верх безобразия – население бунтует, требуя оставить их при прежнем, до организации, порядке, соглашаясь платить более. Мы имеем уже до ста просьб, в которых жители отказываются от земли, так как система нового обложения им в тягость. Клуб Нового Маргелана, в котором мне дали квартиру и где я пишу настоящее письмо, стоит 200 т[ысяч] р[ублей], мебель для дома губернатора 70 т[ысяч] р[ублей] и пр. и пр. в этом роде. Ревизовать всё это, конечно, невозможно – надо целые годы, но составить обвинительный акт можно. Но и он, думаю, бесполезен.

В Кашгаре мои дела устроились хорошо. На моё счастье, правитель Кашгара Чжан Лаушай, оказался весьма почтенным человеком – правда, с некоторою китайскою дурью, но она понемногу пройдёт. С первого же раза мы с ним сошлись – так, что теперь я чиню для него в Ташкенте часы, посылаю ему цветочные семена и обмениваюсь с ним письмами, как свой человек. Помещение для меня ещё не устроено, канцелярских денег крайне мало, конвой совсем недостаточный. Обо всех нуждах кон-

сульства я писал А.А. Мельникову⁷⁴, в особом письме, и буду писать новому директору Азиатского департамента. Благодаря остатку канцелярских и конвойных сумм, которыми я никогда не пользовался, я мог устроить почту: два раза в месяц приезжают теперь мои джигиты из Кашгара в Ош и отправляются обратно. Но почта эта должна прекратиться, если денег на неё не дадут. А главное – у меня нет штатного переводчика, т.е. его совсем не назначено по штату. Я должен довольствоваться дунганином, не знающим по-русски и не знающим китайской грамоты. Хорошо, что Чжан Лаушай к письмам своим (всегда на двух языках: китайском и маньчжурском) прилагает и сартовский перевод; иначе письма эти приходилось бы пересылать для перевода к Падерину⁷⁵.

Положение собственно кашгарских дел малоутешительное. Страна разорена вконец: все хорошие и большие здания разрушены, население бедно до крайности, не видно лошадей, белых чалм, хорошо и пёстро одетых туземцев – этих видимых признаков среднеазиатского благосостояния. Ишаки, пешие люди и домашняя ткань (а чаще рвань) – режет глаза на каждом шагу. Если кое-где и встретишь дородистую фигуру в белой изящной чалме и синем суконном халате на аргамаче, то, наверное, это наш купец, так называемый андижанец, т.е., житель Ферганы. Но всё-таки надо отдать честь китайцам: управляют они лучше нас. Всё сколько-нибудь влиятельное мусульманство уже переделось в китайские костюмы, навесило косы, устроило дома на китайский лад и маркует по-китайски. Мы не успели ещё достигнуть ничего похожего на это в нашем Туркестане. Правда, мусульмане эти не надёжны ни в ту, ни в другую сторону, но уже теперь они мусульмане наполовину, следовательно, новое их поколение станет уже совсем китайцами. Заметьте притом, что всё это делается без видимого насилия со стороны китайского правительства, одним влиянием и некоторыми поощрениями.

Сами китайцы населением почти не управляют: все должности административные, даже должности беков, предоставлены мусульманам. Китайцы скорее контролируют, чем управляют. Податей с кочевого населения они совсем не берут, вследствие сего наши киргизы бегут в китайское подданство. Подати с осёдлого населения, денежные и натуральные, взимаются, но они не велики. Таким образом, можно думать, что на этот раз китайцы утвердятся в Кашгаре прочнее, чем прежде.

Если Вас несколько интересует Кашгар, то я вышлю Вам копию с письма моего к А.А. Мельникову и буду, впоследствии, высылать копии и с других моих донесений.

«Негретти и Замбра» высылают мне инструменты для устройства в Кашгаре метеорологической станции.

Будьте любезны, пришлите мне все инструкции Вильда⁷⁶.

Мне хотелось ещё посоветоваться с Вами о пограничном вопросе, т.е. о будущем разграничении. Для кашгарского консульства этот вопрос крайне важен. Я писал о нём А.А. Мельникову. Теперешний комиссар, председатель Ферганского областного правления⁷⁷, после реви-

зии Ферганы (между нами сказать) вряд ли останется на месте. Поэтому надо бы было заранее озаботиться делом разграничения.

Истинно преданный и глубоко уважающий

Н. Петровский

РГАДА. Ф. 1385 (Ф. Р. Остен-Сакен). Оп. 1. Д. 466. Л. 215 – 218 об.

34

Н.А. Ермакову

Маргелан. 16 марта 1883 г.

Милостивый государь Николай Андреевич.

Давно бы исполнил я своё обещание писать Вам, по старой привычке, о здешних делах; но не мог этого сделать по болезни глаз: при странствованиях, зимою, в Кашгар и из Кашгара, я имел неосторожность не запастись тёмными очками, – и Тяньшанские перевалы, с их ослепительными снегами, наказали меня за эту небрежность. Впрочем, от этого странствования осталось и немалое утешение в сознании совершённого путешественнического, так сказать, подвига. Я перешёл Тянь-Шань два раза, в то время, когда его почти не переходят. На Туругартском перевале (12 т[ысяч] ф[утов]) меня застал буран, от которого мы чуть было не погибли, а Терек-Даванский перевал (13 т[ысяч] ф[утов]) я перешёл 6 декабря при 30 ти градусном морозе и такой разрежённости воздуха, что с несколько[ми] конвойными казаками моими делалось дурно, а сам я, с сильным сердцебиением, колотьём в ушах и страшною отдышкою, едва сохранил сознание. При всём том я не могу жаловаться ни на своё положение, ни на то, что оставил Петербург. Здесь всё-таки жизнь, а не (по крайней мере, для меня) прозябание. Кроме деятельности консульской в новой, почти совсем неизвестной стране, на меня выпала ещё счастливая доля помочь Фёдору Карловичу Гирсу в устройстве той окраины нашей, которую, за время моего служения в ней, я очень любил и ради которой, как Вам хорошо известно, имел немало борьбы и тревог. С Фёдором Карловичем работать приятно: мы живём и трудимся совершенно по-товарищески, даже более – по-родственному. Это совсем не то, что пресловутые сенаторские ревизии, в которых я имел честь принимать непосредственное участие. Здесь все дела направляются одною рукою, по определённом плану, а ведутся, по большей части, сообща, после долгих обсуждений и споров, иногда за полночь. Зато и результаты будут другие, чем там. В короткое время – могу сказать совершенно искренно и правдиво – сделано многое. Ревизию открыт и выяснен, наконец, тот хаос всяческих безобразий, унесших из казны миллионы рублей, о которых не раз доходили слухи до Петер-

бурга. Дальше того, что было сделано здесь, идти было не возможно: последние распоряжения граничили с безумием. Но не в этом собственно, не в ревизии, главная задача Фёдора Карловича. В деле ревизии многое и главное покрыто смертью одного человека, представшего уже на суд более справедливый, чем суд человеческий. Задача в том, чтобы дать этой несчастной окраине, измученной безурядицею и произволом, гражданское и мирное развитие, законность и возможность не быть бременем для государственной казны, каковым она была до сих пор, и поводом к политическим усложнениям, что нередко с нею случалось. Трудная задача устройства края, так же как и его ревизия, близится к окончанию. Все главные вопросы, и в особенности финансовый, уже обосудены и не возбуждают сомнений. Есть большая надежда, что нам удастся порадовать министра финансов⁷⁸ и увеличением доходов с этой окраины, и уменьшением расходов, на неё производимых, а главное установить соответствие в её бюджете. Главный начальник края, с которым ревизия живёт не только в полном согласии, но, можно сказать, в дружбе, совершенно разделяет мнение о необходимости скорейшего устройства края. Наш воинственный Михаил Григорьевич, каким его считали в Петербурге, оказался таким мирным человеком, каким трудно было ожидать, и такое его мирное настроение – могу Вас смело уверить – совершенно искренно. Как талантливый человек, он сразу понял, что вся его заслуга в будущем не во взятии Бухары и не в лёгких победах над среднеазиатскими халатниками, а в устройстве вверенного ему края. В Петербурге, где у него, как Вам известно, немало недоброжелателей, конечно, найдутся лица, которые, утратив основания к обвинению генерала Черняева в воинственности, будут ставить ему в упрёк, как ставили и раньше, пристрастия его к мусульманам. Но этот упрёк также не верен. Туземное население боготворит генерала Черняева. Все шумные проявления этого почитания исходят (как я знаю наверное) против его желания; всякий раз он становится, при этих овациях, мрачен и недоволен. Но всё-таки такие проявления народной любви составляют его заслугу, а не вину, ибо при них он один составляет десять батальонов или, иначе, пять миллионов рублей. Кроме того, некоторое ласковое внимание к туземцам, к их нуждам и просьбам, до сих пор пренебрегаемым, весьма важно в политическом отношении: теперь опять, как в начале, при взятии Ташкента⁷⁹, симпатии мусульманства, близкого и отдалённого, будут на нашей, русской, стороне, а не английской. А что будет впоследствии – ещё не известно. Я нарочно распространился об этом обстоятельстве более, чем бы следовало; но я знаю, что оставившие, по независимым от них обстоятельствам Ташкент будут играть теперь на этой, несомненно, фальшивой ноте.

Затем я скажу Вам несколько слов о Кашгаре. В настоящее время всё там спокойно. Договор⁸⁰ исполняется, притеснений нашим купцам не делается; с правителем Кашгара, Чжан Лаушаем, мы (т.е. я, консул) находимся в самых хороших отношениях: чиню я для него в Ташкенте

часы, посылаю ему семена и растения; – тогда как в Кульдже дело чуть-чуть не дошло до войны. Войственность-то, кажется, не здесь, а там, в степных районах, где ещё не все жаждущие увешаны Георгиями. Отдайте же, наконец, справедливость Вашему ученику и почитателю если не в умении составлять таможенный тариф, то хоть в некоторой ловкости вести политические дела.

Торговля Кашгара очень плоха. Всё разрушено и разорено до последней степени. Китайцы, по-видимому, утвердились в Кашгаре, на этот раз, прочно, и ведут свои дела благоразумно. Самый жгучий для нас теперь вопрос – разграничение. Фёдор Карлович справедливо говорит, что если, при этом разграничении, мы создадим из наших киргиз[ов] (не обращая внимания на их летовки и зимовки) *sujets mixtes*^{*}, то пограничным спорам и недоразумениям конца не будет.

Прошу принять моё поздравление с праздником и передать то же, а также и моё почтение Вашей супруге⁸¹.

Искренно преданный и глубоко уважающий Вас
Н. Петровский

РГАЛИ. Ф. 2555. Он. 1. Д. 1150. Л. 14 – 17 об.

35

Г.П. Небольсину⁸²

Маргелан. 17 марта 1883 г.

Милостивый государь Григорий Павлович.

Не лень, а тем более не нежелание, лишали меня до сего времени возможности писать Вашему высокопревосходительству. Как это ни странно и ни [не]вероятно, но я всё-таки должен сказать, что у меня не было времени и возможности писать, что бы то ни было. Бывают такие случаи даже и в Средней Азии. Всё это время, т.е. с отъезда из Петербурга, я был в дороге: сначала, месяца два, ехал до Ташкента, не успел там устроиться, как поехал в Кашгар; возвратясь оттуда, поехал в Фергану. Околесив её, поеду опять в Кашгар. На все эти, якобы неудобства, янисколько, впрочем, не жалуясь. Ваше высокопревосходительство всегда оказывали мне Ваше доброе расположение, которое я всегда ценил и ценю. Поэтому я Вам совершенно откровенно скажу, что теперешним своим положением я очень доволен. В настоящее время, когда все и всем недовольны, моё признание может показаться странным; но оно верно. Неопределённость занятий, суета и спешность поручений, которые мне давали, и разные другие обстоятельства совсем меня измучили – так что Петербург я бросил с радостью. Здесь я у определённого

^{*} Жителей пограничных областей с двойным подданством (*фр.*).

дела и ему, этому делу, господин. В октябре месяце я отправился в Кашгар, был четыре дня на высоте 11 т[ысяч] ф[утов], огибая Чатыр-Куль, перешёл, при сильном буране, Тянь-Шань через Туругартский перевал (12 т[ысяч] ф[утов]), а в декабре перевалил через этот же Тянь-Шань, в другом месте, на Терек-Даване (13 т[ысяч] ф[утов]). Сделал я, таким образом, более 1000 в[ёрст] верхом; на первом перевале чуть-чуть не погиб со всеми своими конвойными казаками, а на втором, не взяв тёмных очков, испортил глаза, не поправившиеся и до сего времени. Всё это как будто ужасно и невыносимо, а между тем, по-моему, куда лучше пetersбургской жизни, со всем её праздным удобством. Кашгар мой разорён вконец, и едва ли скоро поправится. С китайцами, как истый русский человек и пионер Средней Азии, я сдружился. Правитель Кашгара Чжан Лаушай, добрый и хороший человек, но порядочный, как все китайцы, пьяница, ужасно обрадовался моим коньякам и ромам. Если на меня выпадет доля провести, в нынешнем году, границу нашу с Кашгаром, то мой Чжан Лаушай, и всякий другой китаец, пройдёт её в винном тумане. Надо впрочем, отдать китайцам справедливость, что управляют они Кашгаром лучше, чем мы Туркестаном. Всё, сколько-нибудь солидное и почётное мусульманство в Кашгаре, оделось в китайский костюм, привесило косы, устроило по-китайски дома свои и старается подражать победителям. У нас напротив: мы стараемся подражать побеждённым, да и не только в хорошем, а в самом дурном. Торговля Кашгара очень незначительна, но нельзя сказать, чтобы была особенно мала, если принять во внимание недавнее разорение этой страны.

В настоящее время в Фергане, на ревизии с Ф.К. Гирсом. Безобразия в Туркестане масса; последние деяния моего друга почти безумны, но не в них теперь дело. Надо дать, и поскорее, правильное устройство этой несчастной окраине. Одно правильное гражданское управление, без всяких административных обособленностей и прерогатив, может вернуть край на путь законного развития. Замечательно, что и новый генерал-губернатор желает и требует того же. Петербург в нём ошибся: воинственности нет и следа, всё внимание обращено теперь только на дело устройства края. С первого же раза он уничтожил должности русских ирригаторов, мешавших на казённый счёт, туземному орошению; прекратил действия поземельных организационных комиссий, стоявших казне, с их работами, более миллиона рублей и принесших, в окончательном результате, уменьшение дохода на 300 т[ысяч] р[ублей] ежегодно и общие жалобы населения на неправильность их обложения. Мы имеем массу просьб, в которых жители либо отказываются вовсе от земли, либо просят позволения платить больше, $\frac{1}{5}$ ч[асть] сбора, но лишь не по новой системе. Прежде они платили больше, вообще и в частности каждый, но платили только с земель обработанных. Теперь они должны платить по раскладке и с земель, которые остаются под паром и необработанными. Придётся изменять то, что стоило миллионы, даром потраченные.

Простите, что утрудил Вас длинным письмом. Позвольте пожелать Вам всего хорошего, а главное здоровья, которое более всего Вам необходимо при Ваших постоянных занятиях и трудах на пользу отечеству.

С чувством искреннего и глубокого уважения и неизменной преданности имею честь быть Вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою

Н. Петровский

РГИА. Ф. 1001 (Небольсины). Оп. 1. Д. 116. Л. 1–4.

36

Н.А. Ермакову

5 июля 1883 г.

Милостивый государь Николай Андреевич.

Я имел честь получить письмо Вашего превосходительства, в котором Вы изволите просить меня оказать содействие М.К. Мочалову, доверенному фирмы Алексеевых, торгующему в Кашгаре. С особенным удовольствием и охотою исполнил я поручение Ваше, так как г. Мочалов пока един[ственн]ый из русских купцов, решившийся открыть торговлю в Кашгарии. На этих днях он отправил в Хотан большой караван на сто лошадях мануфактурного товара. Это будет первый русский караван, добравшийся почти к границам Тибета. Я снабдил приказчика Мочалова, г. Олькина письмами к правителю Кашгара, Чжан Лаушаю, и к яркендскому беку, мусульманину, моему старому знакомому Ашурбеку. Надеюсь, что караван благополучно достигнет Хотана и хорошо расторгнется. Английской конкуренции ему бояться нечего. Там, в Хотане, где русские (московские) ситцы, в 2 т[ысячах] верстах от Ташкента, будут продаваться 15–16 к. аршин, а красные 25–30 к. – английская конкуренция не опасна.

На днях я послал И.А. Зиновьеву⁸³ донесение, которое следовало бы прочитать Вашему превосходительству.

В Кашгаре я устраиваю метеорологическую станцию и выписал из Лондона от Negretti-Zambra инструменты, которые просил Л.Ф. Тухолку⁸⁴ пропустить без осмотра. Будьте милостивы, походатайствуйте об исполнении моей просьбы, иначе инструменты не дойдут целыми.

Примите уверение в глубоком почтении и преданности искренно уважающего

Н. Петровский

РГАЛИ. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 1150. Л. 20 – 21 об.

Ташкент. 28 июля 1883 г.

Глубокоуважаемый Фёдор Романович.

Душевно благодарен Вам за Ваше письмо. Рад, что всё у Вас по-прежнему. Теперь такие времена, что лучшего, что есть, желать и ожидать трудно.

Вчера я имел о Вас весть от Юнусова⁸⁵, который возвратился сюда с бухарцами, очарованными московскими событиями⁸⁶. По поводу этих бухарцев мне сильно захотелось побеседовать с Вами. Посмотрите, что случилось. Все стремления наших политиков, как Вам известно, сводились по отношению к Бухаре к тому, чтобы отстоять её независимость от завоевательных воцелений здешних героев. Ради этого, конечно, дали Бухаре наследника престола, и сим самым обязались его поддерживать, т.е. сделали то, чего хотели избежать, именно вмешательства в дела Бухары, развязали руки героям. Вы знаете, что старший сын эмира, Катта-тюря, живёт в Пешаваре, получая от англичан хорошее содержание. Партия у него в Бухаре большая, англичане ему помогут, несомненно, и, как только эмир умрёт, в Бухаре начнётся катавасия – такая же, как была в Кокан[д]е. А затем повторится то же, что было там. Вот Вам и дальновидные политические соображения.

Ревизия почти окончила свои дела и скоро отправляется в Петербург, а я – в Кашгар. Скажу Вам откровенно, что многое сделано не так, как бы мне хотелось, но всё-таки, кое-что сделано. Принципал* наш – человек хороший, если его немного держать в руках. Говорил он мне как-то о Вас с большим уважением и жалел, что Вас мало слушает тот, кому следует слушать. Причина холодности будто бы Игнатьев⁸⁷ и Мельников. Правда ли это – не знаю, но для сведения сообщаю.

Принципал края дуриет из рук вон. Все надежды на него у меня пропали. Не стоит писать о всём том, что тут наделано им в короткое время пребывания, но нужно заметить, что если он удержится, предместник его останется далеко позади его. Там была всяческая ограниченность и безграничная самоуверенность, здесь – сумбур, в котором ничего не отыщешь.

Меня интересует теперь, впрочем, не Туркестан, а Кашгар, куда я с удовольствием уеду. Чем дальше от этой цивилизации, тем лучше.

Не знаете ли Вы какого-либо капитального сочинения о несторианах⁸⁸, долго пребывавших, как известно, между прочим, в Кашгаре. Желалось бы мне попытаться, нет ли там каких-либо остатков несторианства. Если знаете – будьте любезны, сообщите заглавие.

---

* Глава (*лат.*).

Искренно преданный и глубоко уважающий Вас
Н. Петровский

РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 466. Л. 219 – 220 об.

38

Н.А. Ермакову

4 сентября 1883 г.

Милостивый государь Николай Андреевич.

Приношу Вашему превосходительству искреннюю благодарность за хлопоты Ваши о моих инструментах. Не могу, однако ж, не высказать Вам, при этом, что любезность, оказанная мне Министерством финансов, меня не удовлетворила: не о беспошлинном пропуске инструментов просил я, а о том, чтобы они не подвергались досмотру. Как бы ни был осторожен сей последний, всё-таки вещи, залитые в жестяном ящике, будут вскрыты; а в этом-то вся и беда. До Ташкента, при принятых мною предосторожностях, они, может быть, дойдут целыми, но как они, после переукупорки, перевезутся через перевалы в Кашгар – в этом вопрос. Вероятнее, что все мои барометры и термометры будут разбиты, что я поплачусь 21 фунтом стерлингов и что, в конце концов, мне придётся прибегнуть к Китаю или Индии, чтобы перевезти оттуда в Кашгар эти инструменты. Желательно, конечно, чтобы таких хлопот не случилось.

В прошлом письме Вы изволили писать мне о новой дороге на Мёртвый Култук. Я совершенно с Вами согласен, что прежде, чем приниматься за такие грандиозные предприятия, надо предварительно исследовать всё, для успеха их необходимое. В Туркестане мы видим не мало этих безмолвных памятников генерал-губернаторского тщеславия, лежащих в развалинах и запустении, и свидетельствующих о бесплодно потраченных на них. В Голодной степи лежит в запустении Тунгус-арык, стоивший казне 135 т[ысяч] р[ублей] и народу каторжной работы на 521 т[ысячу] р[ублей]; в Ташкенте мы видим развалины ярмарки, погубившей на своё бесполезное устройство более полумиллиона рублей, водопровод без воды, обошедшийся до 50 т[ысяч] р[ублей], конский завод, остающийся должным казне 47 т[ысяч] р[ублей] без надежды уплаты; в Фергане красуется военный лагерь, называемый городом Новым Маргеланом, изъязвивший из казны на свою постройку в лихорадочной местности до 2 м[иллионов] рублей, в Самарканде... но и приведённых примеров достаточно было бы, кажется мне, для М.Г. Черняева, чтобы не пускаться в такие рискованные предприятия, в какие он теперь пускается. В течение пятимесячного пребывания его в крае, с которым он

не успел ещё ознакомиться, мы видим уже весьма нехорошие предзнаменования. Арык Дильверзи близь Ходжента, который он приказал, без серьезного обсуждения дела, возобновить, прорвался, потратив 8 т[ысяч] р[ублей] бесполезно; дорога на казённо-угольную копь, на которую (т.е. дорогу) дано было 27 т[ысяч] смыта, и деньги пропали. Для подъема воды М[ихаил] Г[ригорьевич] прислал из Петербурга ветряную мельницу, стоящую 30 т[ысяч] р[ублей]. Мельница эта теперь в Ташкенте, где ветра никогда не бывает, стоит собранная во дворе областного правления, ожидая очереди попасть в склад. Но это ещё далеко не всё: Вы вероятно уже знаете, что поток Сыр-Дарьи близь Перовска – Джаны-Дарья – имеет быть пущена, сгоном на работу киргиз[ов], к Аму-Дарье, а из этой последней будет вестись встречный арык; что будет стоить это предприятие – неизвестно, так [как] о сметах не думали. Кокан[д] соединяется прямою дорогою, через горы, с Ташкентом. Сметы также не составлено. Один строитель (Макаров) говорил мне, что дорога, без моста через Дарью, будет стоить 200 т[ысяч] р[ублей], а другой (Витовский) – что такое грандиозное сооружение менее, как в 600 т[ысяч] р[ублей] не обойдётся. Все эти сооружения относятся и будут относиться на так называемый земский кредит, который – следует заметить – почти исчерпан. – На будущий год ревизия, вероятно, введёт земский кредит в должные границы; но пока её предположения будут одобрены – воды утечёт много, и мы, конечно, увидим – говоря откровенно – не лучше того, что было при Кауфмане. Я очень счастлив, что не принадлежу теперь Туркестану, и остаюсь только кашгарским зрителем его событий; иначе мне пришлось бы опять ратовать за Туркестан и попасть в неблагонамеренные люди.

Фёдор Карлович ревизию края окончил. Ревизионный отчёт и проект положения об управлении краем почти окончен. Ждём генерал-губернатора, чтобы получить о проекте его заключение.

Изволили Вы получить донесение о применении к краю торгового положения? По поручению Гирса* положение составлялось в комиссии, под председательством моего брата⁸⁹, с участием русских и туземных купцов. По мнению моему, положение вышло весьма удовлетворительным. Если Вы его одобрите и внесёте на утверждение, то получите (от Ферганы, где существует зякет) приращение доходов тысяч на полтора-ста.

Мне следовало бы написать Вам о Шугнана, маленьком бекстве в верховьях Аму-Дарьи, близь Памира. Важно не то, что оно маленькое, а то, что его взяли афганцы, иначе говоря, совершилось то, чего тщательно избегали: непосредственное соприкосновение нашей границы (в Фергане) с Афганистаном. В настоящее время я не могу Вам писать о Шугнана, потому, что очень устал от чтения корректур отчёта. Буду писать о нём в следующий раз.

---

* Далее зачёркнуто: «оно».

Искренно преданный и глубоко уважающий Вас
Н. Петровский

РГАЛИ. Ф. 2555. Он. 1. Д. 1150. Л. 22–25.

39

Н.А. Ермакову

Ташкент. 4 октября 1883 г.

Милостивый государь Николай Андреевич.

На этих днях я буду иметь честь выслать Вашему превосходительству под большим секретом, но, разумеется, с согласия Фёдора Карловича – отчёт его о ревизии Туркестанского края, дабы Вы могли, ранее, чем другие, познакомиться с ним сами и, если найдёте нужным, познакомиться с ним министра.

В настоящее время, после отделения Семиречья к Степному генерал-губернаторству, дефицит Туркестанского края составляет 2 м[иллиона] 700 т[ысяч] р[ублей]. В проекте будущего устройства края мы старались сократить этот дефицит до возможной степени и, кажется, успели. Желаем теперь только – чтобы в Петербурге нас поддержали и не давали бы больше веры местным соображениям, особенно о так называемом земском сборе, служащим здесь главным источником всевозможных, но менее всего земских, расходов.

Генерал-губернатор, после долгого отсутствия, возвратился сюда, кажется, опять ненадолго. Слышно, что он собирается в Петро-Александровск строить на Аму-Дарье крепость против каких-то, неведомых нам, врагов. Арык из Сыра по Джаны-Дарье, о благодетельном действии которого, в будущем, Вы, вероятно, читали и слышали, что-то нас не слушается, и я опасаясь, не станет ли он таким же монументом напрасно потраченных денег и сил, как и знаменитый кауфманский Тунгус-арык в Голодной степи.

На месте нынешнего города Самарканда (тимуровского⁹⁰ XIV века) лежит более древний город – Александра Македонского и арабских завоевателей (древняя Мараканда и Афрасиаб). На раскопки этих древностей, от которых можно ожидать того же, что сделано Лэйярдом⁹¹ в Ниневии и Шлиманом⁹² в Трое, пошли бы лучшие силы классической и восточной археологии. Покойный Кауфман знал это, и потому, до прихода этих сил, раскапывать Самарканд никому не позволял. В настоящее время у нас наряжена для этой цели комиссия под председательством автора «Петербургских трущоб» Крестовского⁹³ и двух членов: не имеющего чина дворянина, приехавшего искать в Туркестане какого-нибудь места, и разжалованного офицера. Можете судить, что будут со-

вершать эти вандалы в Самарканде. Если Вы имеете возможность шепнуть об этом обстоятельстве президенту Академии наук⁹⁴ или кому другому, то – я уверен – Вы это сделаете, и избавите тем нас, может быть, от европейского скандала.

Фёдор Карлович уезжает отсюда дней через восемь, а после него уезжаю в Кашгар и я, с большим страхом за предстоящую дорогу: удастся ли мне благополучно перелезть опять через наши монбланы и скатиться в Кашгар с неповреждёнными лёгкими и целыми глазами. Впрочем, нынешний раз я везу с собой юрты, печь и всякие приспособления против холода и болезней. К счастью, что имею ещё прекрасный конвой: наших терпеливых и* выносливых сибирских казачков, которые – уж Бог весть по какой причине – гораздо охотнее едут в Кашгар, чем из Кашгара.

Прошу засвидетельствовать моё глубокое почтение Вашему семейству.

Искренно преданный и глубоко уважающий Вас
Н. Петровский

P. S. Письма ко мне следует адресовать в Ташкент.

РГАЛИ. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 1150. Л. 29 – 30 об.

40

Н.А. Ермакову

Ташкент. 27 октября 1883 г.

Милостивый государь Николай Андреевич.

Вместе с настоящим письмом я посылаю Вашему превосходительству, под моею казённою печатью, в собственные Ваши руки, отчёт Фёдора Карловича о ревизии Туркестанского края. Отчёт этот посылается ранее прибытия ревизии в Петербург, т.е. немного преждевременно, – только Вам и министру, и никому более. До прибытия ревизии другого экземпляра отчёта в Петербурге не будет.

Собственно ревизионная сторона отчёта, как я уже писал Вам ранее, может интересовать Вас разве только, как история (да и то далеко не полная) прошлого управления краем лицом, которого мы теперь судить не можем и не смеем. Впрочем и в этом отношении Вы не найдёте в отчёте многого для себя нового: всё, или почти всё, мы знали с Вами восемь лет тому назад, и знали так же хорошо, как описано в отчёте. Значит, об этой его стороне я и не буду распространяться. Другое дело – те

---

* Далее зачёркнуто «всё».

выводы, которые истекают из отчета в назидание будущего. Прежде всего, мне нужно оговориться, что с общим заключением отчёта – о положении края, его спокойствии, благотельном влиянии на население наших порядков и т.п. – я далеко не согласен и говорил об этом с Фёдором Карловичем. Я долго жил в Туркестане, много толкался между туземцами, беседуя с ними, с глазу – на глаз, на родном их языке (а это огромное преимущество), чтобы наивно верить, что они довольны нашим управлением и нашими порядками. В 1875 г. в «Вестнике Европы» я высказал весьма определённо свой взгляд по этому предмету⁹⁵ и остаюсь при нём в настоящее время. Туркестанский край и по сие время не умиротворён, и именно потому, что в нём было управление военное, равно ничего не создавшее для водворения порядка, законности и справедливости. Отчёт же рассуждает иначе: край умиротворён, следовательно, военного управления не нужно. В этом-то и вся ошибка. Военного управления никогда не было нужно, ибо оно не может умиротворить края, даже если будет продолжаться сотни лет. Кавказ служит тому разительным примером. Нужна военная сила (а её в Туркестане довольно), а не военное управление.

Сам Фёдор Карлович, с[о] своею Степною комиссиею 1867 г., положил начало тому безобразному управлению, которое носит название «военно-народного» и которого, до [того] в степях не было, а теперь, чтобы доказать необходимость гражданского управления, он принуждён пускаться в невероятные рассуждения о совершенном спокойствии края и преданности нам туземцев, чего в действительности нет и быть не может. Для доказательства необходимости гражданского управления к таким уловкам прибегать не для чего. При рассмотрении проекта устройства края вопрос этот не останется без шумного обсуждения. Поэтому посмотрите, на всякий случай, конец вышеупомянутой статьи моей в «Вестнике Европы». Теперь о назидательной стороне отчёта. Я думаю, что, прочтя его, Вы придёте к непреложному убеждению в необходимости дать Туркестану, как можно скорее, какое бы то ни было устройство; иначе – верьте мне – дела здесь могут пойти хуже прежнего. Край, истомлённый всяческою неурядицею, ждёт успокоения и начинает разочаровываться в ожиданиях. Если предположения ревизии будут, почему-либо, разрешением задержаны, мы создадим себе большие затруднения. По моему мнению, Туркестанскому краю необходимо дать самое простое и несложное устройство, но отнюдь не исключительное: пусть здесь будут, в самом малом количестве и объёме, административные и другие учреждения, но непременно такие же, т.е. с теми же правами и обязанностями, как и в остальной России. Всякая исключительность, опирающаяся на так называемые «местные условия», о которых, в сущности, никто не имеет никакого понятия, даёт в результате только произвол и беззаконие. Туркестан надо ввести в нормы, в рутину, и все местные условия исчезнут, а с ними – и все права, особенные – главным образом по распоряжению деньгами. Вы не поверите, как всё

просто и хорошо устроено у китайцев в Кашгаре, где так же, как и в Туркестане, население то же самое сартовское, мусульманское, а цивилизатор – иноземцы. Нынешнею зимой, в своём одиночестве в Кашгаре, я займусь описанием китайского управления сравнительно с нашим в Туркестане.

Закончу письмо кой-какими нашими новостями. Между ревизией и М.Г. Черняевым чуется охлаждение – кажется потому, что некоторые его ожидания она не оправдала: не расширила власти главного начальника края, не высказала предположений о необходимости дать ему, в безусловное распоряжение, земский кредит и т.п. Теперь он опять путешествует по краю, а мы ждём, совсем готовые к разъезду, когда он вернётся и даст своё заключение по предположениям ревизии. Лично я, по старому с ним знакомству, не принадлежу, так сказать, к сфере его ревизионных антипатий, но от этого мне несколько не легче. С сожалением должен сказать, что ни одному из его здешних распоряжений я не могу, по совести, сочувствовать, да и не имею возможности помочь ему, ибо такого административного младенца, каким он оказывается, вразумлять трудно, даже лицу, ему близкому и преданному. Что особенно меня изумляет – это его забывчивость, непоследовательность, заигрывание с мусульманами (для которых он был грозой) до забвения своего положения. Я склонен, даже, думать, что все прежние и славянские пертурбации его психически расстроили. Репутация его здесь быстро падает и среди русских, и среди мусульман. Всё это очень грустно, но, к сожалению, справедливо. Туркестан мне становится настолько противен, что я уже не раз подумывал перенести резиденцию моей семьи из Ташкента в Верный, откуда до Кашгара почти такое расстояние, как и от Ташкента, чтобы не быть принуждённым потерять надежду ещё на одного человека, которого я привык любить и уважать. Через год, по отъезде ревизии, ему не останется ничего более (поверьте мне) как броситься на Бухару, взять её, быть, затем, прогнанным и стать опять, хоть на время предметом оваций и криков со стороны московских горл[оп]анов.

Позвольте просить Вас об одолжении: приказать прислать мне «Историко-статистический обзор промышленности России» (издание Выставки; у меня группы III, X и XI, других нет); Обзор торговли за 1882 год и все издания Вашего Комитета грамотности. За последние я вышлю Вам деньги. Они предназначаются для моего консульского конвоя в Кашгаре; бедные казачки мои мучаются бездействием и скукой.

Искренно преданный Вам и глубоко уважающий Вас
Н. Петровский

РГАЛИ. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 1150. Л. 31 – 34 об.

Ташкент. 12 ноября 1883 г.

Глубокоуважаемый Дмитрий Фомич.

Приношу Вам искреннюю и глубокую благодарность за доставление мне акварельного руководства. Благодаря ему и Вам я делаюсь художником и, может быть, скоро преподнесу Вам виды Кашгара. Получив акварели, я ожидал и письма, но его не было и нет по сие время, что меня опечалило: хотелось знать о Вас и Вашем семействе.

Ревизия наша окончилась благополучно, т.е. без больших скандалов. Отчёт, как увидите сами, вышел не дурён, но, между нами сказать, я им не вполне доволен: местами многоглаголен, местами слишком краток. Спешили редакцией. Впрочем, есть факты поразительные. Теперь дело пойдёт об устройстве края, вероятно, будет возобновлена Скобелевская комиссия и, вероятно, в ней будете участвовать Вы. По этой-то, главным образом, причине я просил начальника здешнего штаба Николая Дементьевича Новицкого⁹⁶, мое[го] хорошего знакомого и вообще человека весьма хорошего, замечательно умного и дельного, передать Вам настоящее письмо и, на случай совместного пребывания в комиссии, обменяться мыслями по поводу предстоящих Вам трудов. Необходимо, во что бы то ни стало, устроить нашу окраину как можно скорее, ибо (опять-таки между нами) здесь может настать такой порядок вещей, который затмит собою кауфманский. М. Г. Черняев, к которому я питаю самое глубокое уважение и расположение, человек в административном деле совершенно неопытный. Если край не будет устроен, и действия главного начальника не будут введены в законную рутину, толку не будет. Впрочем, Фёдор Карлович, да и Николай Дементьевич, если Вы с ним осторожно побеседуете, передадут Вам, что делается в крае и куда мы идём.

На этих днях я уезжаю в свой Кашгар. В прошлом письме я, кажется, писал Вам, каких трудов стоило мне перелезть зимой здешние монбланы. То же самое предстоит мне теперь. Придётся перейти пять перевалов, из которых самый малый в 10 т[ысяч] фут[ов]. Жилья по дороге нет, топлива мало, бураны частые и пр. пр. – очень не привлекательно. К счастью, мне дали, наконец, секретаря⁹⁷ и переводчика; будет, по крайней мере, возможность с кем-нибудь коротать зимнее время. Но всё-таки, и я говорю совершенно искренне – Кашгар любее Вашего Петербурга, особенно в настоящее время, если верить тому, что до нас сюда доходит. Есть большая прелесть чувствовать себя одиноким и совершенно отрезанным от цивилизованного мира и притом чувствовать себя беком. Даже при самой тяжёлой дороге, верхом, многое кажется лучше, чем, например, в вагоне: едешь, как хочешь, останавливаешься, где вздумается; садишься на лошадь и 10 человек тебя подсаживают, захотел за-

курить папиросу, и уже слышишь, как три-четыре человека скачут сзади, чтобы подать тебе спичку; не успел слезть с лошади и прилечь, как уже тянутся руки подложить тебе что-нибудь под локоть. Право, не дурно, и русскому человеку свойственно.

Семья моя остаётся в Ташкенте; дети учатся хорошо. Старшая этот год (учебный) считает последним и надеется выйти с золотой медалью; второй остаётся два года, а Коля теперь в 4-м классе. Этою стороною дела я доволен; затрудняюсь только тем, что едва ли придётся повезти семью на лето в Кашгар; дети кой-как переедут, но для жены тяжело Весною, впрочем, я приеду в Ташкент на побывку, а потом будем чередоваться с секретарём.

Н. Д. Новицкому я поручил передать Ольге Александровне давно ею ожидаемый платок и принести извинения за слишком позднее исполнение поручения.

Прошу передать Ольге Александровне мой усердный поклон и искреннее пожелание всего лучшего – от меня и моего семейства. Просим засвидетельствовать наше почтение Вашей матушке и сестре.

Все мои кланяются.

Искренно преданный и глубоко Вас уважающий

Н. Петровский

P. S. Если не забыли своего обещания, то прилагаю шифр, свой собственный.

б, в, г, д, ж, з, к, л, м, н, п,
р, с, т, ф, х, ц, ч, ш, щ, ъ, ь.

Гласные не изменяются, а согласные заменяются одни – другими: верхние – нижними, а нижние – верхними; например:

Кобеко

шифр Чоречо

слова друг от друга не отделяются.

ОР РНБ. Ф. 354. Оп. 1. Д. 93. Л. 4–8.

42

Д.Ф. Кобеко

Кашгар. 19 января 1884 г.

Ваше любезное письмо, глубокоуважаемый Дмитрий Фомич, от 10 декабря я получил в Кашгаре 16 января, вскоре после моего туда приезда. С гордостью могу сказать, что в это время года едва ли кто из туркестанцев, а тем более петербуржцев, решился бы в Кашгар отправиться. Поход наш туда, по правде сказать, ничем не уступал переходу

русских войск через Балканы. Двигаясь медленно по местности, почти пустынной, покрытой глубоким снегом, заготовляя сами себе и топливо и прикрытие, мы хотели перейти знаменитый Терек-Даванский перевал (13 т[ысяч] фут[ов], т.е. выше вершины Монблана), об опасности которого свидетельствуют груды человеческих костей на нём лежащих, – в самое Рождество. Но у самого перевала, в 10 верстах от его вершины, нас застал страшный горный буран, с поразительным свистом и воем ветра, ломанием и падением с высоты гор деревьев, снежными лавинами, напоминающими потоки воды и камней. Рассказывать теперь об этом буране – приятно, потому, что картина была грозно-великолепная, но тогда было жутко и очень жутко. Пришлось остановиться в ущелье, под скалой; костра зажечь было нельзя, ночевали на снегу и под снегом. На другое утро буран утих и мы полезли на перевал, но тут – другая беда: всё ущелье и дорогу занесло за ночь снегом; лошади проваливались в него буквально по шею, не могли выпутаться, ложились на бок, так что почти на каждом шагу приходилось разгребать вокруг них снег и вытаскивать их и вьюки, а всего лошадей со мною было около сорока. После таких усилий пришлось убедиться, что далее ехать нельзя, а надо идти пешком с лопатами, разгребая впереди снег. Так мы и сделали. Девять вёрст до вершины перевала мы шли целый день, страдая удушьем, головокружением и рвотой. Наконец мы на вершине, но тут опять страшный буран; но опасность нас уже миновала, и мы благополучно спустились. Караван купцов, шедший по нашим следам днём нас позже, потерял 25 лошадей с товарами и 4-х человек, провалившихся в снег и замерзших. На следующий день, канун которого мы провели опять на снегу, но уже с костром, нам предстояли ещё два перевала – два сынка Терек-Давана: Икезяки, первый (11 т[ысяч] ф[утов]) и второй (10 т[ысяч] ф[утов]). На обоих мы были встречены буранами, сильными, но уже менее для нас опасными, и т. далее, и т. далее, в уменьшающейся прогрессии до самого Кашгара. Не забудьте, при этом, постоянных спутников наших: холода, дыма, копоты, воня бараньим жиром; негде умыться, переменить белья и т.п. Наконец приехали; но и Кашгар нас не порадовал. Живём в сартовском здании, почти не имеющем вида человеческого жилья. Две комнаты я приспособил для себя и секретаря к жилью, т.е. поставил в них две железные печи, из которых одна страшно дымит, и залепил окна бумагой. Третья комната, приёмная, осталась сараем, в которую, во время посещений нас китайскими властями, ставят жаровню с угольями. Прислуга помещается в юртах, а конвойные казаки – в конюшне. Кушанье готовили на открытом воздухе. Хорошо, что погода в Кашгаре стоит ещё сносная, а то – одно средство – сбежать отсюда как можно скорее. Вот уже целый год прошу я Министерство устроить здесь помещение для консульства, – и ни одного звука в ответ.

С китайцами мы живём пока ладно, хотя мерзавцы они порядочные. Оборвыши, невежды, нахалы, а спеси – не оберёшься. Правитель Восточного Туркестана Чжан Лаушай, напоминающий собою, скорее, де-

белую русскую попадью, чем храброго генерала в жёлтой курме⁹⁸ (вроде нашего ордена Георгия), лучший из всех китайцев. Одно уже, что водку он пьёт так, что любой русский пьяница ему бы позавидовал. Мне он делает всякие почёты и любезности, и я ему также. На днях мы были у него с поздравлением (теперь у них, китайцев, Новый год). Любовались почётным караулом из какой-то сволочи, повязавшей себя, по-бабьи, платками, пробовали китайскую кухню и пили подогретую сивуху, от которой у меня целый день болела голова. Вчера он был у нас; мои молодцы, конвойные казаки проделали ему всякую муштру, покормили мы его сардинками, напоили русской водкой и наливкой и вполпьяна, в уродливой арбе, проводили с миром домой. Вот как изящно проводили мы нашу жизнь в Кашгаре.

Теперь у меня много занятий по консульству, здесь масса наших русских мусульман; торговля порядочного размера, поэтому толкотня у меня с утра большая: жалобы, просьбы, выдачи ярлыков и т.п. Осмотреться ещё не успел и к своим занятиям ещё не приступал; но приступлю скоро.

На первый раз, если позволите ещё Вас беспокоить, мне было бы необходимо, во-первых, новое современное описание Китая. Нужно мне знать их административное устройство, чины и пр. с китайскими названиями. Словом мне нужна книга, на каком бы языке она не была, вроде книги Иоакимфа⁹⁹ «Стат[истическое] обозрен[ие] Китая», издание 1842 г. (которой у меня нет, и которую я желал бы достать); во вторых, нужно мне классическое сочинение о несторианцах, которые здесь некогда жили. С помощью этой книги я стал бы открывать их следы; в третьих, нельзя ли, с Вашей помощью, приобрести мне, антикварским путём, Handwörterbuch arabischer und deutscher Sprache von Dr. Adolf Wahrmünd (2 или 3 тома), и, наконец, в-четвёртых, по прежним занятиям мне хотелось бы иметь «Финансы» Блюха¹⁰⁰.

Если эти поручения Вас не обременят, то позвольте просить об исполнении оных. В свою очередь, не нужно ли Вам или Ольге Александровне белого меха, мелкого (длинного здесь нет), китайских материй (атласа разных цветов, шёлкового крепона, материй с одноцветными цветами), шёлкового ковра, хотанского (маленький рублей 25). Если нужно – поручайте.

Желал бы знать, что делает наша ревизия. Фёдор Карлович, вероятно, виделся с Вами и рассказал Вам всё, как я ему рассказывал, о некоем герое, ныне в Туркестане царствующем, – герое, в которого я потерял окончательно всякую веру и к которому, кажется, скоро потеряю и уважение. Желал бы я знать также, довольны [ли] нашим ревизионным отчётом и что из всего этого дела произошло. Рад, что Новицкий Вам понравился; он мастер говорить; заставьте его развязать язык – будет занятно.

Будьте любезны, прочтите моё настоящее письмо Григорию Павловичу Небольсину. Ему на досуге я буду писать отдельно и вот, между

прочим, о чём. Наши казанские сироты, московские фабриканты, жалуются, что Англия теснит их товары в Средней Азии, а недавно русский торговец завёз эти товары, чуть ли не на край света, к границам Тибета, в Хотан, и все их там выгодно распродал. Гр[игорию] Павловичу я послал, с Новицким, мусульманскую подставку для книг. Хотите, пришлю и Вам такую.

Прошу передать моё глубокое почтение Ольге Александровне, Вашей матушке и сестре. Мои все здоровы. Старшая дочь (Гая) нынешний год кончит свои занятия, а Женя и Коля, надеюсь, перейдут в 5-й класс.

Искренно и глубоко Вам преданный

Н. Петровский

Р. С. С Чарыковым¹⁰¹, надеюсь, увижусь в мае в Ташкенте, куда, думаю, поехать.

ОР РНБ. Ф. 354. Оп. 1. Д. 93. Л. 9 – 12 об.

43

Д.Ф. Кобеко

Кашгар. 31 января 1884 г.

Глубокоуважаемый Дмитрий Фомич.

В прошлом письме из Кашгара я просил Вас о книгах. Арабский словарь Адольфа Wahrhund'a как теперь, оказывается, есть у Дейбнера и продаётся им как подержанный экземпляр. Могу ли я просить Вас поторговаться с ним и затем сказать ему, чтобы он его приказал переписать (если не переплетён) и прислал бы сюда с теми книгами, которые у него нами (т.е. мной и секретарём) выписаны.

Кроме того, я имею к Вам другую просьбу. После известного Вам распоряжения я опасаясь писать в газеты и журналы, не получив согласия начальства. Прилагаемая статейка (из Кашгара) легкомысленная¹⁰², предназначена мною для «Нового времени», другая статья, серьёзная о Шугнани могла бы быть напечатана в петербургской французской газете или где-нибудь по Вашему усмотрению. Статью о Шугнани я пришлю со следующей оказией. Нельзя ли повидать И.А. Зиновьева и спросить его, могу ли я эти статьи напечатать и вообще могу ли и впредь что-нибудь печатать о Кашгаре. Если разрешение будет дано, то будьте любезны, перешлите статейку «Из Кашгара» в «Новое время» с письмом от меня (также при сём прилагаемом) к Буренину. Я хотел, было обратиться с моею просьбою к Фёдору Романовичу, но не знаю, в Петербурге ли он. Давно не получал от него никакой весточки. С настоящей почтой посылаю ему на всякий случай письмо.

После последнего письма моего к Вам положение наше несколько не изменилось к лучшему: такая же грязь, пыль, голод и холод как были прежде; прибавились только дела: выдача билетов, свидетельств, разборы просьб, жалоб, даже драк – словом «тащить и не пущать» в полном развитии, – совсем полицейский участок. Перед обедом (12 ч[асов] дня) дела приостанавливаются, а там – опять до вечера, до закрытия городских ворот, когда просители, боясь остаться вне города (я живу вне), улепётывают домой, забывая в консульстве галоши (по-нашему каушь). Изредка прогуливаюсь верхом, но нужно, для важности ездить с конвоем, что крайне неудобно. Целые дни говорим только по-сартовски, совсем сбились с толку: то сарту скажешь «хорошо», то конвойному казаку «якши». Кроме своего дела с сартами, нас одолели и посещения китайских чиновников и сановников; придут, сидят по целым часам, всё трогают, щупают, а главное – охочи сильно до русской водки. Осталась одна бутылка на две почти недели.

Усердный поклон мой Ольге Александровне и всем Вашим.

Искренно и глубоко Вам преданный

Н. Петровский

ОР РНБ. Ф. 354. Оп. 1. Д. 93. Л. 13 – 14 об.

44

Ф.Р. Остен-Сакену

Кашгар. 31 января 1884 г.

Глубокоуважаемый Фёдор Романович.

Давно я уже не имел от Вас ни одной весточки, да и сам давно не писал к Вам. Не буду говорить Вам о нашей ревизии, ни о чём прочем, туркестанском, а только о Кашгаре, в котором я теперь нахожусь и которым исключительно занимаюсь. Нынешний мой путь сюда был страшно трудный даже для меня, старого туркестанца. Рассказывать о нём не буду: для Вас достаточно сказать, что я перешёл Терек-Даван 26 декабря при страшном буране, разгребая дорогу, саморучно, лопатой. Впрочем, об этом переходе Вы прочтёте в моей статейке, которую я думаю напечатать. Но и прибытие в Кашгар меня не порадовало. Вы, вероятно, не знаете, что с февраля прошлого года Министерство ничего, в сущности, мне не ответило насчёт постройки зданий для консульства. В Новом Городе (Янги-Шаре), среди казарм китайских солдат, отстоящем от Старого Города (Куня-Шара) на 8 вёрст, останавливаться и жить бессмысленно, несмотря на любезность китайцев, предлагавших в моё распоряжение одну из этих казарм: в Новом Городе, кроме солдат, никого нет, в Старом – сосредотачиваются все дела и торговля. Я решил

поселиться в Старом, во что бы то ни стало. Вам опять незачем подробно рассказывать, что такое лучший вне города дом, который я занимаю теперь. Довольно сказать, что это развалина мусульманского здания, кое-как мною исправленная, т.е. поставлены две железных печи, старых, которые дымят, заклеены окна бумагой, на земляной пол положены циновки и пр. Грязно, дымно, холодно, а подчас, и голодно, потому, что кухня (очаг) во дворе, на открытом воздухе. Прислуга живёт в юртах (у нас только три комнаты – канцелярия, моя и приёмная – сарай), а конвой – в конюшне или, вернее, под навесом для лошадей. На первый раз, вопреки ожиданиям, явилось много дел и важных, и мелких. О важных Вам нужно знать в подробностях, и потому вперёд прошу извинения за причиняемое утомление.

Редакторы Петербургского договора, да будет над ними благословение Божие, наделали много мне хлопот, и что из этих хлопот произойдёт – одному Богу известно.

Вы знаете, что по занятии китайцами В[осточного] Туркестана масса разного народа, преимущественно служилого сословия, бежало в наши пределы и там поселилось. С другой стороны, в В[осточном] Туркестане живёт масса лиц, считающих себя так называемыми андижанцами. Над этими андижанцами кокандские ханы ставили аксакала¹⁰³, который собирал с андижанцев все подати и отсылал их хану. Было, так сказать, государство в государстве. Кашгар в Договоре забыт: на каком положении считать кашгарцев, живущих у нас, и андижанцев – здесь, ничего не сказано, а между тем установлено, что беглецов следует выдавать. Возможно ли теперь выдавать кашгарцев, кто из андижанцев должен быть признан за русского подданного, по каким признакам, в какой срок должны они заявить о том, – в договоре ни строчки. А между тем дело принимает такой оборот: половина Яркенда, три четверти Кашгара, целые кишлаки, воображая, что я приехал сюда на правах бывшего кокандского аксакала, желают заявить себя русскими подданными, т.е. чтобы избавиться от китайских поборов. Всеми моими силами я пытаюсь отклонять все такие заявления, хотя с исключительно законной точки зрения не имею ни малейшего права отказывать в принятии просьб о желании быть русскими подданными. Теперь я это делаю, но рано или поздно мне нужно будет иметь положительные мотивы к таким отказам, иначе меня, слугу Белого Царя, могут заподозрить в пристрастии к китайцам – в том, что я ими подкуплен, и потому незаконно и самопроизвольно, вопреки желанию Белого Царя, отказываюсь принимать просьбы от лиц, просящих милости быть его подданными. Такое положение нежелательно вообще, а для кашгарского консула в особенности. Население В[осточного] Туркестана мусульманское, наши подданные, купцы, мусульмане также. Всё управление, все дела и отношения, несмотря на китайское владычество, вращаются в сфере мусульманства, которое и даёт здесь общий тон жизни. Поэтому пренебрегать здешнею главною силою – именно мусульманством – невозможно и не политично. Что же мне делать, спрашиваю в

центре. Ответа нет. Далее: андижанцы, приезжающие в Кашгар, женятся, а потом, весьма часто, дав жёнам развод (а то и без развода), уезжают обратно, об этих жёнах забывая. По нашим законам такие жёны и их дети, несомненно, русские подданные. Теперь я осаждён просьбами кашгарских дам, желающих отправиться в русские владения или к своим, якобы, мужьям, или потому, что они стали русскими подданными. Какой-то татарин, как оказывается, растолковал им их права. Не шутя, боюсь, чтобы не возник, так сказать, мирный бабий бунт против китайцев. В этом случае также я не имею права отказывать этим женщинам в выдаче пропускного на отъезд билета, а вместе с тем знаю, что если я дам хотя один такой билет, то рассорюсь вконец с китайцами. Как же поступать – указаний нет. Наконец, уже без моей просьбы, мне прислали недавно протокол особого совещания о положении киргиз[ов] и мусульманских выходцев на нашей границе (удивляюсь, что ни Вы, ни Мартенс¹⁰⁴ в этом совещании не участвовали). В протоколе этом, между прочим, рекомендуется нам, консулам, руководствоваться в своей юрисдикции главным образом местными обычаями и находится следующая знаменитая фраза: «В З[ападном] Китае не следовало бы препятствовать русским подданным оканчивать с китайскими подданными все гражданские и уголовные дела миролюбиво». Что это такое? Русский пьяный приказчик убьёт китайца и, дав взятку амбану, окончит дело миром; наши киргизы, чирики, известные барантачи, ограбят караван кашгарских купцов и половиною ограбленного вознаградят того же амбана за мировую сделку; у нашего андижанца (многие из них имеют дома, земли, мельницы) кашгарец отнимет недвижимую собственность и, под угрозой оклеветать его в неблагонадёжности, заставит миролюбиво от неё отказаться. Затем, в юрисдикции следует руководствоваться местными обычаями. Лучше уже сказали бы: своим собственным соображением консула; тогда б я знал, что мне делать, а теперь становлюсь в тупик. Здесь может тягаться: русский с китайцем, наш сарт (шариат) с китайцем, наш киргиз (адат) с китайцем, наш татарин (ни шариат, ни адат, а русский закон) с китайцем; наши: сарт (шариат), киргиз (адат), татарин и русский между собою; наконец могут тягаться наши подданные вообще с подданными китайскими вообще. В этом случае, по Договору, споры разбираются консулом с китайскими властями совместно. Чем, какими обычаями прикажете мне руководствоваться? Но особенно мило: это не препятствовать оканчивать гражданские дела миролюбиво. Ещё бы, заставлять ссориться. Скажите мне, Фёдор Романович, что же это, в самом деле, такое?

Здесь я устроил дело по-своему: своих и чужих мусульман я посылаю прямо к казиям, благо китайцы не препятствуют. Казиям я сказал, что если они будут кривить душою в пользу кашгарцев – я назначу андижанцам особого, своего, казия. Дела наших подданных гораздо крупнее, поэтому казии, боясь потерять доходы за приложение печатей и выдачу документов, ведут дела отлично, решают быстро (в месяц дел двадцать решено в тот же день, как я послал к ним тяжёбщиков). Споры

татар и сартов решаю сам, по собственному разумению (до сего времени было четыре дела; все окончил миром). Дел с китайцами ещё не было. Это самая трудная часть.

С китайцами живу пока мирно, даже более – почти дружно, но надо держать с ними ухо [в]остро. Недавно, под предлогом успокоения меня от множества дел и, так сказать, для сохранения здоровья друга, мне предложили место для консульства за пять вёрст от города. Я притворился несказанно обрадованным; тогда они опешили и сказали, что, впрочем, я могу выбрать себе какое угодно место: всякое мне дадут с удовольствием. Место, разумеется, нужно для консульства возле города. То, в котором я теперь пребываю, – нашего подданного, само по себе удобное; но его нужно купить (ничтожная сумма), а между тем Министерство не соглашается. Кашгар – город мертвых: здесь более могил, чем домов и мёртвых, чем живых. Поместиться поэтому, по возможности вдали от кладбища, безусловно, необходимо. Другого места, кроме того, где теперь живу, я не знаю. Неужели Министерство не даст на покупку 1000 и, пожалуй, ещё меньше (я не торговался) рублей?

После известного распоряжения об авторстве чиновников я опасаясь писать статьи в газеты и журналы, не спросив разрешения начальства. Я написал здесь две статейки: «Из Кашгара» (пустынькую) и о Шугнанае (ничего-таки, – по сведениям, которые собирал для Министерства). Первую статью посылаю Д.Ф. Кобеко теперь, а вторую – пришлю со следующей оказией. Прошу его спросить у Зиновьева, разрешат ли мне печататься. Хотел бы просить об этом Вас, да затруднился: в Петербурге ли Вы и удобно ли Вам будет исполнить мою просьбу. Впрочем, как знаете. Д[митрий] Ф[омич], вероятно, покажет Вам моё письмо. О Шугнанае хорошо бы напечатать во франц[узской] нашей газете.

Пожалуйста, хоть изредка перекидывайтесь со мною весточкой. Вы сами знаете, что Вы единственный в Петербурге сановник, с которым я могу говорить совершенно откровенно, не тая ничего, что есть на душе.

Искренно и глубоко преданный Вам

Н. Петровский

РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 466. Л. 221–226.

45

Г.П. Небольсину

Кашгар. 14 февраля 1884 г.

Милостивый государь Григорий Павлович.

Письмо Вашего высокопревосходительства получено мною вчера и очень меня обрадовало в моём одиночном заключении вне пределов ци-

визитации. Нынешний раз я попал в Кашгар после окончания ревизии Туркестана, ещё при более худших условиях, чем в первую мою поездку. Достаточно сказать, что самоё Рождество я ночевал на голом снегу, при страшном буряне, в ущелье перед Терек-Даванским перевалом (12 т[ысяч] ф[утов]), а перешёл на другой день, саморучно разгребая снег на протяжении 12 вёрст и в течение целого дня. Караван, который шёл днём позже меня, погиб на перевале весь: четыре человека и 25 лошадей с товарами остались в снегу. На следующих, затем, перевалах (которые все, между прочим сказать, буквально засеяны костями кашгарских беглецов) я видел погибших и погибающих лошадей. Могу смело сказать, что настоящая поездка моя была подвигом, или, пожалуй, мальчишеством, что, впрочем, одно и то же. Но и Кашгар меня не порадовал. Денег на постройку консульских зданий ещё не отпущено, город весь в развалинах, среди массы кладбищ; пришлось остановиться в сартовском доме, без окон и печей. Кой-как пробили в стенах дырья, залепили их бумагой, поставили старую ржавую печку и пр[очее] в том же роде. Конвой мой расположен в конюшне, т.е. под навесом, а люди – в юрте. Дела против ожиданий оказалось много. Надо Вам сказать, что наш последний договор с Китаем забыл очень немного, именно забыл Кашгар, который гораздо важнее, во всех отношениях, Кульджи и Чугучака. А теперь оказывается вот что. Все города Восточного Туркестана и целые кишлаки (селения) наполнены так называемыми андижанцами (по городу Андижану), выходцами из Ферганы. Кокан[д]ские ханы издавна ставили здесь, в Кашгаре, своего аксакала, который, рядом с китайской властью, считался здесь правителем андижанцев: собирал с них разные подати и отсылал их не китайцам, а своему хану. Было истинное государство в государстве. Теперь весь этот народ заявляет себя (десятки тысяч) подданными русского царя, и замечательно, что китайцы не протестуют. По закону я не имею права отказывать в принятии их просьб, но, с другой стороны, – ведь это мирный бунт. Кроме того, массы беглецов кашгарцев наполняют, уже семь лет, нашу Фергану. Кто они, на каком положении живут они, надо ли их выдавать, когда китайцы их требуют, кто такие их жёны и дети, оставшиеся в Восточном Туркестане – русские ли подданные или нет? Ничего этого не предусмотрено и до сих пор не разрешено. Даже женский вопрос – и тот нашёл себе место в Кашгаре. Ко мне валит масса баб с законными и фальшивыми документами о браках с русскими подданными, – дабы избежать преследования китайцев и выселиться в Туркестан. Не буду писать о других вопросах, чтобы не утомить Вас. Скажу несколько слов о предмете, Вас наиболее интересующем – о торговле. Наши московские плакальщики на недостаток покровительства русской промышленности и на преобладание Англии на рынках Средней Азии, отлично торгуют здесь русскими товарами, завезли их даже в Хотан, т.е. к границам Тибета и продают их, с несомненною выгодою, простые ситцы по 14 к., а красные по 20 к. за аршин. Это на границах Тибета-

то! Сколько же, значит, они дерут с нас, внутри России, барышей себе в карман. Затем английских товаров в Восточном Туркестане очень мало, и надо правду сказать – товар дорог и плох. Хорошо продаются только платки бумажные да кисея. Но что удивительнее всего: в китайском Кашгаре нет чая из Китая; весь чай привозной из русских пределов. Вот Вам и воспетые некогда удобства пути через Западный Китай. Наконец, непонятное мне дело творится с здешним курсом: русский серебряный рубль стоит здесь 90 к., а бумажный 85 к. (на кашгарское серебро). Ямба (серебряный слиток) стоит в Кокан[д]е (450 в[ёрст]) 135 бумажных рублей, здесь 115 р[ублей] и всё-таки в Кокан[д] ещё неохотно везут.

Однако ж я Вас утомил моим писанием. На следующий раз расскажу Вам о китайских порядках. Здесь по целым дням я говорю только по-сартовски. Просто чувствуешь наслаждение, когда приходится писать и говорить по-русски.

С чувством глубокого уважения и искренней преданности имею честь быть Вашего высокопревосходительства покорным слугою

Н. Петровский

РГИА. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 116. Л. 5 – 7 об.

46

Ф.Р. Остен-Сакену

Кашгар. 1 марта 1884 г.

Глубокоуважаемый Фёдор Романович.

Вам я обязан вступлением на новую для меня деятельность, и Вам, более чем кому другому, обязан я отчётом в ней. Положение моё очень не красивое; я говорю не о личных удобствах, а о тех делах и вопросах, которые растут и ширятся передо мною, как дремучий лес, а я не имею того клубочка, чтобы по его ниточке дойти до избушки на курьих ножках и отыскать ту волшебницу, которая разрешила бы мне эти вопросы.

Вместе с этим письмом опять посылаю донесение в Азиатский департамент и послание к Мартенсу. Может, он заинтересуется им, как профессор международного права, и даст толчок к скорейшему разрешению этих, безусловно, самых важных здесь вопросов. Будьте милостивы, посмотрите все мои донесения с декабря прошлого года, т.е. со времени моего приезда в Кашгарию, и расскажите им, в чём дело, иначе – я не знаю, у кого просить помощи.

Вы, кажется, были благосклонны к китайцам. Если бы Вы пожили здесь с неделю – вся эта благосклонность мигом бы пропала. Надо видеть китайцев здесь, на их окраине, в их домашнем управлении (а не в

портах), чтобы почувствовать к ним совершенное омерзение. Такого скудоумия, тупости, соединённой с величайшим о себе самомнением, я ещё не видел и не знаю ни в каком другом народе. Китайцы, в этом отношении, совершенная противоположность нас, русских: там, где мы себя, сплошь и рядом, напрасно бичуем и оплёвываем, там они себя восхваляют и за дела, за которые нужно бичевать. А главное – это народ без сердца: я не видел ни разу, чтобы китаец ласкал ребёнка, лошадь, собаку, и видел много раз обратное, да и обратное это не так как у нас – не с гнева и раздражения, а бьёт как-то тупо, глупо, на лице не видно, для чего он это делает. Может быть, здесь сброд, преступники, а в Китае лучше. Да, но наши каторжники всё-таки гуманнее здешнего сброда. Этими, кажется мне, качествами и можно объяснить себе то обстоятельство, что Китай может, пожалуй, поработать (да и то ненадолго) другие народности, но не может их цивилизовать, даже и по своему образцу. В семь лет возобновленного своего пребывания в В[осточном] Туркестане они ничего не узнали о том народе, которым управляют, а потому и положение их здесь совершенно непрочно. Вы будете свидетелем моих предсказаний, а они следующие: ещё год, два, много три и китайцы потеряют В[осточный] Туркестан, а мы потом, к стыду нашему, будем завоёвывать его для них обратно.

Положение здесь дел очень натянутое, а так как мне не дают для нейтральной себя охраны порядочного конвоя, а под китайскую защиту мне отдавать себя не лестно (чтобы распороть себе живот в их компании), то, в случае восстания, мне остаётся одно: самому с бунтовщиками взять Кашгар и повергнуть его к стопам. А может... испытать судьбу Адольфа Шлагинтвейта¹⁰⁵.

Искренно преданный и глубоко уважающий Вас
Н. Петровский

РГАДА Ф. 1385. Оп. 1Д. 466. Л. 227 – 228 об.

47

Д.Ф. Кобеко

Кашгар. 27 марта 1884 г.

Глубокоуважаемый Дмитрий Фомич.

Прилагаемое при сём письмо прислал сюда из Ташкента мой родной брат, Сергей Фёдоров[ич], начальник отделения Турк[естанской] казённой палаты. Если Вы можете что-нибудь сделать по этому письму, то крайне меня обяжете. Брат не добивается получить палату и даже не желает этого (в России), но он боится, что Идаров¹⁰⁶, который в по-

следнее время (отчасти [из-] за меня), очень его невзлюбил, не испортил бы ему карьеры. Брат мой – человек очень хороший, служака; кроме службы он ничем не занимается. Идарова же Вы сами знаете. Теперь он действительно сумасшедший. После удара, который с ним случился, он потерял память и отчасти разумение. Я был очень удивлён, когда узнал, что его опять прислали в Ташкент, и прислали совсем больного. Фёдор Карлович может подтвердить, в каком состоянии он застал Идарова в Ташкенте.

Нового у меня много. Во-первых, я прошу усилить свой конвой двумя сотнями, вследствие поданного мне прошения нашими подданными, что они ожидают в Кашгаре волнений и опасаются за свою жизнь и имущество. Мы живём здесь за горами на расстоянии 15 дней езды до первого населённого русского пункта; подданных наших, собственно в городе Кашгаре, более 400 человек; товаров завезено много. На китайцев положиться нельзя, потому что войск у них здесь почти нет. При восстании они, по обыкновению запрутся в кремле, съедят всё, что съесть можно, и потом начнут пороть себе животы и бросаться со стен вниз головою. Окончить жизнь в их приятной компании мне не желательно. Да за консульство я, впрочем, и не боюсь: у меня здесь 12 казаков, 4 т[ысячи] патронов и, кроме того, 12 берданок для джигитов. Я всегда с храбростью уйду отсюда, когда будет нужно. Но мне нельзя оставить без защиты и прикрытия наших подданных, которые, в случае восстания, конечно, прежде всего, бросятся в консульство (а вероятно, не только они, но и их семьи). Прикрыть такую ораву уже будет не возможно, имея всего 12 казаков. Поэтому если мне не пришлют сюда просимых две сотни, мне останется, в случае восстания, только одно средство: самому взять Кашгар. Я несколько не шучу. Я долго об этом думал. Защищаться мне нельзя, но овладеть восстанием – можно. Как я это сделаю, когда будет нужно, долго рассказывать, но это – единственный путь, чтобы спасти себя и других. Итак, кто знает, что в настоящее время в Кашгаре, так сказать, нарождается уже герой в лице искренно преданного Вам автора сих строк.

Во-вторых. В соседстве у меня новый генерал-губернатор¹⁰⁷, а старый – как говорят у нас – «кончал базар», и действительно великий был базар. Новый, сказывают, служил только в строю, и потому отдалённою окраиною будет управлять с успехом и водворит в ней порядок – податную, судебную, городскую и всякую реформу, которых в ней до сего времени не было. Если не возьму Кашгара, то в мае поеду в Ташкент знакомиться.

В-третьих. Я занимаюсь маньчжурским языком, но очень плохо. Прислал мне И.И. Захаров¹⁰⁸ грамматику и словарь; стараюсь, но мало осиливаю. Есть большая вероятность, что маньчжурского языка знать не буду.

В-четвёртых. Убежал у нас вчера арестант, беглый русский казак, чему я очень внутренне рад (хотя часовой пострадал), ибо отправлять

человека под расстрел не совсем приятно. Кроме того, всё-таки маленькое развлечение, по-нашему – томаша: бегают, скачут, весь город подняли на ноги и пр[очее].

Глубокий поклон Ольге Александровне, Вашей матушке, и сестре, и детям.

Глубоко преданный Вам

Н. Петровский

ОР РНБ. Ф. 354. Оп. 1. Д. 93. Л. 15 – 18 об.

48

Д.Ф. Кобеко

Кашгар. 31 марта 1884 г.

Глубокоуважаемый Дмитрий Фомич.

Оптик Негретти и Замбра в Лондоне выслал мне, через Москву, метеорологический инструмент, и на остаточные деньги должен выслать мне ещё буссоль. Я просил его выслать эту буссоль на Ваше имя, памятуя Ваше любезное обещание оказывать мне всякое содействие в занятиях предметами, вызывающими парении духа. Позвольте просить Вас по получении посылки (она маленькая) переслать её, по почте, в г. Ош Ферганской области (на карте найдёте с трудом) уездному начальнику для отправки в Кашгар, мне. Затем, другая просьба: дайте мне в свою очередь, какое-нибудь поручение в Кашгаре. Не нужно ли Вам, например, шёлкового ковра? Они не хороши, но оригинальны и не особенно дороги, рублей 35–40. Другого здесь ничего нет такого, что стоило бы приобретать.

В прошлый раз писал Вам о своих новостях. Могу сообщить ещё. Вчера у нас произошла романтическая, в некотором роде, история. Есть у нас здесь мирза, премилый мусульманин и наш собеседник. Женился он на молоденькой и хорошенькой кашгарке, дал калым 20 тенег (т.е. 2 рубля) и блаженствовал. Сартянку эту вчера переманил какой-то прелестник. Мирза ревёт навзрыд, мы все в волнении, советуемся, утешаем, обсуждаем меры к возврату беглянки – ну словом событие. Даже китайский генерал, наш сосед, и тот встревожился и принял участие в бедном мирзе: прислал ему пять фунтов свинины закусить горе. Но свинина наделала ещё больше бед. Вся прислуга у нас мусульмане. Как только принесли свинину, все в ужасе от неё прочь, с криком; китаец солдат, принесший свинину, в свою очередь перепугался и не знал, что делать. Наконец нашёлся спаситель, конвойный казак, который торжественно уволок эту свинину в свою казарму. Вот наши здешние раз-

влечения. А затем всё остальное таково, что хуже и вообразить себе трудно. Грязь и пыль попеременно, ветер, сыро, холодно, нет уголка, где бы можно было расположиться, хотя с самым ничтожным удобством. Вода горько-солёная, пища – баранина, да палау, чай вследствие дурной воды, почти нельзя пить и пр[очее]. Встаём мы рано, часов в 6, обедаем, как мастеровые, в 11–12, ложимся спать в 10-ть, гулять пешком неприлично, а верхом – надо с конвоем (для важности перед китайцами и мусульманами), что стеснительно, да и окрестностей здесь почти нет. Знакомых, в настоящем смысле, конечно, тоже нет; ездят к нам часто китайцы, но лучше бы они и вовсе не ездили. Такого несимпатичного народа я ещё не видывал. Надменность, тупость, отсутствие всякой любознательности и обжорство; да и обжорство тоже не наше: наш киргиз сожрал сразу полбарана и катается на брюхе. Здесь не так: китаец обжирается понемногу, смакуя, и притом хвастает и говорит невообразимые глупости. Были мы как-то на обеде у генерала, соседа; генерал расхвастался, какой он фафурина (т.е. богатырь) и какие у него ружья. Велел принести одно, заряжающееся с казённой части; затем преважно вынул из стола пулю от револьвера и стал совать её в дуло. Пушки у них – медное бревно, без всяких подставок; четыре человека держат это медное бревно на уровне пояса, а пятый с фитилём осторожно подкрадывается. Раздаётся выстрел: четыре артиллериста шатаются, падают, а пятый бежит без оглядки назад. Сущие клоуны. Приехал генерал ко мне, показал я ему наши ружья и велел казаку выстрелить, без остановок, десять раз. Генерал умилился. Моё войско и ваши казаки, говорит, одно и то же; когда нужно, берите моих, а я буду брать ваших. Затем генерал, как подобает, напился пьян, положили мы его в арбу и отправили домой. Кашгарские мусульмане не лучше китайцев. Нет здесь, среди них, ни учёных, ни образованных; религия расшатана, нравственность – ещё больше, даже самый тип среднеазиатского мусульманина (белая чалма, толстое брюхо, важная походка, сдержанная речь) утрачен: не видно ни чалм, ни хороших халатов, ни широких поясов, ни красивых лошадей. Голь, рвань, колпаки, ослы. Вот где бы нашли себе деятельность наши миссионерские дамы. Надо написать об этом Николаю Андреевичу.

Прошу передать мой искренний привет всем Вашим.

Глубоко Вам преданный

Н. Петровский

Мне можно писать и в Ташкент (Соборная улица, д. Пупышевых), и в Ош (уездному начальнику), и в Нарынское укрепление Степного генерал-губернаторства (воинскому начальнику).

ОР РНБ. Ф. 354. Оп. 1. Д. 93. Л. 19–22.

Кашгар. 14 апреля 1884 г.

Глубокоуважаемый Дмитрий Фомич.

Дошло до меня сведение, что, будто бы, Вы будете участвовать в Туркестанской комиссии. Так называемые «гирсы», уезжая отсюда, наперерыв говорили мне, что мы, де, никогда, никогда не забудем, и обо всём подробно и наиподробно распишем. Послал к ним четыре письма – ни слова, больше писать не буду. Один Новицкий сдержал своё слово. Будьте милостивы, черкните мне несколько строк, что случилось с ревизионными работами нашими, понравились ли они или канули в вечность, что сделала Туркестанская комиссия, и о прочем.

Праздники я провёл так, как хуже быть не может, потому, что при безделье, скука чувствовалась ещё сильнее. Китайцы завалили меня праздничными подарками – ветчиной, хлебом, вяленой рыбой, дичью, прислали даже пять живых баранов и живого быка; но всё это сгнило и выброшено, потому, что есть некому, да и есть одному скучно; осталось живое, которое я не велел резать и которое гуляет теперь по саду, радуя наши взоры. Таким образом, в Кашгарском консульстве в настоящее время состоят: я, секретарь, мирза, бык, пять баранов, серна, кошка, пять собак и ручной ястреб. Весь этот штат, за исключением быка, обедает вместе, в саду.

Рисовать я стал, могу сказать, изрядно – так, что месяца через два буду изображать природу не хуже Пясецкого¹⁰⁹. Пришлю Вам вид Кашгара и нашего помещения.

Мирза мой утешился и женился на другой; вчера праздновали свадьбу; я поплатился 20 рублями на подарок молодой, 12-ти летней девочке, прехорошенькой, но совсем ребёнке. Хотел было сначала запретить свадьбу, но потом раздумал: все здесь так делают, и никому не кажется это безнравственным, да это ли одно... Такого глубокого разврата во всех слоях населения и во всех житейских отношениях, какой существует в Кашгарии, я ещё не видывал, да и в книгах не читывал. Ко мне являются каждодневно женщины с претензиями на наследство мужей их, русских подданных. Тут-то оказываются вещи поразительные. Тысячу раз я возносил восхваление Аллаху (по здешнему Худâ) за то, что выучился языку сартовскому.

На самые важные представления мои Министерство не отвечает более года, и потому я имею полное право говорить: бир биль карамагън джигиткâ лянâт; бир бильдûн сонг, улугкâ лянâт, т.е. проклятие тому служителю, который не ждал года, а через год – проклятие тому начальнику, который не внял просьбе служителя.

Искренний поклон Ольге Александровне, Вашей матушке, сестрице и Вашим

50

Д.Ф. Кобеко

Кашгар. 15 мая 1884 г.

Глубокоуважаемый Дмитрий Фомич.

Письмо Ваше я получил два дня тому назад. Приношу Вам за него и за книги глубокую благодарность. Надо быть в Кашгаре, чтобы вполне оценить и понять ту радость, которую испытываешь, получая письма от знакомых и милых людей. Поэтому благодарность моя Вам – не обычная письменная фраза. Рад я также очень, что Вы в Туркестанской комиссии и занимаетесь Туркестаном. Помните: тащил я Вас в ревизию. Нет, Вы от Туркестана не уйдёте, поверьте мне. Такова судьба. Затем, я не думаю, откровенно говоря, чтобы из Комиссии вышло что-нибудь особенно для Туркестана пригодное: слишком много в ней личной подкладки; всех деятелей я знаю хорошо, знаю также, что им нужно. Абрамов¹¹⁰ – мямля, Куропаткин¹¹¹ – честолюбец и вовсе не голова, Кун¹¹² – мошенник, Проценко¹¹³ – и вашим и нашим, Щербинский¹¹⁴ – знающий Туркестан столько же, сколько и Австралию, там, где поклонники его жены, мой друг Череванский, с претензией на литературу, большой мастер путать все вопросы и сам в них путаться. Затем наши ревизоры – не того, а Фёдор Карлович имеет свой Коран – труды прежней его Степной комиссии – и дальше её не видит. Наконец все знают Туркестан столько же, сколько и Вы, и имеют перед Вами то преимущество, что сохранили в своей памяти большее, чем Вы, количество географических и других названий; Вы же имеете перед ними преимущество беспристрастия.

Труды и разные записки Комиссии я очень желал бы получить. Если пришлётё – весьма одолжите.

О себе скажу немного. Никогда ни одного народа я ненавидел. А теперь глубоко и искренно ненавижу китайцев. Каждый раз я ощущаю особенное, невыразимое удовольствие, когда, по требованию моему (что случается нередко), за своеволие над русскими подданными, дерут палками китайских чиновников. Всякий раз лезет в голову мысль: ах, надо бы побольше, надо бы всех до единого. До такой степени своей мелочностью, надменностью они расстроили мне нервы, что я готов пороть их собственноручно, хоть целый год. Особенно красивы гражданские: такие архивные морды, что беременным женщинам, из опасения родить

архивариуса, положительно смотреть на них опасно. Я прихожу к твёрдому убеждению, что это выродившиеся в людей обезьяны. Вчера мы с секретарём были на обеде у даотая (прокурора всяких дел); всё время он хвастал нам своей учёностью, а затем спросил меня, нет ли у меня трубы, чтобы видеть сердце человека. Я ему сказал, что по русской половице сердце сердцу весть подаёт, и потому у нас труб таких не делают.

Глубокий поклон Ольге Александровне, Вашей матушке, сестрице и детям.

Искренно и глубоко преданный

Н. Петровский

ОР РНБ. Ф. 354. Оп. 1. Д. 93. Л. 25 – 26 об.

51

Д.Ф. Кобеко

Кашгар. 21 июля 1884 г.

Глубокоуважаемый Дмитрий Фомич.

Письмо Negretti et Zambra до меня дошло. Удивляюсь их недоразумению, но вместе с тем удивляюсь их искусству пересылать вещи. Инструменты, которые я от них выписал (метеорологические), все дошли сюда великолепно, а сделаны так, что загляденье. Правда, дороги – 270 рубл[ей] без пересылки – но хороши безусловно. Живу по-прежнему: в постоянной письменной перебранке и в изъядении неизменной дружбы и уважения на словах – с китайцами. Ну и народец! Как я не кровожаден, но был бы несказанно рад, если бы их всех здесь перерезали; да так и будет, в конце концов, потому, что безобразию их здесь несть конца.

Я срисовал здесь место, где был убит Валиханом-тюря, известный Шлагинтвейт и записал рассказы очевидцев его убийства. Картинку эту и рассказы я пришлю Вам со следующим джигитом, на тот конец, во-первых, чтобы Вы видели моё искусство, а во-вторых, для того, может быть, собрав сведения о Шлагинтвейте (я думаю, они есть в любом словаре), Вы возьмете желание мою картинку и рассказы, с биографией Шлагинтвейта напечатать в «Ниве» или «Историческом вестнике».

Что делается в Питере, мне ничего неизвестно; писали мне, по секрету, что меня, будто бы, хотят перевести в Бухару, чего я очень бы желал, но затем дело замолкло. Во всяком случае, я не останусь здесь долго, не смотря на прелести Кашгара, ибо жить и действовать здесь невозможно. В крайнем случае, перейду на частную службу. Пусть прии-

щут тогда охотника сложить здесь свою голову, по примеру Шлагинтвейта.

Низкий поклон Ольге Александровне и всем Вашим
Искренно преданный

Н. Петровский

Если Н.В. Эрк встретится с Менделеевым, то пусть спросит у него, что отвечать мне, и пусть ответит.

ОР РНБ. Ф. 354. Оп. 1. Д. 93. Л. 27 – 28 об.

52

Н.А. Ермакову

Кашгар. 28 июля 1884 г.

Милостивый государь Николай Андреевич.

Желаю поговорить с Вами о своих делах, по секрету. В Кашгаре я остаюсь не в состоянии – не потому, чтобы консульская здесь деятельность была мне не по сердцу, а потому, что здесь нельзя быть никому, в ком есть мало-мальски патриотические чувства и сознание своего человеческого достоинства. Я здесь – защитник и помощник русских подданных, охранитель интересов русской торговли, а между тем я не в состоянии ничего сделать, – я чучело, которое не может пугать даже таких ворон в павлиньих перьях, как здешние китайцы. Договор, во всех его существенных частях давно нарушен, торговля наша стеснена, русских подданных силою вгоняют в подданство китайское, наказывают палками по 1000 ударов и надевают колодки, чуть ли не в моём присутствии; назначенных мною торговых старшин сменяют и гонят вон, – и всё это сопровождается наглыми уверениями в дружбе и искреннем расположении со стороны китайцев и возмутительным равнодушием и молчанием со стороны М[инистерства] и [ностранных] д[ел]. Я просил увеличить конвой консульства в интересах защиты русских подданных на случай восстания, которое, несомненно, здесь произойдёт. Мне отвечали: в случае бунта пригласите русских подданных выехать. Это «пригласите» – верх канцелярского остроумия. Во время бунта подданные наши побегут отсюда, если не будут вырезаны, без всякого приглашения, но побегут, прежде всего, в консульство, где для их защиты имеется всего 10 казаков. Вот это-то в Петербурге и не предусмотрено. А между тем сами китайцы, перед которыми мы так жалко роняем своё достоинство, не в состоянии защитить себя даже при ничтожной вспышке народной против них ярости; они здесь – ничто: у них нет ни нравственной, ни материальной силы. Во всей Кашгарии не наберётся и 3 т[ысяч]

ч[еловек] войска, притом – только треть их вооружена пистонными ружьями, а остальные – пиками. С такой силой при общей ненависти населения, люди эти смеют открыто, нагло бросать нам оскорбления, – и мы молчим и покорно их сносим, да и ещё в такой стране, где всё мусульманство глубоко и искренно убеждено в безмерном могуществе Белого Царя. Если Петербург не желает ссориться с китайцами и смотрит сквозь пальцы на все нарушения договора и насилия над русскими подданными, то, прежде всего, нужно убрать из Кашгара и Кульджи (где совершается то же, что и в Кашгаре) русских консулов. Поэтому я положительно решился поискать себе другого места. Может быть, по старой памяти, М[инистерство] ф[инансов] примет меня обратно в своё лоно. Прошу Вас доложить об этом, по секрету, министру и если на просьбу мою получится согласие – то позвольте просить Вас уведомить меня шифрованной телеграммой, (шифр прилагается), какое место я мог бы получить и при каком содержании. Вы знаете, я человек семейный, и потому вопрос о содержании для меня важен.

Искренно и глубоко преданный

Н. Петровский

Шифр. Гласные не изменяются; согласные ставятся верхние вместо нижних и обратно

б, в, г, д, ж, з, к, л, м, н, п,

р, с, т, ф, х, ц, ч, ш, щ, ъ, ь,

напр[имер] Ермаков: Ебщачосн

РГАЛИ. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 1150. Л. 35 – 36 об.

53

Д.Ф. Кобеко

Кашгар. 16 августа 1884 г.

Глубокоуважаемый Дмитрий Фомич.

Имел удовольствие получить Ваше письмо, на которое тотчас же и отвечаю. Живу очень плохо. Кашгарское консульство либо нужно закрыть, либо прислать на моё место кого-нибудь другого, который согласился бы терпеть и выносить все те оскорбления и насилия над русскими подданными, которые чинят здесь безнаказанно китайцы. Вот уже восемь месяцев как я не имею ни минуты душевного покоя: постоянно озабочен, раздражён, нервно расстроен. Прибавьте к этому полное отсутствие всякого намёка на какое-нибудь удобство жизни. Стали уже мы (я и секретарь) затрудняться в русской речи: хочешь сказать что-нибудь – и в голову лезет, прежде русского, сартовское слово. При

таком состоянии духа и тела, конечно, спокойным занятиям предаться трудно, несмотря на весь интерес, который представляет, сама по себе, Кашгария.

Бухару получить я очень желал бы, и назначение туда другого буду считать личной для себя обидой. Хочу проситься опять в лоно Министерства финансов. Бог с ней Кашгарией и даже Бухарой.

Мои живут в Ташкенте благополучно. Таля кончила курс и получила золотую медаль. Женя перешла в 6-й, т.е. предпоследний, а Коля в 5-й класс. Тратят они у меня много денег, так что надежд на предполагавшиеся сбережения – мало. Да и в Кашгаре оказывается жить не дёшево, по крайней мере, мне, не смотря на дешевизну жизни вообще. У меня здесь пять верховых лошадей – подарки, которых неловко продать и которые стоили мне вдвое дороже их цены. Затем то и дело появляются какие-то личности, родственники и без того многочисленной прислуги; сначала они скромно делают, по утрам мне салям, схватывая себя за живот, затем скромно носят воду, метут двор, а потом мало-помалу присосеживаются и остаются на постоянное жительство, таская дрова, уголь и всё, что попадётся под руку. В настоящее время, кроме 33 казаков, у нас живут около 12 человек, 3 бабы, детей видимо-невидимо. Многих из них я совсем почти не знаю. Хозяином я никогда не был, и сделаться им теперь, кажется, поздно. Консульство кашгарское, в его теперешней обстановке, являет вид цыганского табора или казацкого коша древнейших времён.

На зиму мы уедем в Ош, т.е., иначе говоря, в Ташкент, до которого из Оша четыре дня езды. Может статься, зимой немного поправлюсь.

Усердный поклон Ольге Александровне и всем Вашим.

Ваш всегда

Н. Петровский

ОР РНБ. Ф. 354. Оп. 1. Д. 93. Л. 29 – 31 об.

54

Г.П. Небольсину

Кашгар. 18 августа 1884 г.

Милостивый государь Григорий Павлович.

Письмо Вашего высокопревосходительства я имел удовольствие получить давно, не отвечал же на него потому, что предполагал Вас за границей, на отдыхе, где слезливые письма из Кашгара несвоевременны. Теперь, полагаю, Вы уже возвращаетесь к всегдашним многочисленным занятиям Вашим, не всегда приятным; значит, одно скучное письмо не будет исключением.

В Кашгаре всё по-прежнему, т.е. наглость и предерзость китайцев, с постоянными уверениями в искреннем расположении к русским вообще и ко мне в особенности, насилия и притеснения русских подданных, постоянное нарушение самых существенных статей договора – и молчание со стороны Министерства иностранных дел. При таком положении слушать здесь очень трудно, не смотря на весь интерес, во многих отношениях, который представляет Кашгария. Народ здесь совершенно иной, чем в других странах Средней Азии, язык – с резкими отличиями и особенностями от общего тюркского языка среднеазиатцев, мусульманство под влиянием китайских обычаев так расшаталось, что его, можно сказать, совсем не существует, древностей – пропасть, промышленность характерна, даже денежный курс такой странный, что я его никак не пойму: бумажный наш рубль стоит здесь 85 сер[ебряных] копеек, а серебряный наш рубль – 90 копеек. Значит, жить здесь было бы можно и учиться есть чему, если бы не китайцы и если бы, по крайней мере, нашему консульству было оказано побольше внимания и поддержки.

С чувством глубокого и искреннего уважения имею честь быть Вашего высокопревосходительства покорным слугой
Н. Петровский

РГИА. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 116. Л. 8 – 9 об.

55

Г.П. Небольсину

Ташкент. 20 октября 1884 г.

Милостивый государь Григорий Павлович.

Письмо Вашего высокопревосходительства, которое я получил здесь, в Ташкенте, куда приехал на время по семейным делам, меня искренне порадовало: приятно получать такие письма, на дальней окраине, от людей, которых любишь и уважаешь. Рад также, что Вы находитесь в добром здоровье, бодры и свежи для предстоящих Вам зимних трудов, в число которых, вероятно, попадёт и проект (опять злополучный) положения о Туркестанском крае. Читая теперь протоколы Игнатьевской комиссии, я вижу, что там разыгрывались страсти – «бушевало там сердце, не ум», и потому, при неумении Фёдора Карловича защищаться и в порядке излагать свои мнения – вышло что-то неладное. Хотелось бы мне, поэтому, прислать Вам этот проект для сведения с моими краткими замечаниями на полях оного.

В Кашгаре, куда я через две недели возвращаюсь, пренебрегая перевалами через местные монбланы, у меня война – на бумаге с китайцами. Отдаю им полную справедливость в том, что кляузники и крючки они отличные: и пишут и отписываются на славу; но толку от этого ника-

кого не выходит ни для них, ни для меня; следовало бы кого-нибудь из нас прогнать – либо их, либо меня. Вы, вероятно, изволили уже читать («Нов[ое] вр[емя]», № 3088) лестный для меня отзыв англичанина, проживающего в Яркенде¹¹⁵. Значение нашей торговли в Восточном Туркестане этот англичанин значительно преувеличивает, а моё в этой торговле значение – ещё больше¹¹⁶. Mr. Dalgleish, очевидно, пугает индо-англичан и вызывает на *revanche** в Кашгаре за Мерв. Впрочем, в конце концов, он наделает мне хлопот, ибо даёт китайцам взятки и науськивает их на нашу торговлю и наших торговцев-мусульман.

О курсе нашем я буду писать особо, ибо чувствую, что у меня ещё большой туман в голове, из которого я не могу до сего выбраться.

Посылаю Вашему высокопревосходительству и прошу принять дюжину шёлковых платков. Они будут напоминать Вам о Вашем преданном и покорном слуге, а вместе с тем служить образцом дешевизны (6 рублей) и изящества (относительного) здешних местных шёлковых произведений.

С чувством глубокого уважения и искренней преданности имею честь быть Вашего высокопревосходительства покорным слугою

Н. Петровский

P. S. Посылку высылаю на имя Александра Григорьевича¹¹⁷ в Департамент торговли, ибо адреса Вашего не знаю.

РГИА. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 116. Л. 10 – 11 об.

56

Ф.Р. Остен-Сакену

[Ташкент. 1884 г.]

Глубокоуважаемый Фёдор Романович.

Исполняя данное обещание, посылаю новые мои донесения в Азиатский д[епартамен]т и посланнику. Положение в Кашгаре, можно сказать, почти критическое; кажется сего в Петербурге не сознают или сознают мало; я же сознаю вполне ясно, что во всей предстоящей передрыге мне придётся играть тяжёлую и ответственную роль, и вынести всё на своих плечах и по своему разумению, ибо никаких указаний не только подробных, но и самых общих мне не дают. Тяжела шапка Мономаха – правда, но если она станет дурацким колаком – того хуже. Кроме китайцев у меня завёлся теперь в Яркенде англичанин, ловкий и шустрый, будет он науськивать на нас китайцев, и, без поддержки, бороться с ним будет трудно.

---

* Реванш (*фр.*).

Если где-нибудь будет возможность помочь нам – помогите, неужели же у всех в Петербурге «одебеле сердца и ушами своима тяжко слышат»¹¹⁸.

Искренно и глубоко преданный

Н. Петровский

Р. С. А хорош Н.А. Ермаков. Месяц тому назад телеграфировал ему, что у губернаторов истощились все пропускные в Кашгар билеты и пропускать наших купцов китайцы не станут, – ни слова.

РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 466. Л. 352 – 352 об.

57

Ф.Р. Остен-Сакену

Ташкент. 23 октября 1884 г.

Глубокоуважаемый Фёдор Романович.

Письмо Ваше, которое я получил здесь в Ташкенте, куда приехал на время по семейным делам, несказанно меня обрадовало: я уже думал, что Вы совсем забыли меня. С тем, что Вы мне пишете, я соглашаюсь только наполовину. Я искренно благодарен Вам за моё назначение в Кашгар, и нисколько не раскаиваюсь, что принял должность консула: я сделал всё, что было в моих силах и возможности без указаний и поддержек (много раз просимых и не данных) Министерства. Если такие господа, как индо-англичане (см. «Times» в окт[ябре] н[ового] ст[илия]) стали опасаться моего пребывания в Кашгарии – значит, я живу там не даром. Я не стану писать Вам, что именно мною сделано, но отныне я начинаю сообщать Вам в копиях всё, о чём пишу в Министерство. Препрежние мои донесения я вышлю Вам в копиях из Кашгара (если, впрочем, мне дадут отсюда военного писаря, добровольцев найти в Кашгаре нельзя). Таким образом, собою я доволен. Другое дело Министерство; тут я с Вами совершенно согласен. Я чувствую, я предугадываю уже давно, что ни одно моё донесение не только не рассматривается, но, кажется, едва ли и читается: на все, самые существенные, вопросы я не получил даже общих указаний, которыми я мог бы руководствоваться. Если дело пойдёт так и в будущем, то, конечно, я уйду из Кашгара, и пусть тогда Министерство найдёт на моё место лицо, которое знало бы по-тюркски (что, безусловно, необходимо, т. к. русско-китайских переводчиков нет), согласилось бы жить в конуре под ежедневным страхом необходимости защитить (с 12-ю казаками) 200 русских подданных и их семьи, в случае всегда возможного и всегда ожидаемого восстания и, наконец, на все свои донесения получало бы гробовое молча-

ние. Откровенно, между нами говоря по секрету, я уже писал то же самое, что пишу Вам, Н. А. Ермакову и просил его передать от меня Бунге, что, может статься, мне придётся опять возвратиться в лоно Министерства финансов. Жаль, право, бросить это место, а кажется, что, в конце концов, другого ничего не останется. Теперь мне предстоит писать отчёт, который должен быть в Петербурге к 1-му марта будущего года. Материалов много, вопросов тоже, – отчёт мог бы быть очень интересным, но, зная будущее к нему равнодушие, опускаются руки писать¹¹⁹.

Затем сообщу Вам мою семейную новость. Вы, кажется, видали моих дочерей; старшая, вышедшая нынешний год из здешней гимназии (с золотой медалью), выходит теперь замуж за здешнего управляющего Контрольною палатою, князя Вяземского¹²⁰. В марте месяце я опять приеду в Ташкент к ним на свадьбу.

Уезжаю отсюда через Нарын, чрез две недели.

Благодаря моим личным усилиям (Министерство отказало в 500 р.) и любезности двух ген[ерал]-губернаторов, мы имеем теперь почту из Нарына и из Оша. Поэтому адреса следующие:

1) г. Ош Ферганск[ой] области, начальнику уезда, для доставки в Кашгарское консульство.

2) Нарынское укрепление Семиреч[енской] области, воинскому начальнику для доставления туда же.

Искренно и глубоко Вам преданный

Н. Петровский

РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 466. Л. 229 – 230 об.

58

Ф.Р. Остен-Сакену

Ташкент. 25 октября 1884 г.

Глубокоуважаемый Фёдор Романович.

Исполняя данное обещание, посылаю при сём копию донесения моего в Азиатский департамент. Копии прежних донесений будут Вам высланы из Кашгара. Жалею, что не могу теперь выслать Вам копии донесений, посланных отсюда, т.е. в течение нынешнего пребывания моего в Ташкенте (отпуски отправлены в Кашгар). Однако же скажу, что донесения эти касались:

1) О кашгарских выходцах, которые, будучи в течение более 6 лет у нас непристроенными, массами возвращаются в Кашгар. Я встретил по дороге 150–200 безбилетных людей, которые наделают мне больших хлопот.

2) О пропускных билетах, которые у всех губернаторов давно истощились и о чём писано Д[епартамен]ту девять месяцев тому назад, повторно телеграфировано. Билеты неправильные, т.е. не по договору, которые теперь выдаются, чуть ли не каждым уездным начальником по собственной форме, служат предметом стеснений наших торговцев и неистощимых препирательств моих с китайскими властями.

3) О мерах, принимаемых китайцами к стеснению наших торговцев-мусульман и об убытках, понесённых ими от не пропуска в другие, кроме Кашгара, города В[осточного] Туркестана.

4) Об англичанине, проживающем в Яркенде, и об его науськивании китайцев на наших торговцев.

5) Об афганском отряде, появившемся в Вахане, и о посылке туда моего разведчика.

6) Об устройстве консульства, помещения и пр.

Вот чем, в течение моего теперешнего (месячного) пребывания в Ташкенте, обеспокоил я Азиатский департамент. Кажется, не бездействию, а толку не много, ибо ответы едва ли получу. Когда же перестанут у нас вершать дела (по словам Щедрина¹²¹) «измором».

Искренно преданный Вам

Н. Петровский

РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 466. Л. 231 – 232 об.

59

Д.Ф. Кобеко

Ташкент. 25 октября 1884 г.

Глубокоуважаемый Дмитрий Фомич.

Два уже письма получил я от Вас и не отвечал на них. Причина сего заключалась в том, что первое письмо я получил перед отъездом сюда, в Ташкент, а второе – очень недавно. Вырвался я в Ташкент по случаю двойного выхода моей дочери Тали: из гимназии (с золот[ой] медалью) и замуж. Выходит она за кн[язя] Вяземского, здешнего управляющего Контр[ольною] палатою. Свадьбу я отложил до весны: пусть немного осмотрится дома. В марте опять приеду в Ташкент, а теперь, пробыв здесь с месяц, скоро уеду обратно в Кашгар через Нарын. Чувствую, что придётся опять, по-прошлогоднему, помучится в горах, но делать нечего: без меня китайцы уж больно высоко подняли носы. Теперь с новой джунсой, т.е. по-нашему, в новой форменной шляпе и в чине дарина, т.е. превосходительного¹²², я покажу им, какой я фафурина, т.е. богатырь.

Вы пишете о монетах. Давно уже они у меня собираются. Коля состоит их хранителем и имеет теперь в своих руках более ста штук монет

и около десяти печатей на сердолике. Монеты эти собраны мною, однако же, не в Кашгаре, а в Фергане и Самарканде: в Кашгаре пока ничего не приобретено по нумизматической части. По письменной же – добыта рукопись «Тазкира – и ходжаган», т.е., воспоминание о (кашгарских) ходжах, – рукопись по извлечениям из которой (доставленным Валихановым¹²³) покойный В.В. Григорьев¹²⁴ написал многие прекрасные главы своего «В[осточного] Туркестана». Однако оказывается теперь, что главы эти страдают весьма существенными ошибками. «Тазкира – и ходжаган» я переведу и напечатаю с примечаниями.

В Ташкенте никаких мероприятий пока не предпринимается. Ген[ерал] Розенбах, кажется, будет недурным генерал-губернатором, судя по его сдержанности, осторожности и мнениям о предстоящей ему деятельности, которые он мне высказывал.

Познакомился я и с Н.В. Чарыковым, который передал мне Ваш поклон. Сказать теперь о нём ничего не могу. Думаю, что будет ему трудно и, главное, потому, что не знает языка, что на его посту почти безусловно необходимо.

Прошу передать мой низкий поклон Ольге Александровне и Вашему семейству. Высылаю Вам дюжину здешних шёлковых платков (такие же послал Григорию Павловичу). Вынимая их из кармана, будете вспоминать искренне преданного и уважающего Вас

Н. Петровского

ОР РНБ. Ф. 354. Оп. 1. Д. 93. Л. 32 – 33 об.

60

Д.Ф. Кобеко

Ташкент. 1 ноября 1884 г.

Глубокоуважаемый Дмитрий Фомич.

Благодарю Вас за присылку вырезки из «Нов[ого] вр[емени]». Ранее я получил эту заметочку в вырезке из «Times», где она была напечатана. Как ни лестен для меня отзыв Mr. Dagleish'a, но сей английский кавалер наделает мне немало хлопот. Он остаётся на целую зиму в Яркенде и, конечно, станет науськивать китайцев, с которыми, по-видимому, очень сдружился, на нашу торговлю и торговцев. Придётся, поэтому, воевать с китайцами – на бумаге, разумеется, на что они великие мастера.

В Ташкенте остаётся мне пробыть немного, дней пять; впереди тяжёлый путь – не такой, правда, как в прошлом году через* Ош, но всё-

* Далее зачёркнуто: «Нарын».

таки тяжёлый: от Ташкента до Нарына на санях, а там верхом мимо Чатыр-Куля.

Новостей в Ташкенте мало; всё пока тихо и благопристойно, жаль только, что знаний мало, или, вернее, совсем нет, а окружающие, наши прежние здешние деятели, только сими знаниями тщатся ослепить, а в сущности оных не имеют.

Наш Идаров решительно невозможен: он, кажется, окончательно мешается и чудит так, что все только диву даются. Живёт в доме (и вместе) с некоею сартянкою, Калям-биби, говорит, что она ангел, посланный с небеси его покоить, а между тем у этого ангела чуть ли не публичный притон таких же, как она, ангелов. По ночам гудки, сопели и всяческие мерзостные игрища.

Буду Вам писать из Кашгара.

Низкий поклон Ольге Александровне и Вашей семье

Искренно преданный

Н. Петровский

ОР РНБ. Ф. 354. Оп. 1. Д. 93. Л. 34 – 35 об.

61

Ф. Р. Остен-Сакену

Ташкент. 5 ноября 1884 г.

Глубокоуважаемый Фёдор Романович.

Исполняя данное обещание, препровождаю при сём копию донесения моего нач[альнику] Азиатск[ого] д[епартамен]та (таковое же послано и посланнику).

Перемена личного состава в В[осточном] Туркестане очень неблагоприятна для положения наших дел там. Чжан, правитель Кашгарии, при всех его китайских недостатках, всё-таки был джентльмен, расположенный и лично ко мне, и к русским, засевший же на его место даотай Хуанг – величайшая дрянь во всех отношениях: проходимец, взяточник, развратник и, как все низменные люди, дорвавшиеся до важного поста, опьянённый своей властью и значением. Если нас не будут деятельно поддерживать, то положение моё будет гнусное в полном смысле слова.

Через три дня выезжаю и наведуясь опять в апреле на свадьбу дочери.

Будьте любезны, уведомите при случае, что за личность наш посланник в Пекине¹²⁵; я его совсем не знаю и прежде никогда о нём не слышал.

Попал мне случайно в руки проект консульского устава. Кто его стряпал? Очень он легкомысленный. Замечания мои о нём сообщу лично

Вам, ибо Министерство их не просит. Пример – ст[атья] 2-я: «При испол[нении] консулами возлож[енных] на них обязанностей, они руководствуются международными трактатами, установл[енными] законами, инструкциями и местными обычаями». Местный обычай в Кашгарии – бить купцов палками, если они долгов не платят. Может это делать русскому консулу?

Искренно и глубоко Вам преданный

Н. Петровский

РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 466. Л. 233 – 234 об.

62

Д.Ф. Кобеко

Кашгар. 7 января 1885 г.

Глубокоуважаемый Дмитрий Фомич.

Приношу Вам, Ольге Александровне, Вашей матушке, сестре и всем чадам Вашим поздравления с Новым годом. Давно уже, кажется, не писал я Вам. Разные семейные и др[угие] дела и хлопоты совсем захватили всё моё время. Теперь я опять в Кашгаре, среди ненавистных мне китайцев. Лучший из них человек, до некоторой степени, мой приятель, правитель Кашгарии сановник Чжан Лаушай, во время моего отсутствия, уехал воевать с французами¹²⁶; осталась самая негодная дрянь, которую чем скорее вырежут, тем лучше, а вероятие в возможности сего события становится всё более и более очевидным. Министерство наше – Бог его знает – либо не хочет этого знать, либо не в состоянии понять. Англичане, путём афганцев, охотятся на Кашгар и, в случае бунта, предупредят нас, послав в Кашгар своего мусульманского ставленника. Недавно один, преданный мне, человек был в Яркенде и навестил англичанина, живущего там под видом купца, но торговлею не занимающегося. Кажется, в числе других поручений, он обязан и следить за нами, т.е. за консульством. Mr. Dalgleish напился с моим чловечком пьян, языки развязались. С замечательной откровенностью с указанием на карте он рассказал свои опасения и намерения англо-индийского правительства преградить нам, русским, возможный, якобы, путь в Индию через Сарыкол к Кашмиру. К сожалению, у меня нет никаких денежных средств на дела разведческие; иначе я, по примеру англичан, давно бы послал надёжных людей и в Гильгит, и в Канджуг, и в Кашмир.

Мои все здоровы и, по-видимому, не особенно скучают в Ташкенте. Брат мой, Сергей, нач[альник] отд[еления] Турк[естанской] казён[ной] палаты, возымел намерение сочетаться браком, чего я, впрочем, не одоб-

ряю, ибо он слишком уже скромнен, а невеста нецелесообразно бойка. На лето думаю привезти сюда, погостить жену и детей. Для доставки их сюда устраиваю теперь выючный экипаж: корзину на двух длинных шестах, которую должны понести две лошади (конный паланкин).

Один из моих английских термометров разбился. Я послал его (и деньги на покупку другого или исправления старого) к Негретти, прося выслать исправленный на Ваше имя. Будьте любезны, перешлите в Ош, уездному начальнику, и простите за причиняемое беспокойство.

Рисунок места смерти Шлагинтвейта я вышлю скоро; прежний залили маслом, а перерисовывать не было времени.

Сейчас обжёг руку, не могу продолжать.

Искренно преданный

Н. Петровский

ОР РНБ. Ф. 354. Оп. 1. Д. 93. Л. 36 – 37 об.

63

Д.Ф. Кобеко

Кашгар. 6 февраля 1885 г.

Глубокоуважаемый Дмитрий Фомич.

Арзамуз бар, таксыр, т.е. просьбу к Вам имеем, повелитель. Так начинает своё прошение каждый мусульманин, приходящий к эмиру, бекам, русским властям. Наша просьба состоит в следующем. По новому положению для Туркестанского края, в оном будет учреждён, как Вам известно, Комитет по земским делам, в котором, в среде членов, будет заседать и особый чиновник Министерства финансов (из Казённой палаты). Брат мой Сергей, начальник отделения этой палаты, желал бы получить означенную должность. Нельзя ли просить Вас оказать ему в исполнении сего желания Вашу благосклонную помощь? Много бы обязали нас этим.

Живу по-прежнему, день за день, нынче как вчера. Настал китайский Новый год, с которым, за прошествием русского, не лишним считаю Вас поздравить. Визиты, как и у нас. Вчера был у меня зун-тун Дун-дарин, здешний главнокомандующий, безграмотный солдат, нечто вроде китайского бурбона. Нас, т.е. консульство, он очень полюбил, а потому, как истые сыны двух дружественных держав, мы истребили порядочный запас и русской водки и китайского джужа. Новый год, впрочем, у китайцев вышел не весёлым. Сын неба, очевидно, чуждый интересам земли, уже три месяца не высылает сюда презренного металла на жалованье войскам и чиновникам. Китайцы, было, приуныли, но затем одумались и прибегли к займам – в форме вымогательства у

своих купцов, а для скорости – и в форме, который у нас, людей не Поднебесной империи, зовётся дневным грабежом. Внедрение в умы заимодавцев благодетельных последствий совершаемой меры производилось посредством палочных ударов по той части, которая в мыслительном процессе, как известно, не участвует. Накануне Нового года китайский караульный генерал, не имея средств уплатить хоть часть жалованья своим войскам, взял у меня взаймы 500 руб[лей] и был настолько глуп, что прислал своих подчинённых благодарить меня за эту милость и отдал приказание встречать меня тремя пушечными выстрелами, когда я проезжаю через городские ворота. Сегодня от этой любезности мы чуть было не попадали с испугавшихся лошадей. Теперь я сильно занят составлением отчёта, который на днях будет готов и выйдет, смею думать, недурным. Пришлю с него копию в Министерство финансов.

Мои все здоровы и просили передать Вам и Вашим поклоны и пожелания всего лучшего.

К сим пожеланиям присоединяюсь и я, прося Вас передать Ольге Александровне, что меня крайне удивляет неполучение от неё новых заказов на оренбургские платки.

Искренно преданный и глубоко уважающий Вас
Н. Петровский

Р. S. Николай Андреевич совсем мне не пишет. Р. P. S. Посылаю в Вашу библиотеку образец ташкентской подпольной музыки. Стихи напечатаны в Ташкенте, касаются губернатора Гродекова¹²⁷. Бах – Розенбах. Путинчиха – жена начальника города Путинцева¹²⁸, банкир Станислав – содержатель банковской конторы Янчевский. Обезглавил – уничтожил должность городского головы, передав его обязанности начальнику города. Стихи, впрочем, преглупые.

ОР РНБ. Ф. 354. Оп. 1. Д. 93. Л. 38 – 39 об.

64

Ф.Р. Остен-Сакену

Каушгар. 4 марта 1885 г.

Глубокоуважаемый Фёдор Романович.

Посылаю Вам при сём копию донесения ферг[анского] губернатора, сообщённую мне генералом Розенбахом. Из неё Вы изволите усмотреть, что всё, что предсказывал год тому назад Ваш покорный слуга, начинает исполняться. Вероятно, копию эту Вам не покажут, потому-то я её и посылаю, присовокупив, что всё, в копии изложенное, верно и что мне

известно ещё нечто большее, но, боясь прослыть за беспокойного человека, я, до времени, воздерживаюсь от сообщения оного. Сюда, т.е. на границу Кашгарии, собираются почти все авантюристы Средней Азии: старший сын бухарского эмира Катта-тюря, наш бунтовщик в Фергане Абдулкарим-бек¹²⁹ (говорят, оба уже из Кабула приехали), все пансады¹³⁰ Якуб-бека (два: Мадсаид и Мадкарим уже, по слухам, в афганском отряде) и пр. и пр. Что же станут делать в Питере, если афганцы действительно двинутся даже к Сарыколу только? (После занятия Сарыкола Яркенд и Хотан взбунтуются). Я не имею на этот счёт никаких указаний, неужели же мне прикажут выехать, оставив здесь на разграбление наших подданных купцов? Если так, то дали бы знать ранее: тогда я успел бы предупредить купцов и предложил им уезжать понемногу, постепенно.

На днях я посылаю в Азиатский департамент отчёт наш, а Вам копию. Прошу Вас особенно обратить Ваше внимание на вторую часть оного (деятельность консульства, административная, судебная и политическая) и высказать о ней Ваше мнение, прямо, без всяких оговорок. Вы знаете, что мнением Вашим я дорожу особенно, и хотя не надеюсь долго продолжать мою дипломатическую (или, вернее, консульскую деятельность), но всё-таки хотел бы знать мнение такого опытного человека, как Вы – как она была начата мною, новичком, и в новом консульстве, где я не имел рутины предместников. Что же касается первой части, то эта – передовая статья газеты. Первая часть могла бы составить книгу, и она будет составлена только не для Министерства, а после, для других.

Я давно уже не писал Вам о моих частных занятиях. Прекрасными инструментами (выверенными в Лондоне) «Негретти и Замбра» я сделал здесь порядочное количество наблюдений. По окончании отчёта займусь приведением их в порядок. Затем я снял здесь, секретно, город Кашгар и начертил его план, собрал кой-какие книги, а главное достал «Тазкира – и ходжаган» (которой так дорожил Григорьев, зная её по выпискам Валиханова) и в самой мечети ходжей списал надписи (писал мирза) с их гробниц. Оказывается, что покойный Василий Васильевич, браня Риттера¹³¹, и сам немало погрешил. Теперь учусь по-персидски, чтобы стать окончательно муллой и затем, как свойственно всем русским, этим знанием не воспользоваться.

Искренно и глубоко преданный

Н. Петровский

Р. S. Посылаю копию телеграммы (частью шифрованной) по поводу событий, только что узанных.

РГАДА. Ф. 1385. Он. 1. Д. 466. Л. 236 – 237 об.

Кашгар. 28 марта 1885 г.

Глубокоуважаемый Дмитрий Фомич.

Утомился я страшно от этой проклятой дипломатической деятельности. В Кашгарии вовсе не консульский пост, а дипломатический: торговля небольшая, а разных политических дел пропасть. Уже с прошлого года начали носиться здесь слухи о движении из Бадахшана афганцев для занятия Кашгарии. Теперь отряды эти (два) пришли и стоят в Вахане, недалеко от кашгарской границы; ожидается затем ещё отряд кашмирского раджи, который должен, будто бы, придти к перевалу Санджу и занять Хотан. Переполох, разумеется, страшный. Вчера гражданский губернатор сломя голову прискакал ко мне предупредить, что нужно быть осторожным, так как слухи об отрядах могут вызвать волнение в народе, и намекал о помощи нашего конвоя. Совсем эти китайцы потеряли голову: помощь сорока казаков! Если отряды перейдут границу, придётся, кажется, отсюда уехать, а, между тем, уехать бы не хотелось: в отрядах, слышно, все знакомые лица, в некотором отношении даже приятели; надо бы было посмотреть, что будет. При всём том, однако же, предосторожности мы приняли, сделали запасы хлеба, яиц, фуража, усилили караулы, распределили роли – словом, объявили себя на положении усиленной охраны. Спим больше днём, а ночью бодрствуем. На крыше заготовили факелы на случай ночного нападения. Сами мы не трусим, ибо, имея 50 берданок и 4 т[ысячи] патронов не только охранимся, но и, пожалуй, возьмём Кашгар; боюсь за купцов, особенно если все они, с жёнами и семьями, нагрянут (успеют нагрянуть) в консульство: защитить эту безоружную и трусливую ораву будет трудно. Из всего вышесказанного Вы изволите усмотреть, что жить здесь не особенно сладко, особенно при сознании, что там, у Вас, на положение наше внимания не обращается. Хотел бы я, поэтому, вновь возвратиться в лоно Министерства финансов или в какое-либо другое лоно. Не посоветуете ли мне чего-нибудь на этот счёт? А, может быть, и поможете.

Дома у меня всё благополучно. Надо бы ехать в Ташкент на свадьбу дочери, да не могу по случаю всех этих тревог.

Прошу передать моё почтение Ольге Александровне и всем Вашим
Искренно преданный

Н. Петровский

Ф.Р. Остен-Сакену

Кашгар. 17 апреля 1885 г.

Глубокоуважаемый барон Фёдор Романович.

В 1874 или 75 гг., 16 декабря, (№ 202), писал я П.Н. Стремоухову письмо (за которое был Вами похвален) о горных бекствах к югу от Бухары. Копии этого письма у меня нет, и потому я не могу прислать её Вам. Но если Вас ещё интересует Ср[едняя] Азия, то Вы можете достать моё письмо, прочтя оное, благоволите усмотреть в нём мои предсказания тех событий, которые ныне, кажется, имеют совершиться. Я писал тогда, что Англия может сделать из Гиссара, Куляба, Дарваза (и даже Каратегина) новый для нас Кавказ. Кажется, так теперь и будет. По точным сведениям, мною полученным, среди населения этих бекств, а также между нашими алайскими (и вообще южно-ферганскими) киргизами распространяются афганцами воззвания о газ[ав]ате не только против нас, русских и китайцев, но и против бухарского эмира, ставшего будто бы слугою русских и кяфиром. Но это ещё не всё: ходят здесь также слухи, что в Файзабаде (в Бадахшане), Ишкашиме, Гильгите живут и разъезжают английские джарналь (так и говорят – джарналь) с прислугой, которая возит, будто бы, с собой телеграфную проволоку. Положим, слухи эти базарные, но всё-таки что-то правдивое в них есть. О проволоке, привезённой из Скарду в Ладак (Лех), и о каких-то длинных бурах мне рассказывали уже два хаджи, возвратившиеся сюда через Ладак из Мекки.

О китайском владычестве в Кашгарии я буду отвечать на Ваше письмо особо. Я не могу согласиться с Вами в этом предмете. По моему мнению (тоже думал и Кауфман) Кульджа должна быть наша¹³², а в Кашгарии следует посадить нашего вассала, мусульманского бека, на положении эмира бухарского.

Знаете ли Вы ген[ерала] Розенбаха? Всякий раз я забываю написать Вам о нём. Если был плох Кауфман, плох Черняев, то этот хуже всех, потому, что ровно ничего не знает ни вообще в гражданском управлении, ни в частности Азии. А между тем затей много. Нечастная страна, наш Туркестан.

Закончу песенкой, которую поют здесь на улицах (знамени[е] времени).

Ярбакка урус кильди
 (город[ские] (русские) (пришли)
 ворота, где
 консульск[ий]
 дом)
 Солдатларини бешлаб
 солдат во главе
 Ладарин кучуб качты

(прав[итель] (вскочил) (бежал)
Кашгарии)
Ингишарни ташлаб
(Нов[ый] город, (бросил)
Янгишар)
Тиререт, тиререт томаша
(подражание песням казаков) (зрелище)
Килиатур Ак-Падша
(придёт, должен (Белый Царь)
придти)

Искренно преданный и глубоко уважающий Вас
Н. Петровский

РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 466. Л. 238 – 239 об.

67

Н.А. Ермакову

Кашгар. 28 мая 1885 г.

Милостивый государь Николай Андреевич.

Одновременно с настоящим письмом я посылаю, официально, Вашему превосходительству отчёт вверенного мне консульства за прошлый год, – отчёт полный, т.е. не только о торговле Восточного Туркестана, но и о политическом его положении и деятельности консульства. Посылая, в таком виде, отчёт по старой памяти совместного служения и личного к Вам уважения, я прошу Вас обратить внимание, что все его части, за исключением торговой, секретные; поэтому было бы желательно, чтобы в отделение эти части не передавались. Отчёт же торговый, если признаете не лишним, можно напечатать.

Из отчёта этого Вы усмотрите, в каком положении находится Восточный Туркестан, русское там консульство и Ваш покорный слуга. И то, и другое, и третье весьма плачевно. Да простит Бог Бюцова¹³³ за тот безобразный договор, который он заключил с Китаем, и тех, кто отдал китайцам Кульджу. Десять лет тому назад писал я П.Н. Стрёмухову о горных бекствах, лежащих к югу от наших среднеазиатских владений, обращая его внимание, что там может быть создан для нас новый, гораздо хуже прежнего, Кавказ. Теперь предсказания мои сбылись. Шугнан, Рушан, Вахан заняты афганцами (Бадахшан занят ранее); виды их простираются на Гиссар, Куляб, Дарваз. Но это ещё не всё. При слабости китайцев в Восточном Туркестане, их материальном и нравственном упадке, давней ненависти к ним населения дни их здесь сочтены, и

Англия руками афганцев или населения, прогонит отсюда китайцев и посадит в Кашгаре своего ставленника (припомните посольства к Якуббеку с целью забрать его в свои руки). Тогда район английского влияния охватит весь хребет Тянь-Шаня и врежется в наше Семиречье. Мутить, затем, горное население (киргиз[ов] и кипчаков) дёшево и легко, а держать в Туркестане русские войска, на случай киргизских смут, и дорого и трудно. Вот как разрастается теперь среднеазиатский вопрос. Хотел я, было, написать об этом подробно и обстоятельно, да боюсь, ибо «одебеле их умы и ушама своима тяжко слышат».

Живя в Восточном Туркестане, знаю кой-что и о Туркестане Западном, откуда, по соседству доходят до меня слухи. Хотя «хикаят» (истина не обида) говорят учёные сарты и умные люди вообще, но в Ташкенте хикаяты не требуются и ими обижаются, а дела идут не лучше, чем и при знаменитом *enfant terrible** Михаиле Григорьевиче.

Искренно преданный

Н. Петровский

Р. S. Прошу засвидетельствовать почтение Вашей супруге.

РГАЛИ. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 1150. Л. 37 – 38 об.

68

И.А. Зиновьеву

Кашгар. 1 июня 1885 г.

Милостивый государь Иван Алексеевич.

Имею честь почтительнейше просить Ваше превосходительство дозволить мне, в конце июля сего года, отлучиться на короткое время в Ташкент к проживающей там семье моей – на свадьбу моей дочери. Если дозволение Ваше на это последует, то позвольте надеяться, что оно будет сообщено мне телеграммой, ибо письменное разрешение своевременно сюда не достигнет. Пользуюсь случаем уведомить Ваше превосходительство, что благодаря присланным Вами 2 т[ысячам] рублям (отчёт в израсходовании которых на днях посылается), мы, а также и конвой, провели прошедшую зиму весьма сносным образом. На деньги эти устроены две порядочные казармы, помещение для фельдшера, помещение (из двух комнат) для конвойного офицера, баня и сделаны разные поправки в кухне и конюшнях. Все эти постройки сделаны мусульманскими приёмами, вышли не дороги и, говоря относительно, – поздешнему хороши для временного, разумеется, помещения.

---

* Ужасный ребёнок (*фр.*).

С чувством глубокого уважения и искренней преданности имею честь быть Вашего превосходительства покорным слугою
Н. Петровский

АВПРИ. Ф. 143 (Китайский стол). Оп. 491. Д. 487. Л. 14 – 14 об.

69

Н.А. Ермакову

Кашгар. 4 сентября 1885 г.

Глубокоуважаемый Николай Андреевич.

Вчера только из газет (которые доходят сюда почти через сорок дней) узнал я о постигшем Вас горе. Мы долго были вместе (не по одному месту служения только), довольно сблизились, много вместе передумали, переговорили и поделали, чтобы горе Ваше не отозвалось и в моём сердце. В наши лета всякая утрата тяжела, но утрата самого близкого человека – ещё тяжелее. Вам, человеку верующему, остаётся ещё одно облегчение: покойная Софья Ильинишна, посвятив свою общественную деятельность на пользу тех, кого возлюбил Спаситель мира, может надеяться на его милосердие в жизни будущей. Такое облегчение в наш, преисполненный неверием век, дано не всякому, и потому Ваше горе всё-таки легче тех, вера которых подорвана или утрачена. А вспомните – сколько таких лиц даже в среде Ваших знакомых и Ваших почитателей.

Искренно желаю Вам душевного успокоения и бодрости, прошу верить в чувства неизменной к Вам преданности

Н. Петровский

РГАЛИ. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 1150. Л. 39 – 39 об.

70

Ф.Р. Остен-Сакену

Ташкент. 1 ноября 1885 г.

Глубокоуважаемый Фёдор Романович.

В дополнение к официально посланному Вам отчёту Кашгарского консульства посылаю лично Вам печатную копию отчёта, прося снисходительно отнестись ко всем корректурным ошибкам ононого: отчёт

печатался в Ташкенте, и наблюдать за его печатанием было некому. Из отчёта этого Вы усмотрите, что живётся мне в Кашгаре плохо – так плохо, что скорейшая перемена места стала моею заветною мечтою. Кроме ужасной материальной обстановки (жизнь в сакле, без всяких малейших удобств, без доктора, на сартовской еде и т.п.), ежедневных раздражений, тревог и опасности попасть либо в бунт населения, либо в бунт китайских солдат, я принуждён жить врозь с семьёй и заставлять её мучиться и страдать за меня. Словом, я хочу уйти из Кашгара. Перемены места могут быть для меня две: а) агента в Бухаре (говорят, МИД предполагает такую должность учредить)¹³⁴, если только агент не будет подчинён генерал-губернатору, и б) губернатора в Сибири или на окраинной губернии – дабы успокоиться и закончить там карьеру. На первое место я имею права более чем кто-либо, а на второе – хотя особых прав и не имею, но смею думать, что не буду хуже самых правых. К Вашей помощи ни в том, ни в другом случае прибегнуть не могу, но очень желал бы получить от Вас добрый совет: как быть и что надлежало бы сделать мне, чтобы уйти из Кашгарии, или ещё подождать там, но немного получше себя обставить. Теперь я в Ташкенте, приехал (15 октября) на свадьбу дочери и в декабре должен буду уехать; и тот и другой путь делаю на Ош, т.е. перехожу 14 перевалов и два раза Терек-Даван (12. 900 ф[утов]), совсем измучился.

Как теперь здоровье Ваше? поправились ли от ревматизма? Боюсь, что в Петербурге он опять посетит Вас, и Вы будете слушать докторов и лечиться наружными средствами, а между тем наружно лечиться не следует, а нужно пить водку.

Искренно и глубоко преданный

Н. Петровский

РГАДА. Ф. 1385. Он. 1. Д. 466. Л. 240–241.

71

Д.Ф. Кобеко

Ташкент. 1 ноября 1885 г.

Глубокоуважаемый Дмитрий Фомич.

Письмо Ваше меня очень обрадовало: думал, было, я, что Вы меня совсем забыли. Радуюсь искренно Вашим занятиям Азией и с удовольствием высылаю Вам все здешние учебники, «присовокупляя», однако ж, что все они малоудовлетворительны и что лучшим учебником всё-таки и донныне остаётся Vambery. Čagataische Sprachstudien. Посылаю

Вам также отчёт мой (первый со времени учреждения консульства), из которого усмотрите, что живётся мне в Кашгаре плохо. По поводу этого житья-бытья я хотел посоветоваться с Вами и попросить Вашей помощи. Кашгар стал для меня невыносим и невозможен по многим причинам. Два с половиной года живу я там в самой ужасной обстановке, вдали от семьи, которую перевезти туда нельзя, в постоянной борьбе, под страхом ежедневного бунта. В год раз я езжу повидать семью, и каждая такая поездка с проводами, почётами, выставкою юрт стоит мне не менее 800 рублей и совершается через семь перевалов, в числе коих один равен вершине Монблана, т.е. всегда с риском отправиться к праотцам. Нервы мои совсем расстроились, я устал, измучился вконец. Мне остаётся, чтобы не сойти с ума (как случилось с секрет[арём] консульства в Кульдже – от тех же причин) переменить место. Желательной перемены места может быть две: а) агента в Бухаре – если должность эта не будет подчинена генерал-губернатору и не будет ниже консульской и б) губернатора в какой-нибудь сибирской окраинной губернии – дабы там успокоиться и закончить карьеру. И в том и в другом случае, думаю, Вы могли бы немного помочь мне, попытав насчёт Бухары Зиновьева, а насчёт М[инистерства] в[нутренних] д[ел] поговорив, даже от моего имени с Ф.К. Гирсом и Н.И. Галдинским¹³⁵ (каковые меня очень любят). Я мог бы попросить М.Н. Островского¹³⁶, который давно меня знает, и даже М.Х. Рейтерн¹³⁷ (который, ещё недавно, отлично отзывался обо мне Громову), да боюсь – не будет ли это слишком назойливо. Вообще прошу Вас, глубокоуважаемый Дмитрий Фомич, посоветуйте, что мне делать. Ну, довольно о личных делах; будем говорить об общих и, главным образом о здешних. Новый принципал, кажется, никому не угодил здесь. Из массы стихов, которые про него здесь сочиняются, выбираю наиболее характерные (если не лучшие) и прилагаю на отдельном листке. На днях прилетал сюда из Мерва, нигде не останавливаясь, Анненков¹³⁸, для обозрения мест будущей железной дороги, пробыл в Ташкенте 1/2 суток, побывал на пивном заводе Иванова¹³⁹ и отправился обратно в Мерв. Торговцы здешние думали кое о чём переговорить с ним, а его и след простыл. Шут гороховый как был прежде, таким и остался. Стоило из Мерва ехать в Ташкент, чтобы выпить бутылку пива. На днях у меня свадьба, а затем я должен (в декабре) возвратиться в Кашгар. В этом году Женя кончает курс, а Коле остаётся ещё три года. Если бы попал в Сибирь, то отдал бы его в новый университет¹⁴⁰. Впрочем всё не дурно, но жена и дети очень скучают и тревожатся обо мне, зная мою жизнь в Кашгаре. Да, желал бы я сильно оттуда вырваться.

Низкий поклон Ольге Александровне и всем Вашим.

Н. Петровский

Ташкент. 16 ноября 1885 г.

Глубокоуважаемый Дмитрий Фомич.

Послал я Вам учебники – все, какие здесь были. Есть ещё словарь Наливкина¹⁴¹ сартовского языка (интересный как материал, а не как словарь), изданный в Казани, и хрестоматия киргизского языка, Лютша. Хрестоматию эту я Вам не послал, потому, что в ней заключается только киргизский текст (транскрибированный на русскую грамоту) без перевода. Брошюр Ваших не получил. На этих днях должен буду начать собираться в дорогу, ибо в Кашгаре у нас неладно. В прошлом письме писал Вам о себе, а теперь буду писать о своём брате. Рихтер¹⁴², давно уже, писал о нём к Идарову, спрашивая, секретно, может ли он, мой брат, занять самостоятельную должность. Идаров (окончательно свихнувшийся с ума) вообразил, что это письмо – подвох ему, и поэтому ответил Рихтеру, что самостоятельно брат не работал, а всё совершал и совершает он, Идаров, при этом распространился о своих познаниях в мусульманском праве и об ошибках Торнау, им, Идаровым, исправленных. Письмо Рихтера осталось, таким образом, без всякого результата, а между тем брат служит давно и служит хорошо, следовательно, повышение и поощрение не должно бы было, казалось мне, его обойти. Рихтер, знаю я, весьма почтенная личность и, кажется, Ваш хороший знакомый. Не будете ли добры, поэтому, оказать нам милость напомнить о брате Рихтеру. Может, что-нибудь и выйдет. Одновременно с этим письмом посылаю я письмо к Бунге (в прошлом году он писал мне о здешнем денежном курсе. Мы, ведь, и с министром переписываемся) по вопросу, который должен его занять, а именно: нигде так необходимы податные инспекторы, как здесь в Туркестанском крае, ибо счёт податных единиц ведётся у нас уездными начальниками и их мусульманскими помощниками, волостными, аульными. Скрытие единиц и денег – дело обыкновенное, проверки – никакой, участия в податных делах К[азённая] палата не имеет вовсе; был у ней случай восстановить своё значение, как финансового органа, – завести инспекторов; но Идаров (подслуживаясь г[енерал]-губернатору... подрыв власти уездн[ых] начальников и пр.) сам отказался от учреждения здесь податных инспекторов. Об Идарове, конечно, Бунге я не пишу. Затем на податных инспекторов можно было бы возложить, или, лучше сказать, они сами разъяснили бы многое и в общих вопросах – поземельном и податном. Г[енерал-губернатор], кстати сказать, изменил свой взгляд на вопрос поземельный и заявил мне, что присоединился к нам, «собственникам», а не к Вам, отдающим земли в пользование; впрочем, может быть, в Петербурге взгляд его опять изменится, ибо для него вопросы эти темны, а ясен только один: «Прошу у меня на службе не лимонировать и резон через поли-

тику в следствие не представлять, ружейные же приёмы делать чисто-сердечно и простодушно».

Умер эмир бухарский. Пока в Бухаре всё спокойно, но я уверен, что без смуты не обойдётся. Кстати, Анненков, выпив в Ташкенте стакан пива, вновь поскакал в Мерв и случайно очутился в Кермине в тот день, когда сыну эмира¹⁴³ и его наследнику, живущему в этом городе, дали знать о смерти отца. С новым эмиром он и прибыл в Бухару, возбудив в народе толки, что генерал русский специально послан был русским царём, чтобы посадить на трон нового эмира. Вот будет теперь врать о своих подвигах, неустрашимости и т.п.

Прошу засвидетельствовать моё почтение Ольге Александровне и всем Вашим.

Искренно преданный

Н. Петровский

ОР РНБ. Ф. 354. Оп. 1. Д. 93. Л. 45 – 48 об.

73

Д.Ф. Кобеко

Ташкент. 18 ноября 1885 г.

Глубокоуважаемый Дмитрий Фомич.

Настоящее письмо моё представит Вам наш здешний коммерсант и заводчик, мой хороший знакомый Ник[олай] Иванович Иванов – личность интересная во многих отношениях. Довольно сказать, что кроме содержания тракта, устройства винокуренных и пивоваренного завода, он создал здесь завод стеклянный, сантонинный (первый в России для выработки сантонина¹⁴⁴ из цитварного семени), конный; добывает свинец, и Бог знает, чего ещё не делает. Вы изучаете теперь нашу среднеазиатскую окраину. Побеседовать поэтому с Ивановым Вам весьма бесполезно: по своему опыту знаю, что часто из таких бесед с практическими людьми черпаешь более, чем из множества прочтённых книг. Заставьте только его побольше разговориться.

Смерть бухарского эмира держит здесь всех в чаянии грядущих событий. Вы, конечно, знаете, что у покойного Музаффар-Эддина, есть старший сын, Сеид-Абдулмалик-хан по прозвищу Катта-тюря, живущий теперь, после ссоры с отцом и разных странствований в Хиве, Кашгаре, Туркмении, – в Пешаваре, на английском жалованье. Несомненно (для меня, по крайней мере), что Катта-тюря, имеющий в Бухаре большую партию приверженцев, смертью своего отца воспользуется и попытается побороться с братом, засевшим, благодаря русским, не в свою очередь (помимо ещё другого брата) на бухарском престоле. Если так

будет – то Катта-тюря явится не в равнинной Бухаре, а в горной – Гиссаре, Кулябе, Дарвазе, где покойный эмир, завоевавший эти страны, был ненавистен населению. Уже теперь идут слухи о смуте в Дарвазе, убиении там бека и желании жителей отдаться Бадахшану (т.е. Афганистану). Словом, может завариться каша.

С Н.И. Ивановым посылаю я Вам картинку места, где убит Шлагинтвейт. Если заметку о нём (с картинкой) поместите, то нужно прибавить, что все сведения о его убиении, месте погребения и т.п. собираются мною и, как дополнение к заметке, будут помещены особо.

Усердный поклон мой Ольге Александровне и всем Вашим.

Искренно преданный

Н. Петровский

ОР РНБ. Ф. 354. Оп. 1. Д. 93. Л. 49 – 50 об.

74

Ф.Р. Остен-Сакену

Ош. 7 января 1886 г.

Глубокоуважаемый Фёдор Романович.

Начинаю думать, что Вы на меня за что-нибудь сердитесь, ибо давно уже (до Вашей поездки за границу) не получаю от Вас вестей, послав Вам два раза мой отчёт. Дошли ли до Вас эти пакеты (оба за номерами)?

Вероятно, Пржевальский¹⁴⁵ достиг уже Петербурга, и может быть, виделся уже с Вами. Мне с ним свидеться, к сожалению, не пришлось; но что было ему нужно – было сделано достойно и отблагодарено им в горячих выражениях. Расскажет Вам Пржевальский и о тех безобразиях и мерзостях, которые чинили ему китайцы, и о положении здешних дел вообще. Измучили меня китайцы страшно – так, что делаю уже в Министерстве внутр[енних] дел (это пока секрет) подходы уйти отсюда, и чем скорее, тем лучше. К тому же и место в Бухаре, на которое я имел полное право, отдаётся другому, а более мне ждать нечего.

Кстати о Бухаре. Здесь и у Вас вполне, кажется, убеждены, что всё кончилось благополучно. Это не так. К весне я предсказываю в горных бекствах Бухары волнение, которое отразится и в нашей Ферганской области и, может быть, даже в Кашгаре. Проверьте потом, буду ли я прав, высказывая такое пророчество, вопреки изречению «несть пророка в стране своей».

Жизнь в сакле подарила мне ревматизм; хожу (временно, за опухолью ступни) на костылях, и еду в Кашгар не верхом, а в люльке, между двух, впряженных в длинные дрожины лошадей. Как перетащусь

через перевалы – не знаю, но пока лучшей езды и экипажа не знаю. Покойно, как на самых лучших рессорах.

Глубоко Вам преданный

Н. Петровский

РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 466. Л. 242 – 243 об.

75

Н.М. Пржевальскому

Кашгар. 17 февраля 1886 г.

Милостивый государь Николай Михайлович.

Вчера только узнал я из газет о Вашем представлении Государю императору¹⁴⁶ и о монаршей Его Вам милости. Приношу Вашему превосходительству искреннее моё поздравление, как с этою наградою, так и с окончанием тяжёлого путешествия Вашего на пользу науки и русского дела в Азии.

Из письма А.Я. Фриде¹⁴⁷ усматриваю, что отчёт мой Вами одобряется, и потому считаю себя обязанным преподнести Вам его на память Вашего пребывания в Кашгарии.

Положение здешних дел – прежнее, прибавились только англичане, которые шмыгают здесь недаром; догадываюсь я, что одною из причин этого шмыганья – хотанское золото, и они его, конечно, заполучат, пока мы будем заниматься с китайцами взаимным языкоблудием. Сегодня я послал в Министерство палку (чумак), как образец заготовленного здесь китайцами оружия на случай бунта – какого бунта, не знаю; но только палки будут розданы населению, когда будет нужно, а население это, конечно, станет бить ими китайцев.

Пишет мне Фриде, что все донесения Шнеура¹⁴⁸ Вы считаете ошибочными. Так всегда думал и я. Да и что такое Шнеур, что за авторитет, сидящий в Пекине и дурачимый китайцами? «Когда я с необозримым и могущественным войском взял Кашгарию», начинает каждое своё сообщение ко мне Лю Цзиньтан¹⁴⁹. Неужели этим глупостям и хвастовству нужно верить? Всё необозримое войско сволочи, взявшее Кашгар, состояло из 200 человек. Донесения, подобно шнеурским, нравящиеся тем, кто не имеет о Китае никакого понятия, приносят положительный вред: лучше ничего не знать, чем знать криво. Питаю надежду на Вас сильную, что заблуждение это Вы поколеблете, да и о Кашгарии нашей не забудете сказать, что следует.

Если Вашему превосходительству нужны какие-либо сведения, то сделайте одолжение – обращайтесь: желание Ваше будет исполнено в точности.

Примите уверение в искреннем уважении
Вашего превосходительства покорный слуга
Н. Петровский

АРГО. Ф. 13 (Н.Ф. Пржевальский). Оп. 2. Д. 185. Л. 4 – 5 об.

76

Н.М. Пржевальскому

Кашгар. 19 апреля 1886 г.

Глубокоуважаемый Николай Михайлович.

Много порадовали меня Ваше письмо и карточка: знать, что в петербургской суете Вы нас не забыли – это, откровенно говоря, очень приятно. И так нам мало верят, или, вернее, совсем не верят! Ну что ж пусть не верят и останутся потом сами в дураках, к которым слова пророка «одебеле их сердца и уше сами своима тяжко слышат» как раз подходят. Дело же своё я буду делать так, как делал всегда, ибо думаю, что кроме пути подлаживаний под тон («хоп таксыр») есть путь резкой правды, высказывать которую не только не опасно, но и прямо лично выгодно. Наш отчёт – отчасти это подтверждает: всё-таки о нём поговорили, разозлились, его напечатают, а отчёты других, благонамеренных, остались благонамеренно под сукном,

Я охотно принимаю Ваше предложение сообщать Вам о кашгарских делах. Я желал бы даже прислать Вам кой-какие соображения мои для Вашего доклада о средствах возможной войны с Китаем, но думаю, что будет поздно. Скажу поэтому вкратце следующее:

1) Союзником Китая в войне с нами будет Англия; она, может быть, будет и подстрекателем войны (почему? следовало бы доказать, но нет времени и места).

2) В случае союза Китая с Англией (да и без Англии) важнейшими для нас и слабейшими для Китая и Англии пунктами – являются Или и в особенности Кашгар (почему? I ч. отчёта).

3) Война с Кит[аем] в Кашгарии (иначе прогон оттуда китайцев) могут быть сделаны: а) впуском туда нашей сволочи с Хаким-хантюря¹⁵⁰ во главе и поддержкою бунта в населении или б) прямо войсками, главный отряд которых должен придти со стороны Нарына, а побочный – со стороны Оша, ибо артиллерия отсюда пройти не может, да и вообще путь этот крайне затруднителен для масс.

4) Опасность для нас может встретиться во всём горном хребте от Самарк[анда] к югу до самого почти Кашгара, ибо из этого хребта англичане могут сделать для нас новый Кавказ, организова там шайки и выпуская их грабить и бунтовать наше население (о сём писал

офиц[иально] в 1876, кажет[ся], году Стремоухову, а об удержании в порядке гор и о захвате для сего Дейнау писал военному, кажется, министру Скобелев¹⁵¹ за год до своей смерти).

Эти четыре пункта я и хотел предложить Вашему вниманию, не имея времени подробно их развить и обставить данными; но много данных Вы найдёте в Главном штабе (в Азиатском отделении).

Спросите Л.Н. Соболева¹⁵². Но пальцев ему в рот не кладите.

Я изобрёл новую форму донесений. Я веду здесь дневник новостям, слухам, происшествиям, и выписки из этого дневника посылаю в своё Министерство. Пересылают ли эти выписки в Гл[авный] штаб? Они для него могут иметь интерес. «Сборник» мне прежде высылали, а потом перестали. Писал я об этом А.Н. Куропаткину, но ответа от него не получил.

Искренно преданный

Н. Петровский

Р. С. Аксакалов Колпаковский, конечно, вознаградит, а если не так – то пришлите подарки Ваши ко мне, а я перешлю их аксакалам и на Лобнор.

АРГО. Ф. 13. Оп. 2. Д. 185. Л. 9–11.

77

Ф.Р. Остен-Сакену

Кашигар. 17 мая 1886 г.

Глубокоуважаемый Фёдор Романович.

Несказанно рад был я, получив вчера Ваше письмо, и рад был не потому, что в нём заключался неожиданно лестный для меня отзыв Ваш о нашем отчёте, а потому, что письмо это, как и все другие Ваши письма, не дают закрасться в душу убеждению, что ничего путного ожидать невозможно. Благодарю Вас искренно и глубоко за прочтение отчёта; но кроме лестного, что о нём Вами сказано – что в нём не полно, не хорошо, что требует на будущее время большего развития, больше данных и пр. ? Азиатский департамент и Мартенс, которому я отчёт послал и просил указаний по судебной части, ничего мне не указали. Сам я отчётом не особенно доволен: это отчёт, а не труд, который я желал бы и который могу сделать, но только при условии, что он не останется в глазах А[зиатского] департамента писанной стопой бумаги. Все материалы, которые я имею, я берегу для труда не казённого, а с приказаниями А[зиатского] д[епартамен]та буду поступать так, как Вы занимаетесь теперь делами. Говорю «буду», но, может быть, и не буду, ибо (скажу по се-

крету), что я просил (через Кобеко) Рейтерна выхлопотать мне у Толстого место губернатора в более или менее отдалённой местности. Может быть, посчастливится. Если это случится, тогда от чести занять место после Чарыкова придётся отказаться. Кстати о нём. Дело в Бухаре он испортит непременно. Такого карьериста юных лет, такую сухость души ко всему, что называется миром идеальным, принципами, убеждениями, я редко видывал даже в нашем, испорченном, молодом поколении последней формации. Знать он ничего не хочет, отдался в руки переводчикам, и есть надежда, что станет, наконец (помните стихи Пушкина на Воронцова?¹⁵³) полным Струве.

На нашей южной границе с Ферганой идёт, со стороны англичан, что-то очень недоброе. Носятся слухи, что они выговорили себе у Абдурахман-хана города Джарм в Бадахшане и Кала [-и-Бар-] Пяндж в Шуганане (есть, пишут мне, какие-то намёки об этом в «Times»).

С приездом сюда Элиаса¹⁵⁴ (он теперь в Рустаке, возвращается из Ханабада, близь Кундуза) и Дальглейша с Кэри¹⁵⁵ (они теперь в Урумчи у Лю) китайцы наши получили какие-то наставления, ибо стали нахальными и предерзостными. Недавно они пропустили в нашу Фергану заведомо бунтовщиков, с целью отвлечь их от Кашгара или сделать смуту у нас. Господа эти (прежние деятели Якуб-бека) явились именно из Афганистана, оттуда, где блуждает теперь Элиас. После того, как Пржевальский написал мне, что его сообщения и мои донесения считают преувеличенными, я решил писать в Д[епартамен]т о политических делах как можно менее. Пржевальский пишет мне также, что, воспользовавшись лекцией Государю, Государыне¹⁵⁶ и Наследнику¹⁵⁷, он откровенно, не стесняясь, высказал положение наших западно-китайских дел, и был благосклонно выслушан. Но поможет ли это.

Скажу Вам, наконец, о моих частных делах и занятиях. В прошлом году, в Ташкенте, я выдал замуж свою старшую дочь за управляющего тамошнюю Контр[ольною] палатою, кн[язя] Вяземского. На свадьбу эту я дал согласие с некоторым усилием, ибо дочь молода, а зять мне не нравится. Вторая моя дочь кончает на днях курс в Ташк[ентской] гимназии и приедет, вместе с моим сыном, погостить ко мне, приедет, может быть, и жена.

На досугах я перевёл здесь книгу Mayers'a «The Chinese government»¹⁵⁸ – сухое, но очень необходимое для наших пограничных властей описание администрации Китая. Часть этого сочинения на днях напечатаю в «Турк[естанских] вед[омостях]». Затем, делаю, кажется, хорошую вещь: рисую строгим образом (посредством камеры-обскуры) красками костюмы, утварь и разные предметы этнографии и культуры Кашгарии. Накопилось уже много. На каждом рисунке надписывается подробно на русском и кашгарском языке название предмета, его частей, наименование ремесла, употребление, выделка, цена и пр. метеорологические наблюдения (не сплошные только делаются у меня давно) скоро получают совсем правильное устройство, ибо Вильд помог мне открыть здесь станцию.

У Вас, в Питере, Попов, возвратится ли он обратно. Кажется, он человек хороший, хотя и малодеятельный. Доволен ли он нами?

Искренно преданный

Н. Петровский

РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 466. Л. 244 – 245 об.

78

Ф.Р. Остен-Сакену

Кашгар. 24 мая 1886 г.

Глубокоуважаемый Фёдор Романович.

Вчера я был у переводчика г. Элиаса, весьма ловкого и плутоватого китайского чиновника, воспитывавшегося в Америке, Цзин-Пенга. Он сильно разозлён на Элиаса, бросившего его здесь и уехавшего в Маймане через Бадахшан. Но не в этом дело. Цзин-Пенг сказал мне, что он едет отсюда (через 1 1/2 м[еся]ца) через Ладак в Калькутту, где надеется встретить назначаемого туда русским правительством политического (а не дипломатического, – на этом слове он сделал почему-то ударение) агента. Правда ли это и откуда он это знает. Если правда, то загадка для меня разъясняется. В Калькутту пошлют Чарыкова, а мне дадут Бухару, а Кашгар (полагаю) Попову¹⁵⁹ (составившему словарь). Но почему наш агент должен быть в Калькутте, что он будет там делать? Обедать у вице-короля и случайно узнавать новости из его канцелярии, никакой почвы для деятельности у него там нет и быть не может, ибо разыгрывать роль посланника при вице-короле, когда всё управление политикой Индии в Лондоне, где есть русский посланник – странно. Агент наш должен жить в Бомбее на реальной, а не канцелярской почве, в среде мусульманского населения, вблизи Афганистана, Белуджистана и Персии, на большой дороге хаджей из Кашгара, Бухары, наших владений, мелких бекств Гиндукуша и пр. Там он может быть полезен как политический агент¹⁶⁰. Полагая, что (может быть) от Вас не станут, наконец, скрывать учреждение такой должности, я «в интересах дела», спешу Вам написать об этом. Неужели же наши не могут понять, что за бесполезную Калькутту будут просить, например, Ташкент.

Пишет мне Фриде, что Балкашина¹⁶¹ убирают. За что такая немилость? Был в дружбе с хэ-амбанем, встречал его за 3 версты от города, уступил ему барлыкских киргиз[ов], отдал всех наших торговцев в полное распоряжение китайцев, – и вдруг – на, не хорош. Но зато хорош Корф¹⁶²: имеет 10 т[ысяч] войска, 48 орудий и предлагает, для успокоения границы, отдать китайцам весь Уссурийский край. Неужели это правда?

Читали ли Вы донесения Шнеура? Сильно хочется мне написать о них нечто «в дополнение и соображение», да задумываюсь: нужны ли наши соображения А[зиатскому] д[епартамен]ту.

Искренно преданный и глубоко уважающий Вас

Н. Петровский

РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 466. Л. 246 – 247 об.

79

Н.М. Пржевальскому

Кашгар. 25 мая 1886 г.

Милостивый государь Николай Михайлович.

Вчера Г.А. Колпаковский сообщил мне официально, что по Вашей просьбе он награждал трёх аксакалов (двух хотанских и уч-турфанского) халатами первого разряда. Халатов я ещё не получил, но как получу – сейчас же, торжественно с особыми джигитами, разошлю по принадлежности. Теперь, значит, подарков Вам присылать не следует, разве только лобнорскому беку, которого Вы желали наградить.

Современные новости наши не точны и малоопределённые; чувствую я, однако ж, что на юге нашего Туркестана есть что-то недоброе, Говорят, например, что Абдуррахман-хан отдаст англичанам города Джарм (на юге Бадахшана) и Кала [- и – Бар-] Пяндж (Шугнан), которые будут укреплены, что из Гильгита пробирается к Бадахшану какая-то разведочная партия англичан. Недавно китайцы заведомо пропустили к нам прежних пансадов Якуб-бека, которых им, китайцам, как своих врагов следовало поймать. Известно мне, что кой-кто из наших ферганских, худояр-хановских, деятелей ещё в прошлом году держали совет, как просить Абдуррахман-хана дать им хана, который отнял бы Фергану у русских. Было ими послано в этом смысле прошение в Кабул с неким таджи; теперь жившие в Кабуле Мадкарим ляшкар-баши (т.е. главнокомандующий), ещё Мадкарим сотник и Саиб-Назар с Кудары (который, живя у нас под носом к югу от Алая, постоянно и преспокойно грабит наших киргиз на Алае), – пробрались на Алай (вероятно с ответом на прошение). Китайцы это знали и пропустили, ни поймав сами, ни сообщив мне.

Здесь, в Кашгаре, по-прежнему безобразия. Китайцы запретили хождение русских кредитных билетов, – и в результате вышло то, что наш кредитный рубль, продававшийся за 8 1/2 тенег (т.е. 85 к.) разом поднялся до 11 тенег (1 р. 10 к.). Случилось совершенно обратное тому, что желали китайцы, и это вполне понятно: теньги в наших владениях не

ходят, ямб нет, а торговать кашгарцам с нами нужно. Прежде, получая наш бумажный рубль, они сразу выигрывали с курса 15 к., а теперь теряют 10 к. Не доверяя китайцам, они стали покупать наши бумажные рубли тайно и подняли их цену. Значит, есть ещё страна (да возрадуется сердце министра финансов), где русские бумажки идут выше *at par**. Затем китайцы запретили своим торговцам торговать всякого рода чаем, кроме чёрного казённого, и теперь немилосердно дерут всех, у кого находят иной чай. О других новостях буду писать Вам позднее.

Искренно уважающий

Н. Петровский

АРГО. Ф. 13. Оп. 2. Д. 185. Л. 12 – 13 об.

80

Ф.Р. Остен-Сакену

Кашгар. 4 августа 1886 г.

Глубокоуважаемый Фёдор Романович.

Заезжий фотограф снял здесь с меня посылаемое Вам при сём изображение – в том самом обиходе, который я сочинил для себя «применительно к местным условиям», т.е. в виду опасности подвергнуться нападению голодного и пьяного китайского солдата (как было с поручиком Громбчевским¹⁶³), отсутствия прачки для крахмального белья и пр.

Вскоре после Вашего последнего письма я получил столь же лестное для меня письмо Мартенса. Отчёт наш, особенно судебную его часть, он расхвалил до того, что, если бы на моём месте был более молодой, чем я, человек, он непременно возмечтал бы о себе невесть что. О политической стороне отчёта замечаний не сделал, но желал что-то сказать. Я догадался – что: Мартенс считает меня, почему-то, квасным либералом и патриотом черняевского пошиба. Поэтому я счёл долгом, в большом письме, высказать ему мой взгляд и моё убеждение относительно Средней Азии, нашей там миссии и пр. Жаль, что у меня нет копии этого письма, чтобы послать Вам; но я пришлю Вам, всё-таки, записку мою по этому предмету, которую я написал для себя, ибо печатать её невозможно, а показывать можно только людям близким или таким, которые умеют уважать убеждения (что у нас, в России, редко).

Положение дел у меня как будто улучшилось: постоянно твёрдо-неуклонными действиями нашими в делах консульства мы, кажется, немало смирили наглость китайцев, или, вернее, ввели её в границы. Три

---

* Номинальной цены (*итал.*).

года научили меня здесь многому, – и знаете, где весь секрет в переговорах с китайцами? Не показывать ни малейшего раздражения и волнения, когда они намеренно говорят вам всевозможные нелепости, и, в свою очередь, стараться разозлить их. Как только это сделано (при своей надменности они более всего боятся насмешки) – победа несомненна. Боясь насмешки, они уже теперь спорят со мной мало и как только замечают, что я перехожу на неприятный для них путь, – сейчас соглашаются. Переговоры происходят у нас при посредстве сартовского переводчика и всегда, по китайскому обычаю, в присутствии многих местных, сартовских властей, которые слышат, что говорю я; при таком порядке насмешливый тон ещё неприятнее.

Затем из политических новостей нужно отметить Вам следующее. В прошлом году несколько лиц, бывших деятелей Худояр-хана и Якуббека, отправились в Кабул просить у Абдурахман-хана хана для Ферганы, который выгнал бы оттуда русских. В нынешнем году господа эти возвратились на Памир, послали оттуда возмутительные воззвания в Фергану, а затем, с разрешения китайских властей, были пропущены к нам на Алай. Узнав об этом, я написал генер[алу] Иванову¹⁶⁴, который и поймал на Алае Магомед-Карима ляшкар-баши (главного) и его помощника Мауляви. Последний – тот самый Мауляви, который приехал сюда с англичанином Элиасом и отправился с ним в Бадахшан. Обо всём я, разумеется, донёс Азиатскому департаменту. На днях получил известие, что Канджунт взят кашмирским раджою (та его часть, Хунза, которая находилась в зависимости от Китая; другая часть, Нагар, подчинена Гильгиту) и что прибыли ещё два англичанина, Локкарт, с 200 ч[еловек] конвоем, через Канджунт в Вахан, а другой, также с конвоем в Гильгит. Переводчик Элиаса, китаец Цзин-Пенг, который в Бадахшан не поехал, говорил мне, что Элиас возвращается, был на Мургабе, на нашей ферганской границе, встретился там с каким-то русским офицером и через Вахан, не заезжая на китайскую территорию, направится в Гильгит. Все эти английские разъезды с Мауляви наводят на серьёзные размышления, и предсказания мои (в письме к П.Н. Стремоухову), кажется, оправдываются.

Позвольте обратиться к Вам с просьбою – выслать мне действующие консульские уставы Англии, Франции, Германии и Бельгии. Не примете ли Вы на себя передать книгопр[одавцу] Дейбнеру выписку издания, года, места и т.п. этих уставов. Дейбнер же (у меня с ним счёт) мне их вышлет.

На днях я купил здесь термометр в футляре; на термометре, прекрасной работы Ch. F. Geissler'a в Берлине, и на медной дощечке футляра значится «Schlagintweit». Таким образом, старания мои разыскать остатки несчастного путешественника вознаграждаются. На днях на месте его убиения (которое я срисовал) буду ставить памятник, о чём я уже сообщил китайским властям. Нельзя ли заказать в Петербурге доску (медную, мраморная не доедет, с приличною надписью) и не возъ-

мёте ли этот труд, а также редакцию надписи на себя. Крайне обяжете сим, полагаю, не только меня, но и родственников Шлагинтвейта. Розыски мои продолжаются. Главный убийца Шлагинтвейта – один из приближённых Валихана-тюря, не хотевший рассказать мне о происшествии, недавно умер; какой-то мальчик (вероятно из его дома), прося никому не говорить, принёс мне продать термометр. Я обещал ему хранить тайну и купить всё по дорогой цене, что он мне принесёт из вещей Шлагинтвейта.

Будьте здоровы. Искренно и глубоко уважающий Вас
Н. Петровский

РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 466. Л. 248 – 251 об.

81

Н.М. Пржевальскому

Кашигар. 15 августа 1886 г.

Милостивый государь Николай Михайлович.

Не писал я Вам давно потому, что ничего особенного у нас не было. Теперь есть кое-что сообщить, а именно: был у Якуб-бека некто Магомед Карим, чином датха, получивший при Бек-Кули-беке чин ляшкар-баши (главнокомандующего; таковых было около пяти). М[агомед] Карим воевал с китайцами, бежал к нам в Фергану, а оттуда ушёл; как говорили, в Афганистан. В прошлом году знал я, что он шляется у нашей границы, собирает шайку, пишет воззвания нашим кипчакам (сам он кипчак) и пр. Писал я об этом куда следует, но ничего не вышло. А дело было очень важное, как теперь оказалось. По точным сведениям моим, М[агомед] Карим и другие лица попросили у Абдуррахман-хана помощи и хана (Абдулкарима, родственника Худояр-хана, живущего в Пешаваре на английском содержании) для Ферганы, который выгнал бы оттуда русских. Об этом знали китайцы, посылавшие лянзу поймать М[агомед] Карима и отпустившие его (в прошлом году), как только он показал им какое-то афганское письмо, а в нынешнем году пропустившие его к нам на Алай, где, по моему извещению губернатора, он был пойман (после небольшой перестрелки) и дал теперь, в тюрьме показания, подтверждающие вышеупомянутое. Какое участие принимали в этом деле англичане, мне в точности пока неизвестно, но почти несомненно, что Элиас, бывший одновременно с М[агомед] Каримом у нашей границы, виделся с ним и что, вероятно, знал о его настроениях и, может быть, был руководителем. Нет у нас средств, а будь они – я бы знал всё до точности. А каковы китайцы! Разумеется, я сейчас же вос-

пользовался случаем и допросил даотая: почему он, даотай, не только не поймал врага своего правительства, зная о его прибытии, не сообщил мне, что М[агомед] Карим пробирается на Алай, но и беспрепятственно пропустил его. Струсил он сильно; но конечно из всего этого ничего не будет, хотя китайцев можно бы было припереть к стене, да и об английском участии можно бы было узнать, поласкав М[агомед] Карима и пообещав ему облегчения наказания. Но ничего этого не будет, и мы останемся в тумане насчёт знания того, что творится на юге Ферганы.

Здесь был недавно «учёный» Грум-Гржимайло¹⁶⁵, имеющий целью доказать ошибочность мнений А. Гумбольдта¹⁶⁶ и др. авторитетов. Нахал порядочный. Одно для меня удивительно, как можно давать этим молокососам казаков! Не зная страны, блуждая без цели только ради того, чтобы напечатать, был там-то и опровергнул мнения такого-то авторитета, господа эти, не принося никакой пользы ни науке, ни нашему престижу, вредят только другим более почтенным и более сведущим, чем они, путешественникам. Грум-Гржимайло, недовольный помещением, которое ему отвели на Мин-Юле (где, обыкновенно, останавливаюсь и я) перешёл в сад, потравил пашни китайских солдат и чуть было не избил какого-то амбана. Вы знаете – я не друг китайцев и был бы весьма рад, если бы какого-нибудь амбана отдули, но не при таких условиях: Грум-Гржимайло явился здесь просто безобразником, а не карателем. Заключение же из всего этого вытекает следующее: нужно Вам, г[оспода] известные русские путешественники, подумать и обсудить: можно ли пускать, во вред вам, в Среднюю Азию всякого встречного и поперечного прохвоста только потому, что он ничем себя в науке не заявил, желает пошляться по малоизвестным странам и играть роль учёного и «знатного иностранца». Надо бы все эти путешествия взять под строгий контроль, хоть Геогр[афического] общества, и позволять совершать оные не иначе, как после известного рода испытания: представления программы, напр[имер]. Иначе все труды по Средней Азии будут такими господами дискредитированы. Примеры накаплиются. Шлялся Регель¹⁶⁷ в Шугнane – и ничего не сделал, оставил в населении самое скверное впечатление. Путята, забравшись в Вахан, так напугал население, что оно бежало (труды его мне не известны). А казачий вопрос! Как можно давать молодому школьнику в его полное распоряжение присяжных людей, не снабдив их притом, от военного начальства никакою инструкцией – как они должны поступать, в разных случаях, путешествуя с их штатским начальником. Что было бы, если бы, напр[имер] Грум-Гржимайло приказал им на Мин-Юле стрелять?

Не можете ли Вы оказать мне небольшую любезность: попросить кого-нибудь в Штабе выслать мне секретный Сборник Учён[ого] комитета. Я просил уже об этом Куропаткина, но он мне не ответил. На получение Сборника, кажется мне, я могу иметь право: мой отчёт там на-

печатан, и, кроме того, я скоро вышлю отсюда сведения о китайских войсках, сведения, смею думать, интересные.

Искренне Вам преданный

Н. Петровский

АРГО. Ф. 13. Оп. 2. Д. 185. Л. 14–17.

82

Н.М. Пржевальскому

Кашгар. 3 октября 1886 г.

Многоуважаемый Николай Михайлович.

Спешу ответить на Ваше последнее письмо.

Отчёт Громбчевского я также получил, но многим в нём не доволен: говорил я ему, например, что нельзя писать о каких-то хороших войсках, которые, будто бы, завоевали Кашгарию и потом были отозваны; войска эти и их начальники – те же, что теперь, и он их сам видел. Нет, всё-таки написал. Предупреждал его также, что после книги Биддалфа¹⁶⁸, который сам был в Канджуте, можно дополнить его сведения, но нельзя писать ту чушь, которую наврали ему разные сартишки; всё-таки написал. Много и прочего другого, что мне не нравится.

Дальглейш – купец, несколько раз (ещё при Якуб-беке) приезжавший завязать торговые сношения в Яркенде, но безуспешно. Кэри же имел какое-то специальное поручение от вице-короля Индии к Лю Чжаошаю в Урумчи, исследованиями они не занимались, и месяцев шесть тому назад, по той же, Вашей дороге (из Хотана на Аксу и обратно) возвратились в Индию. На Лобноре не были. Кроме их – других европейцев с ними не было. Маршрут, кажется, сняли, и кажется, определили астрономические точки.

Да, хорошо было бы, если бы китайцы сами начали. Здесь начать они боятся, а в Кульдже можно бы было их вызвать и затем, не дожидаясь объяснений, прихлопнуть. Кто будет и будет ли кто на месте Колпаковского. Этого нового следовало бы надлежаче наставить. Это Ваше дело. Кстати: знакомы ли Вы с гр[афом] Игнатьевым? Он должен и будет ещё играть роль в азиатских делах; надо держать его *au courant** наших дел. Жаль, что Фёдор Романович от них устранился.

Положение дел у нас прежнее. Насилий и безобразий с каждым днём становится всё более и более, о чём, разумеется, всякий раз доношу в Петербург и в Пекин, а многое и сам разрешаю на основании кулачного права. – На днях Фриде едет в Петербург. Заставьте его не быть роб-

* В курсе (*фр.*).

ким, хотя в м[инистерст]ве Военном, где он должен быть своим человеком. Меня немного знает Обручев;¹⁶⁹ пусть бы он написал мне частное письмо и спросил бы о здешних делах и их возможном, к пользе нашей, разрешении. Я дал бы ему отчётную записку, которой он мог бы воспользоваться как материалом.

У нас открыта здесь (мною) метеорологическая станция и начаты правильные наблюдения. Затем на месте убиения Шлагинтвейта (мною найденном) ставлю я памятник.

Искренне Вам преданный

Н. Петровский

АРГО. Ф. 13. Он. 2. Д. 185. Л. 18 – 19 об.

83

Ф.Р. Остен-Сакену

Кашгар. 3 октября 1886 г.

Глубокоуважаемый Фёдор Романович.

Наш любезный, дорогой и уважаемый сосед, семиреченский губернатор Алексей Яковлевич Фриде, отправляется в Петербург и обещал мне повидать Вас и передать это письмо. Полагаю, что Вам интересно будет знать о положении наших дел в Западном Китае. Алексей Яковлевич может удовлетворить Вас в этом отношении вполне, ибо он возится с ними с самого царствования Кауфмана, знает их отлично и также отлично их ведёт. Г[осподин] Балкашин на этот счёт другого мнения: ему хотелось, кажется, чтобы губернаторы считали себя китайскими чиновниками, и так же как он сам поступали, в пользу Китая, самыми существенными нашими пограничными вопросами

Дерзость китайцев растёт не по дням, а по часам; пока мы будем заниматься принцами Баттенбергскими¹⁷⁰ и празднословием о водружении креста на св. Софию, – наш престиж в Средней Азии, благодаря безнаказанности китайских действий и происков, заметно умалится.

Сам я действую здесь на свой страх, ибо никаких указаний, наставлений и даже замечаний не получаю. Всё это крайне тяжело. Был случай, что за невыпуск отсюда русского подданного я приостановил визирование билетов всех китайских подданных, едущих в Россию, т.е. приостановил на месяц всю торговлю кашгарцев. Так и думал, что теперь уж наверняка распекут; нет – ничего, ни малейшего отклика; так и осталось мне неизвестно: худо ли или хорошо я сделал.

Искренно и глубоко Вам преданный

Н. Петровский

РГАДА. Ф. 1385. Он. 1. Д. 466. Л. 252 – 253 об.

Ф.Р. Остен-Сакену*Кашгар. 8 октября 1886 г.*

Глубокоуважаемый Фёдор Романович.

Прилагаю при сём для сведения Вашего превосходительства копию письма моего к Зиновьеву. Я имел было намерение послать это письмо и термометр Вам, но потом, по известной Вам причине, раздумал. Не знаю я наверное: был ли Шлагинтвейт прусским подданным. Если не был, то не зашлют ли термометр в другое место. Посмотрите его: он интересен как по работе, так и потому, что, взглянув на него, сразу видно – что значит действительно учёный путешественник, а не блуждающий рекогносцировщик (модное слово наших учёных путешественников). Выследил я, кажется, где находятся другие инструменты Шлагинтвейта; удастся ли их заполучить – не знаю.

Правильная (не отрывочная, как было ранее) метеорологическая станция наша открыта с 1 окт[ября] (н[ового] с[тиля]); будка и всё, что следует, устроено очень хорошо.

Всё прочее – по-старому.

Искренно и глубоко Вам преданный

Н. Петровский

РГАДА. Ф. 1385. Он. 1. Д. 466. Л. 254–255.

Н.М. Пржевальскому*Кашгар. 25 ноября – 18 декабря 1886 г.*

Глубокоуважаемый Николай Михайлович.

Вчера имел честь получить телеграмму Вашего превосходительства, за которую приношу Вам большую благодарность. – Настроение прежнее, говорите Вы, – значит, ждать хорошего трудно. Болгария, очевидно, поглотила все наши помыслы, и кончится всё это одурение тем, что вовлечёт она нас опять в бесполезную и разорительную войну.

Положение дел в Кашгаре прежнее. На место прежнего командующего войсками (зун-тун), по имени Дун-дарин, пришёл новый полный генерал (ти-ду) по имени Тан со своими лянзами. Пришло очень мало – человек до 1¹/₂ тысяч; другие лянзы придут, будто бы, после. Пришла эта сволочь частью пешком, частью на ишаках, быках верблюдах, – оборванная, голодная, и сразу занялась воровством лошадей. Предупреждал я даотая раз пять, чтобы он прекратил воровство китайскими

солдатами лошадей у наших гуртовщиков, и кончил тем, что поймал двух солдат, снял с них курмы и послал в Пекин, а нашим гуртовщикам объявил, чтобы пригоном лошадей они воздержались. Вот уже месяца два на базаре нет ни одной проданной лошади наших подданных. Пришлось китайцам грабить своих. – Курмы послужили поводом к пресмешной истории. Боясь, чтобы курмы эти не были на дороге украдены у нашего джигита, я послал их скрытным образом, а между китайцами распустил слух, что отправлю курмы не в Пекин, а в Урумчи к Лю Чжаошаю, что китайцев, конечно, обрадовало, ибо Лю Чжаошай свой человек. Взяв старый консульский флаг и обернув им палку, я послал его в Урумчи, а дней через пять (через китайскую же почту) послал Лю Чжаошаю извещение, что посылка заслана ему по ошибке. Тут-то и произошла комическая история, о которой мне пишет А.Я. Фриде, узнавший о ней из Кульджи. Посылка была отправлена и привела всех в смущение. Что значит красный, синий и белый цвет тряпки, что такое палка и что такое три на ней дырочки? (от гвоздей). Собран был совет, найден был кудесник для объяснения всего этого. Кудесник, после долгого раздумья, объявил, что первая дырочка значит готовиться, вторая – заряжать, а третья – стрелять. Значение тряпки осталось необъяснённым. И это образованная нация!

Письмо задержалось посылкой. Продолжаю его теперь. Положение дел у нас в Кашгарии прежнее. На днях получил письмо из Ташкента, что в Чарджуй и Керки ставятся два русских батальона, что новым эмиром народ крайне недоволен, вследствие разных его безобразий и вообще глупости. Неужели будут ещё восхищаться этим олухом (а то, что он олух, я говорил ещё тогда, когда он был беком в Кермине, когда я был у него там в гостях) и считать его лучшим губернатором в Туркестане?

Да, канджутский владетель Газан-хан¹⁷¹ (в Хунзе), убит своим сыном Сафдар[Али-ханом¹⁷², за то (как пишет этот последний китайцам, от которых, за свою якобы, покорность им, получает подачки), что не хотел, будто бы пропустить через Канджут англичан; а между тем этот же Сафдар[Али]-хан посылал посла к английскому резиденту (которому – не знаю) с изъявлением покорности, за что и получил 500 рублей (не много) и собирается писать мне – тоже, чтобы получить подачку, но оную не получит. Важно, однако же, то, что Сафдар[Али]-хан помирился с исконным врагом Хунзы, владетелем другой части Канджута (Нагара) и стал приятелем гильгитского бека, отдав за него свою сестру. Я уже доносил, как-то, Министерству, что во владениях, лежащих от нас к югу, происходит (или производится) объединение – под афганской или кашмирской, или иной властью, – пока не знаю.

По желанию миссии я послал ей записку о современном положении дел в Кашгарии и копию сообщил Азиатскому д[епартамент]ту. Вас, который отлично знает это положение, записка интересоваться не может; но она, может быть, не будет безынтересной для Гл[авного] штаба. Если

сей последний захочет её заполучить, то надо совершить это так, чтобы я был в стороне, ибо на меня и так уже сердятся за напечатание ответа.

Прошу не сетовать за нескладное письмо. Беспрестанно отрывают разные дела.

На днях я высылаю в Министерство одну свою работу, о которой давно уже надумывался. Это – программа вопросов (с объяснительною запискою, как ей пользоваться) туземным разведчикам, посылаемым для собирания политических сведений. Давно уже я сознавал крайнюю несостоятельность этого дела. Сartiшки, посылаемые шпионами, никогда к делу не подготовлялись, а потому приносили и приносят всякие базарные слухи и своё собственное враньё, на основании которых составляются так называемые пограничные слухи и сведения. Одновременно с посылкою программы буду просить разрешения и средств отправить, с весны, разведчиков в те местности, которые, в последнее время, особенно посещались, с неизвестными целями, англичанами, а именно – в Бадахшан, Шугнан, Рушан, Вахан, Канджунт, Гильгит, Читрал. Жаль, если дело это не выгорит.

Пожалуйста, не стесняйтесь, Николай Михайлович, Вашими мне поручениями. Я исполню их с большою охотой и со свойственной мне аккуратностью. Пишу это потому, что Вы меня почти не знаете, и, может быть, преклоните ухо к аттестации меня неким Грум-Гржимайло, учёным, якобы путешественником, а, в сущности, прохвостом, наделавшим мне здесь немало хлопот своим глупым поведением. Результат учёного путешествия сего учёного путешественника (не умевшего обращаться с обыкновенным анероидом) выразился покупкою ковра для какого-то великого князя¹⁷³ и потравною посево[в] китайских солдат. Врёт мне, при этом, не хуже китайцев: «я, Мушкетов¹⁷⁴, Романовский¹⁷⁵... мы полагаем... Гумбольдт, Рихтгофен¹⁷⁶ если бы знали моё мнение» и пр. в этом роде.

А затем будьте здоровы

Искренно преданный

Н. Петровский

АРГО. Ф. 13. Оп. 2. Д. 185. Л. 20 – 22 об.

86

Ф.Р. Остен-Сакену

Кашигар. 27 ноября 1886 г.

Глубокоуважаемый Фёдор Романович.

Дейбнер мне выслал хорошую книжечку Arntz'a о консульском уставе в Бельгии, а о других уставах отзывался, что трудно достать. Намерение моё было составить свод консульских уставов некоторых глав-

ных европейских государств – вроде того свода тарифов, который я составлял для М[инистерства] ф[инансов] – и, напечатав сей свод, толкнуть дело о нашем консульском уставе. Теперь, кажется, намерение моё не осуществится, ибо достать устав мне никак не возможно. Можно было бы, конечно, сделать это чрез Министерство, но я не желаю ни выставлять своё служебное рвение, ни, до времени скончания труда, говорить о нём. Посоветуйте, что мне делать.

Послал я в Академию наук прекрасный оттиск с одной надписи на камне, китайской надписи, находящейся в горах близь Хами. Получил теперь извещение, что оттиск этот передан на рассмотрение Радлову¹⁷⁷. Удивляюсь – почему его не возвратили на рассмотрение ко мне, ибо – смею думать – Радлов и я знаем по-китайски одинаково, т.е. ровно ничего не знаем. Пишу об этом Васильеву¹⁷⁸.

Розену (для Хвольсона¹⁷⁹) послал я камень с сирийскими надписями, присланный мне из Уч-Турфана. Не видав никогда сирийских букв, я думал, что знаки на камне произошли от какого-нибудь насекомого, и долго держал камень у себя. Только теперь, получив семиреченские рисунки несторианск[их] надписей, вижу, что мой камень покрыт такими же.

Положение наших дел прежнее, и потому о них не пишу, чтобы не надоедать Вам сетованиями. Сообщите, пожалуйста – кто такой Кумани¹⁸⁰ и можно ли на него рассчитывать. Ладыженский¹⁸¹, судя по его ко мне бумагам, мне очень понравился. Кажется, человек с толком.

Искренно и глубоко Вам преданный

Н. Петровский

РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 466. Л 256–257.

87

В.П. Буренину

Кашгар. 4 января 1887 г.

Глубокоуважаемый Виктор Петрович.

Я и мои посылаем Вам и Вашим наши запоздалые поздравления с Новым годом. Пребываем в Кашгаре в тишине и одиночестве – как будто в самой глухой, и даже не европейской, а сибирской деревне, лежащей вне тракта. Не будь китайцев, с их всяческими мерзостями, можно было бы прожить подольше для скопления капиталов, хотя, странное дело, здесь-то и хочется их тратить. Но китайцы так одолели, что просто невмочь. Думаю в нынешнем году отправиться в отпуск, чтобы немного проветриться.

Прилагаемое курьёзное объявление предназначается для «Нового времени». Не правда – ли *tout comme chez vous?*^{*} Жаль, что не могу писать корреспонденций, а материалов пропасть самых разнообразных. Приезжайте-ка летом в Русский Туркестан, а затем к нам в гости, в Кашгар. Железная дорога до Бухары, вероятно, будет готова к тому времени. К тому же здесь надвигаются события, быть очевидцем которых не дурно; останутся воспоминания, характернее европейских.

Как Вы поживаете? В «Нов[ом] времени» я что-то редко встречаю Ваши статьи. Не заняты ли какой-нибудь серьёзной работой?

Кланяйтесь Софье Андреевне.

Ваш Н. Петровский

Адрес: Ош Ферганской области в уездное управление для отсылки в Кашгар.

ОР ИРЛИ. Ф. 36 (В. П. Буренин). Оп. 2. Д. 350. Л. 1 – 2 об.

88

Н.М. Пржевальскому

Кашгар. 27 января 1887 г.

Многоуважаемый Николай Михайлович.

Получил я вчера официальное сообщение от Аристова¹⁸², что Вы соглашаетесь уплатить какие-то убытки якобы причинённые сопровождавшими Вас киргизами китайским караульщикам на Беделе. Это не ладно. Мы уже условились с А.Я. Фриде, чтобы никакой потачки в этом отношении китайцам не давать, ибо Лю Цзиньтан, вместо того, чтобы сообщить об этом деле (если убытки, действительно, нанесены) мне и указать – кто, когда, где и в чём именно кого обидел, полез в Пекин, где ему утёрли нос, обратив дело ко мне и рекомендуя ему сделать то же. Я ему ответил, что войду в сношение с губернатором и наведу справки, а теперь думаю сообщить, что во всём этом деле виноват он сам, ибо, если обида была совершена, то нужно было, прежде всего, сообщить мне, указав имена обидчиков: с ген[ералом] Пржевальским было около 50 киргиз, и о чём он может знать, теперь, – кто из них и что именно и действительно ли стащил. Переговорите об этом с А.Я. Фриде и уведомьте.

Новостей особенных нет. Здешнего даотая, величайшего мерзавца, наконец, прогнали. Есть ли это дело нашей миссии или самих китайских сановников – не знаю, но население вполне уверено, что прогнал его я,

^{*} Совсем как у нас (*фр.*).

чему, конечно, я весьма радуюсь: хоть, может быть и на чужой счёт, да престиж наш поддержан.

Другая новость – увеличение налогов на мельницы, дома и пр. Вчера один бек говорил мне: нас китайцы теперь так обложили всякими сборами, что ничего не обложенного не осталось, – разве станут теперь считать, сколько раз мы спим с жёнами и за каждый тычок будут брать с нас деньги.

Третья новость – письмо кашгарцев к мулле, живущему в Зайсане (письмо это прислал мне г. Колпаковский), в котором кашгарцы его просят довести до сведения властей Белого царя о своих бедствиях и желают стать его подданными, прибавляя, что расправиться с китайцами они, кашгарцы, всегда готовы. Письмо это я посылаю в Министерство.

В «Нов[ом] времени» прочтёте любопытное объявление Лю Цзинь-тана о взятках китайских властей в Кашгаре.

Затем прошу Вашего совета: какой системы дальномер следует приобрести мне (нужен мне такой, чтобы определял расстояние *без рейки*), и где и какой фотографический аппарат купить – в Питере или за границей? Не откажите в любезности сообщить Ваш совет.

Искренно преданный

Н. Петровский

АРГО. Ф. 13. Оп. 2. Д. 185. Л. 23–24.

89

Н.М. Пржевальскому

Кашгар. 30 января 1887 г.

Многоуважаемый Николай Михайлович.

Спешу сообщить Вам о двух, известных пока по слухам, весьма важных мерах имеющих совершиться в Кашгарии: образованию мусульманской милиции и выселении отсюда мусульман с одновременным переселением сюда китайцев. Вам, конечно, лучше всякого другого понятно, как изменяется этим положение дел. Образовав достаточно, для производства смуты, дисциплинированный отряд, китайцы, во-первых, создают оплот (из киргиз[ов], разумеется, которых они будут всячески ублажать и ласкать), против вторжения кочевников в осёдлую Кашгарию, а во-вторых (что ещё важнее) – заготовят кадры шаек для производства смуты у нас, где, как Вам известно, кочевники далеко ещё не успокоены, и всегда готовы пограбить осёдлое население, будь оно ферганское или кашгарское – всё равно. Другая мера – ещё большей важности. Выселяя отсюда мусульман и привлекая сюда китайцев, пекинское правительство навсегда избавится от страха потерять Кашгарию, и

из страны, где каждую минуту можно ожидать смуты, создаст покорную провинцию. Предупредить осуществление этих мер, мы, разумеется, прозеваем, и что можно сделать теперь легко, будет потом совершить гораздо труднее.

Выселено пока 800 семей, частью в Манас, частью куда-то возле Сучжоу; поселенцев обещают перевезти на казённый счёт и дают на путевые издержки по 8 руб. в м[еся]ц на семью. Дело ведут не с насилием, а с ласкою, ибо по насилию приступить боятся; но, разумеется, когда выселят побольше и нагонят сюда китайцев, боязнь пройдет и начнутся выселения насильные.

Всё это известно пока по слухам, когда меры начнут действительно выполняться – я сообщу Вам немедленно.

Прошу Вас передать об этих новостях А.Я. Фриде.

Прислал мне Г.А. Колпаковский письмо каких-то неизвестных кашгарцев к одному мулле (Валиулла-ахуну), живущему в Зайсанском укреплении. Кашгарцы рассказывают о притеснениях китайцев, просят мутлу довести о том до сведения русских властей и заявляют, что с китайцами сладить не трудно, да и не знают они – помогут ли им русские. Разыскивают теперь, секретно, кто писали это письмо, чтобы, наверное, оценить степень его важности.

Барон Ф.Р. Остен-Сакен писал мне о том живом участии, которое Вы выказали в деле памятника Шлагинтвейту. Следовало бы об этом пошуметь за границей, пусть немцы знают, каковы мы русские.

Искренно Вам преданный

Н. Петровский

Уч-турфанский аксакал, Нор-мирза, прислал Вам письмо. Узнав из его письма ко мне, что письмо к Вам заключает благодарность за пожалованный халат и, зная, что Вам будет трудно перевести это письмо, я решился его вскрыть и переслать Вам при сём с переводом.

АРГО. Ф. 13. Оп. 2. Д. 185. Л. 25 – 26 об.

90

Н.М. Пржевальскому

Кашгар. 14 февраля 1887 г.

Глубокоуважаемый Николай Михайлович.

Англичанин Дальглейш и Кэри, о которых я Вам писал прошлый раз, развязали языки перед моим соглядатаем, который пишет мне, что первый по его словам, идя по той же дороге, где шли Вы, и, посетив затем Лобнор, Хами и за – Хами (?), снял, будто бы, всю пройденную мест-

ность, дабы поверить Ваши исследования. Дальнейш, как я знаю, – бывший купец; инструментов, кроме компаса, у него нет, да и в съёмках, вероятно, он не силён, следовательно, слова его – отзываются хвастовством, которое надлежало бы обличить.

Познакомьтесь в Петерб[урге] (если не знаете) с представлениями Колпаковского относительно здешних дел. Представления эти очень дельны и разумны; будут ли они только выполнены, т.е. последует ли на них согласие.

Читал в «Рус[ском] вестн[ике]» Вашу статью¹⁸³ и нахожу её прекрасной

Искренно преданный

Н. Петровский

АРГО. Ф. 13. Он. 2. Д. 185. Л. 27–28.

91

Ф.Р. Остен-Сакену

Кашгар. 20 февраля 1887 г.

Глубокоуважаемый Фёдор Романович.

Все письма и книги Ваши достигли до меня благополучно, в целости и сохранности. Душевно благодарю Вас за них. Оба сборника De-Cle-reg'a и De-Vallat'a я нахожу превосходными. Так именно, кажется мне, следовало бы составить руководство (с уставом) для русских консулов. Вы совершенно правы, говоря, что ту работу, которую я задумывал было исполнить, совершить нельзя. Размышляя о нашем консульском деле, я пришёл к убеждению, что прежде составления Устава необходимо, выражаясь канцелярским слогом, составить «справки», т.е. в систематическом порядке расположенные выписки иностранных узаконений, инструкций, руководств, правил и т.п. по каждому отдельному предмету (напр[имер], круг действий консулов, порядок сношений, отправление и увольнение их и пр.), разместив под ними заключения, по этим же предметам, консулов русских. После такого, предварительного, труда можно было бы приступить к составлению проекта Консульского устава, т.е. к выработке отдельных его параграфов с объяснениями (как это было сделано при составлении судебн[ых] уставов) каждого. Одновременно с составлением Устава должна быть исполнена другая работа: пересмотр узаконений о послах, посланниках, поверенных в делах – наших в иностранных государствах, а также пересмотр узаконений об иностранных дипломатах и консулов у нас. Соображения эти, здесь только намеченные, я изложу в подробной записке, каковую и пришлю на Ваше благоусмотрение. Может быть, Вы её одобрите, и, дополнив и

изменив, составите из неё нечто бесполезное для будущих составителей Консульского устава.

Посылаю Вам копии переписки моей о Шлагинтв[ейте], из которых Вы усмотрите, что сановник Лю отказал мне в разрешении поставить памятник на месте убиения. Придётся поставить его теперь на русском кладбище, что, пожалуй, лучше, ибо памятник украсит кладбище и будет под охраной. Аз[иатский] департамент мог бы, воспользовавшись этим отказом, потравить немцев на китайцев; но вряд ли он это сделает. Отыскал я здесь следы ещё одного путешественника (не важного), венгерца Владислава Берзенчея, о котором даю заметку в «Турк[естанские] ведом[ости]»¹⁸⁴ и Вам, по напечатании, пришлю. Для Розена¹⁸⁵ у меня материала много. Вы не поверите, как много, для науки, может дать Кашгар. Ничего, ни в одной области здесь не тронуту. Достаточно сказать, что здесь есть замечательное племя дулон, есть интереснейшие (в Хотане) карлики-кретины, совсем ещё неизвестные и нисколько не исследованные наречия тюркского языка, интереснейшая пещера возле Кашгара (вроде той, в Пенде, которую описал Лэмсден в «Извест[иях] английск[ого] Геогр[афического] общества»), масса древностей и сказаний о них и пр. пр. Кое-что мною собрано и собирается. Метеорологическая станция открыта с октября (нового) ст[иля] прошлого года и действует исправно. Оказывается (из 5 месяч[ных] наблюдений), что Кашгар не так сух, как предполагалось, а, следов[ательно], при его относительной высоте (4 т[ысячи] ф[утов]) не далёк от климата нашей южной России и может быть культивирован разнообразнее, чем, напр[имер], Фергана.

Кстати о культуре. Горжусь, что я первый развёл здесь индейских кур, раздавая цыплят мусульманам и китайцам. В прошлом году раздал в Кашгаре и отослал в Яркенд семена американского хлопка. О результатах посева – ещё не знаю.

Искренно преданный и глубоко уважающий Вас
Н. Петровский

РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 466. Л. 262 – 263 об.

92

Ф.Р. Остен-Сакену

Кашгар. 3 марта 1887 г.

Глубокоуважаемый Фёдор Романович.

Имею к Вашему превосходительству две просьбы. Читал я недавно в какой-то газете, что в Географическое общество представлено было

кем-то описание климата в каком-то округе в Сибири по программе, составленной Воейковым¹⁸⁶. Вы, вероятно, знаете, что это за программа и где её можно достать. Позвольте, поэтому, просить Вас поручить кому-нибудь достать эту программу и переслать ко мне. Судя по сочинению Воейкова о климате, надо думать, что программа составлена отлично. Мне она будет нужна для описания здешнего климата.

Другая просьба состоит в том, что в нынешнем году я намерен воспользоваться[ся] законным отпуском (на который имею право), но не знаю, как это делается, т.е. кому подаётся прошение, какие статьи закона в нём указываются, как испрашиваются путевые деньги и пр. Окажите мне милость, приказав составить примерное прошение, и будьте любезны переслать оное мне.

Из новостей наших может заслуживать Вашего внимания возвращение из Урумчи в Яркенд и отъезд оттуда в Индию англичан Дальглейша и Кэри, которые, выйдя в прошлом году из Хотана, прошли по следам Пржевальского, очевидно, его поверяя, были на Лобноре, в Сачжоу, Хами и через Урумчи возвратились в Яркенд. Китайцы везде принимали их с большим почётом. Правы Вы оказываетесь в приговоре Вашем о Кумани. Пишет мне, что он в надежде получить от меня приятные известия, и нельзя ли дело об изгнании аксакалов, прежде представления Миссии, обсудить на месте. Отвечал, что после полной невозможности обсудить на месте, я принуждён был послать, начиная с 1884 г., в Миссию шесть подробных о деле этом донесений, из которых можно видеть, что без поддержки Миссии никаких результатов достигнуть нельзя. Боюсь, чтобы он совсем не испортил, и без того дурное, положение дел в Западном Китае.

В прошлом письме я забыл представить на Ваше усмотрение моё мнение, что хорошо бы было шепнуть пруссакам или баварцам о необходимости поблагодарить Геогр[афическое] общество за пожертвования на памятник Шлагинтвейта. Может быть, они сами догадаются об этом.

Пишут о предстоящих у нас, будто бы, переменах. Называют Игнатьева и Адлербега¹⁸⁷. Есть ли в этом хоть малая доля правды? Будь здесь Фёдор Карлович, он мне проболтал бы всё ибо (не раз говорил мне), что брат ходит к нему и всё рассказывает только тогда, когда начинаются слухи, что его смещают.

Искренно преданный

Н. Петровский

РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 466. Л. 264 – 265 об.

Кашгар. 29 апреля 1887 г.

Глубокоуважаемый Фёдор Романович.

Отвечаю на Ваше последнее письмо. Вы хвалите меня за деятельность. Глубоко Вам за это благодарен – не потому, что достоин похвалы (это ещё вопрос), а за то, что Вы один обращаете внимание на мою деятельность и поддерживаете меня Вашим одобрением. Другие не только не хвалят, но даже бранят меня. Из прилагаемой копии моего ответа на анонимное письмо ко мне (выпущенное если не из редакции, то из кружка «Московских ведомостей»), Вы увидите, в чём дело. Теперь квасной патриотизм опять пошёл в моду, и в нём, как и везде и во всём, мы дойдём до всяческих нелепиц. Без этого у нас нельзя.

На днях я послал Зиновьеву частное письмо, в котором изложил ему мои соображения по вопросу об устройстве Закаспийской области, о присоединении которой к Русскому Туркестану хлопочет, кажется, Розенбах. Я высказал в этом письме, что политическая роль Русского Туркестана кончена, что ему нужно, наконец, перейти на путь развития своих промышленных и торговых сил и забыть все вопросы политики. Генер[ал]-губ[ернатор] не может управлять, через Бухару, этою областью и, благодаря всяким завлекательным вопросам, этою областью возбуждаемым, будет заниматься не делами управления (что требует изучения страны, усидчивости и труда), а сованием своего носа в политические вопросы, на что, нередко, нужно только бойкое перо чиновн[ика] особ[ых] поручений, и пр. в этом роде. Не знаю – сторонник ли Зиновьев присоединения или нет.

У нас, в Кашгарии, стало немного лучше. Могу сказать с гордостью, что твёрдая, ни шагу не уступающая в своих требованиях деятельность консульства принесла-таки хорошие результаты. Медленно, на почве совершенной законности, я скрутил понемногу китайцев. Долго рассказывать – как это сделалось. Укажу на один пример. Заботясь о своём престиже, они постоянно переманивали, угрозой и лаской, в китайское подданство наших мусульман. Я указал, письменно, сим последним, а также и китайцам, русские законы об оставлении подданства, и объявил, что таким перебежчикам не буду давать и свидетельствовать билеты на поездки в русские владения, где, в случае их тайного прибытия, их будут ловить и ссылать в Сибирь. После такого объявления все китайские происки прекратились. Постоянными жалобами на неправильность в ведении пограничных дел и угрозой, что буду просить сюда следователя из Пекина, я так напугал сановника Лю, что [он] решился прогнать своего любимца, даотая Хуанга, – и все китайские здешние чиновники опять присмирели: теперь то и дело, что «как Вам угодно», «если Вы желаете», «сейчас исполним» и пр. Зная китайский характер,

я не особенно увлекаюсь всем этим, но всё-таки не могу сказать, что дела у нас идут хуже прежнего. Да, отличилось Министерство опровержением корреспонденции Молчанова. Теперь «Новое время» (знаю я тамошних) этого не забудет и при всяком удобном случае станет подпускать М[инистерст]ву шпильки.

Глубоко благодарен Вам за труды по делу Шлагинтвейта. Памятник ему я поставлю не на месте убийения, а на русском кладбище. Это потому, что на месте убийения не позволяют китайцы, да и поставить памятник на пустынном месте у проезжей дороги – опасно, чтобы не украли доску и даже не убили бы, ради неё, караульщика, если бы таковой и нашёлся.

Если я Вам пришло рисунок места убийения и рассказ туземца-очевидца об убийении Шл[агинтвейта], то не желаете ли Вы напечатать его, где-нибудь у немцев? Для русских рассказ этот вряд ли будет интересен.

Знаете ли Вы книгу А. Reville'я¹⁸⁸ «Prolégomènes de l'histoire des religions»? Читаю её теперь. Превосходная вещь!

Искренно и глубоко Вам преданный

Н. Петровский

P. S. Письмо я послал к секретарю редакции (не запечатанное), прося передать его «соотечественнику», если редакция его знает, или вызвать его, для получения письма, чрез объявление, дабы узнать – на каком основании он указал адрес редакции. К сему присовокупляю, что печатать письма нельзя, ибо вступать в какую то ни было полемику я не имею права.

РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 466. Л. 267 – 268 об.

94

Н.М. Пржевальскому

Каушгар. 20 мая 1887 г.

Многоуважаемый Николай Михайлович!

Письмо Вашего превосходительства имел удовольствие получить. На образование милиции и на переселение (предполагаемое) здешних мусульман к Хами, по-видимому, обращено, в наших высших сферах, должное внимание. Предположения эти пока не приводятся в должное исполнение потому, думаю я, что китайцы не могут отыскать влиятельного и преданного им мусульманина (всё почти служилое сословие Якуб-бека живёт у нас), годного устроить милицию, – и что боятся

встретить отпор в населении, если станут переселять оное за пределы Кашгарии. Под рукой я растолковал некоторым кашгарским мусульманам истинное значение этой меры и опасность, которая им угрожает, в случае её осуществления.

Вчера пришёл сюда слух из Кульджи о готовящемся там большом бунте китайских солдат, вследствие чего все лавки закрыты и товары попрятаны. Официального ещё ничего не получил.

Нельзя ли мне прислать хоть для прочтения тот номер, где помещена статья Кэри? Проверив её, я написал бы Вам о его путешествии подробно, кроме того, что сообщил ранее.

В Аз[иатский] д[епартамент] я послал недавно краткие сведения о хотанском золоте с рисунками самородков, которые встречаются на дешнем базаре.

Что Вам препятствует идти в Тибет из Индии – по одной из тех дорог, которые указаны в «а Map of trade Routes to Tibet from the lower provinces of Bengal»? (Приложение к отчёту вице-короля за 1872–73 г.). О Тибете я напишу Вам, впрочем, поподробнее в следующем письме, когда расспрошу о путях кое-что у знающих туземцев. Благодарю за обещание прислать Ваше будущее сочинение. Конечно, оно будет полно такими же драгоценными данными, какие заключали в себе все другие Ваши труды, начиная с описания Уссурийского края, которое я внимательно и с большим удовольствием читал некогда в Петербурге, собираясь в командировку на Амур.

Искренно преданный

Н. Петровский

Р. S. На Памир проехали, пробираясь в Канджунт, Бонвало¹⁸⁹ и Капнос, ознаменовав себя пока дракой на каком то пограничном карауле (о чём мне китайцы официально сообщили); на Памир же едет и Грум-Гржимайло, приехавший в прошлом году в Кашгар, главным образом для покупки ковра какому-то своему высокому покровителю.

АРГО. Ф. 13. Оп. 2. Д. 185. Л. 29–30.

95

Ф.Р. Остен-Сакену

Кашгар. 22 августа 1887 г.

Глубокоуважаемый Федор Романович.

При сём препровождается к Вашему превосходительству копия переписки по поводу нового происшествия с г. Грум-Гржимайло. Этот мо-

лодой человек уже в прошлом году задал мне работы, небезобразничав на кит[айском] карауле Мин-Юль, а теперь с вооружёнными казаками, без пропускного билета, перешёл границу и требовал, чтобы ему указали дорогу в Канджугт. Китайцы, разумеется, сейчас же возбудили об этом переписку; я попросил Грума удалиться с границы, а он написал мне глупо-дерзкий ответ. Если бы он меня не послушался, то китайцы, наверно, обезоружили бы его и казаков и привели бы их с триумфом в консульство. А если бы казачки начали стрелять, то дело стало бы очень серьёзным.

Удивляюсь я, кто этому юноше покровительствует и даёт ему деньги на бесплодное шатание¹⁹⁰. Запас его знаний крайне не велик, умения вести исследования и обращаться с инструментами совсем нет, а сомнения – масса. В разговоре только и слышится: Гумбольдт ошибся, Рихтгофен ошибается, Пржевальский мог бы сделать более, я нашёл, я определил и пр. Вы лучше меня знаете, как высоко, в мире географических исследований, стоят труды наших путешественников по Средней Азии. Боюсь я, чтобы новые путешественники, вроде г. Грума, своими неосновательными трудами и легкомысленными мнениями, не дискредитировали все прежние исследования. На это нужно обратить серьёзное внимание. Географическому обществу, подобно обществу Археологическому, следует взять в свои руки и под свой контроль все вообще географические исследования, на чей бы счёт они не производились. Разницы, думаю я, решительно нет в том, будет ли неправильно разрыт курган или неверно определено направление хребта, древность пласта, существование ледника и пр., а между тем Археолог[ическое] общество не всякому даёт рыть курганы, снимать планы городищ и пр. и даёт только тем, кто заявил себя на этом поприще учёными трудами.

Посылаю заметку о Берженчее (масса опечаток).

За поправку программы очень благодарю Вас; действительно я пропустил эти нужные вопросы. Программу прислали на заключение Розенбаха, который нашёл её отличною, но трудно исполнимою, за отсутствием смысленных разведчиков¹⁹¹. Если это так (а это не так), то никаких разведчиков не нужно, будем пробавляться, по-прежнему, базарными слухами.

Отпуск я себе приостановил ещё на год: хочется окончить кое-какие частные мои работы.

Искренно и душевно преданный

Н. Петровский

РГАДА. Ф. 1385. Он. 1. Д. 466. Л. 269 – 270 об.

Н.М. Пржевальскому

Кашгар. 28 августа 1887 г.

Многоуважаемый Николай Михайлович.

Отвечаю на Ваше последнее письмо подробно. Рассчитывать на какое-либо, даже самое малейшее, содействие китайцев, даже имея из Пекина всевозможные приказания, – никак не возможно; можно рассчитывать на прямое, кривое, явное и скрытое противодействие: губернатор Синьцзянской провинции (Новой линии) – величайший мерзавец, нахал и прохвост, ненавидящий русских. В Пекине, конечно, дадут Вам широковещательный пропускной лист, но вместе с тем напишут этому мерзавцу, секретно, делать Вам всякие мерзости. Мой совет был бы Вам таков. Вам нужен Тибет, следовательно, главная цель должна быть в том, чтобы проникнуть туда возможно быстро, а для сего и идти по пути самому ближайшему, т.е., иначе, заготовив, прежде всего, разрешение Пекина, а затем всё, что нужно для путешествия, явиться в Фергану, и через наш Памир, китайский Сарыкол, минуя Кашгар, Янги-Гиссар и даже, Яркенд, очутиться в Хотане и идти далее¹⁹². Войск китайских здесь почти нет, следовательно, ожидать прямого сопротивления невозможно. От такого быстрого марша китайцы, разумеется, опешат, и пока будут спрашивать у Лю, из Урумчи, наставлений – какие чинить Вам пакости, Вы уже будете далеко; а затем, как всегда, сознав своё бессилие, китайцы успокоятся. Конечно, всем, чем следует, помогу и я.

Если бы мне приказали сделать то, о чём Вы пишете, то обделал бы это я «чисто» (не хуже, чем Кауфман взял Хиву); а без приказания всякая попытка будет вредна: если мусульманское движение, когда оно возникнет, не поддержат (и вероятнее всего, что не поддержат), то китайцы предпримут здесь такие меры (высылят мусульман, населят китайцев, обездолят всё, что может представлять сопротивление и пр.), что всякая попытка, в этом направлении, в будущем станет невозможною. Я думаю, что сами китайцы, постыдным поведением своим по всей нашей с ними границе, переполняют, наконец, терпение нашего правительства, и тогда Кашгар и Кульджа возымеют своё значение. А когда это терпение лопнет?

Здесь то и дело, что шмыгают англичане; на днях один за другим, проехали из Внутр[еннего] Китая в Индию двое: Bellor и Young-Husband¹⁹³ (последнее имя, кажется, вымышленное). Оба были у меня, оба военные; путешествуют «для своего удовольствия», останавливаясь в городах всего по несколько часов (!). На вид – порядочные олухи и невежды – ровно ничего не знают. Для какой цели посылаются – решительно недоумеваю.

С Грум-Гржимайло опять скандал: приехал в Сарыкол без билета с вооружёнными казаками, рвался в Канджугт. Китайцы подняли шум и

пр. Эти господа, якобы учёные, путешествующие на шереметевский¹⁹⁴ счёт (не каламбур) только увеличивают затруднения для других.

Искренно преданный

Н. Петровский

Относительно англичанина Кэри не могу Вам сообщить более того, что сообщил ранее. Думается мне, что вся цель его путешествия заключается в намерении умалить значение Вашего путешествия, а вместе с тем и нашего, русского, престижа; вот, мол, что сделал русский, то же сделал и англичанин, да и без конвоя. На туземцев он впечатления не произвёл – это верно; сартишек наших я хорошо знаю. Тюря с казаками они понимают и знают, что это сила, а фаренг, без внушительной обстановки, для них прохвост, ушедший с родины, несомненно, потому, что жить ему там было плохо. По Ср[едней] Азии нужно путешествовать либо внушительно, либо с товарами; иначе учёный, дивана, нищий, прохвост – здесь одинаков.

О золоте я писал обстоятельно. Один здешний торговец заявил было желание вывозить оное (я слышал, что запрещено) к нам. Представил на усмотрение с своим заключением.

Кстати. Составил я программу вопросов и наставление (на двух языках: тюркском и персидском) политическим разведчикам. Фёдор Романович нашёл её превосходной. Думаю, что и Вам нелишне бы было посмотреть её, а Штабу или Министерству напечатать, для пограничных властей и переводчиков, и агентов при путешественниках она весьма пригодна. Не оставляйте меня сообщениями о положении дел в мире высших. Это мне важно для общего ведения наших дел, ибо по персидской пословице ваку аз ваку – *il faut remédier à un accident avant qu' il n'ait lien**.

Ваш Н. Петровский

АРГО. Ф. 13. Оп. 2. Д. 185. Л. 31 – 33 об.

97

Н.М. Пржевальскому

Кашигар. 21 ноября 1887 г.

Многоуважаемый Николай Михайлович.

Я прочёл в «Нов[ом] времени» Ваш ответ Георгиевскому¹⁹⁵ и нахожу его прекрасным. Крайне необходимо, не ради гг. Георгиевских, а для вразумления многих из сильных мира сего, несомненно, очень доверчиво

---

* Надо предотвращать несчастный случай до того, как он наступит (*фр.*).

отнёсшихся к статье «Вестника Европы», разубедить, что портовый Китай – одно, а внутренний – другое, что никакого единства (а, следовательно, и страха, оным порождаемого) в Китае нет, и бояться этого единства – нелепо. До сих пор наши синологи не показали нам Китай в том именно, что должно нас особенно интересовать, – не показали, что Китай есть агрегат разнообразных местностей с самой слабой административной связью и без всякого сознания в народе общности интересов. Это – труп, может быть, когда-то сильного государства, обманывающий проявлением своей мнимой жизненности только тех, кто читал только учебники или видел Китай в портах, где изолгавшиеся мандарины умеют мастерски втирать очки доверчивым европейцам. Сила Китая – такое же историческое заблуждение, какое существовало, наприм[ер], относительно Бухары, Хивы (благодаря походам Черкасского Бековича¹⁹⁶ и Перовского¹⁹⁷). Надо видеть Китай не в портах, а напр[имер] здесь, где он нараспашку, во всей своей непригодности к жизни и к прогрессу. Многое можно было бы написать по поводу этого заблуждения, да кому писать? Вам? Учёного учить – только портить. Не могу, однако ж, не остановиться на страхе массы. В наш материальный век, памятуя массу, совсем забыли о духе. Что такое масса, если она мусор. Чему обязан Чингисхан¹⁹⁸ своими громадными завоеваниями? Каким образом дикарь, со своими толпами умел разбивать армии государств цивилизованных? Дело в том, прежде всего, что образование силы безнравственной уступает, хотя и дикой, силе нравственной; образованность, цивилизация не есть нравственность. Никакие пушки, никакие массы людей не принесут пользы войску, если в нём нет нравственной силы, нет духа, нет идеи, которая двигала бы эти массы, и нет внешнего выражения этого сознания – дисциплины. Есть что-либо похуже на это у китайца вообще и у китайского солдата в особенности?

Затем (возвращаясь к статье Георгиевского), что такое за авторитет Симон?¹⁹⁹ Пусть прочтёт он книгу хоть Гюка²⁰⁰ и Габе²⁰¹, авторитет которых, конечно, побольше симоновских, где Китай является в его истинном свете. Однако довольно. Из новостей могу Вам сообщить не много. Китайцы стали здесь помирнее (считаю это своею прямою заслугой и нисколько не желаю в том скромничать); в других местах безобразия прежние. Вот что пишет мне из Хами купец Тюстин (сведения только для Вас).

Приостанавливаю выписку из письма Тюстина, ибо сейчас получил Ваше письмо, на которое спешу ответить с сегодняшним же джигитом.

Путь на Памир вовсе не так труден, как Вы думаете: в летнее время там большое стечение кочевников. Впрочем, советовать не могу.

В Хами давно уже нет тех китайцев, которых Вы видели, да Хами перестал быть резиденцией губернатора, который живёт теперь в Урумчи, управляя Синьцзянской провинцией (Кашгария, Или, Тарбагатай и часть Ганьсу). Губернатор этот – Лю Чжаошай (Лю Цзиньтан, иначе называемый) – величайший мерзавец, нахал, пакостник и ненавистник рус-

ских. От него никакого содействия Вам ждать невозможно, а можно рассчитывать на всякие препятствия. Под него я уже подвёл мины, и, может быть, с помощью миссии, мне удастся его сплавить. – В Хами и Баркуле войск теперь не много; все они в Урумчи, но, сравнительно с Кашгарией, где теперь не наберётся и 5 т[ысяч], войск в той местности довольно – тысяч до 30-ти. Неудовольствие в войсках по случаю задержек жалования большое; то и дело вспыхивают мелкие бунтики. На днях, здесь, по случаю распоряжения властей о приёме, при платежах, серебряной монеты на вес, солдаты сорвали объявления властей, топтали и обмазали эти объявления говном, а затем заявили, что такого распоряжения они слушаться не станут.

Провинция Синьцзян устроена, но не вполне по типу китайских провинций. В отчёте нашем (Вам известном) Вы найдёте это устройство.

Если будете вновь отвечать Георгиевскому, загляните в Гюка и Габе, особенно VIII, IX и след[ующие] главы II го тома, да загляните в сочинение Рошуара.

Гюка и Габе (кит[айское] путеш[ествие]) следовало бы перевести на русский язык, ибо перевод Симона может распространиться и дать самое ложное понятие о Китае

Инстр[укция] моя, смею думать недурная (спросите Фёдор[а] Романовича) и может пригодиться даже и Вам. Если она будет напечатана, то советую Вам взять не печатный экземпляр, а заставить переписать для Вас персидский и тюркский тексты оной. По ним Вы можете потом обучить Ваших переводчиков и разведчиков.

Тюстин сообщает (выписку сделать некогда), что товары русских торговцев три м[еся]ца оставались в Хами запечатанными, что грозили водить торговцев на цепи по городу, что при допросах требовали стояния на коленях, а ослушников подвешивали и били палками. Что 2-й драгом[ан] миссии (Вахович²⁰²), приехавший в Хами для следствия, во всём этом вполне убедился.

Пожалуйста, спрашивайте, что Вам нужно
Искренно преданный

Н. Петровский

АРГО. Ф. 13. Оп. 2. Д. 185. Л. 34 – 37 об.

98

Н.М. Пржевальскому

Кашгар. 15 февраля 1888 г.

Многоуважаемый Николай Михайлович.

Письмо Ваше, извещающее о предстоящем Вам, новом, путешествии,

получил. Сердечно поздравляю Вас с успехом в достижении желания Вашего. Путешествия Ваши по Азии, полные самоотвержения, смелости и отваги, важны столько же для науки, сколько, если не более, для государства и его исконной, по отношению к Азии, политике: Вас не забудут учёные, Вашими исследованиями и трудами будут всегда пользоваться и руководствоваться, – это, конечно заслуга великая; но более её ставлю я то, что Вас не забудут народы и племена Азии, которым, в лице Вашем и Ваших храбрых спутников, Вы наглядно показали, и в уме которых, надолго, если не навсегда, запечатлели величие России, её мощь и силу. Этих двух качеств – учёного и патриота, так совершенно соединившихся в одном лице, не имел, сколько мне известно, ещё ни один из знаменитых путешественников.

После такой характеристики Вашего превосходительства перехожу к ответам на Ваше письмо, излагая оные по пунктам, а именно:

1-е. Маршрут Ваш признаётся мною вполне правильным. Должен, однако, дополнить его условием непременно получения паспорта из Цзунлиямыня. раз этот паспорт будет у Вас в руках, то, во-первых, все здешние китайские власти – формалисты и трусы, прежде всего – махнут на Вас рукой, Цзунлиямынь де разрешил, а мы не причём; а во-вторых, тогда всякое Вам препятствие со стороны сих властей, если оно даже и будет, будет уже нарушением приказаний Цзунлиямыня, и даст мне твёрдую почву для различных мероприятий. Без билета же Ц[зун]лиямыня здешние мандарины, во-первых, перепугаются, будут писать туда-сюда, спорить, делать пакости, оправдываться и пр[очее] Вам известное, к озлоблению моему и Вашему, чинить неукоснительно.

2. В Верном есть два бывших урядника, учившиеся по-китайски и маньчжурски и кончившие учение, Бахирев и Шебалин, порядочные люди, знающие и по-киргизски; по-монгольски они не знают. На случай имейте их в виду. Я хотел было взять кого-нибудь из них в консульство, да нет у меня для этого средств. За переводчиком монгольским я советовал бы Вам обратиться к Шишмарёву²⁰³ в Ургу. Сам он монгол. – Мне кажется, что маньчжурского языка Вам совсем не нужно: все здешние мандарины – китайцы и по-маньчжурски не знают. Нужен Вам русско-монголо-китай-тюрк (такого, впрочем, найти очень трудно), или два: русско-монгол и китай-тюрк (что легче), или три: русско-тюрк, китай-тюрк (или дунганин-тюрк) и монголо-китай. Первых двух достать легко.

3. Верблюды здесь (т.е. в Кашгарии) дороги. Было бы лучше, если Вы закупите их в Аулие-Ата, Чимкенте, Ташкенте и перегоните их по-рогнем, за Тянь-Шань.

Кажется, пока, всё, что желал сообщить по новому предприятию.

Инструкцию мою разведчикам и программу вопросов им (на персидск[ом], тюрк[ском] и русском языках) нужно осторожно попросить в Аз[иатском] д[епартамен]те, куда она представлена. Никаких условий

я ставить не могу и не желаю, разве только попрошу штук 20 оттисков. Если захотят напечатать, то необходимо печатать все тексты, иначе – не будет (в напечатании одного русского текста) никакой цели²⁰⁴.

Искренно преданный

Н. Петровский

АРГО. Ф. 13. Он. 2. Д. 185. Л. 6 – 8 об.

99

Н.М. Пржевальскому

Кашгар. 9 сентября 1888 г.

Многоуважаемый Николай Михайлович.

Письмо Ваше, а также и телеграмму (из Москвы), я получил. Благодарю Вас за память обо мне, выразившуюся в присылке мне Вашей книги, которая ещё ко мне не дошла. Очень рад, что тревоги относительно Вашего путешествия окончились благополучно, в чём я, по правде сказать, немного сомневался, зная общее теперешнее настроение. Затем не лишним думаю Вам сказать, что китайцев здешних, по крайней мере, временно, я усмирил: по моим клязам отсюда прогнали прежнего даотая и, может быть, прогонят Лю Чжаошая (в Урумчи). Полагаю поэтому, что путешествовать Вам будет полегче прежнего. Вообще, постараюсь подготовить для Вас всё, что будет в моей возможности, и, может быть, если Вы сами не завернёте в Кашгар, – выеду повидаться с Вами на пересек Вашего пути (к Маралбаши?).

В Караколе теперь отличный, распорядительный уездный начальник – Игумнов; не такая ж-а, как был Колпаковский. Значит, тут Вам будет некая помощь. Хотел немного помочь афганск[ому] восстанию Гл[авный] штаб и (кажется) Государь тоже соизволял; но Розенбах, как слышно, против. Если это так, то, вероятно, он будет с Вами о том беседовать. Уверьте его, что ему – военному человеку – не следует говорить такие глупости: к афганскому вопросу нам нельзя относиться безучастно и представлять его решать, без нашего участия, Англии. Это – не понимать всей нашей политики в Ср[едней] Азии.

Письмо это отдаст Вам мой родной брат Сергей, к которому Вы можете, в случае какой-либо надобности, обратиться.

Ваш Н. Петровский

АРГО. Ф. 13. Он. 2. Д. 185. Л. 1–2.

Н.М. Пржевальскому*Кашигар. 15 сентября 1888 г.*

Многоуважаемый Николай Михайлович.

Паспорта Вам из Цзунлиямыня до сих пор не получил. Примите на всякий случай мой привет. Когда паспорт получу – сообщу в Каракол. Да почему билет этот должен быть прислан ко мне – как Вы о том пишете? Есть здесь католический миссионер, пастор Гейнрикс. Сообщил он мне, что в Тибете имеются, будто бы миссионеры. Если желаете – я возьму у него для Вас письмо к этим миссионерам; но кажется мне, что г. Гейнрикс врёт.

Из Каракола Вы дайте мне (и не раз) о себе весть.

Искренно преданный

Н. Петровский

АРГО. Ф. 13. Оп. 2. Д. 185. Л. 3 – 3 об.

Ф.А. Фельдману²⁰⁵*Кашигар. 14 октября 1888 г.*

Милостивый государь Фёдор Александрович.

Письма Вашего превосходительства, официальное и частное, имел я удовольствие получить только два дня тому назад (сообщения наши с Ферганой происходят всего два раза в месяц).

Принося Вам большую благодарность за Ваше благосклонное участие в деле, которое меня давно интересует, я выскажу Вам откровенно, что вознаграждение за труд не стоит у меня на первом месте: я желал бы, чтобы труд мой, который я выполняю – смею думать – добросовестно, был хорошо издан, т.е. хорошо корректурован, на порядочной бумаге и пр., а что касается до вознаграждения, то, получая здесь хорошее содержание, я за ним не гонюсь, даже скажу более – я готов дать этот труд в распоряжение Штаба *gratis*^{*}, лишь бы он был хорошо издан, и мне было бы дано экземпляров сто для раздачи.

Со следующей почтой, т.е. через две недели, я представлю Вашему превосходительству подробную программу этого труда²⁰⁶, и стану по ней работать, а Вас прошу оказать мне любезность внимательно просмотреть эту программу и меня уведомить: что необходимо изменить, в

^{*} Даром (*лат.*).

общем, дополнить или убавить в частностях. Путеводитель или руководство будет состоять из трёх частей: а) пособия для разного рода наблюдений учёного характера, – сжато, без всяких разглагольствований, написанного и снабжённого небольшим количеством чертежей и разных таблиц вспомогательных. Эта часть предназначается для тех, кто такие наблюдения знает, может произвести и нуждается лишь в пособии для освежения, так сказать, памяти; б) систематические поставленные вопросы по разным отраслям знания, на которые резидент и путешественник по своему разумению, способностям и др[угим] условиям может собрать и дать ответы. Эта часть особенно важная: я сам знаю по опыту (а я человек, кажется, бывалый), как трудно, в массе новых впечатлений, дорожных забот и пр., сосредоточиться и не забыть записать всего, что записать нужно. Систематические поставленные вопросы дают в этом случае неоценимую услугу; в) третья часть будет заключать разные, полезные для путешественника сведения (в английск[их] руководствах таких сведений масса).

Вот, Ваше превосходительство, суть программы и руководства, подробности и частности Вы усмотрите из самой программы, которую я Вам представляю.

Затем я должен сказать, что самостоятельного в моём труде будет очень немного: после таких превосходных руководств, которые составлены иностранцами (да и, притом, учёными первой величины), было бы смешно бить на самостоятельность труда. Заслуга моя, если она в сём деле окажется, будет состоять лишь в приспособлении этих иностранных руководств к требованиям наших резидентов и путешественников, – в собрании этих руководств в одну общую, русскую редакцию.

Кажется это всё, что я намерен был сообщить в ответ на благосклонное письмо Ваше.

Прошу принять, Ваше превосходительство, уверение в глубоком моём к Вам уважении

Н. Петровский

*РГВИА. Ф. 401(Военно-учёный архив Главного штаба). Оп. 4.
Д. 57. Л. 8–11.*

102

Ф.Р. Остен-Сакену

Кашгар. 17 ноября 1888 г.

Глубокоуважаемый Фёдор Романович.

Сильно я перед Вами виноват за долгое своё молчание и глубоко это чувствую; но и много основательных причин такого молчания: страдал

я сильно ревматизмом, ходил на костылях, болел (да и ещё болею) глазами и вообще теряю силы и энергию.

Начну с самого новейшего. Прислал мне канджутский хан письмо и послание к Государю, что он, Сафдар Али-хан, готов, де, быть слугою Белого Царя. Послал я эти письма в А[зиатский] д[епартамент] с скромным донесением, что, по мнению моему, С[афдар] А[ли]-хану можно было бы сообщить, при случае, что писать Государю нельзя, и что с своими заявлениями ему надлежит обратиться к Розенбаху. Вышло совершенно для меня неожиданное: мне официально сообщили, что, с высочайшего соизволения, дело это Розенбаху поручено не будет, а приказывается мне сообщить хану, что правительство (хорошо понимает он слово правительство – он, для которого эти абстракты недоступная вещь!) приняло с удовольствием его желание быть к услугам России (опять вещь для него непонятная, ибо, по его убеждению, служить можно только Богу и хану). Хорошо. Затем приказано было дать письмо к хану г. Громбчевскому, и написать, что сей господин, ради своего удовольствия только, а никак не в качестве посланника, захотел прогуляться в Канджут; приказано также дать г. Громбчевскому соответственную сему инструкцию. Поймите теперь, что из всего этого выходит. Хан написал письмо Государю, я говорю ему, что правительство (а он понимает – царь) письмом осталось довольно, затем я пишу ему, что к нему едет русский путешественник, а он, конечно и естественно, видит в нём посланника, едущего к нему вследствие письма его к Государю. Происходит странное объяснение Громбчевского с ханом (европейца с азиатом). Первый говорит: я приехал по своей воле и желанию, второй возражает: я этому не верю, я не могу понять, чтобы у такого великого Государя, каков Белый Царь, какой-либо подданный смел уехать из страны без надобности и позволения, у меня и птица не может вылететь отсюда без моего разрешения и пр. Таким образом хан остался убеждённым, что у него был посланник, который не признался в том только потому, что утаил для себя царские ему, хану, подарки (это он прямо выражал Громбчевскому). С Громбчевским хан присылает письма мне, Гирсу²⁰⁷ и Розенбаху и сообщает в них, что шлёт к нам своего посла, Абдулла-диван-беги (маленький торговец, служащий у меня, иногда, на посылках). Вот как всегда кончаются необдуманно начатые дела. Почему нужно было непременно теперь, после письма хана, посылать изучать Канджут, почему – Громбчевского, которого всякая собака на границе знает, что он офицер и губернаторский советник, почему нужно было выражать хану удовольствие за его преданность, когда мы помогать ему никогда не станем и не можем? и пр. пр. – всё это такие вопросы, которые совсем не были в Петербурге обдуманы. Из моей инструкции г. Громбчевскому (совершенно, кстати сказать, А[зиатским] д[епартамент]ом одобренной) Вы увидите, как мне трудно было написать что-либо определённое, хотя политическое положение не только Канджута, но и Читрала, Гильгита, я знаю – смею сказать – далеко

лучше (благодаря сношениям с туземцами), чем все бывшие там путешественники. Если бы М[инистерст]во хоть раз, хоть в общих чертах, дало мне указание, что намерено оно совершить по отношению к Бадахшану, Шугану, Рушану, Вахану, Канджуту, Читралу и пр. – завязывать сношения или отклонять, способствовать объединению или раздроблению и пр. – я, конечно, с охотой принял бы за это дело, а теперь, чем дальше от этих дел, тем лучше.

Затем о делах более древних. Удалось мне, наконец, осилить упрямство китайцев по делу о памятнике Шлагинтвейту. Благодаря Кумани и Брандту²⁰⁸, Цзунлиямынь²⁰⁹ теперь уже как будто требует, чтобы я поставил поскорее памятник. Работы уже начаты и через месяц или два всё будет окончено и Вам донесено с фотографиями мною самим снятыми. Теперь, как образец моей работы, посылаю Вам (только для Вас): а) вид местности, где был убит Шлагинтвейт и где сооружается ему памятник (фот[ография] с него будет снята) и б) вид г. Кашгара с возвышенности на северной стороне. Фотографирую я с большими перерывами по случаю болезни, с весны; кое-что интересное (утварь, костюмы, сцены) успел снять; инструмент у меня прекрасный (англ[ийская] камера, объектив Штейнгеля и Гермажиса). Фотографией увлекся и наш секретарь и выписал себе такой же инструмент.

Перед смертью Пржев[альский] прислал мне письмо с разными своими распоряжениями и свою книгу²¹⁰, которая меня совсем не удовлетворяет: много взято из прежнего, а две главы, кажется, и совсем не нужны; я разумею, «Как путешеств[овать]» и «Положение Центр[альной] Азии». Видно, работал наспех, желая скорее вырваться из Петербурга.

Делами консульства я, могу сказать, доволен: китайцы значительно смирились, и положение наших подданных стало далеко лучше прежнего. Доволен я очень и Кумани; очень отзывчивый на все наши представления, и дела у него долго не залеживаются.

Секретарь едет в отпуск, а после непреренно поеду и я; задержали меня семейные мои дела. Поеду я для освежения себя, а не для просьбы о перемене места, в чём, пока, не вижу надобности, но имею право желать учрежд[ения] в Кашгаре консульства генерального. У нас здесь и дел более, и дела серьезнее, чем, напр[имер], в Урге, пять лет мы вынесли на своих плечах много невзгод; одна наша переписка с разными лицами и учрежд[ениями] Туркестана и Семиречья (долги, наследства, перекочёвки киргиз[ов], беглые и пр.) достигает до тысячи номеров в год. А[зиатскому] д[епартамен]ту следовало бы об этом подумать.

Знакомы ли Вы с ген[ералом] Фельдманом? Если да – то, при свидании и при случае, будьте любезны, спросите у него мою программу «Спутника путешественников» и выскажите о ней Ваше мнение (мне). Посылая эту программу Фельдману, я думал о Вас, как о председателе работ и о разных учёных, как о сотрудниках. Так именно и следовало бы приняться за дело. Но Учён[ый] комитет, вероятно, вопроса так не

поставит, и предложит исполнить программу мне самому, а мне останется перевести (в извлечениях) Бальтона, Калтбруннера, Нимейра и др. Недурно бы было если Фельдм[ан] показал Вам мои письма по этому делу. Здесь можно бы было хорошо работать, но полицейский характер консульства решительно мешает отдаться чему-нибудь на более продолжительное время: каждый день разборки мелких дел, претензий, ссор, свидетельствование прибывших с китайского караула лиц, визы кит[айских] билетов (сейчас подписал 1780-й билет, китайский для уезжающих к нам кашгарцев), переписка со следователями о вызове свидетелей, грабежах, пригульном скоте и пр. – всё это берёт очень много времени, а мы даже и писца хорошего иметь не можем.

Неужели Вы не соберётесь посмотреть новую дорогу²¹¹, Бухару, Самарканд, Фергану? Теперь это близко и недорого. Мы только ещё остаёмся за пределами цивилизации.

Надо бы ещё написать об Афганистане. Чудные дела творятся относительно его в Петербурге. Это – до следующего раза.

Искренно преданный и глубоко уважающий Вас
Н. Петровский

РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 466. Л. 271 – 274 об.

103

Ф.Р. Остен-Сакену

Кашгар. 28 ноября 1888 г.

Глубокоуважаемый барон Фёдор Романович.

Настоящее письмо моё вручит Вам секретарь нашего консульства Яков Яковлевич Лютш, которого я особенно рекомендую Вашему вниманию. Со времени открытия консульства, в течение пяти лет, я прожил с Яковом Яковлевичем душа в душу; мы вынесли с ним вместе все невзгоды нашего нового положения, боролись с китайцами, скорбели о забвении нас Петербургом и делили те малые радости, которые изредка выпадали нам на долю. Если в Кашгарском консульстве было сделано что-либо заслуживающее похвалы, то таковая – говорю это совершенно искренно, должна быть приписана в равной степени, как мне, так и секретарю консульства.

Як[ов] Яковлевич передаст Вам о нашем житье-бытье здесь и о положении дел здесь и в окружности.

Искренно преданный и глубоко уважающий
Н. Петровский

РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 466. Л. 275 – 275 об.

Кашгар. 22 июля 1890 г.

Глубокоуважаемый Дмитрий Фомич.

По прекрасной и живописной дороге, остававшейся мне неизвестной, прибыл я неделю тому назад в Кашгар. В Ташкенте я пробыл месяц, устроил зятя и дочь, проводил их в путешествие на оз[еро] Иссык-Куль, а затем, по дороге в Кашгар, заехал к ним туда. Там, в русской деревне Сазоновке (от слова «саз» – болото) показал мне дьячок три камня с арабскими надписями, которые он привез, было, на фундамент дома, а потом, ради надписей, оставил без употребления. С этих камней я снял фотографические снимки и пошлю их барону Розену, хотя и не думаю, чтобы надписи были особенно интересными.

В Ташкенте, к выставке²¹², ждут министра финансов²¹³. Я думаю, что и Вы, азиатский, в некотором роде человек, приедете с ним, чтобы видеть воочию то, о чём Вы писали и рассуждали в комиссиях по устройству Туркестана. Как бы только министру не втерли очки этой выставкой: Ташкент и выставка произведут на него, конечно, хорошее впечатление; но никто ему не скажет, что в течение 25 лет самые существенные вопросы – поземельный, податной, торговый – остались не разрешёнными и до сих пор находятся в великой сумятице. 25 лет тому назад Черняев, по занятию Ташкента, выслал в Москву все произведения Туркестана; они были обстоятельно разобраны в комиссии Шатилова²¹⁴. Было бы любопытно сравнить доклад комиссии Шатилова с предстоящей выставкой; что же с тех пор сделано нами с этими произведениями.

Удивился я очень отказу Д[епартамента] н[алоговых] сб[оров] слагать пошлину за сахар, который идёт в Кашгар. Толкуют о косности купечества, а вот нашёлся у меня один из них, готовый открыть нашему сахару путь не только в Кашгар, но и в Малый Тибет, – так и нет ему разрешения на то, что ему дозволяет закон. Просто удивительно!

Новый ген[ерал]-губ[ернатор]²¹⁵ в Ташкенте производит самое удручающее впечатление. Один очень умный туземец говорил мне: «Прежде мы бранили Кауфмана, думали, что в Петербурге есть много его лучше, а как увидели второй раз Черняева, потом Розенбаха, а теперь Вревского, то стали хвалить Кауфмана: видим, что лучше его нет». Анекдот: на большом обеде у Вревского идёт разговор, что страшная масса воробьёв в Туркестане приносит весьма существенный вред земледелию. Барон прислушивается и восклицает: «А какие из них прекрасные паштеты!»

Искренно и сердечно преданный

Н. Петровский

Адр[ес]: Ош Ферг[анской] области, в Упр[авление] начальника уезда для отсылки в Кашгар.

ОР РНБ. Ф. 354. Он. 1. Д. 93. Л. 51 – 52 об.

Ф.Р. Остен-Сакену*Кашгар. 25 июля 1890 г.*

Глубокоуважаемый Фёдор Романович.

Письмо Ваше, за которое я приношу Вам глубокую благодарность, я получил в Ташкенте. Итак, новый посланник в Пекине, по-видимому, определился. Для пробы его деятельности я послал ему два-три серьёзных представления. Посмотрим, что будет.

Знаете ли Вы, что пресловутый переводчик Кауфмана действительный с[татский] с[оветник] киргиз Ибрагимов²¹⁶ назначается консулом в Джидду? В Ташкенте была получена в Канцелярии ген[ерал]-губ[ернатора] бумага, в которой писалось, что на должность консула требуется консул мусульманин (по каким соображениям?) и что не желает ли занять это место г. Ибрагимов. Сей последний имел смелость согласиться, полагая, вероятно, что в Джидде никакого языка, кроме киргизского и ломаного русского, знать не нужно. Надо ещё прибавить, что в Аз[иатском] д[епартамен]те, у Жданова²¹⁷, находятся его же, Жданова, донесения Мельникову о всех возмутительных гадостях, к[ото]рые чинил Ибр[агимов], будучи в Бухаре и исправляя должность Вейнберга²¹⁸.

В Кашгаре застал я наши дела в очень удовлетворительном положении. Новый даотай оказывается человеком очень благоразумным. Мы с ним, кажется, окончим, без посредства Д[епартамен]та, почти все наши серьёзные недоразумения – об андижанцах, аксакалах и пр., которые делаются, как Вам известно, уже семь лет.

Со следующей почтой напишу Вам кое-что о наших путешественниках, от которых сейчас пришли длинные письма.

Сердечно преданный Вам

Н. Петровский

РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 466. Л. 276–277.

Ф.Р. Остен-Сакену*Кашгар. 1 октября 1890 г.*

Глубокоуважаемый барон Фёдор Романович.

Настоящее письмо моё передаст Вам Бронислав Людвигович Громбчевский, которого Вы уже знаете, возвратившийся из дальних и редких стран с большим запасом сведений и весьма солидным количеством

наблюдений и коллекций. Эти наблюдения и коллекции будут, конечно, опубликованы и станут общим приобретением, но сведения и именно политического характера, в высшей степени, притом, драгоценные, вероятно, останутся под спудом. Может быть, Вы пожелаете ознакомиться с ними. В таком случае Громбчевский охотно сообщит Вам, что он видел и узнал.

Более не пишу, ибо скоро буду писать Вам о некоторых делах, нуждающихся в Вашем совете

Искренно и глубоко преданный

Н. Петровский

РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 466. Л. 278 – 278 об.

107

Ф.Р. Остен-Сакену

Кашгар. 20 ноября 1890 г.

Глубокоуважаемый барон Фёдор Романович.

Инспектор лесов во Франции г. Эдуард Блан (Blanc)²¹⁹, путешествовавший по Закаспийской области и Русскому Туркестану, посетил Кашгар и провёл у нас около недели. Позволяю рекомендовать этого, весьма образованного и благовоспитанного путешественника вниманию Вашего превосходительства.

Примите уверение в глубоком и неизменном моём к Вам уважении

Н. Петровский

РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 466. Л. 279.

108

И.А. Зиновьеву

[Кашгар. 1890 г.]

Милостивый государь Иван Алексеевич.

Настоящее письмо моё к Вашему превосходительству – совершенно частное. Из донесения моего, одновременно с этим письмом посылаемого, Вы изволите узнать, что Кашгар посетил французский путешественник г. Blanc, прибывший из Ферганы. Г[осподину] Блану я предложил поместиться в консульстве, и он прожил у нас две недели. Г[осподин] Блан – весьма образованный человек, хорошего воспитания и, по

его словам, вращающийся в высшем французском обществе старого дворянства и республиканских сановников. В беседах своих со мною он передал мне, что 2 го июня сего года, в Виши, генерал-адъютантом Ванновским²²⁰ и Фрейсине²²¹ заключён союзный договор России с Францией. Сообщив мне это известие, г. Блан сконфузился, сказал, что он болтался, и просил меня держать это известие в секрете. Ваше превосходительство, конечно, лучше меня знаете, в какой степени это известие справедливо. Я счёл нужным сообщить Вам об этом обстоятельстве совсем по другой причине: г. Блан посещал здешних англичан – Янгхазбанда и Макартнея²²²; очень может быть, что при своей болтливости, – между прочим, весьма остроумной и интересной – он сообщил это известие и англичанам, ни к Англии он нисколько не расположен. Г[осподин] Блан сообщил мне также (вскользь), что правительство интересуется, будто бы, политическим положением Персии и Белуджистана, но причины этого не объяснил; но из последующего затем разговора его о Юньнаньской провинции Китая и об успехах там англичан можно, кажется, было догадаться, что интерес к Белуджистану и Персии вызывается этими успехами.

Англичане наши продолжают свои секретные переговоры с китайцами, но теперь уже можно, кажется, видеть, что к желаемым для англичан переговорам они не приведут: дипломатический чиновник даотая, ведущий эти переговоры, уже начал забегать ко мне за советами, не высказывая, однако же, всех подробностей переговоров. Китайские здешние власти, очевидно, боятся ответственности (как это бывает всегда) перед Пекином, и потому набираются для этой цели (т.е. для переговоров с англичанами) ума у консульства.

С чувствами глубокого уважения и искренней преданности имею честь быть Вашего превосходительства покорным слугою

Н. Петровский

АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 476. Л. 16 – 17 об.

109

Ф.Р. Остен-Сакену

Кашгар. 10 января 1891 г.

Глубокоуважаемый Фёдор Романович.

Давно уже я не имею от Вас никаких известий. Здоровы ли Вы? На днях я высылаю Вам кашгарский барашковый мех, который Вы желали иметь для халата.

У нас здесь беспрестанно гости. Первым приехал князь Голицын²²³, прискакал из Нарына в четыре дня и ускакал отсюда обратно. Зачем он сюда приезжал – Бог весть, ибо ничем он серьёзно не занимается и не интересуется. Затем, одновременно с Голицыным, приехал Громбчевский, потом – четыре англичанина (Younghusband, Macartney, Beech и Lenard), которые и теперь здесь, француз Blanc и швед Sven Hedin²²⁴. Два первых англичанина имеют секретную миссию переговорить с китайскими властями о границе, а два последних – баричи с весьма слабыми знаниями, совершившие что-нибудь shoking* для своих родных и отправленные, на исправление, в Индию, откуда они, для прогулки приехали с Younghusband'ом сюда. Blanc (я дал ему письмо к Вам), человек со сведениями, но, кажется немного пролазь, по-видимому он желал собрать на месте сведения об Анненкове и в Кашгар приезжал только для прогулки. Хедин был в миссии короля шведского²²⁵ в Персию, и по совету Рихтгофена, своего учителя (как он говорит), хотел отправиться на Лобнор, чтобы открыть учёному миру это озеро, ибо, по мнению Рихтгофена, Пржевальский Лобнора не видел, а был на пресных озёрах к югу от Лоба. Хедин ехать на Лоб позволения от китайцев не получил, ибо не имел билета от Цзунлиямыня, да, кажется, ничего от этого не потерял, ибо явился он сюда совершенно неподготовленным, без всяких инструментов, с одним только желанием увидеть озеро.

О секретной миссии англичан я, разумеется, писал в Аз[иатский] д[епартамент], спрашивал, не следует ли запротестовать эти переговоры, производящиеся без всякого нашего участия, по делу, прямо до нас относящемуся (границы Ферганы к югу ещё не определены), но, как всегда, никакого ответа не получил.

Blanc передал мне по секрету, что в прошлом году (22 июля) в Виши Ванновский и Фрейсине подписали, будто бы, договор о союзе России и Франции. Знаете ли Вы это?

Моя младшая дочь вышла замуж за доктора Фогеля²²⁶, бывшего ассистента Райера, отличного хирурга, отправленного в Ташкент ради поправления своего здоровья. Теперь Фогель командирован в Берлин к Коху²²⁷ и, по дороге, будет в Петербурге.

Я позволю себе дать ему к Вам письмо, ибо Фогель, отличный мальчик и весьма солидно учившийся (в Дерпте).

Желаю Вам всего хорошего. Надумались бы Вы посетить страны Вами виденные, т.е. принарынские²²⁸, и проехать к нам, а от нас домой через Ош в Самарканд. Право, было бы не дурно.

Искренно преданный

Н. Петровский

РГАДА. 1385. Оп. 1. Д. 466. Л. 280 – 281 об.

---

* Неприличное (англ.).

В.П. Буренину

Кашигар. 5 мая 1891 г.

Глубокоуважаемый Виктор Петрович.

Прилагаемая записка предназначена для «Нового времени», но автором её мне быть неудобно, а потому позволяю себе поручить её Вам. Я думаю, что после тех прекрасных передовых статей о туркестанском проекте, которые Вы некогда писали в «Петербур[ургских] ведомост[ях]», эта записка (в сущности, очень серьезная) может быть Вами усыновлена. О Маршале, в этой записке упоминаемом, нужно Вам сказать следующее. Это – английский резидент, которому секретнейшим образом было поручено лордом Дёфферингом²²⁹ попытаться расположить к Англии индийских раджей и заставить их, при высокопарном адресе, преподнести правительству деньги на оборону северных границ Индии (после разгрома их при Кушке). Миссия кончилась полным скандалом: почти все раджи отказались, и Дёфферинг принужден был оставить свой пост. Дело это знают в Англии только в самых высших сферах (а у нас, может быть, совсем не знают). Мне оно было сообщено одним приятелем из Калькутты. Упоминание о нём будет для газеты очень выгодно. Возможно, что за границей (в Англии) обратят внимание, и если узнают автора, то узнают и его приятеля, что совсем нежелательно. Мы – по-прежнему; Женя вышла замуж и уехала на время с мужем в Петербург, вероятно, увидите обоих. Коля на днях едет туда же для поступления в Университет.

Да, ещё забыл: если подобного рода записки годятся, то можно при-слать, но только Вам.

Кланяйтесь Вашим. Преданный

Н. Петровский

РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 857. Л. 1 – 2 об.

Ф.Р. Остен-Сакену

Кашигар. 5 октября 1891 г.

Глубокоуважаемый барон Фёдор Романович.

Ваше письмо, за которое я приношу Вам сердечную благодарность, пришло очень кстати. Я только что вынес на своих плечах (буду ещё выносить, вероятно) памирское дело, совершённое Вревским при массе самых невероятных глупостей.

Известно ли Вам, что для противодействия проискам англичан, желающих, без нашего ведома, установить в пользу Афганистана, границы Памира* был командирован на Памир отряд, а мне было поручено оказать ему содействие, но какое содействие – не сказано; приказано было объявить китайцам, что на отряд не возложено никаких военных поручений. Зная суть дела, я полагал, что отряд пройдёт Памиры, произведёт известное впечатление и возвратится обратно, но Вревский, не поняв желаний М[инистерст]ва и подстрекаемый разными политиками, поручил начальнику отряда²³⁰ ставить пограничные знаки в местностях, где разграничения ещё не произведено, объявлять населению, что оно состоит в русском подданстве, сменять поставленных китайцами старшин, ставить новых и пр. – словом, произошла весьма неприятная демонстрация против китайцев. Обо всём этом я, разумеется, доносил в М[инистерст]во и имею основания думать, что оно мною должно быть очень довольно. Спросите об этом, при случае, у Капниста²³¹. Китайцы, конечно, всеми такими недружественными и незаконными действиями нашими раздражились: отобрали у старшин наши ставленные грамоты, потребовали старшин к себе, (некоторые бежали к нам), уничтожили пограничные знаки. Все эти глупости Вревского, чинимые во время переговоров о новом договоре, приходится мне теперь сглаживать. На Памире отряд поймал и арестовал лейтенанта Devisen'a (по моему уведомлению, что он следит за отрядом), привезли его в Маргелан и выслали оттуда (вместо Европы) в Кашгар, но при этом забыли осмотреть его вещи и бумаги, а в них-то и была вся суть дела. Одно, однако ж, письмо (Younghusband'a) к Devisen'у я добыл и переслал, в подлиннике, в М[инистерст]во: из него вполне ясно, что дело идёт о разграничении на Памире, и что Dtvisen был шпионом, подчинённым Younghusband'у. Этот последний, со всеми инструкциями ему калькуттского правительства, с картами и планами, перепиской с китайцами, был также на Памире, но его не арестовали и ограничились лишь отображением у него подписки, что он не перейдёт границы. После этого происшествия Younghusband немедленно пригласил к себе гильгитского резидента, с 25-ю человеками конвоя, и под его охраной отправил в Гильгит свои вещи и бумаги. Все эти действия наши производят впечатление действий людей сонных или глупых: делается наполовину бессознательно не то, что нужно и не так, как нужно.

Одновременно с памирскими событиями шло дело о канджутском посольстве. Вы знаете, что владетель Канджута давно уже добивается нашего покровительства. Приём Громбчевского в Канджуте вызван был этими пожеланиями. Сафдар Али-хан, не добившись от меня ничего положительного (я не мог ему ничего сказать, потому, [что] с 1887 г. не получил от Зиновьева ответа по этому делу) некоторое время склонялся к Англии, а затем опять повернул к нам и послал, через моё посредство,

* См. «Оборона Индии» Мак-Грегора. С. 169. (Прим. Н.Ф. Петровского.)

посольство в Ташкент. Вышел опять целый ряд глупостей, который также придётся сглаживать мне. В недавнее время Штаб ассигновал 500 р. ежегодно на собрание сведений политического характера. Теперь эта статья получит у нас большое развитие; мы будем, наконец, иметь хорошие сведения о положении дел в Бадахшане, Читрале, Гильгите, Ладаке и даже в Кашмире. Люди у меня для этого дела давно намечены; при небольших подарках и личном ко мне расположении я буду знать многое такое, что не достаётся и за большие деньги. Знаете ли, что письмо Younghusband'a к Devisen'у (ранее указанное) стоило мне всего три рубля!

Всё это я сообщаю Вам, между прочим, для того, чтобы возобновить в Вашей памяти исключительное положение нашего консульства, единственного теперь (после закрытия консульства в Болгарии), где политического характера дела играют, в обиходе консульства, такую же роль, как и дела собственно консульские, а эти последние также едва ли не дают нам первое, среди всех консульств, место. Достаточно сказать, что мы визируем и проверяем более 3 т[ысяч] в год билетов китайских подданных, около 1 т[ысячи] билетов русских подданных (надо заметить, притом, что билеты эти не паспорта, а накладные: надо проверить лиц и товар, в билетах прописанный), получаем до 1 т[ысячи] входящих и выпускаем до 1½ т[ысячи] исходящих бумаг. К этому следует прибавить ещё, что мы имеем дело с китайцами; по самым, иногда, ничтожным делам приходится прибегать к личным объяснениям с даогаем, уездным начальником, караульными чиновниками. Бумаги наши и почти половина нашего делопроизводства (напр[имер], судебные, наследственные дела) ведутся на двух языках. Я сомневаюсь, сравняется ли с нами по одним паспортным делам, Мемельское, например, или Константинопольское консульство? Наконец, персонал наш: я, секретарь, писец, не зная мы по-тюркски, вся наша фабрика непременно бы остановилась.

По этим причинам мы имеем полное право (кажется мне) желать, чтобы на нас обратили внимание и произвели в консульство генеральное. Это, во-первых, дело простой справедливости, а, во-вторых, отчасти, дело благоразумной политики: англичане несомненно добьются учреждения здесь консульства и учредят консульство генеральное; мы, старшие, станем младшими. Личные наши интересы также страдают: меня не могут награждать, а Лютша – производить в чины. Я хотел было написать обо всём этом Капнисту, да приостановился, не зная, как он посмотрит на подобного рода заявления. Откровенно и между нами говоря желания мои пока не идут дальше этого, семью свою я почти устроил: две дочери мои замужем, сына в этом году услал в Петерб[ург], в Университет, в Кашгаре всех, привязавших меня к себе, дел ещё не довёл до желаемого конца. Уходить пока ещё рано, разве только тогда, если новый договор установит здесь таможенные пошлины на наши товары. Тогда уходить для меня обязательно. Мечтая, однако ж, о будущем, я также откровенно скажу Вам, что я желал бы иметь место по-

дальше от посланника; был бы, думаю я, полезен в самом Министерстве, но места для меня там нет; не прочь бы поехать, напр[имер], в Марсель (на отдых от Востока) или в Иерусалим (если эпитроп Гроба Господня, Тертый, который меня, за мои религиозные убеждения, не любит, тому не воспротивится); было бы подходяще жить в Трапезунде, если бы там было генер[альное] консульство и в Бухаре (ради повышения в должности, хотя дела там едва ли можно исправить). Я подумал бы и об Алжире и даже Южной Америке.

Прошу Вас обратить внимание на замечания мои на договор (посланы в А[зиатский] д[епартамент]). Прилагаемое письмо посылается для прочтения и возвращения.

Искренно и глубоко преданный

Н. Петровский

Письмо не мог отыскать. Оно от Blanc: уведом[ляет], что Парижск[ое] геогр[афическое] общ[ество] посылает доску и крест Шлаг[интвейта].

РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 466. Л. 282 – 285 об.

112

Ф.Р. Остен-Сакену

Каушгар. 25 октября 1891 г.

Глубокоуважаемый барон Фёдор Романович.

Памирская «экспедиция», о которой Вы, конечно, слышали, наделала мне массу хлопот – по изумительному неразумию Вревского и даже бесстыдству по отношению китайцев. Достаточно сказать, что при движении по местности, точно не разграниченной, ставились пограничные знаки, сменялись китайцами поставленные старшины, давались им ставленные грамоты и знаки русских волостных управителей. Теперь Вревский поручает мне объяснять китайцам, что пограничные знаки не ставились, а воздвигались астрономические пирамиды, и просит защиты от китайских преследований тех китайских старшин («поставленных китайскими властями», как он сам говорит), которые «утверждены» русскою властью. Все эти безобразия должны быть мною объяснены китайцам как дружественные акты соседней державы!

Обо всём этом я, разумеется, доношу Капнисту, и хорошо было бы, если Вы познакомитесь с перепиской, потому, что поставить дело на правильный путь совершенно необходимо. Деяния Вревского могут сильно повредить переговорам Кассини²³² о новом договоре. В Пекин я послал подробную о всех этих делах справку. Хорошо было бы, если и

Шишкин²³³ заблаговременно ознакомится с нашей перепиской, ибо кроме Пекина, в дело о Памире, несомненно, вмешаются и англичане. Я знаю, наверное, что в Гильгите усилены войска и предназначаются для занятия Канджута; после занятия сего последнего предполагается взять у Абдурахман-хана Вахан, т.е. стать у Памира на китайской и на нашей границе.

Затем, что мне делать я решительно не знаю. Хотя бы самое маленькое указание дали мне об общем положении и намерениях и пр. Я знал бы, как ориентироваться. Теперь я держусь в самой строгой законности, более чем прежде, любезничаю с китайцами. Но может быть не это нужно.

Искренно преданный

Н. Петровский

РГАДА. Ф. 1385. Оп. Д. 466. Л. 286 – 287 об.

113

В.Р. Розену

Кашгар. 27 января 1892 г.

Милостивый государь барон Виктор Романович.

Официальное письмо Ваше о кучинских древностях, на которое я посылаю, одновременно с этим письмом, ответ (кажется достаточно обстоятельный), устыдило меня весьма тем, что при свидании нашем в Петербурге у Д.Ф. Кобеко я обещал прислать Вам перевод одной рукописи, касающейся новейшей истории Кашгарии – и до сих пор обещания не исполнил. Не будет обыкновенным припевом чиновника, если я скажу Вам, что у меня совсем мало досуга. Кашгарское консульство далеко не похоже на все другие консульства: это нечто вроде и полицейского участка с почтовой конторой и камерой судьи, и места, где нередко занимаются делами серьёзного политического характера, а работников, кроме меня и Лютша, нет. Вот почему перевод мой до сего времени не кончен и я не могу вырвать времени отлучиться, хотя на неделю, для посещения некоторых древних мест. Я был искренне и глубоко огорчён, что Боуер предвосхитил у меня находку. Это самая простая случайность, но всё-таки невольно лезет в голову мысль, что счастливец этим должен бы быть я, а не пришлый турист.

Если Отделение намерено послать в Кашгарию археолога или экспедицию, то, само собой разумеется, что я сделаю для них всё возможное. Я помогал здесь многим, начиная с американцев до шведов включительно. Помогать своим тем паче нужно.

Посылаю Вам при сём снимки с надгробных памятников, которые я снял в деревне Сазоновке, на берегу Иссык-Куля. Памятники были привезены туда из соседней местности дьячком местной церкви, Надписи, кажется, не интересны.

Собираю я здесь сказания (собрано ещё мало) о святых и их мазарах. В «Тазкира» не редко встречаются исторические указания, но святые по больше части пришлые и нередко – из Дагбита (в Бухаре); местных святых – значительно меньше.

Посылая официальную мою бумагу, я не успел снять с неё хорошей копии. Могу ли просить Вас приказать выслать мне копию?

Позвольте рекомендовать Вашему вниманию моего сына, студента С.-П[етербургского] университета (по восточн[ому] факультету, перво[го] курса). Он прожил у меня около года, но о древностях Кашгара вряд ли может что-нибудь рассказать Вам.

С истинным уважением и преданностью имею честь быть Вашим почтенным слугою

Н. Петровский

СПб. ФА РАН. Ф. 777 (В. Р. Розен). Оп. 2. Д. 337. Л. 1 – 2 об.

114

В.Р. Розену

Кашгар. 25 марта 1892 г.

Глубокоуважаемый барон Виктор Романович.

На любезное письмо Ваше относительно моего сообщения о древностях Кашгара мне приходится, по характеру ответов, писать Вам официально и частно. Настоящее письмо будет частное.

Я весьма благодарен Вам за желание поместить в «Записках» Отделения моё сообщение в извлечении. Я позволил себе сделать самому это извлечение и просить Вас, в случае надобности, сократить его по Вашему усмотрению. В редакционные способности Н. Веселовского²³⁴ я, по секрету сказать, не особенно верю, да и (тоже по секрету) в большой учёности его сомневаюсь (это мне, не специалисту, говорить, может быть, и не следовало бы). Заметка его, которую Вы мне прислали, ровно ничего в себе не заключает. Что нужно собирать древности – это я давно знаю, что нужно отметить древние местности на карте – это я сам написал в своём сообщении. Курганы (тепе), где люди никогда не живут, он смешал с курганчѣй – постройками в поле (хутора) и пр., и пр. А на такие догадки как Артын не Басарджан ли, как понимать «татар-заамин», можно ли «Такла-Макан» приурочить к «Тухоло» и пр., – на это замечаний он не дал; а для меня, не специалиста, такие замечания лица,

занимающегося историей Востока, были бы очень важны. В конце извлечения я поместил его замечания и мои на них почтительные объяснения. Я думаю, что они будут для него небезынтересны. Весьма возможно, что многие мои догадки не верны, но пусть они послужат хоть к тому, чтобы обсудить их и указать на факты, или их опровергающие, или их подтверждающие.

При официальных письмах посылаю Вам некие редкости. Внимание Отделения к моему листку так меня порадовало, что я взял из моей коллаторской кладовой ещё, уже в 12 листков, подобных посланному, книжицу и посылаю её на обозрение Отделения. При другом письме посылаю фот[ографические] снимки 30 ти монет «Зарби Яркенд». Обратную сторону всё-таки (не смотря на ясность букв) прочитать трудно; кое-какие догадки я, впрочем, высказал. Может быть, барон Тизенгаузен²³⁵ осилит эту надпись.

Искренно и глубоко преданный

Н. Петровский

P. S. Смею надеяться, что оттиск «рукописи Петровского» мне будет прислан.

СПб. ФА РАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 337. Л. 3–4

115

Ф.Р. Остен-Сакену

Кашигар. 14 мая 1892 г.

Глубокоуважаемый барон Фёдор Романович.

Давно я не писал к Вам, и главное – не отвечал на Ваше последнее письмо ко мне, в котором Вы любезно пообещали позаботиться о моей судьбе. Я был болен ревматизмом ноги, полученным, кажется, от здешних наших каменных полов, которые на 2 т[ысячи] р[ублей], данные мне (на устройство к[онсульст]ва) Никоновым²³⁶, я не мог сделать деревянными, а между тем я оплатил Никонову, кажется, так, как наверно не поступал у нас никто: после устройства к[онсульст]ва я уговорил хозяина нашего помещения брать с нас за наём половину того, что он брал прежде, т.е. уменьшил ежегодный расход на 360 рублей. По случаю ревматизма просился съездить в Хазрет-Аюб на воды (близь Оша); разрешения ещё не получил.

Как мне жаль, что Вас не знакомят с памирскими (и вообще нашими) делами! Жаль мне, скажу откровенно, ради себя. В моих донесениях Вы увидели бы, сколько и как я работал, и, конечно, оценили бы мой труд. Памирский вопрос – эта такая капитальная бессмыслица, такое презре-

ние, во время мира, всяких международных отношений и прав, что Мартенс, если бы он знал, что делалось на Памире, подумал, не выйти ли ему в отставку и не встать ли в ряды «Вестника Европы». Позвольте рассказать Вам об этом деле поподробнее. Дело началось с повторения того, что почти 60 лет тому назад произошло в Афганистане. Как некогда там русский офицер (поляк) Виткевич²³⁷ напугал англичан, так теперь русский же офицер (поляк) Громбчевский устрасил англичан своей поездкой в Канджут. Есть, конечно, в том и другом событиях разница, но по отношению к английским страхам она не велика. Разница между Громб[чевским] и Виткевичем большая. Кстати о первом. Я всегда и теперь считаю и считал его просто проходимцем. Интересов выше своей карьеры для него не существует. Все его путешествия были только для карьеры служебной и для отличий. Все, что он делал, всё приносилось в жертву личным целям. Так поступил он и в деле памирском: вместо того, чтобы обработать свой дневник и описать Канджут, хан которого давал ему полное на то позволение (теперь такое описание сделают англичане), он выпросил у Семёнова²³⁸ новую экспедицию, гонялся без нужды за Певцовым²³⁹, а по возвращении в Петербург опять забыл об отчёте и, после чтения о претерпленных страданиях, начал политиканствовать (чтение в Военной академии), подделываясь к тону Воен[ного] м[инистерст]ва и стараясь сочинить для себя (это он прямо-таки и писал нам) уже военную экспедицию²⁴⁰. Заручившись согласием в Петербурге, он поинтриговал в Ташкенте, – и экспедиция на Памир (но без него; тут его ташкентцы перехитрили) состоялась: Ионову дана была инструкция ставить пограничные знаки (в местностях, где разграничения не было; причём и Вахан – Вахан, который соглашением Горчакова и Гранвилля²⁴¹ мы сами уступили Афганистану²⁴², – включился в наши пределы), объявлять населению, что оно находится в русском подданстве, давать китайским бекам ставленные грамоты и знаки русских волостных управителей. Международные акты (пограничн[ые] протоколы и соглашения) в соображение, при этом безобразии, не принимались, да, кажется, о них и не вспомнили до того времени, когда я указал на них; сужу по тому, что после телеграммы ко мне Гирса о желании Военного министерства, чтобы я оказал содействие отряду, Вревский (или лучше его тогдашняя голова – Галкин²⁴³) отвечал мне, что содействия никакого не нужно, ибо отряд идёт по русской территории. Надо было указать, что это не так, и презирать международный акт можно только в случае войны, а не по прихоти генерал-губернатора. Я должен был донести М[инистерст]ву и написать Вревскому, что относительно границ Памира существует пограничн[ый] протокол (1882 г.)²⁴⁴ двух полномочных комиссаров, в котором границы эти ясно указаны, что такое разграничение можно находить невыгодным для интересов России и даже ошибочным, но обсуждать дело следует на почве дипломатической, а не путём насилий и безобразий. В протоколе этом (3 п.) наш пограничный комиссар, ген[ерал] Мединский, додумался до такой

мысли, что проводя границу между двумя государствами, не достаточно указать одну пограничную линию, а нужно две; а потому и поместил в протоколе буквально нижеследующее: от пункта Иркештам граница идёт на перевал Уз-Бель, Кызыл-Джiek тож (у озера Большого Каракуля, т.е. почти при начале Памиров), где границы России и Китая оканчиваются, ибо граница Китая идёт на юг, а России на юго-запад. Этим выражением он сразу отделил, в неизвестно чьи руки, огромный треугольник, включающий в себя почти все Памиры. Китайцы треугольник этот заняли (8 лет тому назад), поставили там своих беков и посредством них управляли населением до прихода Ионова. После ухода нашего отряда они вновь стали им управлять; пограничные столбы Ионова сняли, переименованных в русских волостных управителей беков сменили и арестовали, и действия нашего отряда опротестовали в официальном ко мне сообщении. В ответ на мои донесения об этом протесте Вревский просил меня заявить китайским властям, что ставились не пограничные знаки, а «астрономические пирамиды», а М[инистерств]во – что не знаки, а «памятники пребывания отряда». Затем я получил от Капниста предписание представить соображения, как следует разграничить Памир. Не стесняясь уже протоколом, я высказал в этих соображениях всё, что можно было сказать о действительном закреплении (если это будет для нас нужно) за нами Памира. Теперь на Памире появились афганцы и секретно ездят туда, из Канджута, англичане. Китайские команды с Памира отозваны. Что будет дальше – не знаю; сам я доношу много, а получаю почти ничего (от Кассини была всего одна бумага о вступлении его в должность). Приходится полагаться на свой разум и опытность и, разумеется, тревожиться за последствия. Пишет мне Галдинский, что в обоих м[инистерств]вах, нашем и Военном, мною очень довольны (!), но результатов этих довольств мы не видим. Мы с секретарём дослужились до того, что меня награждать, а его производить в чины уже нельзя. Неужели нельзя сделать для нас генер[альное] консульство²⁴⁵, даже без прибавки содержания? Сделали же недавно ген[еральным] консулом кого-то во Франции. Кроме нас лично следовало бы подумать и о Кашгаре: скоро здесь будет английский агент и разумеется – ген[еральный] консул (как в Мешхеде); положение нашего консульства, при китайских церемониях, будет очень и очень неприятным; первое место будет принадлежать не нам, прожившим здесь десять лет и представляющим гораздо большие, чем англичане, интересы торговли и политики, а недавно приехавшему офицеру индийской службы. Я искренне благодарен Вам, глубокоуважаемый Федор Романович, за Ваше доброе желание помочь мне, но решительно затрудняюсь сказать, куда мне было бы желательно перейти. Долг чести что ли, или поста моего, требует не уходить от окончания дела о Памирах; но очень уже я измучился. На днях я даже писал (скажу Вам по секрету) к Иващенко²⁴⁶, моему бывшему сослуживцу, а теперь товарищу Витте²⁴⁷, не найдётся ли у него что-либо для меня подходящее, хотя бы в провинции.

Я думал было о Трапезунде (если бы там было ген[еральное] консульство; не знаю, почему ему предпочтён Эрзерум); на европейские места надежды мало, да и из Кашгара трудно следить за ними. Кроме того, много и других условий, по которым на меня трудно угодить: привык я действовать самостоятельно, боюсь холода, стал малообщителен и т.п. Умирать пора.

Давно уже послал я к Розену большое письмо по поручению Общества касательно наших древностей. Письмо смею сказать недурное; даже сам я удивился, сколько оказалось там учёности, хотя, может быть, и не вполне для настоящих учёных удовлетворительной. Не спросите ли Вы у барона, доволен ли он, с точки зрения учёной, этим моим письмом.

Получил недавно письмо от Вамбери. Просит не более и не менее, как собрать для него песни, сказки, поверья, пословицы жителей Восточного Туркестана! За это люди получают звание академиков (Радлов) или медали (Пантусов²⁴⁸), а г. Вамбери думает сделать такой труд чужими руками.

Получил письмо от барона Гассера²⁴⁹, сообщающее мне благодарность от баварского правительства за памятник Шлагинтвейту. Благодарность, как видите, сильно запоздала.

Простите за длинное письмо.

Искренно и глубоко преданный

Н. Петровский

P. S. Сейчас даотай сообщил мне официально о появлении на Памире афганцев.

РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 466. Л. 288 – 293 об.

116

В.Р. Розену

Кашгар. 4 июля 1892 г.

Милостивый государь барон Виктор Романович.

Посылаю при сём на Ваше благоусмотрение заметку о загадочных яркентских монетах²⁵⁰ с четырьмя (по две на каждую сторону) фотографическими (мною снятыми) с них снимками. Одновременно я посылаю, особою посылкою, и четыре негатива этих снимков – на случай, если Вы найдёте нужным фотолитографировать снимки: с негативов это сделать легче.

На этих днях я совершу подробное исследование тех трёх окон возле Кашгара, о которых Вы знаете из письма моего о здешних древностях.

Лестницы, верёвки и всё нужное заготовлено. Теперь, после описания Потаниным²⁵¹ («Истор[ический] вестник»²⁵²) подобных же отверстий, встреченных им в Китае и несомненно буддийских, и наши окна не оставляют уже сомнения в их происхождении.

Искренно преданный и глубоко уважающий Вас
Н. Петровский

Р. С. А. Д. Ф. Кобеко так мне и не писал. Впрочем, теперь этого требовать нельзя: он теперь весь погружён в заботы о современном «майтале», курс которого всё-таки не поправляется.

СПб. ФА РАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 337. Л. 6 – 6 об.

117

В.Р. Розену

Кашгар. 3 сентября 1892 г.

Милостивый государь барон Виктор Романович.

Письмо Ваше с оттисками «рукописи» имел честь получить. Снята рукопись превосходно. Приношу Вам искреннюю благодарность.

Теперь я занят обозрением того кургана, которого я назвал ступою, близь Кашгара и о котором Вам известно из моего письма и приложенной к нему фотографии. Кругом кургана и далее от него версты на две в том направлении, где надо полагать был (до Абу-Бекра²⁵³) древний Кашгар, попадает в земле масса мелкого стекла и в числе его странной формы стеклянные гвозди. Четыре экземпляра их я при сём высылаю; не объяснит ли кто мне их назначение для будущих моих обозрений? Замечательно, что такой же гвоздь найден был Лютшем в развалинах «Хан-Уй» верстах в 40 от Кашгара у селения Нижний Артыш. «Зарби Яркенд» приобрёл ещё три монеты: всего их теперь – 38.

Посылаю я при сём фотографии с могильных арабских памятников, которые давно были сняты мною в деревне Сазоновке на Иссык-Куле, куда были привезены из соседней (у гор) местности. Надписи, кажется мне, не важны, потому я и не посылал их ранее. Может быть, для Вас они на что-нибудь пригодятся. Посылаю также подлинный приказ Шамурад-хана бухарского с его печатью – интересный разве только потому, что в нём говорится о русских. Писан к ташкентскому владельцу Юнус-Ходжа, который тогда уже, значит, боялся русских.

У меня не все «Записки». Могут ли я просить Вас о любезности – приказать дослать мне 2 и 3 й выпуски I го и 1 й вып[уск] V го тома, которых у меня нет.

Из новостей новых могу сообщить, что по Памиру гуляет наш отряд, встретил он там афганский пост в 20 человек, предложил ему удалиться, а затем, когда предложение не было принято, его буквально уничтожил. Афганцы дрались отчаянно: Гулям-Хайдер-хан (капитан, начальник поста) чуть-чуть было не убил Ионова, если бы сам не был пристрелен офицером Каргиным²⁵⁴. Бойня эта, по правде сказать, производит гадливое впечатление, особенно, когда знаешь, что пост мог быть легко захвачен врасплох и обезоружен²⁵⁵. И так, «крыша мира» обагрилась кровью, а вопрос о её принадлежности, нам или Китаю, всё ещё остаётся открытым. Дела Абдурахман-хана афганского теперь плохи²⁵⁶, а то стычка на Памире могла бы вызвать что-нибудь ещё более серьёзное.

Искренно преданный

Н. Петровский

Письмо это ещё не было послано, когда я сам побывал на «Хан-Уй»'е и когда из Кучи мне прислали 87 листов древних рукописей того же характера, как и прежние листки. Поэтому древности «ступы» и хан-уйские, которые оказались совершенно тождественными, я высылаю при особой заметке.

Для некоторых соображений мне необходимо было бы знать, от какого меридиана считали арабские астрономы долготы? Откуда это можно почерпнуть?

Искренно преданный и глубоко уважающий

Н. Петровский

Р. С. Пользуясь некоторым досугом и хорошею погодою, я опять посещал ближайшие наши древности. Теперь несомненно, что я не ошибся, назвав кашгарский курган «ступою». Этот курган и все развалины «Хан-Уй» – буддийские, а «гвозди», о которых упомянуто выше – стебли цветков «лотоса». Скоро пришлю о[бо] всём подробную заметку.

СПб. ФА РАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 337. Л. 8–9об

118

Ф.Р. Остен-Сакену

[Кашгар]. 7 сентября 1892 г.

Глубокоуважаемый барон Фёдор Романович.

Давно уже я не писал Вам о себе и о наших делах. Не знаю, известно ли Вам, что мне удалось узнать китайский шифр? Дело это очень курьёзно.

Кашгарский даотай, великий глупец и невежда, начал получать через Ош шифрованные от своего посланника телеграммы, на которые он должен был отвечать. Не зная телеграфных порядков, он обратился ко мне с просьбою, как следует посылать шифрованные телеграммы. Я просил его прислать мне его телеграмму, обещая переписать её на бланк по правилам. И вот, к изумлению моему, даотай прислал мне (а потом и постоянно присылал) не только цифры, но рядом с ними и соответствующие китайские слова! С них я снимаю фотографии и пересылаю в М[инистерст]во. Узнали 186 слов, а затем сам даотай, за обедом, показал и рассказал всё систему шифра и – верх глупости – сам написал мне мою фамилию словами и цифрами. Вот какое важное дело удалось мне сделать. Китайцы, конечно, о нём и не догадались, ибо преспокойно продолжают присылать мне телеграммы. В руках М[инистерст]ва теперь такой ключ, которым оно откроет не только китайские секреты, но, может быть, и кое-какие секреты берлинские и лондонские, ибо кит[айский] посланник весьма часто присылал сюда телеграммы из Берлина и Лондона.

На Памире Ионов уничтожил афганский пост, афганцы (20 человек) дрались против 75 наших, отчаянно. Дело это произвело на меня гадливое впечатление: пост можно было захватить врасплох (это видно из донесений), не делая бойни. О памирском вопросе в М[инистерст]ве есть два моих донесения. Последнее – от 7 го августа. Может быть, Вы его прочтёте. Это – почтительная критика действий В[оенного] м[инистерст]ва и турк[естанской] администрации в памирском вопросе.

Искренно и глубоко преданный

Н. Петровский

РГАДА. Ф. 1385. Оп. II. 466. Л. 294 – 295 об.

119

В.Р. Розену

Кашгар. 15 сентября 1892 г.

Милостивый государь барон Виктор Романович.

Недавно, через посредство моего агента, приобрёл я в Куче от тамошних туземцев ещё несколько рукописей, написанных такими же письменами, как моя «кашгарская рукопись» и те 12 ть листов, которые я имел честь послать Вашему превосходительству для их просмотра.

Упомянутые рукописи, заключающиеся в 17 ти пакетах, за №№ 1–17, и содержащие в себе 87 листов и обрывков листов, я имел честь

препроводить при сём к Вашему превосходительству, покорнейше прося Вас предъявить их вниманию членов состоящего под Вашим председательством Восточного отделения Императорского Археологического общества.

С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть

Вашего превосходительства покорным слугою

Н. Петровский

СПб. ФА РАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 337. Л. 10 – 10 об.

120

А.Н. Пыпину

Кашгар. 21 января 1893 г.

Многоуважаемый Александр Николаевич.

В прошлом, последнем, письме я забыл ответить на Ваш вопрос о Хованском²⁵⁷. Это – учитель чистописания в какой-то школе в Воронеже, пожелавший издавать там филологический журнал и обратившийся (не знаю почему) к А[лександр] А[лександрови]чу²⁵⁸ за помощью. А[лександр] А[лександрови]ч был очень этим польщён: послал ему несколько статей, рекомендовал его Буслаеву²⁵⁹ и другим и, кажется, с ним переписывался. Лично они знакомы не были. Забыл ещё один эпизод. Буслаев А[лександр] А[лександрови]ч очень уважал, и Буслаев, кажется, любил его. Во время или несколько ранее «политических красот» А[лександр] А[лександрови]ч был в Петербурге, а по возвращении оттуда был заподозрен Буслаевым в том, что «красоты», касающиеся его, Буслаева, написаны не без участия А[лександра] А[лександрови]ча. Подозрение совершенно неверное: в то время А[лександр] А[лександрови]ч так благо[го]вейно относился к Буслаеву, что не только написать «красоты», но и заметить маленький промах в его сочинениях почёл бы дурным делом. Рассказывая мне, что между ним и Б[услаевым] пробежала как бы «чёрная кошка», А[лександр] А[лександрови]ч прибавил, что был очень удивлён, застав Чернышевского²⁶⁰ за перелистыванием сочинений Б[услаева] (издание Кожанчикова²⁶¹), и тогда подумал, что это «не проста».

Искренно преданный

Н. Петровский

ОР РНБ. Ф. 621. Оп. 1. Д. 662. Л. 6–7.

Кашгар. 29 апреля 1893 г.

Глубокоуважаемый барон Фёдор Романович.

Каждую почти неделю посылаю я отсюда М[инистерст]ву шифрованные телеграммы о положении дел, телеграммы далеко неуспокоительного, чтобы не сказать более, свойства, а между тем не видно, что предпринимается по отношению к китайцам. Положение становится очень серьёзным: китайцы делают усиленные и энергические приготовления не только к отпору нас в памирском вопросе, но и, пожалуй, к нападению на наш отряд²⁶². Значительная часть войск, хотя и негодных, стянута к Сарыколу и расположена на границе Памира, каждодневно отправляются туда огромные запасы продовольствия (вчера с населения одного только города Кашгара потребовали 30 т[ысяч] олов под грузы, а третьего дня ушло с грузом 100 верблюдов). Даотай сказал мне, что телеграфная линия до Кашгара будет готова к осени, а теперь несомненно, что она пойдёт из Кашгара в Сарыкол и далее, через Тагдумбаш-Памир, к Индии. Положение весьма серьёзное. Разрыв висит на волоске. Стоит только какому-нибудь китайскому военному начальнику пострелять в наш пост на Ранг-Куле (что, при отсутствии всякой у китайцев дисциплины, можно всегда ожидать), и война неизбежна. Мы, т.е. консульство и наши здешние торговцы, подвергнемся опасности очень серьёзной. После стычки, где бы она ни произошла, китайцы не замедлят напасть на консульство и разграбить товары наших купцов²⁶³. Из моих телеграмм и донесений М[инистерст]во всё это должно бы предвидеть, но ничего похожего на это предвидение не видно.

Я обращаюсь к Вам, глубокоуважаемый Фёдор Романович. Вы знаете азиатские дела, хотя и перестали заниматься ими, несравненно более, чем кто-либо в М[инистерст]ве. Примите, в этот важный момент, в них участие и расскажите, кому следует, что теперь колебаться поздно, не надо было (не нашему, а Военному м[инистерст]ву) затевать дело, а когда оно дошло до настоящего положения, то нужно остановить его, пока не поздно решительными мерами – высылкою сильного отряда на границу²⁶⁴, что немедленно (я в этом вполне убеждён) заставит китайцев опомниться и согласиться на переговоры о разграничении Памира²⁶⁵. Другого, более мирного, исхода из этого положения я не вижу, и должен прибавить, что всякие полумеры только больше и больше осмелят китайцев и сделают их ещё надменнее. Придётся прибегнуть к тому же самому, что я теперь советую, но только позже и, может быть, тогда, когда дело ещё более усложнится. Своими теперешними энергическими мерами китайцы сильно подняли свой здесь престиж с умалением, разумеется, нашего. Английские советы и подстрекательство в полном ходу²⁶⁶. Чуть ли не 20-ть лет тому назад (как скоро прошло

время) писал я покойному Петру Николаевичу официально (письмо моё должно быть в делах Аз[иатского] д[епартамен]та), что из Гиндукуша англичане создадут нам новый Кавказ. Угадал ли я или предвидел, но всё-таки письмо моё, в некотором отношении, исторический документ.

Искренно и глубоко преданный

Н. Петровский

РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 466. Л. 296 – 297 об.

122

С.Ф. Ольденбургу²⁶⁷

Кашгар. 15 мая 1893 г.

Многоуважаемый Сергей Фёдорович.

Приношу Вам искреннюю благодарность за Ваше любезное и полезное для меня письмо. Душевно рад, что разбор моей коллекции рукописей попал в Ваши опытные руки и послужит к преумножению Вашей известности в учёной Европе.

Затем постараюсь ответить на те вопросы, которые Вы мне предлагаете.

Заговоры, заклинания и т.п. я Вам могу прислать; кое-что у меня имеется, соберу ещё. Недавно Вамбери просил меня записать для него кашгарские песни, пословицы и пр., но я отказал, почтительно доложив, что такой труд требует не меньшего времени и таланта, какие положены им, Вамбери, в его прекрасный труд *Āgataische Sprachstudien*. Ваше поручение – совсем другое дело: тут мы оба взаимно заинтересованы. Свою нивелирующую руку ислам наложил здесь, т.е. в Кашгарии, очень слабо. Это я заметил давно, и если бы был досуг – можно бы было собрать много интересного и не только в частностях, в отличиях от Русского Туркестана, но в целом, в группах, так сказать. Примеры так и просятся на память. В. В. Григорьев писал, что «кара-таулики» и «ак-таулики» не этнологические особенности, а различные формальности в исполнении религиозных обрядов одной и той же подсекты ислама; а между тем теперь я вижу, что это совсем не так: «ак-таулики» – андижанцы (т.е. не жители г. Андижана, как обыкновенно объясняют, а потомки, как думаю я, народа Анды, которого остатки и теперь живут близ г. Туркестана), «кара-таулики» – туземцы. Те и другие резко друг от друга отличаются и в антропологическом, и в этнографическом отношениях; первые – несомненно, пришельцы и потомки распространителей ислама (все их святые – из Багдада, Бухары и пр.), вторые – туземцы и, вероятно, потомки противников ислама (мазары у них свои). Вот пример ещё: за Яркендом живут «дулоны», поклонники ходжей

(ходжа-парас), как их называют. Каких ходжей? Это вопрос, но, во всяком случае – не ходжей мусульманских, ибо у дулонов мусульманство такое, что истинный правовеерный, не задумываясь, назовёт их «кяфирами». Ещё пример. Здесь есть (и в Русском Туркестане тоже) сарты, которых называют «гизь» (туземцы считают их гермафродитами); у этих сартов бывают, в известное время, собрания, на которых они являются в женском одеянии, поют песни, угощаются. Не остатки ли это поклонений Астарте²⁶⁸? Многое и многое ещё даст нам, и могла бы дать ранее, Кашгария, но все «знаменитые», «известные» и пр. путешественники, имевшие большой досуг от стрельяния птиц и зверей и ловли бабочек, прошли мимо археологической и этнографической Кашгарии забжмура глаза. Как легкомысленно отнёсся к встреченной древности самый «знаменитый» из них, Пржевальский, можно видеть на стр. 102 его третьего путешествия: вместо того, чтобы описать древность подробно, которую, может быть, никто скоро не увидит, он пускается в глупую поэзию, – «таинственный мрак» и пр.

Агенты мне неверных сведений не давали, а делали (и, конечно, будут ещё делать) вот что: купит он рукопись и половину или часть пошлёт мне, получит деньги и награду и он сам, и его джигит, который привезёт посылку, затем, через некоторое время, пришлёт остальное, рассказав, в письме, какие труды и затраты подеал он для получения рукописи. Недавно один из них написал мне, что он едет на трёх лошадях «в пески» за Шаяр искать мне древности; он думал, что я тотчас вышлю ему денег на расход путешествия, но он ошибся, ибо давать вперёд – это то же, что даром бросать деньги. Где именно и в точности были приобретены рукописи, я Вам сообщу, как получу ответы на мои письма о том, которые давно посланы.

Грешный человек; – по правде сказать (и может быть это *crime de lèse science**) в великую учёность В.П. Васильева я не верю. Случалось мне говорить с ним и его слышать; – всё отзывается чем-то недоваренным, особенно в выводах. «Капилавасту – кобыльа паства» это что-то совсем несуразное, чего ни один учёный, в серьёзном сочинении, себе не позволит.

Благодарю Вас за указание книг. Некоторые из них я немедленно выписываю. Что Вы думаете о книге Monier-Williams'a²⁶⁹ Buddhism? По своей толковости, простоте она мне очень нравится, и её следовало бы перевести на русский язык – для любознательной публики.

На днях я попытаюсь добраться как-нибудь до центра кашгарской ступы (правильной раскопки сделать нельзя). Это совершенно необходимо для оценки обломков «гнездообразного стекла». Считать их обломками обыкновенных сосудов (как я писал барону В.Р. Розену) я не могу, и остаюсь, вопреки сделанным в заседании Отдел[ения] замечаниям, при прежнем предположении – что это лампы в форме лотоса

* Преступление против науки (*фр.*).

(следовательно, указывающие на буддизм), которые, вероятно, втыкались, своим нижним концом, в могилы (теперь сарты нередко ставят на могилы «чирогы» – светильники); лотос (бутт) хорошо виден на обломках сосудов, которые, тоже вероятно, заключали в себе прах погребённого. С назначением «голубятни» (каптар-хана) для жженого удобрения я тоже не могу согласиться, ибо во 1-х туземцы этих зданий не знают ни теперь, ни в предании, а во 2-х, как объяснить нахождение, вокруг этих голубятней, на огромном пространстве, массы мельчайших костей?

Искренно уважающий Вас

Н. Петровский

Р. С. Один мой приятель (уже умерший) мулла рассказывал мне что он, в Аксу, у своего учителя, большого муллы, посмеялся как-то над нашей Троицей, и учитель его назвал его за это дураком, объяснив, что Троица – великое таинство; при этом, сколько я припоминаю, учитель объяснил своему ученику Троицу буддийскую. Вот Вам факт, что идеи буддизма ещё и теперь живут в Кашгарии.

СПб. ФА РАН. Ф. 208 (С. Ф. Ольденбург). Оп. 3. Д. 459. Л. 1 – 4 об.

123

И.В. Мушкетову

Кашгар. 18 мая 1893 г.

Многоуважаемый Иван Васильевич.

Простите за небольшое беспокойство, Вам сим письмом причиняемое. Прочёл я в «Известиях ИРГО» (1892, в. V) о сообщении Тилло²⁷⁰ о Шлихтере, предлагающем определять лунные расстояния (долготы) фотографией. Сам я – фотограф, а в определении долгот несколько смыслю; желал бы, поэтому знать о предложении Шлихтера поподробнее. Позвольте просить Вас оказать мне любезность – узнать, где это предложение Шлихтера напечатано, и если оно имеется в Петербурге, ссудить меня оным на время, или же (если это не обременит Вас) дать заглавие статьи Шлихтера магазину Дейбнера (моему поставщику) и поручить ему выписать и выслать мне. Это я мог сделать и сам, да заглавия статьи Шлихтера не знаю.

Памирский вопрос не утихает, а становится довольно серьёзным. 70 лет тому назад русский поручик Виткевич поездкой своей нагнал на англичан страху, последствия[ми] которого была экспедиция их в Кабул, резня, смерть Бёрнса и пр.; три года тому назад шт[абс]-капитан Громбчевский поездкой своей в Канджунт (почти бесплодной между нами скзать) вновь нагнал, или лучше подогрел, страх, результатом которого

было занятие Канджута и главное – сближение англичан с Китаем. Через Канджут установлен теперь новый, кратчайший и более удобный путь сношений Индии с Вост[очным] Туркестаном и пункт наблюдения за нами (и интриг) на Памире; 20 лет тому назад я официально писал покойному П.Н. Стремоухову, что Гиндукуш станет когда-нибудь новым для нас Кавказом. Теперь, в виду совершающихся событий и программы Мак-Грегора («Оборона Индии»), предположение моё, кажется, оправдывается.

Искренно уважающий Вас

Н. Петровский

ОР РНБ. Ф. 503 (И.В. Мушкетов). Оп. 1Д. 205. Л. 1 – 2 об.

124

А. Б. Вревскому

Кашгар. 1 августа 1893 г.

Милостивый государь барон Александр Борисович.

Происшествие, известное Вашему превосходительству из моих официальных донесений, дерзкое нападение китайских солдат на секретаря консульства и сокрытие китайскими властями виновных солдат – даёт нам вполне законный повод, думаю я, ввести в Кашгар русский отряд как для побуждения китайских властей найти (т.е. выдать) и наказать виновных солдат, так и для охраны наших подданных. Но, кроме того, и это едва ли не самое главное – воспользовавшись случившимся происшествием и введя в Кашгар, под указанным предлогом, войска, мы окончим этим и так называемый «памирский вопрос». Я достаточно знаю китайцев, чтобы с уверенностью сказать, что если дело о наказании виновных затянется, т.е. пойдёт переписка с Пекинским правительством, то китайцы будут тянуть его до бесконечности обещаниями, отговорками дальних расстояний Пекина, Петербурга и Кашгара и т.п., если же отряд наш появится в Кашгаре, то виновные солдаты будут немедленно найдены и наказаны, что значительно поднимет наш престиж во-первых, а во-вторых, как я сказал выше, даст нам удобный случай покончить с памирским вопросом. В виду наших войск в Кашгаре китайцы пойдут (в этом я убеждён) на самые широкие уступки – даже, может быть, на отдачу нам Сарыкола или, по крайней мере, на проведение границы так, чтобы английский Канджут не имел непосредственного соприкосновения с Восточным Туркестаном (обстоятельство, как Вы изволите знать, для будущего разграничения весьма важное).

Затем необходимо сказать, что введение русского отряда в Кашгар никоим образом не может быть толкуемо Пекинским правительством

как начало враждебных с нашей стороны действий: эта такая мера охраны, которая всегда употреблялась в подобного рода случаях. Наконец отряд наш на Алае настолько силён, сравнительно со всеми китайскими войсками не только Восточного Туркестана, но и всей Синьцзянской провинции, что пребывание его в Кашгаре не даст повода ни к каким неприятным с ним случайностям.

С чувством глубокого уважения и совершенной преданности имею честь быть Вашего превосходительства покорным слугою

Н. Петровский

РГВИА. Ф. 400 (Главный штаб). Оп. 1. Д. 1683. Л. 10 – 11 об.

125

Ф.Р. Остен-Сакену

Кашгар. 21 августа 1893 г.

Глубокоуважаемый барон Фёдор Романович.

Самые грустные и тяжёлые мысли приходят в голову при чтении двух Ваших писем, которые я сегодня получил и на которые ещё тяжелее отвечать Вам. Читая эти письма и зная, что делается здесь, руки отпадают заниматься службой. Уже три года как самым добросовестным и усердным образом разьяснил я М[инистерст]ву памирский вопрос, даю почти каждую неделю сведения большой важности, и вижу, что ни в центре, ни здесь никто ничего не хочет знать, а тем более делать. Тупость, безумие и цинизм – поразительные! Пересказывать все эти дела – это только вновь переживать тягостные минуты и раздражать нервы себе и Вам, особенно теперь, когда они у меня натянuty до последней степени. Недавно китайские солдаты, в виду своего начальника, помощника командующего здесь войсками, напали на Лютша и его спутников: подхорунжего Путинцева и слугу Лютша; Лютша оборонил торговый наш старшина, но сам он и спутники Лютша были сильно избиты. Солдаты (имена их я узнал) были немедленно скрыты (отосланы в Улугчат), а даотай и командующий войсками на требование моё наказать солдат ответили, что солдаты не найдены, а потом – что их и вовсе не было. Просил (подражая Бисмарку²⁷¹) придвинуть отряд Ионова к границе и под угрозой требовать наказания виновных. М[инистерст]во ответило: поручено посланнику потребовать удовлетворения. Ничего, разумеется, не будет, кроме позора и окончательной утраты здесь нашего престижа. Но довольно об этих грустных делах: всего не перекажешь.

Знаете ли Вы что-нибудь о моей коллекции санскритских рукописей, открывших (как пишет мне С.Ф. Ольденбург) совершенно новое

поле исследований и произведших большой шум в учёной Европе? Прочтите два последних выпуска «Записок Восточного отделения Арх[еологического] общества». Это не М[инистерст]во, там дорожат каждым, даже незначительным, сведением о наших древностях. Есть книга какого-то Носовича, в которой, говорят, сказано много справедливого о нашем М[инистерст]ве. Что это за книга?

Душевно благодарю Вас за Ваши добрые обо мне заботы. Право, трудно теперь сказать, где лучше; блаженный покой мне не даётся, а мучится – везде одно.

Искренно и глубоко преданный

Н. Петровский

РГАДА. Ф. 1385. Он. 1. Д. 466. Л. 298 – 299 об.

126

Ф.Р. Остен-Сакену

Кашигар. 3 октября 1893 г.

Глубокоуважаемый барон Федор Романович.

Дела наши здесь – в прежнем положении, и иначе не могут быть, ибо руководят ими те же «умы» в Петербурге, которые Вы и я хорошо знаем. Писал я Вам, кажется, о новой выходке китайцев. В июле, на народном гулянье за городом, на секретаря консульства и его спутников (подхорунжего Путинцева, слугу секретаря и нашего торгового старшину) напали шесть китайских солдат, избili до крови всех (кроме секретаря, которого защищал старшина; Лютшу попали только кирпичи в спину). Помощник командующего войсками, который сидел на крыше дома, и солдаты которого чинили это безобразие, арестовал солдат и скрыл их. На моё требование наказать виновных китайцы ответили, что они не найдены. Просим Вревского придвинуть Алайский отряд к Иркештаму и поддержать моё требование (имена солдат я узнал); из Петербурга ответили: «нет надобности, дело будет улажено дипломатическим путём». Теперь вышло вот что: китайцы подучили трёх каких-то негодяев (бывших солдат) принять на себя вину, и эти негодяи показали, что они действительно бросали землю в русских, но лицо у Путинцева было разбито стремением лошади, на которую он садился (лошади были оставлены в саду одного купца и секретарь и его спутники пришли, версты за две от сада, на гулянье пешком); бросали в русских землю за то, что они приставали к какой-то публичной женщине, которая была в саду и показала то же, что и солдаты. Теперь будем опять опротестовывать это дело, а между тем оскорбление не только остаётся, но и, этою наглостью, ещё увеличилось.

Денег на Алайские отряды и на постройку, почти в центре Памира (на Шаджане)²⁷² казарм из жжёного кирпича истратили массу, думаю близко миллиона; результаты – хуже, чем было положение дел до посылки отрядов: китайцы, видя, что отряды приходят и стоят на местах (для них это совершенно не понятно), воображают, что мы струсили и высылаем отряды для защиты себя от их нашествия (так это и распространяется среди туземного населения); а следствием этого смелость и наглость китайцев увеличилась до такой степени, что все переговоры с ними будут лишь взаимной болтовнёй. Достаточно сказать, что недавно правильные китайские команды с начальниками во главе, перейдя Бедель, ходили до Барскауна, по всей долине Аксяя, и возвратились через Теректы, везде входили в сношения с нашими киргизами и уверяли их, что местности эти будут заняты китайцами.

Слышали Вы о молодом Ванновском? Какой пример даёт старик своим подчинённым! Посылает сына в отряд для отличия, как будто в маленьком отряде для командования 10-ю казаками не найдётся офицера. Юноша забирается в Шугнан, производит там перестрелку с афганцами, его окружают, Ионов идёт на выручку, Ванновский перескакивает в Дарваз. Всех подробностей ещё не знаю²⁷³. Дарья – лай, арык – лай буляде, т.е. если река – грязь, арыки – грязь.

Археологическое внимание моё, после Кучи и Курля на севере, имевшее в результате отыскание более 100 листов санскритских рукописей на коже, коре и бумаге и открывшее (как пишет мне С.Ф. Ольденбург) совершенно новое поле исследований, обратилось к югу – к Хотану; и тут мне посчастливилось: добыл великолепные геммы великолепной резьбы, некоторые с подписями на языке гупти (династия между V и VIII вв. по Р[ождеству] Х[ристову]) и разные вещи и монеты. Слепки можете видеть у Розена, ему же посланы, в подлиннике, и две золотые монеты с изображениями как будто Богородицы и надписями на двух языках – одним латинском странного начертания: victor... avs perpet avs (кажется так).

В Семиречье был Бартольд²⁷⁴, написавший хорошую статью о христианстве в Туркестане и приезжавший для раскопок с художником Дудиным²⁷⁵ (для этого художника, как пишет мне Розен, и соорудил экспедицию Радлов). Бартольд упал с лошади и лежит (как слышно) в Аулие-Ата; археологическая экспедиция, значит, не удалась²⁷⁶, что весьма жаль: я думал, что она приедет сюда и поможет мне подтвердить мои догадки о месте Баласагуна, которое, кажется, я, несомненно, открыл.

Простите за большое писание и верьте в искреннюю преданность и уважение Вашего почитателя

Н. Петровский

РГАДА. Ф. 1385. Он. 1. Д. 466. Л. 300 – 302 об.

Ф.Р. Остен-Сакену*Кашгар. 15 ноября 1893 г.*

Глубокоуважаемый барон Фёдор Романович.

Прошлый раз послал Вам мою заметку, но не успел написать. Дипломатический путь, которым решили у нас добиться удовлетворения от китайцев за оскорбление секретаря консульства, оказывается кривым переулком без выхода: прошло ровно четыре месяца, а китайцы не только не дали удовлетворения, но и пытались обмануть и осмеять меня, выставив виновными трёх нанятых негодяев, которые признались будто бы в своём поступке. Негодяев этих приводили в к[онсульст]во, для предъявления секретарю, в цепях, а затем, перед самым почти к[онсульств]ом, уводя, сняли с них цепи и предоставили им отправиться домой. За частное письмо моё Вревскому о том, что если он придвинет Алайский отряд к границе, китайцы, несомненно, выдадут виновных (о сём я также телеграфировал Д[епартамен]ту), я имел честь получить маленькое замечание Капниста, которому не замедлил почтительно, на это замечание, возразить с некоторою, впрочем, ехидностью, облечённую в скромно-послушную форму. Я написал ему, между прочим, что дела политического характера давно меня (как ему известно из отчёта) озабочивают, ибо к непосредственной консульской деятельности они не относятся, а между тем испрашивать о [н]их указаний посланника (четыре м[еся]ца туда и обратно) не всегда возможно, да и сам граф нередко обращался ко мне и поручал мне дела вполне политического характера. Поэтому я и считал возможным сообщать графу о положении дел в Индии, в КанджUTE, представлять ему сведения и соображения о памирском вопросе, добывать кит[айский] шифр, английские пули, привезённые в Кашгар, китайские секретные карты Памира, переписку и т.п.; но теперь, вследствие указания графа, я не премину в точности исполнять его приказание (т.е., иначе говоря, ничего теперь от меня о политике не ждите).

Искренно уважающи[й] Вас

Н. Петровский

РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 466. Л. 303 – 304 об.

Ф.Р. Остен-Сакену*Кашгар. 3 декабря 1893 г.*

Глубокоуважаемый барон Фёдор Романович.

Писал я уже Вам, что удовлетворения за оскорбление Лютша китайцы не только не дали, но и хотели наглým образом обмануть меня,

предъявив мне вместо действительных оскорбителей каких-то негодяев, нанятых принять на себя вину. 19-го октября (заметьте это) губернатор Синьцзянской провинции²⁷⁷ (из Урумчи) уведомил меня, что виновные ещё не наказаны, потому что он, губернатор, ждёт окончания срока, данного им здешним властям, для отыскания виновных, и если виновные найдены не будут, то о смещении чиновников с должностей будет представлено Государю²⁷⁸. 21-го ноября посланник телеграфировал мне: Цзунлиямынь сообщил: виновные строго наказаны. Даотай жалуется, что Вы не принимаете его с извинением; предлагаю Вам принять его извинение. Значит, в то время, когда губернатор из Урумчи сообщает мне, что виновные не наказаны и ещё не найдены, Цзунлиямынь обманывает посланника, что они строго наказаны, а Кассини, не проверив, чрез меня это сообщение, предлагает мне принять извинение даотая, который никогда с этим извинением ко мне не являлся! Выходит теперь что-то вроде того, что нам следует извиниться за то, что Лютш позволил китайским солдатам избить себя. Жалею я очень, что Вы не можете познакомиться с моими донесениями об этом деле не ради нас, а чтобы знать ещё новый факт для характеристики теперешнего Азиатского д[епартамен]та и присоединить его ко многим другим, ему подобным. Ясно для меня теперь то, что Кассини с Пекином не сладит; китайцы его одолели. Для будущего разрешения памирского вопроса вступающего, после переговоров Дюран[д]а²⁷⁹ с Абдуррахманом, в новый, третий, фазис (первый был до занятия Канджута, второй – после занятия, а третий, теперешний, с предоставлением англичанам распорядиться Читралом и всеми гиндукушскими странами) – это будет в высшей степени для нас печально...о чём, впрочем, я уже теперь писать в Аз[иатский] д[епартамен]т не буду, а напишу когда-нибудь, на свободе, в моих воспоминаниях о тяжёлом времени.

Глубоко уважающий и преданный

Н. Петровский

РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 466. Л. 305–306.

129

Ф.Р. Остен-Сакену

Каишгар. 15 декабря 1893 г.

Глубокоуважаемый барон Фёдор Романович.

На моё возражение на сделанное мне замечание Капнист прислал мне телеграмму – нечто вроде самооправдания и объяснения: «мы, де, очень вас ценим» и пр. Ну что ж, это не дурно, хотя охоты сообщать ему сведения по-прежнему, как он о том просит, оно не прибавит. В Аз[иат-

ский] д[епартамен]т возвратился из Асхабада, чтобы занять место Жданова, В. И. Игнатьев²⁸⁰. Вы его вероятно знаете. Здесь мы были с ним в довольно частой переписке. Делом занимался он серьезно; думаю, поэтому, что он будет много полезнее той тупицы, которую сменил.

К нам сюда опять едет Хедин, милый швед, которого Вы вероятно знаете, пишет мне, что хочет пробраться в Тибет с той стороны, где много раз пытались пройти наши путешественники, а также гг. Дютрейль²⁸¹ и Гренар, которые скрылись, наконец, с горизонта В[осточного] Туркестана. Эти «друзья» (Блан, Мартен²⁸², Дютрейль, Гренар) порядочно-таки нас помучили разными поручениями и вызывали на оказание им всяких любезностей, им, разумеется, с изысканной предупредительностью оказанных, а между тем ни г. Maupoig и никто из власть держащих не изъявил нам ни малейшей за это благодарности. Протоколы Парижск[ого] общ[ества] включают гораздо больше сведений о Дютрейле из его ко мне писем, чем из его писем в Общество, но г. Maupoig, по-видимому считает доставление ему таких писем моею прямою обязанностью. Скажу Вам по секрету, что Гренар, заразившись в Хотане сифилисом, имел не деликатность прожить у меня три месяца, не сказав о своей болезни, о которой я узнал только случайно, когда к нам приехал, тоже случайно, доктор. Вот одна из характеристик «друзей», о которых мне пришлось в голову по поводу последних событий.

Искренно преданный

Н. Петровский

РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 466. Л. 307 – 308 об.

130

Ф.Р. Остен-Сакену

Кашгар. 31 января 1894 г.

Глубокоуважаемый барон Фёдор Романович.

Простите великодушно за несколько неприличное начало моего письма, но диктует его самый факт, которым оно вызвано. Г[осподин] Кассини aus Hamburg²⁸³ – это выше, чем aus Riga, – дошёл до того, что вопреки всем моим донесениям и копиям китайских мне сообщений убеждает нас, сидящих здесь, а не в Пекине, что оскорбители секретаря консульства наказаны, что даотай приезжал ко мне извиняться, что я его не принял и пр. – всё то, что дурача его, насказали ему китайцы. При этом он посылает мне копии сообщения ему Цзунлиямыня, ни слова не оговорясь, что наглуго клевету Цзунлиямыня о том, что секретарь и его спутники заставляли, на гулянье, публичных женщин петь песни и это было причиной ссоры и оскорбления, – он, посланник, поставил на вид

китайцам. Даже более – он упрекает, что секретарю не следовало бы ходить на народный праздник, ибо, де, население не спокойно, забывая или не зная, что со стороны населения, кроме уважения и любви к нам, мы ничего не видели, а все многочисленные безобразия с путешественниками и нашими подданными всегда совершались китайскими солдатами, подстрекаемыми их начальниками. Да это ли ещё: каждая бумага его приводит в изумление. Например, вчера полученная бумага. Доносил я ему, что русский подданный, вопреки всяким договорам был допрошен без моего участия, и допрошен с пытками, что я официально опротестовал это нарушение договора сообщениями даотаю и губ[ернатору] Синьцзянской провинции, которые не только не подвергли взысканию виновного, но и мне не ответили. На это донесение (заметьте: шло в Пекин два месяца) я получил вчера (ещё два м[еся]ца) вопрос: «как обсудили Вы с даотаем это дело?». Очевидно, что он не может или [не] хочет заниматься делами; но нам, пожалуй, было бы лучше, если бы он совсем ничего не делал и не раболепствовал перед китайцами: я вёл бы тогда дела на свой страх и по своему разумению. Как жаль, что Кумани не остался на месте.

Знаете ли о разных проектах объединения средн[е]азиатских владений под одною сильною властью, иначе говоря – об увеличении чинов, расходов, болтовни, случаев быстрых карьер, незаслуженных повышений, интриг, выпиваемых вин, долгов в магазины и пр. ?

У нас почти затишье: действительный Памир теперь в туманах, и вопрос о нём – тоже в тумане; действительные к весне рассеются, но туман в голове рассеять трудно.

Искренно преданный

Н. Петровский

P. S. Не видаетесь ли с бароном В.Р. Розеном? Ему я выслал много редкого.

РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 466. Л. 309 – 310 об.

131

Ф.Р. Остен-Сакену

[Кашгар. Февраль 1894 г.]

Глубокоуважаемый барон Фёдор Романович.

Душевно благодарю за Ваши добрые письма. Напишу Вам побольше, как только окончу отчёт торговый, который, надеюсь выслать с этою почтою.

Вы пишете, что Кассини, пожалуй, не виноват. Я с этим не согласен: он виноват – конечно, не прямо, а косвенно; он – европеец и не может по-

нять Азии, не может допустить, например, чтобы китайские министры с такими важными и приличными манерами и сладкими речами, были отъявленные наглецы и обманщики; ему недоступно это чутьё лжи, которая слышится во всех сношениях его с китайцами, и которую он сам, обманываемый ими, принимает за чистую правду. Он обойдён, и последствия этого не будут хорошими ни теперь, ни в будущем.

Я советую Вам, при случае, приласкать Игнатьева: он человек очень смысленный, а теперь, пожил в Азии и, судя по его письмам ко мне, во многом прозрел, он будет в Д[епартамен]те далеко не лишним, если, разумеется, не будет отмалчиваться.

В Петерб[урге] приехал «известный» Громбчевский – говорят за наследством, а я думаю, чтобы опять повертеться у Семёнова и в Штабе, выпросить новую командировку (о которой, как всегда, отчёта подробного не дать) и играть роль знатока вообще и Памира в особенности. Печальный исход его поездки в Канджунт известен: расположенный к нам хан стал пленником китайцев и сослан в Урумчи. Канджунт взят англичанами. Памир сделался предметом открытых пререканий. Неужели этого мало?

Искренно и глубоко преданный

Н. Петровский

РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 466. Л. 353 – 354 об.

132

Ф.Р. Остен-Сакену

Кашгар. 9 апреля 1894 г.

Глубокоуважаемый барон Фёдор Романович.

В какой-то газете, кажется в «Новом времени», если не ошибаюсь, прочёл, что наш Кассини получил от Богдыхана какое-то необыкновенное отличие за согласие, будто бы, не мешаться временно в корейские дела и облегчить тем решение памирского вопроса. Неужели это правда? Мне кажется, что правда, ибо китайцы мои вдруг стали очень милы, а это всегда дурной знак, предшествующий совершаемому обману, по совершении которого всё опять принимает прежний вид. Я пишу обо всём этом для того, чтобы в Ваших верных руках письмо моё осталось, так сказать, документом, что китайский обман, прикрытый любезностями и необыкновенными знаками отличия нашему посланнику, не казался мне дружественными отношениями, вызывающими зависть Англии, как это легкомысленно выражают наши газеты. Королева²⁸⁴ в тронной речи заявила, что памирские дела в хорошем положении, т.е. для Англии, разумеется, а это как-то не ладится с проведением

сюда телеграфа (исключительно для памирских дел) и с посылкою сюда инструкторов, оружия, войск. Словом, дела вовсе для нас не так хороши, как их стараются представить.

Получил книгу Дунмора²⁸⁵. Прехитрая книга: на манер всех английских туристов, но лестно кое-что читать между строчками против нас. Важно в ней признание (опровергающее удостоверение китайцев), что Канджут взят англичанами и отдан Кашмиру; китайцы касательства к нему не имеют. Получил и книгу Хедина, там мне такие похвалы, что я сам удивляюсь, как это до сего времени забыли сделать меня председателем Госуд[арственного] совета.

Искренно преданный

Н. Петровский

РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 466. Л. 311 – 312 об.

133

Ф.Р. Остен-Сакену

Кашгар. 27 июля 1894 г.

Глубокоуважаемый барон Фёдор Романович.

Секретарь наш Я.Я. Лютш, которого Вы лично знаете, решил оставить Кашгар и искать себе в М[инистерст]ве или где-нибудь в Европе другого места²⁸⁶. Он просил меня дать ему к Вам письмо и походатайствовать о Вашей помощи. Как мне ни жаль расстаться с Я.Я. Лютшем, с которым я прожил здесь более десяти лет, в полном согласии и единомыслии, но просьбу его я нахожу своим нравственным долгом исполнить. Десять лет жизни в некотором роде за пределами цивилизации, в общении с китайцами, и притом китайцами здешними, при сношении с которыми нужно иметь не нервы, а канаты, имеют право, думаю я, заявить о себе и напомнить, что за все эти десять лет труда во вновь открытом консульстве секретарь его получил одну награду и по классу должности, ниже своего чина, лишён возможности получить следующие. Я думал, что о Лютше вспомнят при открытии вакансии в Чугучаке, но о нём не вспомнили. Может быть, вспомнят теперь, когда я послал в Аз[иатский] д[епартамент] докладную его мне записку о желании его, по болезни, оставить Кашгар. Во всяком случае, я усердно прошу Вас, глубокоуважаемый Фёдор Романович, помогите, чем можете моему здешнему соотрадальцу, не пожелавшему дожидаться, когда я сам сойду со сцены.

Искренно и глубоко преданный

Н. Петровский

РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 466. Л. 313 – 314 об.

Кашгар. 1 августа 1894 г.

Многоуважаемый Сергей Фёдорович.

Весьма рад был получить Ваше письмо: вижу, что здоровьем Вашим Вы поправились, и что мои находки привлекают на себя внимание востоковедов.

Относительно разнообразия находок я должен представить на Ваше благоусмотрение вот что: Восточный Туркестан был когда-то индийским (правда ли это?), и так ли это или нет, но несомненно, что он сильно проникся индийской цивилизацией, центром которой, вероятно, был Хотан; от него цивилизация эта шла, главным образом, по прямому направлению к Куча (туземное произношение Кучар, а иногда и Учар), разливаясь, медленнее, влево к Яркенду и Кашгару. тут была, по-видимому, граница столкновения с народами и цивилизацией, надвигавшейся с севера. В Кашгаре очень живо предание, и редкий кашгарец не расскажет Вам, что «кадым заманида» (т.е. в древнейшие времена) в Хотане был народ (по другим – цари) тохта-рашид и нукта-рашид, неверный, который постоянно делал нашествия на Кашгар и Яркенд. Находки в Хотане предметов весьма разнообразных цивилизаций показывают, кажется мне, что к нему шли пути не только из Индии и Тибета, но и с запада. Не так давно франц[узский] путешественник на своём письме ко мне из Полу (к югу от Керии) выставил «Polur», а потом объяснил мне, что так называется вся тамошняя местность. Вот где, может быть, надо искать загадочный Болор; но для этого надо поштудировать Марко Поло²⁸⁷ Юля, которого мне пришлось сюда выписать. Итак, если все эти рассуждения похожи на правду, то применительно к ним, как к программе сколько-нибудь рационального розыска древностей, мне нужно тянуться от Хотана через Такла-Макан (где, в песках, находят геммы подобные хотанским) к Куче. Затем мне нужно поручить делать разведки от Кашгара, как центра, сначала к северу и западу – на путях, указанных в маршрутах Sprenger'a, и к югу, к Яркенду, и к востоку на путь хотанско-кучинский (у Маралбаши предание о большом городе в песках «Шари-барбар», куда я уже послал, но без воды забраться в пески невозможно; надо ехать зимой со льдом). Для Вас, конечно, самое важное и интересное разобраться здесь в индийских древностях; это я и буду стараться сделать.

Будд у меня порядочное количество; есть и другие фигуры: какая-то медная баба (была, кажется, позолочена) с таким, внизу, выступом, какие у Будд, для насаживания на что-то, какая-то фигура, медная с возбуждённым членом и др. Много печатей. Всё это я пришлю со следующей почтой. Все терракоты высланы ранее; я приказал было более не покупать мне черепков, а стараться найти что-нибудь целое; но теперь,

в виду большого к ним интереса, сегодня же написал, чтобы покупали всё, что будет найдено.

Жду из Куча целой рукописи, которая уже для меня приобретена; но явился у меня конкурент – здешний английский агент (в сущности – шпион, Макартней), который старается покупать рукописи для Гернле²⁸⁸.

Buddistische Kunst рад буду получить от Вас. Если лишнего экземпляра у Вас нет, будьте любезны, проходя мимо Дейбнера (Нев[ский] 28), сказать в магазине, чтобы мне её выслали. Дейбнер и Киммель. Последний прислал мне недавно On Indian Chronology Fergusson'a, оказавшаяся мне бесполезно и «Mani» Hügel'я, которого я выписал ради манихеев, которых собираюсь здесь (а также и несториан) разыскивать. Напал я в Кашгаре на мечеть странной формы – похожа на церковь. Кстатi: убедился ли теперь Н.И. Веселовский, что не сторожевой холм, а ступа, и ступы существуют в Кашгарии? Думаю, что скоро докажу, что «гвозди» – лотос, а «каптар-хана» – не здание для навоза, а columbaria.

Жду с нетерпением работ Ивановского²⁸⁹. Подтвердят ли они, что «Хан-Уй» – настоящий Кашгар. Хотел бы иметь книгу Ремюза²⁹⁰ о Хотане; сколько раз ни выписывал – не прислали.

Позвольте просить Вас об одолжении: прислать мне перевод тех надписей, которые находятся на слепках гемм и фотографиях монет, посланных барону В.Р. Розену.

Прилагаю мои заметки, напечатанные в «Тур[кестанских] вед[омостях]». Бартольд, кажется, «Бурану» посещал. Жаль, что он прожил долго в Ташкенте и полемизировал с местными деятелями. Народ этот обидчивый, а если его менажировать*, он может быть очень полезен. Любопытно знать, что Бартольд разыскал в Ср[едней] Азии, но что «Бурана» – «Баласагун» – в этом он ошибся. За присылку фотографий миниатюр буду очень признателен. Рад, что мои фотографии Вам нравятся. Фотографии мои рыб, посланные С.М. Герценштейну²⁹¹, тоже им одобрены. Как товарищу по фотографии позвольте прислать Вам кое-что лучшее из моих кашгарских фотографий.

А в заключение надо сказать, что секретарь наш уехал в отпуск, и я опять один с делами; беглые киргизы, описи имущества, просроченные паспорта, соби́рание сведений, до археологии не относящихся, разбор жалоб и пр., и пр. совсем меня поглощают.

Искренно уважающий Вас

Н. Петровский

СПб. ФА РАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 459. Л. 5 – 8 об.

---

* Бережно обращаться (фр.).

С.Ф. Ольденбургу

Кашгар. 15 августа 1894 г.

Многоуважаемый Сергей Фёдорович.

Одновременно с этим письмом послал барону В.Р. Розену: а) 41 печать и оттиск печати (другой экземп[ляр] оттиска при сём прилагаю), которую, ради надписи на ней, послать побоялся (а что это за надпись?); б) 13 медных изображений – будд и др. персон; в числе их два крестика (?) и, кроме того, глиняное изображение женщины с ребёнком (новое), помещённое в юрте или чуме кажется. Все печати и изображения из Хотана, а женщина с ребёнком куплена в Кашгаре.

В отдельной посылке отправил к барону книжечку и листки – неважные кажется.

Искренно уважающий Вас

Н. Петровский

P. S. Жара у нас нестерпимая, потому – едва пишу.

СПб. ФА РАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 459. Л. 9 – 9 об.

С.Ф. Ольденбургу

Кашгар. 5 октября 1894 г.

Глубокоуважаемый Сергей Фёдорович.

До сих пор ещё не мог исполнить моего обещания – прислать Вам мои фотографии: секретарь наш уехал в отпуск, все дела лежат теперь на мне.

Получил из Хотана новый присыл гемм; оттиски с тех, которые с надписями, при сём прилагаю. Присланы также будды и буддики, и ещё какие-то фигурки – вроде той бабы, которая Вам послана. Выслать ли Вам их?

Могу Вас порадовать: пишет мне мой корреспондент из Хотана, что он приобрёл для меня рукопись на неизвестном языке, которую сам везёт ко мне.

Ваша поправка о Кучаре совершенно верна: Кучар, а не Кугъяр. это подтвердил мне и Макартней (здесь проживающий агент), который, кажется, и был причиной ошибки Вебера²⁹². Кстати: Кугъяр, а не Кукъяр, т.е. Кухи (гора, перс.) и яр, т.е. обрыв. Куча – Кучар.

Окончание ар, ур здесь часть в названии местностей. Полу на карте зовётся в действительности Подур; сдаётся мне, что это таинственный Болор.

Наши китайцы нисколько не встревожены войной с японцами, и замечательно! – по-видимому довольны, что войска Ли Хунчжана²⁹³ терпят поражения, что, впрочем, для меня не неожиданность: я давно уже убедился, что сознания национального единства у китайцев нет, что патриотизм каждого из них ограничивается пределами его родной провинции или округа и что Китай отжил свой век, и всякий европейский прогресс ему противен. Назидательна эта война и для тех наших господ, которые кричат о могуществе Китая и даже, довольно откровенно, высказывали перед ним свою трусость.

Искренно преданный

Н. Петровский

СПб. ФА РАН. Ф. 208. Он. 3. Д. 459. Л. 10–11.

137

С.Ф. Ольденбургу

Кашигар. 5 ноября 1894 г.

Многоуважаемый Сергей Фёдорович.

Получил Вашу книгу и книжку «на память». Благодарю искренно за память и за любезность. У нас был Д.Ф. Кобеко и на неделю отрывал меня от занятий и писания писем; потому я и запоздал Вам ответить.

Кое-что для Вашего внимания уже получено: будды, буддики, идолы, листки и т.п.; но большой, ожидаемой, присылки ещё нет; жду этой присылки, чтобы написать подробно и что можно выслать.

Получил недавно из Петерб[урга] Ssanag Ssetsen'a (Шмидтовское изд[ание] и перевод) и усмотрел там слово Годтак, что наводит на некоторые новые розыски – в дополнение к «Бурана». Об этом напишу барону В[иктору] Р[оманови]чу, когда догадка подтвердится.

За фотографии ещё раз прошу извинения. Скоро их Вам вышлю; нет времени напечатать, а напечатать хочется хорошо.

Искренно преданный

Н. Петровский

СПб. ФА РАН. Ф. 208. Он. 3. Д. 459. Л. 12–13.

С.Ф. Ольденбургу

Кашгар. 15 ноября 1894 г.

Глубокоуважаемый Сергей Фёдорович.

Прилагаемая копия письма моего Я.Я. Лютшу посылается Вам для сведения. Не жалко мне уступить два листка, но не нравится мне эта бесцеремонность г. Козлова²⁹⁴. Заедет русский человек в Азию – и сейчас безобразничать! Разбить ворота китайского караула, как было при покойном Пржевальском, чтобы провести верблюдов, – это нам ничего, отобрать чужую вещь – тоже.

Послал барону В.Р. Розену листки и рукопись. Выслать ли Вам будд и пр. ?

Китайский начальник в Куче копает развалины Мин-Уй. Мой корреспондент пишет, что найденное он будет перекупать у рабочих. В Хотане завелись скупщики для англичан, но лучшего, чем у меня, пока не купили.

Вы, вероятно, обратили внимание на заявление Нотовича²⁹⁵ об И[исусе] Христе (помещено было сначала в «Temps»). Всё это, надо думать, утка, особенно после заметки М. Мюллера²⁹⁶; но всё-таки я не оставил дела втуне; я поручил нашему торговцу, поехавшему в Ладак, отправится в Геймис, повидать начальника монастыря и спросить от моего имени: был ли Нотович в монастыре, лежал ли он там со сломанной ногой, показывали ли ему там рукопись о Христе, что в этой рукописи говорится. Я поручил нашему торговцу попросить начальника сообщить мне обо всём письменно, и если такая рукопись есть – прислать мне краткое её описание и изложение её содержания.

Такое поручение постараюсь дать, на всякий случай, другому какому-нибудь нашемумышлёному торговцу.

Искренно преданный

Н. Петровский

СПб. ФА РАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 459. Л. 14–15.

Н.Я. Ростовцеву²⁹⁷

Кашгар. 4 января 1895 г.

Милостивый государь граф Николай Яковлевич.

Лет двадцать тому назад бывший самаркандский казий, Камаль-Эддин, написал для меня свои воспоминания о взятии русскими Самарканда. Ру-

копись казия, написанную в очень хвастливом тоне по отношению к её автору и в хвалебном – по отношению к нам, и притом не совсем грамотно, я хотел было перевести, снабдить примечаниями и напечатать, но за разными другими занятиями этого не сделал. Может быть, она пригодится Вашему сиятельству как материал для составляемой Вами истории Самарканда, и потому я счёл долгом препроводить её при сём на Ваше благоусмотрение. Не смотря на все, указанные выше, недостатки рукописи, в ней сообщается один факт большой важности, который, в интересах истории, следовало бы проверить и выяснить. Известно, что самаркандский поход и занятие Самарканда произошли неожиданно: генерал Кауфман, садясь в тарантас, чтоб ехать в Петербург, узнал о намерении эмира начать враждебные действия; вместо путешествия в Петербург пришлось отправиться к Самарканду. Казий Камаль-Эддин рассказывает иначе, а именно, что ранее похода в Самарканд было прислано (от Струве, тогдашнего дипломатического чиновника при генерал-губернаторе) какое-то письмо, предупреждавшее жителей об этом походе.

По другому рассказу туземцев, знавших дела, мне известно, что перед самаркандскими событиями в Шахрисябзе (у Джура-бека; ныне полковник в Ташкенте) был составлен совет сместить эмира и посадить на его место племянника Саид-хана, скрывавшегося в Шахрисябзе (теперь живёт в Ташкенте). Средством для исполнения своего намерения шахрисябзские деятели избрали русских. Бежавший в Шахрисябз с печатью эмира его старший мирза (Бурган-Эддин, кажется по имени) изготовил от имени эмира подложные воззвания против нас к народу, а командиру бухарского отряда (кажется Омар-беку), стоявшего на границе (в Джизаке) против отряда полковника Носовича²⁹⁸, было приказано (заговорщиками) напасть на наш отряд, чтобы этим нападением подтвердить воззвания эмира. Омар-бек действительно сделал на наш отряд нападение, но затем тотчас же убежал не в Бухару, к эмиру, а – в Шахрисябз.

Я сообщаю Вашему сиятельству эти факты потому, что история завоевания Самарканда представляется не совсем ясною. Теперь, когда собираются Вами для неё материалы, можно будет проверить и эти рассказы. Из очевидцев-мусульман самаркандских событий наилучшим надо признать Джура-бека, моего хорошего и давнишнего приятеля. Он знает много, но не всякому расскажет знаемое (переписка с Кауфманом, стычка с отрядом Абрамова у перевала Тахта-Карач, взятие Шахрисябза и пр.). О положении мелких бекств (Магианского, Кштутского, Фарабского и др.) перед занятием их русскими могли бы рассказать их бывшие беки (не знаю, кто из них теперь жив; Шады-бек²⁹⁹, Гуссейн-бек, кажется, живы, но для рассказов едва ли годятся).

Предлагаемую рукопись я покорнейше прошу Ваше сиятельство возвратить мне по минованию в ней надобности. Приговор о рукописи, написанный на её первой странице, принадлежит известному Алим-Хаджи-Юнусову, татарину, бывшему во главе туземной депутации, сдавшей Ташкент генералу Черняеву.

С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь
быть Вашего сиятельства покорным слугою

Н. Петровский
(кашгарский консул)

ГАРФ. Ф. 1155 (Ростовцевы). Оп. 1. Д. 2823. Л. 1 – 2 об.

140

С.Ф. Ольденбургу

Кашгар. 14 января 1895 г.

Глубокоуважаемый Сергей Фёдорович.

Настоящее письмо моё будет отправлено к Вам из Ташкента вместе с моей брошюрой, там напечатанной, которую позвольте преподнести Вам. Задумана она была гораздо шире, чем исполнена: думал я к переводу, который давно был у меня сделан, дать посильные примечания, но набирались они медленно, время шло, а тут добродетельный редактор «Турк[естанских] ведомостей» сообщил мне, что барон Вревский охотно даёт на издание деньги с тем, чтобы брошюрка послужила приложением к газете – для начала возрождаемого им внимания туркестанцев к местной археологии. Я согласился и думаю, что, пожалуй, и лучше, что перевод вышел в свет лишь с самыми маленькими примечаниями.

О других делах буду писать в следующий раз.

Искренно преданный

Н. Петровский

P. S. Брошюрку я надумал послать Вам иным путём, а потому она к письму не приложена.

СПб. ФА РАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 459. Л. 17–18.

141

Ф.Р. Остен-Сакену

Кашгар. 16 января 1895 г.

Глубокоуважаемый барон Фёдор Романович.

В. И. Игнатъев передаст Вам напечатанную в Ташкенте и посланную ему, по моему поручению, из Ташкента брошюру, составленную мною по Sprenger'у как пособие для разыскания древних путей и древних мест-

ностей³⁰⁰. Труд этот не особенно важный, но так как перевод у меня уже давно был, а в Ташкенте возродился интерес к археологии, то я и отдал его генерал-губернатору; примечания же мои (чем я и хотел дополнить перевод) пришлось отложить, ибо многого у меня, для указания ныне существующих местностей, нет, а дополнять не могу, сидя в Кашгаре.

Я давно Вам не писал и также давно не имею от Вас вестей. В сущности, при моей однообразной жизни и писать было нечего. События в Китае, по крайней мере, до сего времени, идут мимо нас. Здесь о них не знает даже и даотай, откровенно сказавший мне недавно, что о дурных слухах чиновникам не сообщается; население знает о них ещё менее. Лично я убеждён, что события вызваны Англией, хотя фактов, разумеется, не имею и хотя у Вас, кажется, думают иначе. Не выходят у меня из головы сообщения газет, что Китай получил от нашего посланника обещание не вмешиваться в дела Кореи. Если это сообщение верно, то, значит, Китай был уверен (и англичане тоже), что с Кореей можно покончить и умалить опасность сибирского пути (о которой ранее особенно кричали). Настало разочарование, но и при нём видно, что сочувствие Англии на стороне Китая: высказываются сомнения по поводу японских побед, выражается уверенность в том, что дело ещё не проиграно и пр. Может быть, я и не прав, сижу далеко от событий, но иногда издали виднее их общность, да и времени думать о них больше, чем в сутолоке министерских дел.

Другого рода сомнения, и более основательные, возникли у меня по поводу убийства Дютрейль де Рэна. Недавно доставили ко мне русского солдата (Разумова), который был в услужении у французской экспедиции. Я его допросил, составил протокол и отправил на родину. Затем китайцы прислали мне другого служителя экспедиции, жителя Ладака (Мухаммед Иса), чтобы он рассказал мне о событии. Возник из всего этого ряд странных предположений, о которых Вы прочтёте в письме Хедина в «Турке[станских] ведомост[ях]» (Хедин ещё здесь и был при допросах). Затем недавно мне принесли с базара продавать замшевые, для верховой езды панталоны, новые, на обратной стороне которых я прочёл «Rhins» написанное рукою Дютрейля. Панталоны дал продать Мухаммед Иса. Расспрашивая о нем, я узнал затем, что у него много и других вещей европейских, сказал я об этом Макартнею, в доме которого он живёт, советовал осмотреть вещи, но этот английский агент решительно от сего уклонился, а с Хединым даже горячо поспорил, утверждая, что подозрений никаких быть не может, что вещи могли быть даны Grenard'ом, после смерти Дютр[ейля], в Синин-фу, куда они были посланы ранее другой дорогой.

Может, это и так, но странно, что Grenard раздавал чужие вещи, которые он был обязан отдать родным покойного, что панталоны были посланы туда, где в них нет надобности, и где верховая езда оканчивается, что в числе вещей есть мелкие древние камни, несомненно, хотанские, которые должны бы были быть отнятыми разбойниками. (Gr[enard] сам писал, что

было отнято всё). Я и Хедин становимся в тупик, как объяснить это убийство. Не будь Grenard'a я не задумался бы сказать, что Дютрейль был убит своими или по подстрекательству своих, но как объяснить письмо Grenard'a (в «Temps»)? Правда, он бежал самым постыдным образом, бросив умирать своего товарища, о последних минутах которого весь караван и Grenard узнали от местных жителей, но все-таки, неужели он скрыл истину? Дело это, конечно, меня как консула, не касается, но я желал бы, чтобы меня спросили: не известно ли чего мне о смерти Д[ютрейля]? Я счёл бы своим нравственным долгом, ради будущих путешественников и ради истины, рассказать, что мне известно, и мои сомнения. По моему совету Хедин это уже, отчасти, и сделал, но этого ещё мало, ибо после отсылки его письма были добыты новые факты и сомнения.

Искренно преданный

Н. Петровский

РГАДА. Ф. 1385. Он. 1. Д. 466. Л. 315–317.

142

С.Ф. Ольденбургу

Кашгар. 1 марта 1895 г.

Глубокоуважаемый Сергей Фёдорович.

Приношу Вам душевную благодарность за Ваше письмо, которое меня очень порадовало. Вы самый главный виновник тому, что я стал усердно разыскивать здешние древности. Не будь Вашего заявления в «Отделении», я довольствовался бы тем, что случайно приносилось мне для покупки, и откладывал бы всё, что приобретал на случай приезда моего в Петербург. Не то, чтобы я не понимал значения покупаемого, а, по правде сказать, не думал я, что у нас найдутся учёные, которые станут живо интересоваться этими древностями.

Я высылаю одновременно с этим письмом, по адресу барона Виктора Романовича, всё, что у меня есть из терракот и бронзы. Это – более того, что уже было выслано. Высылаю также все печати, кроме тех, у которых надписи; с этих печатей высылаю снимки. Кроме терракот в черепках высылаю три горшка, хорошо сохранившиеся, и др. мелочь. Гемм не высылаю.

Я, как Вы знаете, совсем один теперь работник. Недавно поручили мне ещё одно дело, чисто таможенное: срезывать пломбы и делать до-смотры хлопчатобумажных изделий, сюда с возвратом пошлин привозимых. Совсем завален работой, а писцов – всего два малограмотных казака; всё пишу сам. В прошлом году одной регистрации паспортов было более 3 т[ысяч] номеров, а наследства, иски, переписка с китайцами о

взысканиях, о беглых, нарушении границы и пр. и пр. Нет времени не только куда-нибудь поехать, а что-нибудь серьезное прочесть; а сего последнего набралось много. Хотелось бы, например, проштудировать Edrisi³⁰¹, ибо вижу, с первого взгляда, что найду в нём многое для розыска древних мест и путей. В «Тазкира-и Сутук Бугра-хан³⁰²» рассказ о нашествиях и битвах нукта-рашид и тохта-рашид с туземцами так и напрашивается на разъяснение о том: что это за народ (буддийцы), который энергически двигался из Хотана к северу на завоевание Яркенда и Кашгара. Да много ещё и другого приходит на догадки, а проверить их некогда. – Дело Козлова я принял к сердцу только потому, чтобы подобных случаев избегать в будущем. О всех наших путешественниках здесь, за очень малыми исключениями, я очень не высокого мнения, а о таких, как например г. Громбчевский, и совсем плохого.

Надеюсь, что Вы уже получили мою брошюрку «Арабские дорожники». Пишут мне из Ташкента, что есть уже любители, собирающиеся поискать, по её указаниям, древние местности.

В Аксу, Куча и Курля послал (4 го февраля) специального ищейку, большого и ловкого плута, которому, между прочим, поручено перекупить или уворовать всё, что, может быть, предполагается продать англичанам.

Искренно преданный

Н. Петровский

СПб. ФА РАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 459. Л. 19 – 20 об.

143

С.Ф. Ольденбургу

Кашгар. 2 марта 1895 г.

Глубокоуважаемый Сергей Фёдорович.

Написал я Вам письмо и запечатал, а затем стал готовить к отправке вещи. Оказалось масса мелочи и, кажется, довольно интересной. Уложил в вату и бумажки. Разбирайте осторожнее. Гемм также очень много, но их не посылаю; с надписями, кроме тех, оттиски которых выслал, ещё нет. Печати высылаю почти все; остались у меня только двойники. Монет – масса, но разнообразных мало. Наиболее, кажется, интересные – с изображением лошади; есть порядочно сохранившиеся. Кроме терракот высылаю им подобные штуки (головы, руки и пр.) из мягкого серого камня (есть такой и будда). Всё это – из Хотана. Между мелочью обратите внимание на стеклянный браслет и гвоздь (опять гвоздь!) с позолотой. Это единственный пока экземпляр из Хотана. Итак, гвозди находились: в Кашгаре (масса), а Маралбаши и по всей до-

роге оттуда в Аксу, в самом Аксу, в Куче, в Яркенде и в Хотане. Не выслал Вам: малюсенькую золотую птичку и малюсенького голого человека с дырочками для подвеса; если нужно будет – вышло. Деревянная доска с изображением двух фигур – из Хотана.

Целый вечер сегодня разбираю сундук и только теперь увидел, сколько за короткое время накопилось

Искренно преданный

Н. Петровский

СПб. ФА РАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 459. Л. 21–22.

144

М.П. Хорошину³⁰³

Кашигар. 8 марта 1895 г.

Милостивый государь Михаил Павлович.

На письмо Вашего превосходительства от 8 го декабря прошлого года за № 693 м имею честь уведомить, что составленная мною несколько лет тому назад, и изданная Главным штабом (литографированная) инструкция для разведчиков, вероятно, имеется в вверенном Вам штабе. У меня этой инструкции – всего два экземпляра (тюркский и персидский текст), которые, к сожалению, я не могу Вам выслать. Более подробную инструкцию, применительно к тем наставлениям, которые даёт своим разведчикам англо-индийское правительство, я давно уже составляю; но так как труд этот не принадлежит к обязанностям консула и делается мною только при досуге, которого не много, то в настоящее время я не могу сказать – когда он будет окончен.

Прошу принять уверение в совершенном почтении и преданности

Н. Петровский

*РГВИА. Ф. 1396 (Штаб Туркестанского военного округа). Оп. 2.
Д. 1482. Л. 10 – 10 об.*

145

С.Ф. Ольденбургу

Кашигар. 24 марта 1895 г.

Глубокоуважаемый Сергей Фёдорович.

К барону Виктору Романовичу я послал, 18 го марта, листки и ящик будд и древностей. Теперь посылаю на его имя два ящика, из которых в

одном Вы найдёте: а) в грязном платке перегнувшую бумагу, из которой можно извлечь разве то, как гниёт в земле бумага; для чего другого она, разумеется, не годится; б) листки (рукописи), которые посылаю, как пришли; Вы сами их развернёте и расправите; в) ещё листки – кажется не важные.

В следующий раз будет выслан ещё ящик, готовый к отправке, и не отправленный потому, что нашему верховому почтарю трудно возить много посылок. Вот люди наши почтари! Каждый из них в год переезжает 24 раза Терек-Даван (т.е. почти Монблан) и столько же раз два Монблана поменьше (по 11 т[ысяч] ф[утов] высоты) и ни один альпийский клуб не сделал их своими почётными членами! А каков Терек-Даван – спросите у Д.Ф. Кобеко, который отсюда имел честь вернуться через него и видеть маленький на нём буран.

Нынешнее лето мне, по всему вероятно, не придётся никуда выехать на археологическую добычу: нет секретаря, оставить консульство нельзя.

Искренно преданный

Н. Петровский

СПб. ФА РАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 459. Л. 23 – 23 об.

146

С.Ф. Ольденбургу

Кашигар. 31 марта 1895 г.

Глубокоуважаемый Сергей Фёдорович.

Первое письмо, прилагаемое, задержалось отправкою, а между этим временем пришли из Хотана новые вещи и в числе их – рукописи. Их, одновременно с этим письмом, я высылаю (в картоне из-под фотографических пластинок) на адрес барона Виктора Романовича. В посылке три пачки рукописей; две пачки вряд ли на что годны, третья – годна вполне для разбора.

У нас, с месяц уже, валится с неба пыль; может быть она и космическая, как полагают некоторые учёные, но от такого высокого её происхождения нам нисколько не утешительно: проникает она в самые малейшие щели, раздражает нервы донельзя и, кажется, помогает тифу, от которого уже умерло порядочное количество туземцев и китайцев.

Искренно преданный

Н. Петровский

СПб. ФА РАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 459. Л. 24–25.

М.П. Хорошину*Кашгар. 9 апреля 1895 г.*

Милостивый государь Михаил Павлович.

Один из здешних китайских чиновников сообщил мне по секрету, что в Сюаньхуатине (город и приставство в 150 верстах к юго-западу от Ланьчжоу-фу) вспыхнуло восстание населения против китайцев. В местности этой живут туземцы неизвестного происхождения и дунгане. Подробности восстания ещё не известны.

Хотя означенная местность очень далека от Восточного Туркестана, но я всё-таки счёл не лишним сообщить об указанном известии для сведения Вашего превосходительства.

Примите уверение в совершенной преданности и таковом же уважении.

Н. Петровский

РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1482. Л. 25 – 25 об.

Д.Ф. Кобеко*Кашгар. 10 апреля 1895 г.*

Глубокоуважаемый Дмитрий Фомич.

В последнее время я порядком болел ревматизмом и далеко запоздал с тем, что нужно было сделать для Вас и для соображений Вам известных, о нашей торговле³⁰⁴. Теперь немного поправился и последовательно буду посылать в Азиатский д[епартамен]т донесения, о чём своевременно и буду уведомлять Вас.

А в настоящее время дело вот в чём. Туркестанский таможенный округ как-то смутно и узко понимает меру досмотра товаров в Кашгаре и отчасти сбивает, кажется, этим Д[епартамен]т таможенных сборов, который, хотя и дальше от нас, чем Ташкент, но смотрит на дело шире и глубже – судя по одному его предписанию округу, мне сообщённому в копии. А дело это огромной важности: захватить в таможенные руки, а, следовательно, и в руки торгово-политические, почти весь Восточный Туркестан и гнать через него нашу мануфактуру в Кашмир и Индию (а это уже начато) – не шутка!

В Аз[иатский] д[епартамен]т я послал и посылаю разные по этому предмету донесения и, между прочим, замечания на инструкции таможенным чиновникам в Иркештаме и Кашгаре (9-го апреля №№ 153, 154,

155). Обратите внимание на эти инструкции. Вы один только, бывший на месте, можете разъяснить те местные условия, которые неизвестны и могут ускользнуть из соображений решающих дела. Ваше «Совещание» вероятно, скоро теперь откроется; материалы, мною посылаемые, если [не] все, то многие, конечно, не минуют Ваших рук. Было бы даже лучше и скорее, если Вы по вопросам азиатской торговли сможете обращаться к консулам непосредственно: кроме М[инистерства] и [но-
странных] д[ел] мы подчиняемся, по закону (Конс[ульский] устав) министерствам Финансов и Морскому. При таком порядке Вы избегли бы лишней переписки, сношений, снятия копий и т.п.

За убийство стражников двух киргиз[ов] повесили, других наказали каторгой. Эта, хотя и тяжёлая необходимость, поуспокоит надолго наших киргиз[ов], особенно семиреченских, грабежи которых начали наводить страх на всю границу; по правде сказать, в деле стражников виноват и барон Вревский; если вопреки моему почтительному предостережению, он не писал бы ласковые письма известному Вам Хуанг-дарину в Улугчате, явному главе и покровителю контрабандистов – киргиз[ов] (недавно, после долгих усилий моих сменённому), то, может быть, киргизы, видя, что Хуанг не в милости, не были бы так [ими] дерзкими.

Руководствуясь моей брошюрой «Арабские дорожники», нахожу древние пути по Туркестану (в широком смысле принимаемом) и прихожу к выводам интереснейшим, о чём и поведаю барону Розену, но не скоро. Коллекции мои сильно растут, и многое выслано барону и С.Ф. Ольденбургу. Увидите сами, что замечательного много.

Искренно преданный

Н. Петровский

P. S. Вашему спутнику мой поклон.

ОР РНБ. Ф. 354. Оп. 1. Д. 93. Л. 53 – 54 об.

149

С. Ф. Ольденбургу

Кашигар. 24 апреля 1895 г.

Глубокоуважаемый Сергей Фёдорович.

Посылаю Вам по почте, на имя барона В.Р. Розена, семь пачек рукописей, присланных из Хотана, по-видимому, так, как они были найдены, т.е. нетронутыми разборкой, рукописи, за малыми исключениями, довольно в жалком виде; но, может быть, Вы что-нибудь и выберете.

Кроме рукописей получил опять массу терракот, изображений из

мрамора, деревянного буддика (прехорошенького), деревянных досок с изображениями, камешки и разной мелочи. Все эти терракоты и доски посылать с нашими почтовыми джигитами уже нельзя – тяжело, а потому пошлю отсюда до Оша в караване (18 дней хода), а оттуда – почтой.

Из присланных вещей особенно интересна рожа из белой глины, немного разрисованная; кажется, что это – маска с умершего. Помнится мне, что в письме к Вам или к барону я высказывал догадку, что маленькие рожицы из терракоты, может быть, портреты умерших, украшавших их гробницы.

Печаткой с крестом, присланной в числе вещей, запечатал настоящее письмо.

Дела много, но всё-таки уделяю из досуга малое на проникновение в древность. Недавно получил «Radjarangini» Froeyer'a и занимаюсь догадками о народах и местностях, там упоминаемых. Чувствуется мне, что многое пошло в Кашмир отсюда или пришло оттуда.

Сообщите это письмо барону. Я буду ему писать, но, может быть, письмо попадёт на почту позднее

Искренно преданный

Н. Петровский

СПб. ФА РАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 459. Л. 26–27.

150

Д.Ф. Кобеко

Кашгар. 25 апреля 1895 г.

Глубокоуважаемый Дмитрий Фомич.

Нижельский³⁰⁵ просит меня написать Вам о какой-то его просьбе, Вам им представленной, которую Вы обещали исполнить. Я рекомендовал ему обратиться к Вам непосредственно. Сам он мне малосимпатичен: он совсем не понял (если не получил приказание не понять) того важного значения, которое имеет открытие таможи в Кашгаре. Подробно писать об этом нет надобности, [надо] сказать, что дело это г[оспода] таможенные кажется испортили, и мне будет трудненько его поправлять. Говорят, что Затвардницкий³⁰⁶ думает приехать в Кашгар; тогда я постараюсь ввести его во все подробности этой меры. Надо бы познакомить с ним и Департамент, чтобы он взглянул на него с точки зрения интересов торговой политики, а не простых формальностей. В намерениях моих я иду далеко. Если англичане собирают для китайцев таможенные пошлины в портовых, открытых для торговли, городах, то почему же мы не можем предложить китайцам того же относи-

тельно Кашгара, также для торговли открытого? Это было бы лучше всякого другого завоевания Кашгара; но нужно готовить это умеючи и в полном согласии с М[инистерством] финансов; надо, чтобы и таможенное ведомство нашего Туркестана прониклось этою идеею. Теперь этого не видно

У нас всё по-старому с прибавлением тифа, от которого порядочно мрут туземцы и китайцы. Советы мои даютаю чистить город от всяких нечистот кончаются обыкновенно восклицанием его: «Какой Вы предусмотрительный человек и мой настоящий друг» – и только.

Искренно преданный

Н. Петровский

ОР РНБ. Ф. 354. Он. 1. Д. 93. Л. 55–56.

151

Д.Ф. Кобеко

Кашгар. 7 июня 1895 г.

Глубокоуважаемый Дмитрий Фомич.

Нынешний раз я обращаюсь к Вам за помощью учёного характера. Просьба моя вот в чём. Переводил я для Степного ген[ерал]-губерн[аторства] одно, попавшееся в руки мне, предписание киргизам одного маленького администратора, данное одному плуту киргизу. В этом курьёзном предписании, было, между прочим, сказано: «Если вы не будете давать ему лошадей, помещения и пр., и пр., то все будете в Сибири». Слово «Сибирь» было написано «Чубирь» (два раза). Я думал, что это ошибка писца, малограмотного киргиза; но недавно я случайно узнал, что на Памире есть небольшое селение, называющееся «Суук-Чубирь». Суук по-киргизски и саук по-сартовски значит холодный; что такое чубирь – я ещё не знаю. А ведь это должно быть Сибирь? У меня под рукою, как Вы знаете, нет ничего, где бы можно навести справки, как объясняют слово Сибирь. Не поможете ли Вы мне такую справку. С[о] своей стороны я займусь Чубирью. Может быть, мы и нападём на верное объяснение нашей Сибири.

Близь Синин-фу дунганский бунт и серьёзный. Сюньхуатин (порядочный город) взят дунганями; начальник города зарезал себя и всё своё семейство. Восстание вспыхнуло в Хэчжоу, в Дидаотине и ещё в двух городах. Предводитель восстания – внук того Мо Холуни³⁰⁷, который руководил в этих местах первым восстанием. Местных войск для усмирения не хватает: просят присылки войск из-под Пекина. Всё это передал мне даотай, значит, всё это не только верно, но значительно менее того, что есть в действительности.

К нам едет из Индии M-me Massieu для каких-то исследований в области всех наук и искусств.

Колония посылает Вам сердечный поклон. Хедин чуть не погиб в песках у Хотан-Дарьи; всё бросил, шёл 4 дня один, ел траву, теперь благополучно возвращается в Кашгар.

Искренно преданный

Н. Петровский

ОР РНБ. Ф. 354. Он. 1. Д. 93. Л. 57–58.

152

Д.Ф. Кобеко

Кашгар. 15 июня 1895 г.

Глубокоуважаемый Дмитрий Фомич.

Настоящее письмо хотя и касается дел таможенных, но совершенно частного характера. Вам уже известно, что досмотр здесь товаров потерял то значение, которое я надеялся дать ему теперь и особенно в будущем. Теперь мне ясно, что Турк[естанский] округ не только этой мере не сочувствует, но и даже старается свести её на нет. Мотивы этой меры объясняют, кажется, тем, что я, де, хотел иметь здесь моего сына, которому, однако ж, я положительно отсоветовал поступать в таможенное ведомство, потому, что служба в нём поучительна и полезна на европейской границе, где есть тариф и товарознание, а не здесь, где всё почти беспощинно; прослужив здесь, всё-таки, ничего не будешь знать, что нужно там.

Итак, дело испорчено; его теперь не исправить ни мне, ни даже Вам. Нижельский действует так, чтобы как можно скорей закрыть лавочку, и – наши торговцы всё реже и реже предъявляют свои товары к досмотру. Я сообщаю Вам обо всём этом только для сведения, ибо переделать и исправить едва ли можно. Жалею только, что генерал Затвардницкий не побывал здесь: говорят, он человек разумный и хороший; его я, может быть, убедил бы в важности этой меры, не нравящейся его подчинённым.

Глубоко преданный

Н. Петровский.

P. S. Приехал Хедин, Вам свидетельствует почтение, приехал чуть не голый, всё бросил в песках и сам едва не погиб.

Статья в «Турк[естанских] вед[омостях]» о словаре Лапина³⁰⁸ – моя (Мусафира).

ОР РНБ. Ф. 354. Он. 1 Д. 93. Л. 59–69.

Ф.Р. Остен-Сакену

Кашигар. 7 июля 1895 г.

Милостивый государь барон Фёдор Романович.

Французский путешественник Dutreuil de Rhins, погибший в селении Тамбуда (около 20 дн[ей] пути к югу от Кукунора) во время своего пребывания в Восточном Туркестане постоянно находился в сношениях со мною. Все бумаги его, как можно судить из сообщений его товарища в путешествии г. Grenard'a, погибли, но письма его ко мне у меня сохранились. Письма эти, в которых г. Dutreuil de Rhins сообщал мне о своём путешествии, о своих трудах и намерениях, могут иметь значение как для того учёного учреждения, на средства которого путешествовал покойный, так и для его семейства или родственников, если они имеются.

Прилагая при сём означенные письма, я позволил себе обратиться к Вашему превосходительству с почтительнейшею просьбою – не признаете ли Вы возможным передать эти письма по тому назначению и тем порядком, какие Вы найдёте лучшими.

С чувством глубокого уважения и совершенной преданности имею честь быть Вашего превосходительства покорным слугою

Н. Петровский

РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1 Д. 466. Л. 318 – 318 об.

С.Ф. Ольденбургу

Кашигар. 25 июля 1895 г.

Глубокоуважаемый Сергей Фёдорович.

Послал к барону Вик[тору] Ром[ановичу] листки для Вас в том виде, как их получил из Хотана; в посылку вложил слепок с геммы с надписью. – Из письма к барону увидите, что от собрания древностей будет у меня скоро «жифот кунчал», как говорят наши сарты: больно уж дорого стали покупать для меня эти древности. Правда или нет, но уже от двух моих корреспондентов получаю я сведения, что в Хотане стали покупать вещи для англичан, и потому они вздорожали.

Показывал мне недавно Макартней (здешний английский агент) письмо к нему Вебера о знаменитой рукописи Нотовича из Геймиса.

Вебер пишет, что всё это вздор, но затем не совсем ясно выражается, что какая-то рукопись находится в руках одного капитана (есть в письме

и его фамилия). Я пришлю Вам копию письма Вебера. Читал я и опровержение Макса Мюллера, и оно мало опровержительно по моему мнению. Если бы открыватель был не Нотович, то, пожалуй, можно бы было заняться этим делом: кашмирцы у меня есть.

Простите, что до сих пор не прислал Вам моих фотографий; пришлю зато самых хороших.

Искренно преданный

Н. Петровский

СПб. ФА РАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 459. Л. 28 – 29 об.

155

С.Ф. Ольденбургу

Кашигар. 30 августа 1895 г.

Глубокоуважаемый Сергей Фёдорович.

Получил вчера Ваше письмо и Вашу брошюру; приношу за них душевную благодарность. – Теперь я поступлю иначе, чем делал прежде: я пришлю Вам гипсовые оттиски со всех моих гемм и печатей, на которых есть надписи; может быть, пришлю со всех вообще, т.е. и с тех, на которых надписей нет, а есть только изображения, – если хватит на это гипса; из Ташкента мне его прислали, но очень плохого. Пришлю я Вам также фотографию, засушенный экземпляр, семена и пр. растения, которое называется здесь тухум-гуль, т.е. яйцо-цвет. Не знаю, известно ли оно ботаникам. Цветы – совершенные куриные яйца, белые и жёлтые – как будто они нарочно привешены на растение. Они навели меня на мысль о крашенных яйцах в праздники. Вы знаете, что в Средней Азии (в Русск[ом] и Восточн[ом] Туркестанах) во время праздников (байрамов) мусульмане обязательно красят яйца в жёлтый и красный цвета. Тухум-гуль расцветает в начале лета; цветы сушат и подвешивают к потолку (обычай, впрочем, не повсеместный). Тут, несомненно, есть какая-то связь тухум-гуль с яйцами, празднованием начала лета и пр.

Мне шагу нельзя сделать из консульства; Лютш совсем меня зарезал: уехал отсюда более года, начал искать места по окончании срока отпуска, иначе говоря, оставил меня без секретаря на полтора, а может быть и на два года; хотел, было, сам ехать в отпуск в сентябре, но пришлось остаться до весны будущего года. Хотя самому мне выехать никуда нельзя, но заботы о древностях не оставляются: на днях отправляю нашего аксакала (торгового старшину), которому даны были уроки фотографии, с двумя камерами, снять какие-то развалины древнего города

за селением Артыш и башни в «Хан-Уй». За это время получил довольно монет и будд, этих последних я Вам высылаю; есть вещички очень интересные: обломок маленькой ступы, например, с прекрасною резьбою.

У нас, т.е. недалеко, по здешнему, от нас – восстание дунган очень серьёзное; если дело пойдёт так, как началось, то мы накануне такого же исторического человеческого урагана, какой был в 1861 г., в котором, по самому меньшему счёту погибло 8 милл[ионов] людей, а по большому – 30 милл[ионов]. Здесь дунган также довольно, и все они мюриды Хаким-хан-тюря (живёт у нас в Маргелане, потомок ходжей и претендент на Кашгарию), который уже два раза пытался прогнать отсюда китайцев.

По отсутствию досуга не могу я до сих пор собраться напечатать мои фотографии и послать Вам, как было давно обещано. Консульство – это совсем полицейский участок: то караван пришёл, то беспаспортных привели, то жалобы по разным пустякам, то в конвое ссора и пр.

Искренно преданный

Н. Петровский

P. S. Не нужно ли Вам прислать что-нибудь из Кашгара? Можно приобрести китайские материи на дамские платья, туземный ковёр, белый бараний мех курчавый (дешёвый и хорошенький, на халат, одежду для девочки), вееры и разную китайскую мелочь. Очень буду рад исполнить Вашу комиссию.

СПб. ФА РАН. Ф. 208. Он. 3. Д. 459. Л. 30 – 31 об.

156

С.Ф. Ольденбургу

Кашгар. 1 сентября [1895 г.].

Глубокоуважаемый Сергей Фёдорович.

Только что запечатал к Вам письмо, как получил из Куча листки, при сём прилагаемые. Прислал мой агент одну монетку; ею не посылаю: все мои монеты надо, прежде всего, привести в порядок.

Искренно преданный

Н. Петровский

СПб. ФА РАН. Ф. 208. Он. 3. Д. 459. Л. 32.

С.Ф. Ольденбургу

Кашигар. 26 сентября 1895 г.

Глубокоуважаемый Сергей Фёдорович.

Посылаю Вам (отдельно от письма) две фотографии того цвета-яйца (тухум-гуль), о котором писал Вам прошлый раз. Снимки пробные, других пока не делаю, потому, что прежде нужно знать, известно ли это растение г[осподам], ботаникам. Если оно не известно, то я сделаю снимок хороший (на бумаге Истмена, на которой можно рисовать акварелью), а также засушу растение по всем правилам коллекторов и всё вышлю, кого это интересует. Вместе с этими рисунками высылаю я Вам и кое-какие мои фотограф[ические] снимки для Вас, написав на них, сзади, карандашом, что они изображают. Эти снимки, так сказать, случайные и не для Вас заготовленные; они лежат у меня давно; те же, которые я обещал прислать, всё ещё не напечатаны: нет времени и секретаря. Говорят, будет назначен Голиков из С.-П[етерб]ургского университета, ориенталист.

Дунганское восстание растёт, и даже в Ланьчжоу-фу (столица Ганьсу) были уже беспорядки. Центр восстания (сколько могу судить; далеко ведь от нас) в Синин-фу; в восстании, вместе с дунганями участвуют и китайцы. Это – совсем иное, чем было прежде (в 70 х годах), и очевидно, – что не восстание дунган, а восстание вообще, которое дунгане, как более энергичные начали первые. Один китайский чиновник говорил мне, что в восстании есть и те китайцы, которые идут против маньчжурской династии, и последователи тайного общества Гола-хау (какие они цели преследуют – неизвестно, но организация их очень прочная; у меня есть маленький патент, на тряпочке, члена такого общества). Словом, в Зап[адном] Китае начинается неладно.

Археологических новостей пока нет.

Искренно преданный

Н. Петровский

В посылку со снимками я вложил буддикив и разную мелочь, для Вас небезынтересную.

СПб. ФА РАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 459. Л. 33–34.

С.Ф. Ольденбургу*Каишгар. 14 октября 1895 г.*

Глубокоуважаемый Сергей Фёдорович.

Вот письмо Ровнягина, учителя школы в Токмаке. Оно посылается к Вам ради надписи и рисунков; не худо бы было показать его барону Виктору Романовичу. Для меня оно интересно тем, что окончательно подтверждает моё мнение о «Бурана»: было у меня всё-таки сомнение о величине развалин (Мир-Хайдер пишет, что их очень много); теперь сомнение совсем рассеялось. Монеты, которые он мне прислал – куфические. На письме я сделал маленькие заметки

Получил из Хотана описание всех тамошних селений (что мною было заказано для соображений о древних местах), несколько гемм, монет и обломочек, хорошенький, который Вам посылаю; кажется, он буддийский. Оттиски гемм для Вас изготавливаются. Не нужно ли кому-нибудь воды Замзам? Недавно я делил наследство одного хаджи и нашёл несколько жестянок, герметически закупоренных, этой воды; впрочем, я думаю, что она давно уже химически исследована. Послать разве барону, как благословение пророка за учёные труды по арабскому языку.

Дунгане бунтуют, и не безуспешно, судя по тому, что китайцы даже здешним дунганам запретили иметь оружие и собираться для бесед; в Аксу отбирают у них лошадей. Тридцать лет прошло, как пронёсся первый дунганский ураган, уложивший, по крайней мере, 5–8 милл[ионов] людей; у нас в Семиречье живёт масса деятелей и очевидцев этого восстания, – и никто до сих пор не занялся узнать: что это было за восстание, за что уничтожали себя китайцы и дунгане, чего хотели и пр. ? Теперь восстание повторяется, и мы ровно ничего не знаем.

Искренно преданный

Н. Петровский

СПб. ФА РАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 459. Л. 35 – 36 об.

Ф.Р. Остен-Сакену*Каишгар. 16 октября 1895 г.*

Глубокоуважаемый барон Фёдор Романович.

Давно уже не писал я Вам, да и от Вас не имел вестей. Судя по слухам из Ташкента, ждал я Вас видеть на высшем месте, но всё, кажется, остаётся по-прежнему, без видимых перемен.

Сам я давно уже занимаюсь в границах предписанных, не пускаясь на рассуждения, эти границы переходящие. Досуг, которого не особенно много, посвящаю своим, личным, занятиям – между прочими, собиранием древностей, за что лестно прославлен бароном Розеном и Ольденбургом.

Вы, конечно, знаете, что дунгане опять бунтуют³⁰⁹. Прошло теперь около 30 лет со времени первого восстания – урагана, унесшего миллионы людей. – У нас в Семиречье живёт масса дунган, очевидцев и деятелей этого восстания, и кроме небольших статей Рихтгофена, Гейнса³¹⁰, мы не имеем до сих пор никаких обстоятельных сведений об этом восстании, его причинах и пр.; никто не позаботился собрать их. Теперь восстание повторяется и становится серьёзным, и особенно потому, что хотя дунган меньше, но Китай значительно слабее прежнего. Судя по тому, что рассказывают мне китайские чиновники (рассказывать неприятное они не любят), восстание усмирить силой – нельзя, ибо ни войска, ни продовольствия, ни снарядов нет. Словом нарождается новый вопрос, к которому мы не приготовились, и которого совсем не знаем.

Хедин живёт у нас и собирается проникнуть в Северный Тибет, а затем направится в Пекин. Это последнее я ему не советую, ибо учёное путешествие будет сбиваться на блуждание туриста.

По моему мнению, ему не следовало бы ездить на Памир, в комиссию³¹¹, и писать оттуда корреспонденции.

Искренно преданный

Н. Петровский

РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 466. Л. 319 – 320 об.

160

С.Ф. Ольденбургу

Кашгар. 26 ноября 1895 г.

Глубокоуважаемый Сергей Фёдорович.

Получил я оттиски «Хан-Уй» и «Хотанские древности» вместе с письмом барона В.Р. Розена; вижу из письма, что Вы принимали, по части русского языка, немалое участие в последней брошюре. О ней я кое-что написал барону и желал бы, чтобы Вы прочли моё письмо. По правде сказать, брошюра мне не нравится: «Жомини³¹² да Жомини». Grünwedel³¹³ да Grünwedel, а своего нет; а можно бы было сказать хоть немного – хоть то, что бросается в глаза даже мне, простому коллектору.

Один листок из Кучи проскочил мимо моих глаз в Индию; не успел его перекупить и дал за это большой нагоняй моему кучинскому агенту.

Высылаю разные вещицы и буддиков.

Сегодня, когда я ещё спал, приходил ко мне чиновник даотая с секретным известием, что под Синин-фу китайцы наголову разбиты дунганями. Даотай присылает чуть свет печальную новость – это что-то в высшей степени необыкновенное! Дела, значит, совсем плохи, того и гляди теперь сам даотай прибежит спасаться в консульство

Искренно преданный

Н. Петровский

СПб. ФА РАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 459. Л. 37–38.

161

С.Ф. Ольденбургу

Каишгар. 15 декабря 1895 г.

Глубокоуважаемый Сергей Фёдорович.

Благодарю за телеграмму. Очень рад, что фотографии мои Вам нравятся; вероятно, Вы получили теперь и другую партию, Вам посланную. Пришлю ещё; теперь у нас похолоднее (10° Цельсия) и печатать труднее.

Новостей археологических немного; обещано много, но что-то не присылают.

Бунт дунган усиливается; на днях сам даотай говорил мне, что бунтуют не одни дунгане, а и китайцы, подстрекаемые членами секретного общества «Гола-хау».

За отсутствием секретаря мне придётся прожить здесь до поздней весны.

Искренно преданный

Н. Петровский

СПб. ФА РАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 459. Л. 39 – 39 об.

162

Ф.Р. Остен-Сакену

Каишгар. 25 декабря 1895 г.

Глубокоуважаемый барон Фёдор Романович.

Желаю Вам всего хорошего на новый год. Давно, и очень давно, я не писал к Вам – потому, что у нас до такой степени всё однообразно, что после раз о здешней жизни и делах сказанного ничего более говорить не

остаётся, даже дунганское восстание (которое, кажется, растёт) несколько пока не тревожит нас; события вне этой машинной жизни и разные о них рассуждения мало меня, в последнее время, интересуют: жизнь берёт своё.

Вы знаете, что меня оставили без секретаря почти [на] два года, несмотря на любезное письмо гр[афа] Капниста прислать секретаря в самый скорый срок; за этот год у меня собрано пошлинных сборов до 10 т[ысяч] рублей – едва ли не более, чем в каком-либо консульстве кроме Константинопольского. Можете судить, поэтому, что дела не мало, и без секретаря с двумя писцами из казаков – трудно; только эта однообразная жизнь, отсутствие посетителей, развлечений и пр., и даёт возможность, заглушая скуку, сидеть у дел. Было, впрочем, одно развлечение – милейший Хедин, уехавший на днях в Хотан и далее, чтобы уже расстаться с Кашгарией; деньги я ему выдал из своих, а Вами высланные получу на этих днях.

Что Вы сделали с письмами ко мне Дютрейля, которые я давно послал на Ваше благоусмотрение? Вот ведь эти гг. французы Блан, Мартен, Дютрейль, Гренар, – сколько всяких любезностей оказывал я им, а ни один из них и не подумал выразить мне гласно признательность! Об англичанах и говорить нечего: эти господа распоряжались мною как своим комиссионером, – менял я им деньги, отыскивал проводников, давал людей и пр., – и тоже принимали как дань от варвара.

О моих открытиях в области археологии, скажу с гордостью, Вы, конечно, знаете. Можно бы сделать гораздо больше, но нет возможности отлучиться даже за 25 пять в[ёрст] от Кашгара, а настоящие-то древности от меня далеко. Прав был В.В. Григорьев, говоря, что В[осточный] Туркестан гораздо древнее Бактрии. Много мне помогли своими советами и поощрениями барон В.Р. Розен и С.Ф. Ольденбург.

Прилагаю письмо Венюкова³¹⁴ и прошу по прочтении уничтожить. Может, оно наведёт Вас на некоторые соображения.

Искренно и глубоко преданный

Н. Петровский

РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 466. Л. 321 – 322 об.

163

Ф.Р. Остен-Сакену

Кашгар. 12 января 1896 г.

Глубокоуважаемый барон Фёдор Романович.

Ваше письмо от 14 го декабря начинается словами «недавно сообщал я Вам разные вести» Этого письма я не получил, затеряться в г. Оше

оно не могло, ибо порядок там отличный; странно это? Душевно благодарю Вас за Ваше письмо.

Сейчас приехали из Иркештама казаки с деньгами для Хедина, и недоумение моё о Вашем первом письме разъяснилось: оно пришло с деньгами. Благодаря разным правилам уездные власти не могут распоряжаться казаками и должны спрашивать военных властей – денежные пакеты приходят к нам чуть не чрез месяц по их получении в Оше. Хедин уехал уже с месяц, получив от меня эти деньги вперёд, ибо ждать их ему было невозможно.

На Ваши письма позвольте ответить Вам поподробнее, так сказать, по пунктам.

Слух о Вас дошёл до Ташкента и затем и до меня – из Бухары, с которой А[зиатский] д[епартамен]т, конечно, в переписке, ибо знакомства и связи остались. Слышно также, что уходит Лисовский³¹⁵, и на его место приглашается Губастов³¹⁶. Он, кажется, человек хороший, но вряд ли полюбит дела Азии.

В Кассини я, кажется, ошибся – кажется, но положительно ещё сказать не могу. Судя по всем любезностям, по совершенной перемене фронта, которые проявляют здесь относительно к[онсульст]ва и меня лично, китайские власти, надо думать, что Кассини действительно пользуется в Пекине большим влиянием. Но если это и так, то всё-таки он мастер дипломатии на службе России, которая ему, сама по себе, совершенно чужда. В китайско-японском вопросе была сделана какая-то крупная ошибка; я убеждён, что Китай и Япония скоро забудут свои распри и станут против нас. Теперь мы «в ласке» у китайцев (как говорит один здешний поляк), но вряд ли эта ласка долговечна, особенно если мы что-нибудь за свою помощь от них возьмём.

Благодарю Вас искренно за добрые старания обо мне. Капнисту я, конечно, мог бы быть полезен, но очень уж я переутомлён, выражаюсь модным словом, и временами боюсь, чтобы со мной не случилось того же, что было с Н.А. Ермаковым, который, как говорят – от переутомления, физического и душевного, замолчал и, кажется, до сих пор молчит. Мне бы теперь мечтательно было такое место, как начальника одного из архивов, но, конечно, это только мечта, хотя, по правде сказать, я не был бы хуже других.

Наше к[онсульст]во собрало за прошлый год в государственный доход разных сборов более 10 т[ысяч] рублей! Кажется, мы вторые после Константинополя; а между тем до сих пор (скоро будет два года) я без секретаря с двумя писцами из казаков; приискать сколько-нибудь сносного писца решительно негде: в Ташкенте, Фергане им дают больше, чем я могу дать.

Я думаю, что теперь самое лучшее отдать письма Дютрейля Георг[афическому] общ[еству]; родных-то своих он не любил, хотя не раз мне говорил, что они у него есть и переписываются с ним аккуратно. Будет, пожалуй, несколько недоволен М.И. Венюков – почему не ему я

послал эти письма; но он Парижск[ое] геогр[афическое] общ[ество] за что-то недолюбливает. Кстати, об экспедиции Дютрейля – писал ли Вам что-нибудь о ней? Жалкая, можно сказать, позорная экспедиция – хуже, чем единичная экспедиция Мартена: этот санитар из-под Плевны, возведенный покойным велик[им] князем Никол[ае]м Николаевичем³¹⁷ в горные инженеры, был только великий невежда, а гг. Дютрейль и Grenard – французские развратники, прожившие, без нужды, более года в Хотане и растратившие там более 2/3 экспедиционных денег на забавы с продажными женщинами; рассказы об этих забавах – просто невероятны, если бы о них сообщил мне кто-нибудь другой, а не наш торговый старшина.

Впрочем, об этой экспедиции я расскажу Вам при свидании, если, наконец, попаду весной в Петербург.

Очень рад, что Вы того же мнения, как и я, о поездке Хедина на Памир. Хедин жил у нас долго, мы к нему совсем привыкли, и потому я позволил себе слегка сказать ему, что роль корреспондента ему неприлична, что эти письма, с рисунками, в «Graphic», «Разведчик» и пр. не вяжутся с его учёными трудами. Надо Вам сказать, что посетить и исследовать «Мазартаг» посоветовал ему я: поперёк Кашгарии идёт будто бы, какой-то, в несколько странном направлении, хребет, о котором никто, кроме упоминания Пржевальским, не знал и не позаботился узнать подробнее. Это была бы очень благодарная и хорошая работа; но Хедин, кажется, с ней не сладил – взял мало людей, плохо снарядил караван – и чуть-чуть было не погиб. Теперь ему делать здесь в сущности нечего, но скоро возвратится он, по-видимому, не хочет. Путешествия – это своего рода страсть, и как таковая захватывает собой всего человека. Я помню, как Пржевальский, возвращаясь из своего последнего путешествия, ещё не переходя русской границы, уже писал мне, что он готовится к новому путешествию. Эта страсть одолела и Хедина, теперь он блуждает у Хотана, пойдёт потом на Лобнор (совсем не нужно после всех путешественников, там перебивавших), затем через Внутренний Китай в Сибирь, Владивосток, Пекин, – словом учёное путешествие обращается в блуждание туриста.

Я думаю быть в Петербурге в августе, посмотрю выставку, а ранее того, может быть, пробуду на водах возле Оша – полечусь от ревматизма. Хотелось бы проехать теми древними дорогами, которые указать удалось мне в прилагаемом при сём листке; но вряд ли, по времени, успею это сделать.

А в заключение скажу, что в ташкентский, или, вернее, бухарский слух я верю, и буду ждать от Вас известий, чтобы искренно и от души поздравить Вас.

Искренно и глубоко преданный

Н. Петровский

Ф.Р. Остен-Сакену

Кашгар. 27 января 1896 г.

Глубокоуважаемый барон Фёдор Романович.

В прошлом письме забыл написать Вам о дунганском восстании, которое Вас, как видно, интересует. Теперь оно сосредоточилось в Синин-фу, который в руках мятежников. Хэчжоу, Дидаотин (недалеко от Синин-фу) китайцами взяты у мятежников обратно. Опасность восстания в том, что кроме дунган в нём участвуют и китайцы – члены анархического общества Гола-хау (старших братьев). Об этом обществе, т.е. о том, что в члены его вербуются наши дунгане Семиречья, я доносил Д[епартамен]ту лет шесть, кажется, тому назад и приложил к донесению членский значок, присланный мне из Токмака. Но худшее-то вот в чём: вчера даотай присылал ко мне своего чиновника секретно сообщить, что по доносу одного дунганина в Куча там открыт заговор дунган, оружие; глава предполагавшегося восстания живёт в Карашаре, где также дунгане готовятся к восстанию. Это уже близко от нас: до Кучи дней 15 ходу.

Я получил письмо Ф.Ф. Мартенса, которое при сём прилагаю. Оно очень любезно, лестно для меня, но – между нами сказать – слишком для меня любезно: он меня почти не знает. Думает он заниматься нашими делами что ли? Посылаю письмо для Ваших соображений.

Англичане прекрасно разделили дороги через канджутские владения к Памиру, даже на пути из Гильгита в Канджут построили железный мост через реку. Новый путь в Кашгарию (через Канджут, Тагдумбаш-Памир и Сарыкол), значит, скоро будет открыт, о чём я, впрочем, года три доносил Д[епартамен]ту.

Искренно и глубоко преданный

Н. Петровский

Письмо это послано 4-го февраля.

РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 466. Л. 329–330.

С.Ф. Ольденбургу

Кашгар. 2 февраля 1896 г.

Глубокоуважаемый Сергей Фёдорович.

Послал барону В.Р. Розену пять листков, на коже, писания, кажется, иного, чем на прежде посылавшихся листках. Сообщил барону, где они найдены.

Я всё болею ревматизмом, да и секретарь не едет; поэтому досуга и спокойствия у меня мало.

Читал о премии за древности Мерва. Напечатана эта книга или премирована в рукописи? Если напечатана, то позвольте просить Вас зайти при случае к Дейбнеру (Невск[ий] 28) и сказать ему, чтобы эту книгу он мне выслал.

У нас пока тихо, но ходят слухи, что к весне дунгане намерены направиться к нам

Искренно преданный

Н. Петровский

СПб. ФА РАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 459. Л. 40 – 40 об.

166

С.Ф. Ольденбургу

Кашгар. 20 февраля 1896 г.

Глубокоуважаемый Сергей Фёдорович.

Душевно признателен Вам за присылку мне «Восточных заметок», вчера мною полученных. Перелистывал их с жадностью, ничего, разумеется, ещё не прочёл, но, случайно, заметил вот что: говорили мне канджутцы (Hunza, Nager), что язык их совершенно одинаковый с шугнанским. Словарь и грам[матика] этого языка (boorishki) находятся в книге Biddulph'a, Tribes of the Hindoo Roosh, Calcutta 1880 (русс[кий] перев[од] Лессара³¹⁸ – без appendices'ов*). Залеман³¹⁹ в своей заметке ссылается на словарь Биддалфа в книге о миссии Форсайта. В этой книге помещён только словарь, а в «Tribes» – и грамматика. Может быть «Tribes» неизвестна Залеману, да вряд ли это так. Во всяком случае, о сёмчитаю долгом сообщить.

Ищу я теперь несториан. Говорил мне давно один кашгарец, что будто бы на кладбище Хазрет Аппака (громадное, раза в три больше самого Кашгара) есть могила с надписями «калмакча» (здесь всё старое или даксанус, или калмакча, или кара-хитай). Ищем теперь, что это такое.

Новая серия фотографий будет Вам скоро выслана.

Прошу передать мой поклон барону В.Р. Розену.

Искренно преданный

Н. Петровский

СПб. ФА РАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 459. Л. 41–42.

* Прибавлений (*фр.*).

Ф.Р. Остен-Сакену

Кашгар. 25 мая 1896 г.

Глубокоуважаемый барон Фёдор Романович.

Приехал, наконец, и наш секретарь с рассказами об Успенском³²⁰, которые, по чести сказать, не делают чести им обоим. Все недостатки Успенского я давно знаю, но знаю и его достоинства, в которых правдивость, и даже иногда редкая, играет не последнюю роль. Ранее приезда Колоколова³²¹ Успенский писал мне: «Берегитесь вручать ему бразды правления: у него в голове что-то не ладно». Сам Колоколов произвёл на меня впечатление очень приличного молодого человека немного с сомнением (что, впрочем, не беда, ибо может указывать на сознание своих сил), но – очень плохо подготовленного к делу, которое, кажется, ему вообще не по душе. Он отбывал воинскую повинность во флоте, ездил по свету, и в восторге от этой службы, которую, очевидно, любил. Жаль, что он не стал моряком. За время отбывания своей повинности китайский язык (т.е. несколько сотен иероглифов, заученных в Университете) он немного позабыл, а в Кульдже, говорит, на нём мало практиковался; тюркского языка совсем не знает, а без него здесь шагу ступить нельзя. Всё это – пишу только для Вас – меня очень печалило: на Кашгар я положил часть своей души, довёл здесь положение дел (скажу с нескрываемой гордостью) до степени, какой консульская деятельность более и желать не может. Уйду я, и при слабой подготовке секретаря, при ловкости и хитрости китайцев, всё это может перемениться и даже рухнуть. Не понимаю, как не догадался Д[епартамен]т прислать сюда, на время моего отсутствия, Лютша, который был бы здесь гораздо нужнее, чем в Бухарской губернии: Лютш и язык знает, и дела – тоже, и вёл их, со мной, отлично.

Глубоко и искренно преданный

Н. Петровский

Думаю выехать в середине июля и покупаться, дней 20–30, в Хазрет-Аюбе близ Оша.

РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 466. Л. 331 – 332 об.

Ф.Р. Остен-Сакену

Кашгар. 26 мая 1896 г.

Глубокоуважаемый барон Фёдор Романович.

Запечатал к Вам письмо, а потом, раздумывая, решился приписать ещё. Нельзя ли намекнуть гр[афу] Капнисту, что было бы очень полезно

командировать сюда, на время моего отпуска Я.Я. Лютша. Это необходимо и для дела и полезно для Я[кова] Я[ковлеви]ча: может быть, если мне удастся не возвратиться в Кашгар, Лютш остался бы консулом, и был бы самым подходящим для Кашгара деятелем. Лютшу я, разумеется, ничего не пишу, ибо сам себя устраивать он не мастер, и, пожалуй, стал бы мне возражать; а если он получил бы предложение М[инистерст]ва, то, конечно, не стал бы отказываться.

Если Вы могли бы сделать просимое, то будьте милостивы, пришлите мне телеграмму условно, напр[имер]: «нельзя» или «сделано». В последнем случае я подождал бы Лютша.

Глубоко преданный

Н. Петровский

РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 466. Л. 333 – 333 об.

169

Ф.Р. Остен-Сакену

Кашгар. 15 июня 1896 г.

Глубокоуважаемый барон Фёдор Романович.

Хедин прислал мне, незапечатанным, своё письмо к Рихтгофену, чтобы я мог ознакомиться с его содержанием. Это письмо незапечатанным посылаю я, для этой же цели, и Вам: может быть, Вы его просмотрите, ибо оно весьма интересно. Если озёра не случайный, временный и недавний разлив, что в этих местностях часто бывает, то Рихтгофен восторжествовал.

Наши «знаменитые» путешественники, кажется, о замечании Р[ихтго]фена на Пржевальского не знали. Принц Орлеанский³²², сколько помнится, указывал на озёра. Труд Хедина, во всяком случае, весьма важный.

В пакет Рихтгофену я вложил марки; впрочем, Вы можете отправить его, как Вам будет угодно.

Понемногу собираюсь в отпуск; два года без секретаря сильно затянули дела. На моё двухлетнее одиночество, кажется, внимания особенного не обратили, и прислали молодого человека, которому, при всём его старании и желании, едва ли с делами справиться.

Писал мне М.А. Венюков, что Геогр[афическое] общество за моё покровительство французск[им] путешественникам ходатайствует мне поч[ётного] легиона.

Глубоко преданный

Н. Петровский

РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 466. Л. 335–336.

Ф.Р. Остен-Сакену

Ташкент. 6 ноября 1896 г.

Глубокоуважаемый барон Фёдор Романович.

С большим трудом добрался я до Ташкента, где остановился на отдых и оттуда скоро выеду в Петербург. Путь от Кашгара до Оша (вьючный) был, право, не хуже, если не лучше почтового до Ташкента: в виду скорой постройки железной дороги почтовые подрядчики сводят весь тракт на нет, а за исправностью его никто не смотрит, – да и вообще дела здесь, как видно, идут очень плохо. Был недавно на одном совещании у начальника штаба, узнал, между прочим, что на всякий случай готовятся взять Герат (в случае усложнений дел на Западе, разумеется), что спешно будет строиться дорога от Мерва до Кушки (асигновано 3 м[иллиона] и строитель уже приехал), чтобы предупредить англичан; что проект движения, составленный Куропаткиным, высочайше одобрен. Едва ли здешние руководители довольны этим проектом; главная роль выпадает на долю Асхабада, которому придётся отдать свои войска.

Из Кашгара новостей особенных не имею, кроме того, что по случаю прибытия туда пожертвованных Семиреч[енским] полком Евангелия и хоругви секретарь (сам он о том мне писал), устроил что-то в виде молебствования и прокричал многолетие Государю и мне! Странное шутство! Затем возникли у него какие-то препирательства с китайцами по поводу выстрелов. Не знаю почему – я пользовался у даотая почётом трёх выстрелов из пушек, когда посещал его; в этом почёте секретарю отказали, и это возбудило препирательства.

Желаю найти Вас в добром здоровье и на высшем месте, которое многие и давно Вам желают.

Глубоко преданный

Н. Петровский

РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 466. Л. 337 – 338 об.

С.Ф. Ольденбургу

Ташкент. 9 ноября 1896 г.

Глубокоуважаемый Сергей Фёдорович.

Не отвечал я на Ваше последнее письмо потому, что был уже на выезде из Кашгара и думал совершить переезд до Петербурга скоро; одна-

кож вышло не так: от Кашгара до Ташкента пришлось ехать 20 дней благодаря путям и почтовым трактам не лучшим вьючных; затем надобно было отдохнуть в Ташкенте, откуда я на днях направляюсь в Самарканд по тракту, говорят ещё худшему, чем ферганский; после – Каспий; только в Петровске я почувствую себя на почве точного времени, а до тех пор всё в неизвестности.

Везу мои коллекции и в их числе две рукописи: об одной Вам уже писал, другую купил при самом отъезде из Кашгара.

Искренно преданный

Н. Петровский

СПб. ФА РАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 459. Л. 43 – 43 об.

172

Ф.Р. Остен-Сакену

Кашгар. 14 декабря 1897 г.

Глубокоуважаемый барон Фёдор Романович.

Давно уже собираюсь писать Вам. Я был изумлён до последней степени, узнав, что Вы оставили Департамент, – особенно, что при нашем свидании Вы ничего мне об этом не говорили. Во всяком случае, уход Ваш меня не печалит, а даже радует, ибо я видел, что в последнее время Вам было тяжело.

Я вернулся в своё одиночество, и право не завидую тем, которые в Петербурге. Перед отъездом из Петербурга я видел несколько раз Кассини; он сказал мне, что в Пекин не вернётся, а теперь вижу, что он в некотором роде бежал; значит, моя догадка, о которой я говорил Вам, что дела в Маньчжурии далеко не кончены, подтверждается, и на Шпейера³²³ выпадет сделать всё то, что обещал сделать Кассини. Здесь вновь проявляются английские интриги, и китайцы наши стали с англичанами нежнее, чем были прежде. Это для [нас] опять признак того, что в Пекине положение дел изменяется.

По возвращении в Азию мы купили в Ташкенте два дома, ибо это самый лучший способ выгодно пристроить деньги. Дома стоили около 13 т[ысяч] р[ублей] и дают до 9 % дохода. Я в Кашгаре один; жена осталась в Ташкенте; дочь, младшая, приедет ко мне весною.

Спешу отправить почтового джигита.

Искренно и глубоко преданный Вам

Н. Петровский

РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 466. Л. 340–341.

С.Ф. Ольденбургу

Кашгар. 18 января 1898 г.

Глубокоуважаемый Сергей Фёдорович.

Сердечно благодарю Вас за присылку Вашей брошюры, которая ещё раз напомнила мне, что я не сдержал своего обещания дать Вам, для предисловия к описанию рукописи, мои о ней сведения. По правде сказать, многих моих обещаний я не исполнил – вернее не мог исполнить, ибо в Петербурге мало я был спокоен духом. Но всё-таки обещание В.И. Ламанскому³²⁴ я исполню и, даже, исполняя* некоторыми этнографическими сведениями, которые пошлю к нему.

Посылаю Вам при сём, лично Вам буддика (?). Кажется не дурён; получил его из Хотана. Из письма моего к б[арону] В. Р. Розену узнаете, что ему послано 18 книг (18!) разных индийских письмен; в письме найдёте сведения о них.

Душевно преданный

Н. Петровский

СПб. ФА РАН. Ф. 208. Оп. 3. Л. 44 – 44 об.

Г.А. Плансону³²⁵

Кашгар. 25 января 1898 г.

Милостивый государь Егор Антонович.

Одновременно с этим письмом я посылаю директору Д[епартамен]та донесение о г. Cobbold'e³²⁶, о котором – конечно Вы знаете – я уже общал.

Я могу ещё понять и допустить, когда путешественник или какой-нибудь агент для каких-либо целей обманно, на свой страх и риск, проникает в страну; но если первый министр Великобритании обращается к русскому министру с просьбою о пропуске к нам «для охоты» частного, будто бы лица, которое в действительности есть политический агент и о котором, конечно, можно найти указание в любом английском адрес-календаре, – это, по моему мнению, верх наглости.

Я пишу Вам потому, что может быть за спешными работами, Вы не обратите внимания именно на это обстоятельство. Шпионы везде есть и

---

* Так в тексте.

всегда будут, но я в первый раз вижу, чтобы их посылали с таким цинизмом.

Кстати и о других делах англичан. Я ещё не решаюсь официально донести М[инистерст]ву мои догадки, ибо они недостаточно ещё подкрепляются фактами; но Вам могу сказать, что г[оспода] англичане готовят разграничение Кашгарии с кашмирскими владениями и идут пока сзади канджутцев, подучив их требовать у китайцев земель по Раскем-Дарье. Кашгарский даотай сам мне говорил об этом и обещал прислать карту, которую дал ему Макартней; но до сего времени карты не прислал, из чего я вижу, что и он хитрит, и говорил мне о карте лишь для того, чтобы я не узнал о ней без его посредства и более чем его сообщение, верное.

К сожалению, нет у меня решительно никаких сумм на соби́рание политических сведений.

Примите уверение в моём искреннем уважении.

Н. Петровский

АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Л. 503. Л. 14 – 15 об.

175

А.А. Бильдерлингу³²⁷

Кашгар. 11 марта 1898 г.

Милостивый государь Александр Александрович.

При письме от 19 го прошлого февраля за № 97 м Ваше превосходительство изволили препроводить ко мне 1 й выпуск «Сведений, касающихся стран, сопредельных с Туркестанским военным округом».

Принося Вам благодарность за доставление мне этого крайне интересного труда, я позволяю себе дополнить сведения о Западном Китае сообщением, что часть смирившихся дунган поселена также возле Карашара и занимается там, под строгим надзором китайского чиновника, добычей золота; новые ли это прииски или старые – мне ещё не известно; но добыча, говорят, довольно значительная.

Примите уверение в совершенном почтении и преданности.

Вашего превосходительства покорный слуга

Н. Петровский

(Кашгарский генеральный консул)

РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1507. Л. 12 – 12 об.

С.Ф. Ольденбургу

Кашигар. 6 июля 1898 г.

Глубокоуважаемый Сергей Фёдорович.

Макартней дал мне для прочтения брошюры, которые, с его позволения, я Вам посылаю и прошу возвратить примерно недели через две; я полагаю, что, напечатанные в Индии, они, может быть, до Вас не дошли. Относительно подделок рукописей ещё странность: на днях приносили мне тетрадку, несомненно, древнюю, а между тем на ней – такие же беспорядочные и почти одинаковые значки, как и на рукописи, несомненно, подделанной! Рукописи я не купил, дорого просили; может быть попадётся ещё.

Вчера получил извещение из Хотана, что для меня куплена деревянная доска с изображениями и надписями, найденная в Такла-Макане. Скоро её получу.

Писал барону о разных делах. Нельзя ли мне получить две статьи Бартольда о книге Cahun'a (ЖМНП)?³²⁸

Искренно преданный

Н. Петровский

СПб. ФА РАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 459. Л. 45 – 45 об.

Ф.Р. Остен-Сакену

Кашигар. 25 ноября 1898 г.

Глубокоуважаемый барон Фёдор Романович.

Давно уже я не писал к Вам; не было ничего такого, что можно было бы предъявить Вашему вниманию.

Павловым³²⁹ я был очень доволен за его энергическую поддержку нас. С Гирсом³³⁰ на первых порах пошло иначе. Четыре наших семиреченских казака, гонясь за маралом, перешли границу, были схвачены, задержаны на китайском карауле и с помощью киргиз[ов] буквально ограблены: лошади их, в присутствии их, зарезаны и съедены, тулупы, рубашки и даже сапоги, отняты; вели они себя прекрасно: имея ружья и патроны, они их отдали беспрепятственно и позволили сделать с собой всё, что было сделано (это не отрицают и китайцы, т.е., что арестовать себя они не препятствовали). Доставили их ко мне из Аксу китайцы на казённой арбе (арестованы были в мае месяце) в лохмотьях, без рубашек и без сапог. Началась переписка. Аксуйские власти заявили, что ограбления никакого не было, что лошади казаков околели и т.п. Телеграфировал Па-

влону; он энергически принялся за дело; китайцы начали со мной торговаться – нельзя ли уплатить казакам только расход на возврат домой, а не за ограбление (ограблены были, между прочим, дорогие маральи рога; весь иск 4 казаков и одного киргиза в 800 р.); я не согласился и опять телеграфировал Павлову; но его уже не было, а стал Гирс. Живя здесь с мая, задолжав конвою за своё содержание, расстроив этим, конечно, свои хозяйства в Семиречье, казаки стали умолять меня отпустить их домой и дать им денег. Телеграфировал Гирсу, прибавив, что отпустить без удовлетворения за ограбление будет крайне неудобно. Получил ответ: «можете отпустить, продолжая настаивать на удовлетворении». Это – «продолжая настаивать» – мило! Т.е. толките воду и мы, месяца через три, будем об этом знать и Вам о продолжении толчения предписывать! Телеграфировал опять, что мне настаивать невозможно, это дело давно, и вполности, в руках миссии. Ответа ещё не получил. Вот Вам начало деятельности нового посланника. Положение дел в Пекине, как видно из газет, серьёзное; это знают и здешние китайские власти, и спешат наполнить свои карманы на счёт населения, причём страдают, косвенно, и наши торговцы, ибо взыскание долгов с китайских подданных в пользу русских кредиторов, можно сказать, совсем остановилось.

Хотел было написать Вам о соседних делах, да вижу, что писать нужно много; оставляю до другого раза. В фанатизм Ферганы, о котором теперь все кричат, я не верю; было там приготовление к бунту и опыт его; ишан служил только флагом, ибо другого известного населению лица не нашлось (были за его спиной). Движение приготовлялось серьёзное и не только в Фергане, но и между киргизами (всё своё внимание мы сосредотачиваем на сартах, а киргизы и теперь таковы же, как были в 50-х годах).

Недавно получил я из Казани напечатанную там книгу – «Письма Ильминского³³¹». Это его переписка с Победоносцевым³³². Советую прочесть; найдёте много удивительного.

Глубоко уважающий Вас

Н. Петровский

РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 466. Л. 342 – 343 об.

178

Ф.Р. Остен-Сакену

Каишгар. 24 февраля 1899 г.

Глубокоуважаемый барон Фёдор Романович.

Это письмо будет отправлено днями четырьмя позднее. Заграничное письмо Ваше пришло ко мне значительно позже моего прошлого к Вам письма.

Недавно я получил от генер[ала] Духовского³³³ из Петербурга (любезность с его стороны) его печатный рапорт военному министру с приложением отчёта ген[ерала] Королькова³³⁴ о ферганском бунте³³⁵. Вам непременно нужно достать этот рапорт для присоединения к Вашей знаменитой коллекции среднеазиатских материалов. Если не достанете, я пришлю Вам списать его. Документы в высшей степени интересные. В рапорте, между прочим, заявляется, что «казнённый ишан»³³⁶ говорил так: «после завоевания края русскими в народе началась сильная порча нравов, отступление от шариата, разврат, были подорваны семейные начала»... «В этих словах, – наивно или цинично говорит ген[ерал] Духовской, – нельзя не видеть, что ослабление мусульманства отчасти уже достигнуто одним соприкосновением туземцев с русскою жизнью, нельзя не видеть победы русского влияния над местными нравами»...! Ген[ерал] Корольков в отчёте своём доказывает, что Канчи-бек³³⁷ (повешен четыре года тому назад за убийство таможен[ных] стражников) был повешен невинно. Это говорит официально губернатор, при случае, о факте, который он знал 4 года тому назад! Теперь мне совершенно понятно, почему, когда я сюда возвращался, вся Фергана распевала жалобный плач Асоль-хан, жены Канчи-бека; тогда я очень дивился этой песне, и уже склонялся было усмотреть в ней фанатизм; теперь всё стало ясно.

Получил два выпуска книги Хедина. Совсем они мне не нравятся, хотя он и превозносил меня в них похвалами, да и хвалит неверно: совсем я не таков, каким он меня изображает. В книге много ошибок (в названиях; а я все их ему поправил и объяснил), неверностей и, отчасти, неправды.

Китайцы совсем не патриоты; в этом я давно убедился; они люди «землячеств», патриоты провинций – хунаньцы, хубэйцы и пр., до единого Китая им дела мало. Но вот что замечательно: уже не раз я встречаю сочувствие и даже одобрение Кан Ювею³³⁸! Допустить, что они сочувствуют его прогрессивным идеям – невозможно: они их не знают, да и, узнав, не одобряют; знают они только то, что Кан Ювей приверженец императора и враг императрицы³³⁹, которая, будто бы, любит и слушается только русских, и им продали Китай. Это как будто и пробуждение общественного мнения.

Казачков, наконец, удовлетворили; с большим трудом окончено было дело. Другие дела, посланные в Пекин, давно там застряли.

Душевно преданный

Н. Петровский

РГАДА. Ф. 1385. Он. 1. Д. 466. Л. 344 – 345 об.

Кашигар. 11 марта 1899 г.

Милостивый государь Александр Семёнович.

По просьбе начальника штаба Туркестанского военного округа я послал ему, 11 го ноября прошлого года за № 762 м, сочинение генерал-майора De Bourbel'я «Routes in Jummu and Kashmir»³⁴¹, прося возвратить книгу по просмотре.

Полагая, что надобность в книге уже миновалась, я имею честь покорнейше просить возвратить мне её обратно.

Прошу принять уверение в истинном почтении и совершенной преданности.

Вашего превосходительства покорнейший слуга
Н. Петровский

РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1535. Л. 25.

Кашигар. 12 мая 1899 г.

Глубокоуважаемый барон Фёдор Романович.

Поздравляю Ваше высокопревосходительство с монаршей милостью.

Получил её и я одновременно с Вами и нахожусь в недоумении по следующему обстоятельству. Получил я письмо (полуофициальное, без номера) от П.М. Романова³⁴², в котором он сообщает мне, что моя отзывчивость к делам М[инистерства] ф[инансов], мои интересные сообщения и проч[ее] побудили его обратить на это внимание министра финансов и ходатайствовать о награде, с получением которой он сердечно меня поздравляет. Кто же виновник этой награды? Письмом я очень доволен, ибо вижу, что хоть в М[инистерстве] ф[инансов] читают внимательно мои донесения, а за последнее время они – по правде сказать – того стоили.

Гирсом я начинаю быть довольным: уже два раза он хорошо поддержал мои требования и, присылая мне, циркуляр консулам, что они мало сообщают ему сведений о положении дел, собственноручно оговорил, что я – исключение. Кроме должностных дел занимает меня теперь выяснение андижанских событий. Более и более подхожу к тому, что оно – дело эмиссаров, но чьих? Турции, Афганистана или Индии? Много тайных деятелей не попало по спешности, а может быть и неумелости

следствия. Беглых сюда скрыли (двух главных) китайцы и одного выпустили в Индию. До китайцев я уже добрался формально и прижал их к стене; что будет – не знаю.

Одно очень важное дело (о киргизских браках) пойдёт завтра (в копии сообщ[енной] степному ген[ерал] – губернатору) в 1-й Д[епартамент]. Таубе³⁴³ со мной согласился и представил в Сенат, который, вероятно, спросит заключения министра. Но где у нас юрисконсульство или специалист. Не посмотрите ли Вы (из любопытства) эту копию?

Искренно преданный

Н. Петровский

РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 466. Л. 346 – 347 об.

181

Ф.Р. Остен-Сакену

Кашигар. 19 июня 1899 г.

Глубокоуважаемый барон Фёдор Романович.

Благодарю Вас за письмо и за брошюру о Финляндии, которую (т.е. брошюру) я ещё не прочёл, ибо читаю воспоминания о Бисмарке Буша³⁴⁴ (французское издание). Эта книга (две книги), несомненно, лучше, чем воспоминания самого Бисмарка, которые у меня есть в немецком тексте. У Буша напечатаны очень важные и крайне интересные документы, особенно по предварительным переговорам о союзе с Австриею, и какою благородною личностью является там старик Вильгельм³⁴⁵ (в письмах к Бисмарку) сравнительно с своим министром. Напрасно газеты (не наши) назвали книгу Буша болтовнёй. Если не читали – советуую купить. Доклад Духовского я Вам пришлю для снятия копии, ибо он канцелярии к[онсульст]ва, а своего у меня нет. Посылаю при сём письмо моего приятеля Нестеровского³⁴⁶ (прав[ителя] Канцелярии ген[ерал]-губ[ернатора]). Он останется в Петербурге; при случае познакомьтесь с ним, забыл ему дать к Вам письмо, т.е. и не забыл, а не знал, скоро ли он уедет.

Здесь дела не хороши; я жду если не бунта, то вспышки. Все узы административные с Пекином порваны, чиновники грабят население и никого не боятся, полная ликвидация правительства.

Ваше замечание о третейском суде изумительно верно. Мне и в голову не приходило, что так может быть. Неужели Стааль³⁴⁷ и Мартенс не предвидят этого. Вам следовало бы кого надо образумить на этот счёт.

Глубоко преданный

Н. Петровский

Р. С. Совет Ваш о Хедине я бы принял, да чтобы сказать о его книге³⁴⁸ для Георг[афического] общ[ества] надо написать много: книга того стоит, а для газеты – поздно. Знаете ли Вы, что переводы своей книги он посвятил разным монархам: русский – Государю, английский – Виктории и т.д., и имел глупость в Англ[ийском] георг[афическом] общ[естве] выразиться, что золот[ая] медаль, ему данная, не сравнится со всеми остальными.

РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 466. Л. 348 – 349 об.

182

Ф.Р. Остен-Сакену

Кашигар. 12 августа 1899 г.

Глубокоуважаемый барон Фёдор Романович.

Благодарю Вас за брошюру о Финляндии. Она – очень хороша; стало мне, наконец, ясно, в чём всё дело и спор. Из статей газет и «Вестника Европы» дело представлялось мне очень смутным.

Из прилагаемой копии письма моего к Гартвигу³⁴⁹ увидите, до чего избаловали мы и я лично «наших друзей» французов. Приехали эти господа сюда с двумя маленькими чемоданчиками, полагая расположиться у меня, совершенно их не знающего и не получившего о них никакой рекомендации, – как дома.

Свен Хедин здесь и стал хуже прежнего, зазнался: только и говорит, что о своих триумфах. Едет пока опять на Лобнор, и это, пожалуй, самое лучшее, что он делает: ещё раз Лоб будет снят и исследован; в поездку его в Тибет я не верю; об этой поездке³⁵⁰ он говорит, кажется, только для газетных известий. Какую заметку писали Вы о нём Гансену? Он видел и узнал Вашу руку; он мне не сказал, что было написано. Замечательно, как все почти путешествия сюда снизошли до авантюры самого непозволительного характера!

Я уже Вам как-то писал, что о делах в Пекине я сужу по здешним о них «рефлексам». Наши китайцы не особенно со мной дружелюбны, значит и там дела в колебании. Сочувствие к положению Богдыхана, как я уже Вам писал, здесь очень заметно, как равно и ненависть к правительнице. Недавно мы говорили о делах с здешним помощником командующего войсками, и из уст китайца, который с оглядкой и страхом произносит обыкновенное имя императора, я услышал шёпот: «нельзя старой бабе управлять государством». Вообще положение тревожное. В Манасе был бунт, в кашгарском населении циркулируют разные беспоконного характера слухи.

Будьте здоровы и не забывайте глубоко преданного Вам
Н. Петровского

РГАДА. Ф. 1385. Он. 1. Д. 466. Л. 350–351.

183

Н.А. Иванову

Кашгар. 7 января 1900 г.

Глубокоуважаемый Николай Александрович.

Давно уже не имел удовольствия писать к Вам: не было надобности утруждать Вас моими письмами, а о Вас я имел и имею, изредко, известия от моего брата, как и Вы, надеюсь, от него же обо мне. Теперь подошло дело, о котором мне необходимо написать Вашему превосходительству и обратиться к Вам с просьбою.

Вам, конечно известны цель командирования сюда капитана Корнилова³⁵¹ и данная ему инструкция. Поручение, на него этой инструкцией возложенное, при моём, отчасти, содействии деятельно исполняется; одна из главных статей инструкции, именно вызов поручика Бабушкина в Сарыкол, всё ещё исполнением задерживается за неполучением ответа от даотая, и это последнее обстоятельство немного меня тревожит: очевидно, что даотай спрашивает губернатора Синьцзянской провинции³⁵², а этот, в свою очередь, может быть, – Цзунлиямынь, который стал к нашим заявлениям, как мне положительно известно, очень подозрителен. Есть, поэтому, повод опасаться, что относительно Бабушкина мы можем получить отказ; в таком случае всё дело перейдёт к посланнику; здешние власти спрячутся за спину Цзунлиямыня, и я окажусь бессильным.

Кроме этой, могущей оказаться, неудачи есть и ещё один важный предмет, о котором я нашёл совершенно необходимым написать Вам и просить Вашего ответа или в частном письме, или в совершенно секретном официальном. Для меня и, разумеется, для Корнилова безусловно необходимо знать: имеется ли какое определенное решение относительно Сарыкола, т.е. решено ли его, без всяких промедлений, занять, или же лишь подготовиться для его занятия в неопределённом будущем? Знать это – очень важно и нужно нам, ибо этим, в значительной степени, изменится характер исполнения Корниловым своего поручения и способ моей ему в том помощи: одно дело – собрать сведения и другое – подготавливать занятие. В первом случае – чем менее сбега, тем лучше: сведения точнее, подозрительности китайской меньше, во втором – совсем иначе: сведения нужно собрать как можно скорее и на почве исключительно практической (провиант и пр.), наметить людей, места и пр.

Будьте милостивы, ответьте мне на эти вопросы, так как я не только в них заинтересован, но и, косвенным образом, ответстве[не]н.

Глубоко преданный

Н. Петровский

РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1519. Л. 83–84.

184

Г.А. Плансону

Кашгар. 15 февраля 1901 г.

Многоуважаемый Георгий Антонович.

Министерство вполне одобрило, как Вы знаете, мой ответ генералу Сахарову (ташкентскому) о несвоевременности производства здесь маршрутных съёмок. Но это не всё. Весьма естественно, что суть дела Вам не известна, и может быть, что приостановка съёмки вызовет на нас сетования – что вот, де, хорошее дело тормозят и пр.³⁵³. Это не будет справедливо. Прилагаемую записку я посылаю Вам для ознакомления Вас с этим делом. Если найдёте нужным, то позвольте просить Вас представить её директору. Надобности в записке теперь пока нет, но на случай она даёт материал для опровержения сетований.

Кстати сказать, что всё дело командирования сюда офицеров было вызвано новыми людьми – генералом Духовским и его нач[альником] штаба Белявским³⁵⁴. Дело прошло, кажется, без предварительного сношения с нашим Министерством, скомканным, вылилось в поспешной инструкции офицерам, в которой на мою долю выпала роль наставителя, а, косвенно, и ответчика за дело. Положение не особенно приятное, особенно, когда собственно консульских дел у меня с китайцами не малая толика. Теперь лучше, ибо ген[ерал]-губернатор мой старинный приятель, с которым я в постоянной переписке, а нач[альник] штаба с ним в хороших отношениях, – так, что о делах можно писать часто и говорить свободнее.

Что же Сергей Александрович³⁵⁵, думает ли он вернуться? Трусишки они с Софьей Григорьевной порядочные, а ездки – и того хуже. Пойдёт скоро вода, и тогда как они доберутся – с детьми?

Вообще у меня всё хорошо, но устал страшно. Пора, кажется, на покой.

Искренно уважающий Вас

Н. Петровский

АВПРИ. Ф. 147 (Среднеазиатский стол). Оп. 485. Д. 894. Л. 39–40.

Каушгар. 5 сентября 1902 г.

Милостивый государь Михаил Дмитриевич.

Не имея чести быть лично с Вашим превосходительством знакомым, хотя, помнится мне, я, кажется, встречался с Вами у покойного Ф.К. Гирса, я позволил себе обратиться к Вам с этим частным письмом потому, что дела, о которых я говорю в нём, касаются нас обоих, в них участников, и в частном письме можно свободнее, чем в официальном, объяснить о них и разъяснить их взаимно. По всем делам, которые не указаны в консульском уставе, я получаю приказания, указания, распоряжения и т.п. от Министерств Иностранных дел и Финансов; МИД передаёт мне к исполнению или к принятию мер разные дела по соглашению с другими министерствами, Внутренних дел и Военного, например. По всем таким делам я всегда знаю или всегда могу понять без пояснений мотивы, намерения и цели передаваемого мне для исполнения – лично или совместно с китайскими властями: я знаю, что должно быть сделано, для чего, и даже, иногда, как; а если этого последнего нет, то это «как» лежит уже на моей ответственности, которая, скажу в скобках, порицанию пока никогда не подвергалась. Вы сами изволите знать, сколько очень важных дел присылались и присылаются от Вас, т.е. через штаб, начало которых мне всегда неизвестно, а исполнение которых, т.е. конец, венчающий дело (Ende gut – alles gut*) – самая трудная часть их выпадает на мою долю, усложняясь ещё тем, что, нередко, не зная, было ли соглашение, о предполагаемом к исполнению, с МИД, мне приходится передавать предлагаемое на благоусмотрение Министерства, т.е., с одной стороны, как бы указывать ему, что меня забыли уведомить, а с другой – как бы жаловаться на Туркестан, чего, при самых добрых с ним отношениях, я решительно не желаю. Положение, как изволите видеть, очень неприятное. Я не буду припоминать Вам прежние случаи: командирование сюда офицеров, их инструкция и т.п., о чём не мнения моего (этого и не требую), а простого рассмотрения, применительно к делу, инструкции меня предварительно не спрашивали, возложив, между прочим, на меня содействовать маршрутным съёмкам (из которых почти все давно сделаны) в то время, когда китайцы грозились нас здесь вырезать! Но это прошлое дело, а мне необходимо говорить о делах предстоящих мне для исполнения, а именно: первое. Получил, как Вам известно, от командующего войсками телеграмму об усилении поста в Ташкургане. Для чего, почему необходимо это усиление, почему только до десяти человек и пр. – я не знаю; что мне нужно отвечать китайцам, в случае их протеста – тоже; МИД меня в том не уведомило.

* Хорошо, что хорошо кончается (нем.).

Что мне следует делать? – я не знаю. Если бы я был об этом предварительно спрошен, я сказал бы, что увеличение бесполезно и даже вредно, ибо положение поста, оставаясь таким же, как было, т.е. не увеличивая нашего престижа и страха тамошнего грабителя чиновника и не уменьшая интриг англичан, лишь этот престиж ослабляет (не могут, де, с китайцами ничего сделать) и даёт пищу интригам не только здесь, а и в Пекине, где дела поважнее, чем в Сарыколе; во-вторых: получил телеграмму о 4 т[ысячах] р[ублей] для постройки дома в Ташкургане. Ведь это, сравнительно со здешним, будущий дворец, для постройки которого местным материалом будет только лес; нужно устроить, там же, выделку кирпича, а всё остальное, необходимое, везти из Ферганы – пожалуй, и мастеров, ибо здешние очень плохие. В другой телеграмме Вы меня спрашиваете купить дом «мунши». Об этом я, одновременно с настоящим письмом, посылаю командующему войсками копии всей моей переписки с даогаем, из которой Вы увидите, что я взял на свою ответственность, не имея указаний Министерства и после того, как уже сообщил командующему войсками, что дело постройки дома необходимо вести чрез посланника.

Всё вышеизложенное, выражаясь канцелярски, достаточно убедит Ваше превосходительство, что, играя в прятки, мы можем в этих делах запутаться – и скорее Вы, чем я, ибо, собственно с формальной, а не по существу, стороны, мне легче, – не я начинаю и не несу ответственность за начало.

Заключение этого письма будет соответственно таково, что Ваше превосходительство для достижения наивернейших результатов, предпринимаемых по отношению к таковым (нашим) делам, мер, не откажите мне в просьбе доложить это частное письмо, целиком или в сокращении, командующему войсками и почтите меня Вашим доверием сообщением мне, совершенно частно, тех соображений, а если можно (частно же), и копий тех докладов, которые лежат в основании предпринимаемых мер. Я собираюсь в отпуск и, вероятно, службу оставлю. Не для себя лично, а для дела, которое далеко ещё не так прочно, как я бы желал, мне необходимо ознакомить моего заместителя со всей историей хода здешних дел политического характера, с нашими целями, намерениями и желаниями, да и, вместе с тем, если возможно, обменом мнений, объединиться в действиях.

Примите уверение в искреннем моём уважении и таковой же преданности.

Вашего превосходительства покорный слуга

Н. Петровский

РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1612. Л. 58 – 61 об.

С.Ф. Ольденбургу

Кашгар. 4 октября 1902 г.

Глубокоуважаемый Сергей Фёдорович.

Одновременно с этим письмом послал я большое писание к барону Виктору Романовичу, которое я попрошу Вас у него прочесть, ибо, частью, оно касается и до Вас. Рукописи, которые я высылаю Вам – не могу, конечно, судить о них – кажутся мне – прелесть: много их, не многообразны, а как будто цельные, и с рисунками. Вам судить теперь. Думал я: приедет сюда Грюнведель и посмотрит, но его ещё нет. Простите, что пишу кратко и давно не писал: причину этого усмотрите из письма барону

Искренно уважающий Вас

Н. Петровский

СПб. ФА РАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 459. Л. 46 – 46 об.

С.Ф. Ольденбургу

Ташкент. 10 июля 1904 г.

Глубокоуважаемый Сергей Фёдорович.

Ваше «Похвальное слово» мне (иначе назвать Вашу статью не умею) меня искренно тронуло. Наши работы, мои и других, не велики, но что было в нашем положении, возможно, мы делали, а г[оспода] англичане более выгодного положения нас постоянно и намеренно замалчивали. Правда, я собирал и собирал и то, и другое, и всякое, но как с собранным и с собираемым поступить, долго бы раздумывал. Ваши вопросы, чрез посредство Отделения, дали мне и другим толчок и направление. Значит, в нашем деле есть и Ваша большая доля. О всех наших делах и о себе я ещё буду беседовать с Вами, теперь отвечаю на Ваше письмо.

Странный ответ П.М. Лессара: его, конечно, спрашивали об общем настроении, а он отвечает относительно опасности в Кашгаре. Мой ответ будет таков:

1. Ехать, да ещё с пекинскими паспортами, вполне возможно, куда угодно. Опасности не будет, если, разумеется, Пекин не объявит войны, да и тогда, в виду туземного населения и близости русской границы наших путешественников выпроводят до границы – и только.

2. По моему мнению, следовало бы ехать на Верный, Пржевальск, перев[ал] Бедель, Уч-Турфан, Аксу, Куча и далее, как найдётся нужным.

Этот путь хорош тем, что по русской земле легче, а по китайской – прямо по древностям (от Оша до Кашгара 12 дней пути и древностей едва ли есть, по крайней мере, себя предлагающих). Кроме того, в Пржевальске можно подправиться (город хорош, лучше Оша), а из Уч-Турфана отправить кого-нибудь дорогою назад, к Кашгару, на те древности, что на пути; в Уч-Турфане пожить, дожидаться возвращения посланных назад, порасспросить и тронуться далее. Об избранном пути надо написать консулам, подозрений со стороны китайских властей не будет, они уже к таким путешественникам (особенно после Грюнведела) привыкли. С ними – изысканная вежливость, а при первой наглости – угроза писать в Пекин и тыканье данным оттуда паспортом; – этого они очень боятся.

3. (для Вас). Дудин у меня был; он добряк, но порядочный невежда. Побросал он много денег на этнографические (без разбора) предметы, которые можно было бы всегда купить по базарной цене. Надо его в этом наставить.

4. Запастись переводчиками – простыми, с базарным языком; Так назыв[аемые] «образованные» мало пригодны: вместо точного пересказа слов, даже, пусть, и не совсем грамотного, «образованные» станут поучать – и выйдет не то, что будут говорить отвечающие. Переводчик подходящий – дунганин; в Пишпекке, Токмаке, Пржевальске можно будет такого достать, т.е. такого, который, кроме своего языка (китайского), знает русский и тюркский. Рекомендации уездных начальников редко хороши: их переводчики – или джигиты, или служившие в полиции, – всегда великие плуты. Можно бы поискать (списаться с Остроумовым³⁵⁷) в Семинарии. Я поговорю с ним на днях, на всякий случай и Вам напишу. Мальчик, но проще, будет не лишним для экспедиции. Вот, кажется, всё.

Теперь несколько слов о себе. Скоро я подробно напишу Виктору Романовичу о себе и о «прочем», и попрошу дать Вам прочесть. Разберу также всё, что привёз, и вышлю (к сентябрю). Я был в Кашгаре, перед выездом, и здесь, по приезде, очень плох. Н. А. Иванов, вышедши от меня, плакал и был уверен, что я умру, а умер-то он, а я опять «джигит бульдым» – значительно поправился и постепенноправляюсь; пью кефир, купаюсь и к докторам не обращаюсь. Заниматься буду, ибо времени будет много, да и для «почётного члена» оно занятие уже обязательно.

Я получил диплом корреспондента Комитета, а протоколов не получил. Нельзя ли их прислать и присылать.

Из Ваших писем дошло до меня одно – то, где Вы упоминали, между прочим, о Вашем сыне³⁵⁸. Дошли ли благополучно мои посылки (рукописи) – не знаю.

Опять у меня горе: овдовела моя вторая дочь (Вяземская) и теперь приехала повидать нас. Тяжёлое время и вообще, и в частности для каждого.

В сентябре Оренбург сомкнут с Ташкентом, а Петербург станет если не ближе, то гораздо, для посещения его, удобнее, тогда, пожалуй, можно будет и повидать его.

Ф. Н. Чернышёву³⁵⁹ – при случае мой поклон. Славный он человек, хотя и хвалит Голицина.

Сердечно преданный

Н. Петровский

СПб. ФА РАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 459. Л. 47 – 49 об.

188

С.Ф. Ольденбургу

Ташкент. 27 июня 1906 г.

Глубокоуважаемый Сергей Фёдорович.

Получил я от Pelliot³⁶⁰ Ваше поручение помочь ему в предстоящем путешествии, что теперь охотно и исполняю и Вам доношу. Пеллио – очень милый француз, желающий всё основательно узнать, но – как скажу ниже – он уже опоздал, и экспедиция его едва ли будет успешна. Начать с того, что она состоит из военного доктора колоний и самого простого мастерового фотографа, ни к чему, кроме фотографии, не нужного. Сам Пеллио будет археологом – искать и описывать древности; на доктора возложена природа до астрономических и метеорологических наблюдений включительно и составление всевозможных коллекций; ну а фотограф – фотограф; вместо него было бы гораздо лучше взять члена, более полезного; фотографировать может теперь всякий, а при издании книг фотографии, как известно, подправляются. Затем – экспедиция мало подготовилась. Кое-что прочли, полистовали, но многого не знают; теперь берут у меня книги. Переводчика пока мы не нашли, а Пеллио берёт уроки у сарта. И, наконец, едут почти по той же дороге и туда же, где и куда проехали Грюнведель и где будет Штейн³⁶¹ (ему они намерены отдать юг Такла-Макан).

Ну вот, сами видите, что экспедиция что-то хромает. Помогу я ей конечно с охотою.

Если интересуетесь знать обо мне, то благодаря Аллаху (а вернее строгому режиму, самому себе прописанному) моё здоровье значительно поправилось и, даже можно сказать, поправилось, словом начинаю кое-что подельывать. Барону Виктору Романовичу всё ещё не писал, но писать буду непременно, как только что-нибудь будет для него интересного.

Затем есть у меня к Вам небольшие просьбицы. Если исполнить нельзя, так – нельзя, не беспокойтесь, а именно:

1) Арх[еологическое] общество высылает мне книги Классического отделения, хорошие книги, но они мне не нужны. Нельзя ли возвратить и получить взамен что-нибудь другое, например словарь В. Зернова³⁶²,

который у меня пропал, Тизенгаузена или что-нибудь по русским древностям?

2) Будьте любезны, прикажите выслать мне каталог или каталоги академических изданий; мне хотелось бы постепенно пополнить, что у меня есть, напр[имер] словарь, а также словарь Срезневского³⁶³, Абдул-Газия (французский; тюркский у меня есть) и т.п.

3) Вы участвуете в какой-то хорошей газете. Хотел бы и я кое-что писать иногда о здешних делах, но при непременною условии: секрета и платы. Как бы ни был я свободен, но есть разные отношения, которые всё-таки могут влиять на моё спокойствие, которым я теперь особенно дорожу, а в числе их наша политика, о чём нередко со мной беседует Ваш бывший ученик, хороший малый, но как будто, побывав в Сиаме и в лихорадке, немного свихнувшийся.

Здесь тихо, и проявлений фанатизма, на который везде тыкали ученики и последователи Ильминского, не проявлялось, да и прежде не проявлялось, ибо единственный флаг под которым наши мусульмане могут проявлять своё недовольство (а не фанатизм) администрацией – шариат; другого флага у них пока нет и, вероятно, долго не будет. Теперь всё гладко. Были кое-какие вспышки у русских рабочих (с убийствами), но и – только.

P. S. Начал я писать Вам в 10 ч. утра, было 23° в тени (Ц[ельсия]). Теперь, писал от жара с передышкою, 35° Ц[ельсия]. На солнце же жара как в печи. Недавно прочёл новое издание Gobineau³⁶⁴ (Les philosophies и пр.), Вами рекомендованное. Какая отличная книга.

Искренно преданный

Н. Петровский

СПб. ФА РАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 459. Л. 50 – 51 об.

189

В.Р. Розену

Ташкент. 17–19 декабря 1907 г.

Глубокоуважаемый барон Виктор Романович.

И я с нелицемерною радостью получил Ваш ответ на моё письмо: как-то тепло чувствуется, что связь с Петербургом восстановлена, что есть ещё люди, к которым можно писать о занятиях, в которые втянулся.

На Ваше письмо «по существу оно», выражаясь любимым словом канцелярий, я буду отвечать после праздников, а теперь, благодарно настроенный за ответ (наш благочинный употребляет слово «молитвенно» и г[енерал]-губернатора встречает и архиерея³⁶⁵ провожает, и родите-

лей просит – всё молитвенно), намерился сказать Вам кое-что о здешнем положении и состоянии дел.

Ташкент, русский и туземный, наружный и внутренний произвёл на меня и производит очень неприятное впечатление. После того, как я его знал прежде и представлял себе в Кашгаре, я вижу огромную разницу – и не к лучшему. Прежде всего – дороговизна жизни по всем её частям. Достаточно сказать, что баран (куй, эмблема Ташкента и Кайсак-Киргизии) стоит 8–12, а откормленный до 30 рублей! (в Кашгаре 1р. 50 – 2 р.). Рабочий, простой мардекер – до 1р. 50к. в день и всё прочее в том же размере. Словом, выражаясь «по Марксу³⁶⁶», которого теперь усиленно треплют (как трепали некогда Бокля³⁶⁷, Молешотта³⁶⁸, Дарвина³⁶⁹ и пр.), «совершается эволюция капитала», и это верно: крайние цифры, выражающие благосостояние, раздвигаются, а средние – не дают верного заключения. Хлопок съедает благосостояние многих в пользу малых.

Русский город – это что-то между Бузулуком и Симбирском, что ли: грязный и вонючий, но [с] претензиями. Прежняя оригинальность и пленительность его *couleur locale*'s*, простота жизни, домики с садами, открытые окна и не запертые двери, иные, чем теперь (не деловые только) общения с туземцами, – всё это исчезло и исчезает. Провинция в полном смысле, и затем коммерция и коммерсанты; евреев и армян наехало очень много, и всё выгодное попадает уже в их руки. Туземцы, попавшие в русский город – бай-подрядчики, да и идеал баев уже другой: стать подрядчиком, ездить в пролётке на резинах, видеть поклонение чиновников, которые направляют их на подряды и руководят ими, угощать их за это уже не в саду, а в доме, в комнатах, с шампанским, с ликёрами и дамами. Посетил я как-то русско-туземную школу (хорошая школа); попросил учителя спросить мальчиков, чем они потом будут. Сразу вскочили два и закричали «пудряшник»; два других желали торговать, остальные – колебались.

Мусульманский город, по внешности, тоже немного изменился и тоже к худшему: граммофоны, чайхана с фруктовым квасом (пивом) и проч[ее] – по-русски. В общем, удивил меня упадок обычной, т[ак] сказ[ать] врождённой, вежливости сартов по отношению к русским. Многие, русские, говорили мне, что сартов непозволительно «распустили», но это не так: дело гораздо глубже, мне кажется. Прежде всего, поразил меня упадок мусульманской учёности и учения и распущенность нравственная. Медресе пустеют, и не потому, что вакуффов мало, а потому, что мутавали открыто воруют, а мударрисов хороших уже давно нет. Некий бай построил недавно медресе и выписал себе перво-классного мударриса из Бухары, по какой-то интриге бай ему отказал, а за то, что он хотел учить приватно в другом медресе, защитника его муллы поколотили палками. Казии потеряли всякое уважение: «мошенник», «взяточник» – обычный припев при их имени. Как эти обстоятельства связать с понижением уважения к нам? Я думаю, что тут

* Местное своеобразие (*фр.*).

виноваты и русские. Первое – это увеличение (совсем ненужное) числа правящих – полицейских приставов в уездах (нечто вроде урядников в большом размере), а во-вторых – способы вынужденных дажий и увеличение оных. Берут все, но есть большая разница с прежним. Тогдашний хапанец, большой тюря (хаким) брал, по способам кокандскому или бухарскому, чрез подчинённых мусульман; сам стоял далеко и брал по вдохновению фантазии. «Собрать с юрты по гривеннику»; собирали и приносили; деньги исчезали в широком житии и веселии, а если хакима выгоняли, то в балансе у него был нуль. Теперь не так, теперь понемножку, да понемножку – и домик, или в банке. Стоят они к населению ближе (даже помещаются в каз[ённых] домах в кишлаках), – все операции видны воочию. Знаменитый печальной памятью Наливкин, когда был вице-губернатором, отдал 6 приставов под суд и один из них попал в арестантские роты. Ну вот «принимая всё вышесказанное»: подрядное величие больших и маленьких баев, основанное на денежной угодливости им, всеми знаемой, русских чиновников, растущее уважение к деньгам и только к деньгам, вместе с понижением огульно о всех нас, русских, хорошего мнения, взятки, трудность доступа жалоб, возрастающая уверенность, что ничего не будет сделано, – вот, мне кажется, главные причины печального положения здешних дел, и притом – прибавлю – ухудшающегося, потому что прибавились к нему отклики революции – в прямом её переносе и через газеты (газеты в Ташкенте?!). Эти последние стали издаваться на каком-то азербеджано-сартовском наречии и числом их три; первая закрыта волею начальства, вторую, м[ожет] быть, последует такая же судьба, а третья, постепеннее, издаётся баем подрядчиком и редактором кавказским человеком. Если для Вас они любопытны – могу прислать.

В прямом смысле революция передаётся грабежами и ранее чуть ли не провозглашением республики: сам я видел, как почтенный старичок (д[ействительный] с[татский] с[оветник]), другой, чем думский, и капиталисты коммерсанты (евреи) шли к Думе в процессии с большими флагами, на которых красовалось «Долой капитализм». Но кончилось печально – выстрелами и двумя убитыми, а для меня лично – тем, что брата моего, ко мне шедшего, поколотили, по ошибке, казачки, которые, при сей верной оказии – разгоне манифестантов – кого-то пограбили. Грабежи и убийства, не особенно, сравнительно с русскими местами, частые, – обыкновенные, в «порядке дня»; но были и примечательные. Гродеков, напр[имер], приезжает в Кокан[д] ходит по училищам, а верстах в пяти за городом, на фабрике Большой Ярославской компании, шайка, человек в 50 (1/2 роты) спокойно и вежливо (с пожатием руки при прощании) грабит у кассира 13 т[ысяч] рублей. Ограбили эмирских чиновников, на 160 т[ысяч], вёзших из банка в Н[овую] Бухару деньгами; теперь оказывается, что главарь-то, кавказский князь, жил в Самарканде, очаровывая общество, а четыре человека, задержанные на ст[анции] Кермине (в Кермине живёт эмир), может быть, подбирались к его эмирскому

высочеству. Но всё это всё-таки, по месту и времени не так важно, как то, что в среде населения образуются шайки, правильно организованные, а мелкие грабежи учащаются. Будущее далеко не успокоительно³⁷⁰.

Это письмо я писал два дня, с перерывами. Перечитав, хотел было не посылать, но, подумав, что многонаписание моё Вам, человеку живому, пожалуй, для прочтения негодным не будет, и что можно для конца ещё что-нибудь сказать – решил продолжать и послать.

Глава, дающий тон всей жизни, как и всегда здесь было, ген[ерал] Гродеков может вырезать на своей печати *J'ai me mes aise** или, по-русски, «сам себе доволю». Человек он, несомненно, умный и как будто ещё не устарел; но люди и занятия его тяготят. Есть и коньки, как напр[имер] прежние посёлки, которые он основывал, когда был губернатором, памятник Кауфману, жития которого составляются, «реликвии» (как говорится в приглашении к пожертвованиям) будут иметь «уголок» в музее, а мощи в соборе ещё под спудом. Музей тоже обратился в забаву: всё, что кажется у кого-либо лишним, валят туда. (Вчера музей обокрали; подробностей ещё не знаю).

В день получения Вашего письма я был в «кружке». Пославский³⁷¹ долго, очень долго возражал на ст[атью] Н. И. Веселовского³⁷², а в результате – всё де от недоразумения: один говорил о круглых, а другой о четырёхугольных гробах. Затем говорил А.Д. Калмыков³⁷³, читал и показывал нам каталог (английский) вещей, найденных в верх[овьях] Аму-Дарьи и хранящихся в Бр[итанском] музее. Всего нас было восемь, считая с «президиумом» и тещами. Н.П. Остроумов уходит в Казань, и уходит этот – потеря для края бесспорная человека, который и честно служил, и честно понимал службу и, вне её, много и полезно работал. Отнеслись к его уходу непозволительно неприлично. Гродеков вёл с ним себя совсем шутом. Я теперь, как человек свободный, менее стесняюсь, чем прежде, прямо и резко сказал об этом Мустафину³⁷⁴ (пр[авителю] канцелярии) в присутствии других; он мне ответил, что непременно доложит, что Ник[олая] Петровича нужно от ухода отговорить. Смешно это и грустно – докладывать, что человек нужен – тот, которого Гродеков давно знает* и обязан знать.

А, в конце концов, позвольте пожелать Вам встретить праздники и новый год с чувством хотя бы слабой надежды на успокоение нашего тяжёлого положения. Я этой надежды, судя по газетам и окружающему, не вижу и утешаюсь тем, что, может быть, временами болею.

При случае прошу напомнить о моём почтении С.Ф. Ольденбургу и В.В. Бартольд.

Искренно уважающий Вас

Н. Петровский

ИВР РАН. Ф. 43. Оп. 2. Д. 11. Л. 4 – 7 об.

* Я довольствуюсь своими радостями (*фр.*).

** Далее зачёркнуто: «должен».

ПРИЛОЖЕНИЯ

ДОНЕСЕНИЯ Н.Ф. ПЕТРОВСКОГО

1

Д.А. Капнисту

Секретно

9 апреля 1892 г.

Господину директору Азиатского департамента.

Имею честь почтительнейше донести Вашему сиятельству, что кашгарский даотай предписал яркендскому окружному начальнику сделать все нужные распоряжения о постройке на Раскем-Дарье большого (главного) караула, т.е. поста для пропуска караванов. Распоряжение это является следствием занятия англичанами Канджута и открытия ближайшего, чем через Ладак, торгового пути через Гильгит и Канджут в Яркенд. По этому пути, кроме английских мануфактурных товаров, пойдёт в огромном количестве, индийский чай, по поводу которого, и в прямых интересах китайского правительства, я давно уже сообщил даотаю мои соображения и несколько раз пояснял их ему, а копию этих соображений представил Департаменту и посланнику; по-видимому, китайское правительство принесло свои интересы в жертву интересам индийской чайной торговли, ибо китайские власти давно уже перестали говорить со мной о чайном вопросе³⁷⁹.

Консул

Н. Петровский

АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 1271. Л. 6 – 6 об.

2

А.К. Базили³⁸⁰

С.-Петербург. 10 июня 1897 г.

Его превосходительству господину директору Азиатского департамента.

Имею честь почтительнейше испрашивать ходатайства Вашего превосходительства об учреждении при Кашгарском консульстве, по при-

меру двух других консульств Западного Китая, должности драгомана китайского или тюркского языка, на которых производятся все сношения консульства с китайскими властями (через посредство состоящих при них драгоманов русского и китайского и тюркского и китайского языков) и – на тюркском языке – с местными туземными властями (полицией, казиями, караулами на границе и пр.) и с проживающими в Кашгарии (около тысячи лиц) русскими подданными, торговцами, почти исключительно туземцами Русского Туркестана и Бухары, русского языка не знающими. При постоянном увеличении торговых сношений Кашгарии с русскими владениями, при ежегодной выдаче и визе консульством около 3 т[ысяч] «билетов», требующих проверки их русского, тюркского и китайского текстов (имена, род и количество товаров – как это указано в договоре), – консул и секретарь значительно обременены работою в ущерб другим занятиям по их служебным обязанностям³⁸¹.

Генеральный консул

Н. Петровский

АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 502. Л. 8 – 8 об.

Документы, составленные Н.Ф. Петровским

1

Относительно проектированной редактором «Туркестанских ведомостей» майором [Н.А.]Маевым³⁷⁵ учёной экспедиции в Китай

28 ноября 1876 г.

Г[осподин] военный министр препроводил на заключение г[осподина] министра финансов, при отношении от 20 го ноября сего года за № 448, копию письма к нему туркестанского генерал-губернатора относительно проектированной майором Маевым учёной экспедиции во внутренний Китай и об испрашивании Маевым у правительства на этот предмет заимообразно суммы. Сущность помянутого проекта учёной экспедиции заключается в нижеследующем. Редактор правительственной, издаваемой в Ташкенте газеты «Туркестанские ведомости», майор Маев, предполагает организовать «научную», как он называет, экспедицию в Южный и Западный Китай от Ханькоу через Ланьчжоу, Цзяюйгуань, Сучжоу, Хами, Гучень, Урумчи и через кашгарские владения до Ташкента (т.е. по тому же пути, каким следовала, в китайских пределах, недавно возвратившаяся экспедиция подполковника Сосновского³⁷⁶) с целью:

1. Собрать данные о чайных рынках и плантациях Южного и Юго-Западного Китая.

2. Ещё раз обстоятельно изучить пройденный уже подполковником Сосновским путь от Ханьчжоу до Баркуля, а отсюда обследовать ещё малоизвестный путь на Карашар и далее по владениям Якуб-бека.

3. Собрать данные относительно войны между китайцами, дунганцами и кашгарцами и получить верные сведения об относительной силе воюющих сторон.

4. Решить, насколько будет возможно, вопрос о том, имеет ли будущность китайское владычество в Западном Китае.

5. Убедиться на месте, насколько сильна эмиграция из китайских портов в Калифорнию и Австралию для разрешения вопроса, не будет ли препятствовать означенная эмиграция возобновлению прилива китайского элемента в западные провинции и

6. Собрать данные для географии, этнографии и естественной истории пройденных местностей.

Для осуществления этой экспедиции, долженствующей состоять, кроме г. Маева, из топографа, астронома, препаратора, переводчика и наёмной прислуги, г. Маев просит: а) исходатайствовать экспедиции разрешение проехать бесплатно, на одном из военных судов, в Ханькоу и б) выдать ему заимообразно, в счёт получаемого им содержания, 7000 руб., каковые деньги он обязуется возвратить в казну в 4 х летний срок. Вышеизложенный проект учёной экспедиции нашёл себе поддержку со стороны туркестанского генерал-губернатора. По поводу сего проекта представляются на вид нижеследующие соображения:

а) вообще

Экспедиции, подобно проектированной г. Маевым, имеющие своей целью собрание материалов и данных для разрешения вопросов общегосударственной политики и торговли нашей с Китаем, столько же, если не более, касающихся Восточной и Западной Сибири, как и Туркестанского края, могут быть предметом забот высшего центрального правительства, а не местной администрации той или другой провинции. Поэтому изучение чайных рынков Китая, торгового пути из Западного Китая в Сибирь и Туркестан, эмиграции китайцев в Калифорнию и Австралию и т.п. может быть сделано, если это будет признано необходимым, центральным правительством через консулов и др[угих] агентов, живущих на месте, и потому имеющих более средств, возможности и компетентности в собирании и доставлении правительству необходимых сведений, чем редактор провинциальной газеты, временно и случайно оторванный от исполнения своих непосредственных обязанностей.

б) в частности

1. Собрать данные о чайных рынках и плантациях Западного Китая не представляется в настоящее время необходимым как потому, что сведения эти собраны уже экспедициею подполковника Сосновского, так и потому, что они, вероятно, будут собраны ещё известным путешествен-

ником нашим, Пржевальским, недавно отправившимся через Западный Китай в Тибет.

2. Чтобы ещё раз обстоятельно изучить путь, пройденный подполковником Сосновским, необходимо доказать, что путь этот не был изучен. В противном случае новое его изучение не будет иметь цели. В проекте г. Маева никаких подобных доказательств и даже соображений не имеется.

3. Собрание данных относительно войны между китайцами, дунганами и кашгарцами лучше и скорее, чем посредством экспедиции Маева, может быть сделано русскими властями в Кульдже, которой мы владеем с 1871 года, и (по отношению к Кашгару) – нашими же властями в Ферганской области (бывший Кокан[д]). Кроме того, сведения эти могут быть получены от переводчика семиреченского губернатора г. Головкина (природного монгола), командированного в позапрошлом году в Западную Монголию.

4. Разрешение вопроса о том, имеет ли китайское владычество будущность в Западном Китае – есть предмет политики и истории. Разрешение его, если оно необходимо для туркестанской администрации, может быть сделано только на основании глубокого и всестороннего изучения как Западного, так и вообще Китая, его завоеваний, политики, государственного строя. Подобные вопросы экспедициями не разрешаются, а материалами для них служат разносторонние данные, находящиеся весьма часто вне круга деятельности экспедиции.

5. Об эмиграции китайцев в Австралию и Калифорнию можно иметь самые подробные сведения в ежегодно публикуемых, в Соединённых Штатах, об эмиграции отчётах, а также и от наших консулов. Разрешение же вопроса, как будет влиять эта эмиграция на прилив китайцев в западные провинции Китая, есть предмет исследования китайского, а не русского правительства.

Обращаясь засим к средствам, на которые предполагается совершить экспедицию, необходимо заметить: во-1-х, что испрашиваемые г. Маевым 7 т[ысяч] рублей на эту экспедицию, которая, кроме прислуги, должна будет состоять из пяти лиц, очевидно недостаточны, и потому, при этих средствах, цель экспедиции, если она и была бы одобрена, не может быть достигнута; во-2-х, что г. Маев, отправляясь на долгое время в Китай, не будет уже – как надо полагать – исполнять обязанности редактора «Туркестанских ведомостей», а потому и получаемое им, по этой должности, содержание в 2500 р., которое он полагает, как бы в обеспечение казённой, просимой им ссуды, с возвратом из содержания, – служить таковым не может.

По всем этим соображениям представлялось бы необходимым отклонить ходатайство о ссуде г. Маеву помянутой суммы, предоставив генерал-адъютанту фон Кауфману, если он находит проект г. Маева основательным, выдать ему просимую сумму из средств, состоящих в распоряжении туркестанского генерал-губернатора³⁷⁷.

Агент Министерства финансов в Туркестанском генерал-губернаторстве

Н. Петровский

РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 454. Л. 1–5. Подлинник, подпись, автограф.

2

Программа наставления и вопросов среднеазиатским туземным разведчикам, посылаемым для собирания политических и других сведений³⁷⁸

Вы, такой-то, посылаетесь в такую-то страну, которую мы мало знаем, для собирания о ней сведений. Для того чтобы вам легче было собирать сведения, составлены вопросы, на которые вы, по своём возвращении, должны дать ответы. Постарайтесь хорошо понять эти вопросы и запомнить их, здесь же, на месте, чтобы не осталось ничего неясным. Вы будете собирать по этим вопросам сведения от разных лиц, больших и малых, богатых и бедных, умных и несмышленных. Не будет, поэтому, вашей вины, если на некоторые вопросы ответы будут разные.

Передайте их только так, как вы их сами слышали, не прибавляя ничего от себя. Если на какие-либо вопросы нельзя будет ответить, то лучше не отвечать, сказав, что ответа нет, чем выдумывать неправду. За это на вас сердиться не будут.

Вы отправитесь по такой-то дороге, через такие-то города и места. Поезжайте не скоро, не тихо, а так, по тем переходам, как ходят караваны и ездят все путники. Старайтесь хорошо запомнить названия переходов и самую дорогу, по которой поедете, т.е., города, селения, реки, перевалы, которые вы на ней встретите. Всё это нам нужно знать, чтобы исправлять и составлять карты всяких земель.

По приезде в страну, куда вы посылаетесь, вы назовитесь, как вам будет удобнее: или торговым приказчиком, приехавшим ознакомиться с базаром, или лицом, разыскивающим своих родственников и должников, или богомольцем, идущим на поклонение к каким-нибудь святым местам. А если вы умеете рассказывать святыи легенды (мадх) или узнавать судьбу людей по гаданиям (фал) или отчитывать от дурного глаза, и молитвами изгонять духов (дуахан) или лечить какие-нибудь болезни людей (таиб) и животных (байтар), то такое занятие будет для собирания сведений самое лучшее: вы будете иметь возможность узнать много людей и часто с ними беседовать о том, что вам поручено узнать. Не скрывайте, однако, что вы русский подданный. Если вы назовётесь подданным другой какой-нибудь страны, то такая ненужная ложь,

если вас кто узнает, испортит всё дело и может подвергнуть вас опасности.

Не спешите собирать сведения тотчас же после вашего приезда в страну. Сначала осмотритесь, заведите знакомства. Всё, что можно видеть самому – смотрите сами, а не полагайтесь на рассказы других. Расспрашивайте, не спеша, не всё вдруг, о чём сказано в вопросах, а понемногу, при каждом удобном случае: у купца про товары, у служилого человека про порядки. Каждый ответ на ваш вопрос и каждый рассказ, который услышите, хорошо обдумайте, чтобы не было ничего для вас неясного или непонятного. Если вы грамотный и сведения можете записать, то, конечно, лучше будет их записать, но так, чтобы в случае, если вы их потеряете или их у вас отнимут, никто другой не мог бы их раздобыть. Вам нужно, поэтому, записывать то, что вы узнаете, таким образом, как составляются тумар'ы и шакил'и, т.е. одним каким-нибудь словом, цифрою, значком, которые только бы вы слышали, узнали и видели. Прослушав все вопросы, вы поймёте, что ничего тайного вам узнать не поручают: обо всём, что сказано в вопросах, можно было спрашивать открыто, если бы народ той страны, где вы будете, был народ образованный; вы едете секретно и должны скрывать цель вашей поездки только потому, что народ не знает русских и не может понять, зачем нам нужны такие сведения, а потому всякого человека, желающего что-нибудь узнать о стране не для чего-нибудь, а часто для её же пользы, считает своим врагом.

Вопросы

1) Как называется страна, куда вы посланы. 2) Какой народ в ней живёт, оседлый или кочевой. Если и тот и другой, то какого больше. 3) Одного ли племени или разных; какие племена; каких больше, каких меньше. 4) Какой веры жители; все ли одной веры или разных; какой веры жителей больше. 5) На каком языке говорят жители; если на разных, то на каких, и какой язык у них общий. 6) Разделяется ли страна на округа; если разделяется, то сколько их. Как называются, кто ими управляет. 7) Не подчинены ли этой стране какие-либо местности с своими особыми владениями. 8) Если такие местности есть, то как они называются, и кто в них правит. 9) Как называется главный город, в котором живёт владетель страны. 10) Какие есть другие большие города. 11) Сколько примерно в стране городов, селений и жителей (больше или меньше и насколько, например, Ферганы или Кашгарии. Это сравнение, смотря потому, откуда сам разведчик). 12) Платят ли жители что-нибудь своему владетелю, или он имеет свои собственные доходы, например от рудных копий, от пошлины с привозимых товаров. 13) Если платят, то чем: деньгами, или продуктами, или службой в войске, или всем вместе. 14) Сколько платят и как: поголовно, посемейно, подомно. 15) Тяжелы ли для жителей подати или нет, если тяжелы, то почему. 16) Сколько примерно в стране собирается дохода. 17) Чем занимаются жители – осёдлые и кочевые. 18) Не существует ли у них каких других

промыслов, кроме земледелия. 19) Если в стране есть какие-либо руды, то в каких местах они находятся, принадлежат ли владельцам или самим жителям. Платят ли жители что-нибудь в казну за право их разработки и если платят, то сколько. 20) Торгуют ли жители только между собою туземными продуктами или с другими, и какими именно странами. 21) Какие товары туда посылают и что оттуда получают. 22) Всеми ли товарами позволено торговать и, если не всеми, то какими товарами запрещено торговать. 23) Какие товары особенно нужны жителям: например, нужны ли ситцы, железо, мелочь, и какая. 24) Есть ли в стране русские товары, если есть, то какие. Надо все их назвать. 25) Дорого ли они продаются против цен, например, в Ферганае или Кашгаре (смотря потому, откуда будет разведчик). 26) Каких стран торговцы привозят русские товары и много ли этих товаров на базарах. 27) Есть ли товары английские, если есть, то какие. Надо все их назвать. 28) Дороже или дешевле они продаются против товаров русских. Надо узнать, сколько стоит каждый товар, например, ситцы, сукно, мелочь. 29) Каких стран торговцы привозят английские товары и много ли этих товаров на базарах. 30) Берут ли в стране пошлину за привозимые товары. Если берут, то одинаково ли за все товары или нет, и в каких случаях сколько за каждый товар. 31) В каких местах и сколько раз берут пошлину за привозимые товары. 32) Есть ли в стране рабы – мужчины и женщины. Если есть, то какие: захваченные ли во время войны или покупаемые. 33) Если рабы покупаются, то откуда их привозят, почём продают мужчину, женщину, ребёнка и много ли рабов – мужчин в стране. 34) Какие деньги ходят в стране. Если денег нет, то что вместо них употребляется. 35) Не живут ли в стране англичане. Как их имена. Кто они такие: торговцы, священники или другие какие люди. 36) Какие владения окружают страну. Какие лежат от неё на полдень, на полночь, на восход и заход солнца. 37) По каким дорогам в эти владения возят товары, ездят и ходят люди, через какие города, селения, кочёвки, места. Надо узнать названия всех переходов (манзиль) на каждом пути, а если запомнить все названия трудно, то не забыть число переходов на каждой дороге от того города, где начинается дорога, до того, в который она ведёт. Свои переходы разведчик, для памяти, может обозначать узелками на шнурке штанов. 38) Каким образом на каждой из этих дорог возят товары и ездят люди: на арбах, лошадях, мулах, ослах. 39) Как ходят возчики: от какого до какого места нанимаются везти товары, если по дороге сдают выюки другим возчикам, то где именно. Сколько берут провозной платы от разных городов, между которыми проводится торговля. 40) Спокойны ли дороги. Не бывает ли на них разбойников и грабежей товаров. Если грабежи бывают, то ловят ли и наказывают разбойников или же владелец страны и жители не в силах этого сделать и ограбленный товар не разыскивается. Часто ли бывают случаи грабежей. 41) Кто владелец страны, какой его титул, как его зовут. Какого он племени и какой веры. 42) Давно ли он правит страну. Досталась ли ему страна

по наследству, по выбору народа или он завоевал её сам. 43) Если владетель завоевал страну сам, то каким образом: по желанию ли народа или силою и с чьей помощью. 44) Кто были прежние владетели страны и где они теперь находятся 45) Владетель страны независим (путляк) или кому-нибудь подчинён и, если да, то кому. 46) В чём заключается зависимость: платит ли он дань, сколько и часто ли, или должен помогать войсками или исполнять что-либо другое. 47) Что обязан тот, от кого владетель зависит: должен ли он помогать войсками или даёт деньги и сколько. 48) Как владетель правит страну: по шариату (если он мусульманин), или по какому иному закону, или по своей воле. 49) Каков его характер, нужно рассказать, как он живёт. 50) Есть ли у него дети или родственники, живут ли они в дружбе или нет. Есть ли такие дети или родственники, которые бежали и живут в других странах и где именно. 51) Любит ли его народ, за что и, если не любит, почему. 52) Не пытался ли народ свергнуть правителя, если да, то когда, каким образом и что при этом случилось. 53) Откуда он принимает послов и часто ли. 54) Куда посылает своих послов и часто ли. 55) Не приезжали ли к нему русские и англичане в гости. 56) Если приезжали, то кто (как их называли) и сколько. 57) Хорошо ли они были приняты владетелем или нет. Если нет, то почему. 58) Долго ли они пробыли в стране, в каких местах были, что делали. 59) Давали ли они подарки владетелю, какие, доволен ли он ими остался. 60) Что говорилось об этих гостях в народе; был ли он доволен их приездом или нет, если не был доволен, то почему. 61) Есть ли у владетеля страны постоянное войско или нет. Если постоянное войско есть, то сколько примерно человек – пеших и конных. Всё ли это войско живёт в одном городе или стоит по разным городам. 62) Откуда это войско взялось: составлено ли оно из жителей самой страны, или из рабов, или из людей другой какой-нибудь страны и какой именно, нанятых самим владетелем или ему по дружбе присланных другим владетелем, и кем именно. 63) Если войско составилось из жителей самой страны, то как оно набрано: с селений ли или отдельных домов, по желанию или силою, за плату или вместо подати. 64) Есть ли пушки. Если есть, то сделаны ли они в самой стране или привезены и откуда именно. 65) Чем солдаты вооружены. Имеют ли они, и все ли, ружья, пики, сабли. Если ружья имеют не все, то из скольких человек один вооружён ружьём. Какие ружья, сделаны ли они оружейниками самой страны или откуда-нибудь привезены и откуда именно. Если привезены, то как заряжаются: сзади или спереди. 66) Если у солдат есть ружья и пушки, то откуда они берут порох и пули – делают ли их в самой стране или привозят и откуда именно. 67) Сколько получает конный и пеший солдат за свою службу и чем получает: деньгами или пищей и одеждой. 68) Разделяется ли войско на отдельные команды с отдельными начальниками, одеты ли в одинаковое платье, обучаются ли военным порядкам, или же ничего этого нет, и войско походит на сброд киргизских барантчей. 69) Если в стране постоянного войска нет, то как набирается

войско на случай войны. Сколько таким образом может быть собрано солдат. Кто им даёт оружие. 70) Не случилось ли войн, бунта, прихода чужих войск, присылки оружия, пушек, пороха, открытия заговора, приезда послов, казни родственников владельца, приближённых к нему людей или других важных лиц. Обо всех этих случаях надо хорошо и подробно узнать, расспросив разных лиц.

ПИСЬМА К Н.Ф. ПЕТРОВСКОМУ

1

Г.Е. Грум-Гржимайло – Н.Ф. Петровскому

Нарынское укрепление. 20 апреля 1886 г.

Ваше превосходительство.

В виду того, что по прошествии каких-нибудь нескольких дней я вступаю в пределы китайских владений, считаю сво[е]ю обязанностью письменно с своей стороны уведомить Вас об этом. Надеюсь, что с своей стороны и Вы не откажете мне своим влиянием и властью устранить могущие возникнуть на границе затруднения и одновременно предупредите китайские власти.

Экспедиционный отряд состоит из 6 конвойн[ых] казаков, моего помощника, переводчика и 2 х джигитов, стало быть, не считая меня, 10 человек.

В надежде, что вскоре буду иметь удовольствие лично познакомиться с Вами, остаюсь Вашего превосходительства покорным слугой

Г. Грум-Гржимайло

Импер[аторского] Русск[ого] географ[ического] и некоторых др[угих] русских и иностранных учёных общ[еств] действит[ельный] член.

ИВР РАН. Ф. 43. Оп. 2. Д. 46. Л. 1 – 1 об.

2

Г.Е. Грум-Гржимайло – Н.Ф. Петровскому

С.-Петербург. 12 декабря 1886 г.

Ваше превосходительство.

Исправляю свою оплошность и отсылаю таблицу к анероиду. По-

следняя поправка сделана в Ташкенте перед моим отъездом в Кашгар.

Душевно сожалею о той переписке, которая возникла между нами; но видно уж судьба наша такая, что пришлось рассориться из[-за] пустяков. Тем более что в результате и Вам, да и мне, вероятно, придётся испытать ещё немало неприятностей, т. к. руководствуясь Вашей угрозой, я действительно имел неосторожность двинуть дело официальным порядком. Однако, не желая платить Вам полной неблагодарностью, я действовал «предохранительно» только, не желая вредить Вам, а желал только обезопасить других путешественников от нечаянностей и сюрпризов в виде отказа в казаках. Этим Вы ведь могли повредить не только мне, а и другим, котор[ые] в нашей ссоре не причём. Вот почему весь состав Географ[ического] общ[ества] (преим[ущественно] Совет) принял так горячо к сердцу то письмо, которое угодно было Вам мне написать и которое заключает в себе столько данных, служащих к Вашему осуждению. Тогда я чрезвычайно погорячился, теперь, может быть, я отнёсся бы к нему холодно и вероятно не сделал бы даже того, что сделал. Во всяком случае, Вы, как человек умный, легко поймёте, что Вы сами меня ко всему сему вызвали.

Ещё раз позволю себе уверить Вас, что я искренне сожалею о случившемся

Вашего превосходительства покорнейший слуга

Г.Е. Грум-Гржимайло

P. S. О себе я вообще и тогда беспокоился мало, ибо относительно путешествий моя песенка, кажется, спета. Осенью (1887 [г.]) я защищаю магистерск[ую] диссерт[ацию], а там получаю доцентуру и, кажется, навеки отдаюсь Университету.

ИВР РАН. Ф. 43. Оп. 2. Д. 46. Л. 11–12.

3

М.И. Венюков – Н.Ф. Петровскому

Paris, rue Jacob 44, la 1 octobre [18]95 [г.]

Милостивый государь Николай Фёдорович.

Вчера я беседовал с Вашим министром, кн[язем] Лобановым-Ростовским, разумеется, о памирском разграничении. Он, конечно, не мог признаться, что разграничение невыгодно для нас; но заявил два раза, что это – дело переменное и что абсолютного на свете ничего нет. Последнее потому, что я высказал мысль, что кряж Гиндукуша был бы границей более солидной...

Утешительно и то, что в прочность сделки он не верит, да и отговаривается, что она – не его дело. Это всё лично для Вас с просьбою ни-

когда не говорить никому о моей аудиенции у князя в Hotel des Pes Britanniques.

Я пострадал немного его сиятельство, что напишу критический обзор новой границы, и так как русских официальных источников нет, то по английским. Он заявил, что в «Новом времени» были две статьи, взятые из официальных источников..... Ха-ха-ха! русский министр признаётся, что имеет дело с газетчиками.

Ещё раз: пожалуйста, никому. В сентябрьской книжке «Geogr. Journal»'а есть краткое описание границы, а карты были изданы англичанами ещё прежде.

Ваши корреспонденции о Св[ене] Хедине и Массьё, в извлечении помещены там же.

Англичане работают над установлением северной границы Индии и в Тибете. При содействии китайского уполномоченного Ту-хая они поставили столбы даже на северной границе Бутана, чтобы китайцы не смели тут двигаться к югу. Можете подразнить этим китайских чиновников, прибавив, что бутанских уполномоченных не было.

Об Афганистане вышла книга Макфолла (McFall); впрочем, только о долине Зоба. А о Китае – целый ряд книг, между которыми два выпуска перевода с китайского, из «Тун-бао», относящихся до Ликейских островов³⁸² и «южных земель». Эта часть коллекции, издаваемой Шлегелем в Лейпциге, по-французски, и достигшей уже 6 го тома.

Вчера были официальные выражения сожалений о смерти Пастера³⁸³. Иные из парижских учёных, знавших о присутствии в Париже президента русской Академии наук в[еликого] кн[язя] Кон[стантина] Кон[стантиновича]³⁸⁴, сожалели, что он не пришёл сказать два слова о Пастере перед Академиею Парижскою, и, пожалуй, были правы.

Здесь давно нет вестей о Шафанстюне: не знаете ли Вы чего?

По газетам видно, что основывается русское консульство в Турфане. Основалось ли оно? И почему в Турфане, а не где-инде?

С совершенным уважением и преданностью имею честь быть Вашим покорным слугою.

М. Венюков

РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 466. Л. 178 – 179 об.

4

Ф.Ф. Мартенс – Н.Ф. Петровскому

С.-Петербург. 23 декабря 1895 г.

Многоуважаемый Николай Фёдорович.

Давным-давно я не имею от Вас никакой весточки, хотя взоры всей России и всего цивилизованного мира, в продолжение последних 18 ме-

сяцев, неизменно обращены в Вашу сторону. Часто я вспоминал о Ваших интересных письмах и искренно сожалел, что их не стал получать с 1894 г. Впрочем, я сам виноват перед Вами: я настолько занят своими учёными занятиями и разными поручениями от нашего и иностранных правительств, что мало мне остаётся времени для любимых занятий среднеазиатскими делами. Но чем меньше у меня самого было времени возвратиться к дорогим вопросам в области среднеазиатских дел, тем ощутительнее было для меня отсутствие Ваших интересных и поучительных писем.

Как изменилось положение вещей на крайнем Востоке с августа 1894 г. !³⁸⁵ Куда мы идём в стремлениях сделаться полным хозяином в Китае, в качестве поручителя за его долговые обязательства и распорядителя – собственника всей Маньчжурии, чрез которую проведена будет наша сибирская железная дорога?! Посмотришь на карту, и страшно становится. Но мне кажется, что сама сила обстоятельств заставляет нас воспользоваться неожиданно благоприятным положением вещей, чтобы твёрдою ногою стать на берегах Тихого океана и ближе к сердцу чудовищной Поднебесной империи.

С нетерпением буду ждать от Вас письма и с удивлением отношусь к Вашей трудной и плодотворной деятельности в сердце Средней Азии³⁸⁶.

Раньше, чем кончится настоящее письмо, позвольте мне отрекомендовать Вам, с самой лучшей стороны, С. А. Колоколова, назначенного исполняющим должность секретаря Вашего генерального консульства. Это молодой человек, заслуживающий поощрения и полного доверия, по словам лиц весьма близко его знающих.

Желаю Вам всего лучшего в новом году и остаюсь искренно Вам преданным

Ф. Мартенс

РГАДА. Ф. 1385. Он. 1. Д. 466. Л. 180 – 181 об.

РОССИЙСКИЕ КОНСУЛЫ (ГЕНЕРАЛЬНЫЕ КОНСУЛЫ) В КАШГАРЕ

1882–1903 гг. – Петровский Николай Фёдорович, консул, с 1895 г. генеральный консул.

1904–1909 гг. – Колоколов Сергей Александрович, консул.

1909–1914 гг. – Соков Сергей Васильевич, консул, с 1911 г. – генеральный консул.

1914–1917 гг. – Мещерский Дмитрий Викторович, генеральный консул.

1917–1920 гг. – Успенский Александр Иванович, консул.

ОФИЦЕРЫ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА, СОСТОЯВШИЕ ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМ РОССИЙСКОМ ГЕНЕРАЛЬНОМ КОНСУЛЬСТВЕ В КАШГАРЕ

- 1899–1901 гг. – Корнилов Лавр Георгиевич, капитан.
1901–1902 гг. – Зайченко Захарий Иванович, капитан.
1902–1903 гг. – Чернозубов Николай Григорьевич, капитан.
1903–1904 гг. – Фёдоров Александр Павлович, капитан.
1904–1906 гг. – Ласточкин Владимир Гурьевич, подполковник

НАЧАЛЬНИКИ ПАМИРСКОГО (В 1892–1893 – ШАДЖАНСКОГО) ОТРЯДА

- 1892–1893 гг. – Кузнецов Поликарп Алексеевич, капитан
1893–1894 гг. – Зайцов Василий Николаевич, капитан
1894–1895 гг. – Скерский Александр Генрихович, капитан
1895–1896 гг. – Сулоцкий Николай Александрович, капитан
1896–1897 гг. – Эггерт Виктор Викторович, капитан
1897–1898 гг. – Кивекэс Карл-Эдуард Карлович, штабс-капитан
1898–1899 гг. – Кивекэс Карл-Эдуард Карлович, штабс-капитан
1899–1900 гг. – Аносов Николай Степанович, капитан
1900–1901 гг. – Бадрицкий Михаил Семёнович, подполковник
1901–1902 гг. – Кивекэс Карл-Эдуард Карлович, капитан
1902–1903 гг. – Снесарев Андрей Евгеньевич, капитан
1903–1904 гг. – Арсеньев Михаил Михайлович, подполковник
1904–1905 гг. – Арсеньев Михаил Михайлович, подполковник
1905–1906 гг. – Кивекэс Карл-Эдуард Карлович, подполковник
1906–1907 гг. – Кивекэс Карл-Эдуард Карлович, подполковник
1907–1908 гг. – Кивекэс Карл-Эдуард Карлович, подполковник
1908–1909 гг. – Муханов Александр Владимирович, подполковник
1909–1910 гг. – Муханов Александр Владимирович, подполковник
1910–1911 гг. – Муханов Александр Владимирович, подполковник
1911–1912 гг. – Муханов Александр Владимирович, подполковник
1912–1913 гг. – Шпилько Григорий Андреевич, капитан
1913–1914 гг. – Шпилько Григорий Андреевич, подполковник
1914–1915 гг. – Ягелло Иван Дионисьевич, полковник
1915–1916 гг. – Ягелло Иван Дионисьевич, полковник
1916–1917 гг. – Ягелло Иван Дионисьевич, полковник
1917–1918 гг. – Фенин Валериан Викторович, подполковник

КОММЕНТАРИИ

- ¹ Ермаков Николай Андреевич (1824–1897) – директор Департамента торговли и мануфактур Министерства финансов (1879–1886).
- ² Череванский Владимир Павлович (1836–1914) – писатель, управляющий Туркестанской (1868–1883), Московской (1883–1884) контрольными палатами, директор Канцелярии Государственного контроля (1884–1889), товарищ государственного контролёра (1889–1897).
- ³ Кауфман Константин Петрович (1818–1882) – инженер-генерал, генерал-адъютант, директор Канцелярии Военного министерства (1861–1865), виленский, ковенский и гродненский генерал-губернатор (1865–1866), туркестанский генерал-губернатор (с 1867 г.), почётный член АН (с 1873 г.).
- ⁴ Стремоухов Пётр Николаевич (1823–1885) – директор Азиатского департамента МИД (1864–1875).
- ⁵ Зякет – сбор с торговцев в размере $\frac{1}{40}$ оборотного капитала.
- ⁶ Струве Кирилл (Карл) Васильевич (Вильгельмович) (1835–1907) – дипломат, гофмейстер, В 1863–1864 гг. возглавил экспедицию на оз. Зайсан и в Тарбагатай (в ней принял участие Г.Н. Потанин), посол в Бухаре (1865–1866), дипломатический чиновник при туркестанском генерал-губернаторе (1867–1873), посланник в Японии (1876–1882), САСШ (1882–1892), Нидерландах (1892–1905).
- ⁷ Соболев Николай Васильевич (?–?) – подполковник, начальник Казалинского уезда Сыр-Дарьинской области (1867–1869).
- ⁸ Подробнее см.: *Петровский Н.Ф.* О шелководстве и шелководании в Средней Азии. Ташкент, 1873.
- ⁹ Грена – яйца бабочки-шелкопряда.
- ¹⁰ Шахмурад – правитель Бухарского ханства (1785–1800). Мерв был завоёван бухарцами не в 1782 г, а в 1785 г.
- ¹¹ Хатырчи – административный центр одноимённого бекства, впоследствии район-центр Самаркандской области.
- ¹² Насрулла-хан (1806–1860) – эмир Бухары (с 1828 г.).
- ¹³ Кони Анатолий Фёдорович (1844–1927) – юрист и общественный деятель, председатель Петербургского окружного суда (1877–1881), почётный академик АН (с 1900 г.).
- ¹⁴ Бахтиаров Николай Михайлович (?–?) – верненский уездный судья.
- ¹⁵ Хлудов Иван Алексеевич (1839–1868) – купец, занимавшийся торговлей хлопком.
- ¹⁶ Первушин Иван Иванович (1842–1871) – купец, основавший в Ташкенте винокуренный завод и фабрику для производства игристых вин.
- ¹⁷ Худояр-хан (1835–1886) – правитель Кокандского ханства (1845–1875).

- ¹⁸ Колпаковский Герасим Алексеевич (1819–1896) – генерал от инфантерии, военный губернатор Семипалатинской (1865–1867), Семиреченской (1867–1882) областей, генерал-губернатор Степного края (1882–1888).
- ¹⁹ Имеется в виду занятие в 1871 г. русскими войсками Илийского края с центром в г. Кульджа, принадлежавшего Китаю и охваченного антицинским восстанием.
- ²⁰ Гомзин Андрей Иванович (?–?) – генерал-майор, правитель Канцелярии туркестанского генерал-губернатора (1869–1877).
- ²¹ Головачёв Николай Никитич (1823–1887) – генерал-лейтенант, военный губернатор Сыр-Дарьинской области (1867–1877), предводитель дворянства Сосницкого уезда Черниговской губернии (с 1884 г.).
- ²² Бутовский Александр Иванович (1814–1890) – экономист.
- ²³ Горчаков Александр Михайлович (1798–1883) – князь, министр иностранных дел (1856–1882).
- ²⁴ Гейнс Александр Константинович (1834–1892) – генерал-лейтенант, правитель Канцелярии туркестанского генерал-губернатора (1867–1869), автор проекта образования Туркестанского генерал-губернаторства, военный губернатор Тургайской области (1877–1878).
- ²⁵ Джур-бек (?–1906) – генерал-майор, правитель Китаба (1859–1870), на русской службе с 6 апреля 1876 г.
- ²⁶ Торнау Николай Егорович (1812–1882) – барон, исследователь мусульманского права.
- ²⁷ Казем-Бек Мирза Мухаммед Али (Александр Касимович) (1802–1870) – востоковед, чл.-корр. АН (с 1835 г.).
- ²⁸ Прокопович Демьян Евстафьевич (?–?) – майор, начальник Чимкентского уезда Сыр-Дарьинской области (1870–1872).
- ²⁹ Логинов Александр Алексеевич (?–?) – полковник, начальник Аулиеатинского (1869–1872), Чимкентского (1872–1883) уездов Сыр-Дарьинской области.
- ³⁰ Зауаффар-хан (1826–1885) – эмир Бухары (с 1860 г.).
- ³¹ Ханыков Николай Владимирович (1822–1878) – историк, этнограф, дипломат, генеральный консул в Тебризе (1854–1857), чл.-корр. АН (с 1852 г.).
- ³² Мейендорф Егор Казимирович (1794–1863) – барон, капитан, находился в составе миссии А.Ф. Негри в Бухару в 1820 г.
- ³³ Леман Александр (1814–1842) – путешественник, участник Хивинской экспедиции 1839 г.
- ³⁴ Борнс (Бёрнс) Александр (Искандер). (1805–1841) – лейтенант, возглавлял экспедицию в Бухару (1831–1832), губернатор Кабула (с 1839 г.).
- ³⁵ Умидов Мирза Хаким (?–?) – парванчи, поверенный в делах кокандского хана при туркестанском генерал-губернаторе (1868–1875), принят на русскую службу с 6 апреля 1876 г.
- ³⁶ Романовский Дмитрий Ильич (1825–1881) – генерал-лейтенант, заведующий Азиатской частью Главного штаба (1859–1862), редактор газеты «Русский инвалид» (1862–1866), военный губернатор Туркестанской области (1866–1867), начальник штаба Казанского военного округа (1867–1871).
- ³⁷ Фендрик – воинский чин 14-го класса в пехоте в 1722–1731 гг.
- ³⁸ Николаев Михаил Никитич (?–?) – полковник, член Совета Туркестанского военного округа в 1870 г.
- ³⁹ Гунос Иван Фёдорович (?–?) – полковник, начальник Кураминского уезда Сыр-Дарьинской области (1872–1876).
- ⁴⁰ За взятки и растраты И.Ф. Гунос в 1881 г. был сослан в Сибирь (см.: *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. СПб., 1906. Т. III. С. 287).
- ⁴¹ Имеется в виду Хивинский поход 1873 г. русских войск под командованием генерала К.П. Кауфмана, в результате которого Российская империя установила протекторат над Хивинским ханством.

- ⁴² Харадж – поземельная подать в размере $\frac{1}{10}$ урожая.
- ⁴³ Танап – сбор с садов, огородов, бахчей и посевов клевера и хлопка.
- ⁴⁴ Мухаммед Рахим-хан (1845–1910) – правитель Хивинского ханства (с 1864 г.).
- ⁴⁵ Якуб-бек (Магомет Якуб-бек Бадаулет) (1820–1877) – правитель государства Йэйтишар (Кашгария).
- ⁴⁶ Катта-тюря (Абдулмалик-хан) (1848–1909) – старший сын бухарского эмира Музаффара.
- ⁴⁷ Стремоухов Николай Петрович (?–?) – служащий Азиатского департамента МИД, сопровождая бухарское посольство, в мае – июле 1874 г. побывал в Бухарском ханстве (см.: *Стремоухов Н.П.* Поездка в Бухару // *Русский вестник*. 1875. № 6. С. 630–695).
- ⁴⁸ Стасюлевич Михаил Матвеевич (1826–1911) – историк, журналист, общественный деятель, профессор Петербургского университета (1858–1861), редактор-издатель журнала «Вестник Европы» (1866–1908).
- ⁴⁹ Макгахан Артур (?–1878) – американский журналист, автор книги о Хивинском походе 1873 г. (см.: *Макгахан А.* Военные действия на Оксусе и падение Хивы. М., 1875).
- ⁵⁰ Черняев Михаил Григорьевич (1828–1898) – генерал-лейтенант, военный губернатор Туркестанской области (1865–1866), туркестанский генерал-губернатор (1882–1884).
- ⁵¹ Алимкул (ок. 1833–1865) – правитель Кокандского ханства (1863–1865).
- ⁵² Вамбери Арминий (Герман) (1832–1913) – венгерский языковед-тюрколог, этнограф.
- ⁵³ См.: *Trench Cap. F.* The Russo-indian question. London, 1869.
- ⁵⁴ Хантер Вильям Вильсон (?–?) – вице-президент королевского Азиатского общества (см.: *Hunter W.W.* The Indian musalmans. London, 1872).
- ⁵⁵ Крыжановский Николай Андреевич (1818–1888) – генерал от артиллерии, начальник Михайловского артиллерийского училища (1857–1861), варшавский (1861–1864), оренбургский (1865–1881) генерал-губернатор.
- ⁵⁶ Пыпин Александр Николаевич (1833–1904) – литературовед, этнограф, академик АН (с 1898 г.).
- ⁵⁷ Котляревский Александр Александрович (1837–1881) – славист, археолог и этнограф, профессор киевского Университета св. Владимира (с 1875 г.), председатель «Общества Нестора летописца» (с 1879 г.). Н.Ф. Петровский был знаком с А.А. Котляревским со времени службы в Александринском сиротском кадетском корпусе, где они оба преподавали русский язык.
- ⁵⁸ Михаил Николаевич (1832–1909) – великий князь, наместник на Кавказе (1862–1881), председатель Государственного совета (1881–1905), почётный член АН (с 1855 г.).
- ⁵⁹ Бутыркин Василий Гаврилович (?–?) – управляющий Иркутской контрольной палатой (1869–1875), Тифлисской контрольной палатой (1876–1901).
- ⁶⁰ Святополк-Мирский Дмитрий Иванович (1825–1899) – князь, генерал от инфантерии, генерал-адъютант, командир 80-го Кабардинского пехотного полка (1857–1859), начальник Терской области (1860–1865), помощник наместника Кавказа, великого князя Михаила Николаевича по военной части (1875–1879).
- ⁶¹ Лобанов-Ростовский Алексей Борисович (1824–1896) – князь, посол в Константинополе (1878–1879), Лондоне (1879–1882), Вене (1882–1895), министр иностранных дел (с 1895 г.).
- ⁶² Франкини Виктор Антонович (1820–1892) – генерал-лейтенант, начальник Кавказского горского управления (1874–1878), военный губернатор Карсской области (1878–1881).
- ⁶³ Суворин Алексей Сергеевич (1834–1912) – журналист и издатель газеты «Новое время» (с 1876 г.), журнала «Исторический вестник» (с 1880 г.).

- ⁶⁴ Абдуррахман-хан (1844–1901) – эмир Афганистана (с 1880 г.), жил в изгнании в Самарканде в 1870–1879 гг. Петровский относился к нему с симпатией и, по случаю отъезда Абдуррахман-хана на родину, поместил в газете «Новое время» от 1 января 1880 г. свою заметку.
- ⁶⁵ Буренин Виктор Петрович (1841–1926) – поэт, публицист, редактор газеты «Новое время».
- ⁶⁶ См.: *Петровский Н.Ф.* Абдуррахман-хан // Новое время. 1880. 1 (13) января. № 1380.
- ⁶⁷ Кобекко Дмитрий Фомич (1837–1918) – историк, директор Общей канцелярии Министерства финансов (1865–1879), Департамента окладных сборов Министерства финансов (1887–1892), член Совета министра финансов (1879–1887 и 1892–1901), директор Императорской Публичной библиотеки (с 1902 г.), чл.-корр. АН (с 1891 г.).
- ⁶⁸ Гирс Фёдор Карлович (1824–1890) – член Совета министра внутренних дел (с 1863 г.), председатель Степной комиссии (1865–1868).
- ⁶⁹ Петровский Николай Николаевич (1869–?) – сын Н.Ф. Петровского.
- ⁷⁰ Возможно, Эрк Николай Владимирович (1849–1908) – хирург, профессор.
- ⁷¹ Маков Лев Савич (1830–1883) – министр внутренних дел (1879–1880), почт и телеграфов (1880–1881), главноначальствующий Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД (1880–1881).
- ⁷² Остен-Сакен Фёдор Романович (1832–1916) – барон, секретарь Императорского Русского географического общества (1865–1871), вице-директор Азиатского департамента МИД (1871–1875), директор Департамента внутренних сношений МИД (1875–1897), член Совета министра иностранных дел (1897–1908), почётный член АН (с 1889 г.).
- ⁷³ Н.Ф. Петровский был назначен членом ревизионной комиссии под руководством Ф.К. Гирса, образованной в 1882 г., по настоянию нового туркестанского генерал-губернатора М.Г. Черняева, для проверки деятельности его предшественника генерала К.П. Кауфмана.
- ⁷⁴ Мельников Александр Александрович (1827–1913) – вице-директор Азиатского департамента МИД (1875–1883), посланник в Тегеране (1883–1886).
- ⁷⁵ Падерин Иннокентий Васильевич (?–1893) – консул в Кульдже (1882–1885), Тяньцзине (1885–1892), Чугучаке (1892–1893).
- ⁷⁶ Вильд Генрих Иванович (1833–1902) – метеоролог, физик, директор Главной физической обсерватории в С.-Петербурге (1868–1895), почётный член АН (с 1895 г.).
- ⁷⁷ Мединский Виктор Юлианович (1837–1908) – генерал-лейтенант, начальник Аулиеатинского уезда (1867–1869), г. Ташкента (1869–1877), Маргеланского уезда (1878–1879), помощник военного губернатора Ферганской области (1879–1895), полномочный комиссар по разграничению Туркестанского генерал-губернаторства от Западного Китая (1882–1884), помощник военного губернатора Самаркандской области (1896–1899), военный губернатор Самаркандской области (1899–1905).
- ⁷⁸ Бунге Николай Христианович (1823–1895) – экономист, министр финансов (1881–1886), академик АН (с 1890 г.).
- ⁷⁹ Ташкент был взят штурмом в ночь на 15 июня 1865 г. отрядом под командованием полковника М.Г. Черняева.
- ⁸⁰ Имеется в виду Петербургский договор 1881 г., заключённый Россией с Китаем.
- ⁸¹ Ермакова (урожд. Семиградова) Софья Ильинична (1829–1885) – жена Н.А. Ермакова (с 1871 г.).
- ⁸² Небольсин Григорий Павлович (1811–1896) – экономист, редактор «Коммерческой газеты» (1830–1859), товарищ министра финансов (1862–1866).
- ⁸³ Зиновьев Иван Алексеевич (1835–1917) – генеральный консул в Румынии (1872–1876), посланник в Персии (1876–1883), начальник Азиатского департамента

- МИД (1883–1891), посланник в Швеции (1891–1897), посол в Турции (1897–1909), почётный член АН (с 1901 г.).
- ⁸⁴ Тухолка Лев Федорович (?–?) – градоначальник Одессы (1881–1882), директор Департамента таможенных сборов Министерства финансов (1882–1894).
- ⁸⁵ Алим-хаджи Юнусов (?–?) – потомственный почётный гражданин, по национальности татарин, выходец из Пензы, проживал в Ташкенте.
- ⁸⁶ Очевидно, имеется в виду участие бухарской делегации в коронационных торжествах, завершившихся 28 мая 1883 г.
- ⁸⁷ Игнатъев Николай Павлович (1832–1908) – граф, генерал от инфантерии, генерал-адъютант, министр внутренних дел (1881–1882).
- ⁸⁸ Несториане – последователи константинопольского патриарха Нестория, осуждённого на Эфесском вселенском соборе 431 г. за ересь.
- ⁸⁹ Петровский Сергей Фёдорович (?–?) – служащий Туркестанской казённой палаты (1880–1907).
- ⁹⁰ Тимур (Тамерлан) (1336–1405) – среднеазиатский государственный деятель, полководец, эмир (с 1370 г.).
- ⁹¹ Лэйярд Остен Генри (1817–1893) – английский политический деятель и археолог, чрезвычайный посол в Константинополе (1877–1881), вёл раскопки Ниневии и Вавилона.
- ⁹² Шлиман Генрих (1822–1890) – немецкий археолог, открывший местонахождение Трои.
- ⁹³ Крестовский Всеволод Владимирович (1840–1895) – писатель, подполковник, старший чиновник особых поручений при туркестанском генерал-губернаторе (1882–1884), редактор журнала «Варшавский дневник» (с 1892 г.).
- ⁹⁴ Толстой Дмитрий Андреевич (1823–1889) – граф, обер-прокурор Синода (1865–1880), министр внутренних дел (с 1882 г.), президент АН (с 1882 г.).
- ⁹⁵ См.: *Петровский Н.Ф.* Очерки Коканского ханства // Вестник Европы. 1875. Кн. 10. С. 722–757.
- ⁹⁶ Новицкий Николай Дементьевич (1833–1906) – генерал-майор, начальник штаба Туркестанского военного округа (1882–1884).
- ⁹⁷ Лютш Яков Яковлевич (1854–?) – секретарь консульства в Кашгаре (1883–1894) – дипломатический чиновник при туркестанском генерал-губернаторе (1899–1902), политический агент в Бухаре (1902–1911), генеральный консул в Сеуле (1911–1921).
- ⁹⁸ Курма – кофта из шерстяной материи с широкими рукавами – часть обмундирования китайского пехотинца; каждое подразделение (лянга) носило курму особого цвета.
- ⁹⁹ Иоакимф (Бичурин Никита Яковлевич) (1777–1853) – китаевед, чл.-корр. АН (с 1828 г.).
- ¹⁰⁰ Блюх Иван Станиславович (1836–1901) – экономист, статистик и финансист.
- ¹⁰¹ Чарыков Николай Валерьевич (1855–1930) – дипломатический чиновник при туркестанском генерал-губернаторе (1883–1885), политический агент в Бухаре (1886–1890).
- ¹⁰² См.: *Петровский Н.Ф.* Из Кашгара // Новое время. 1884. 3(15) апреля. № 2909. Статья подписана псевдонимом «Мусафир» («Странник»).
- ¹⁰³ Должность торгового аксакала была учреждена по китайско-кокандскому договору 1832 г. Он фактически являлся консулом и политическим резидентом кокандского хана в Кашгаре.
- ¹⁰⁴ Маргенс Фёдор Фёдорович (1845–1909) – юрист, дипломат, публицист, профессор международного права Петербургского университета (1873–1905), чл.-корр. АН (с 1908 г.).
- ¹⁰⁵ Шлагинтвейт Адольф (1829–1857) – немецкий географ и альпинист, исследовавший в 1854–1857 гг. Гималаи, Западный Китай. Казнён в Кашгаре 26 августа

- 1857 г. Подробности убийства Шлагинтвейта впервые стали известны благодаря Ч.Ч. Валиханову, сообщившему о них в 1861 г. (см.: *Валиханов Ч.Ч. Сведения об обстоятельствах, способствовавших смерти Адольфа Шлагинтвейта // Валиханов Ч.Ч. Собр. соч.* Алма-Ата, 1985. Т. 4. С. 40–43). В 1888 г., по инициативе Н.Ф. Петровского в Кашгаре был установлен памятник А. Шлагинтвейту.
- ¹⁰⁶ Идаров Сергей Александрович (?–?) – управляющий Туркестанской казённой палатой (1867–1889).
- ¹⁰⁷ Розенбах Николай Оттонович (1836–1901) – генерал от инфантерии, генерал-адъютант, начальник штаба войск гвардии и Петербургского военного округа (1881–1884), туркестанский генерал-губернатор (1884–1889).
- ¹⁰⁸ Захаров Иван Ильич (1814–1885) – китаевед, консул (с 1861 г. – генеральный консул) в Кульдже (1855–1865), профессор Петербургского университета (с 1875 г.).
- ¹⁰⁹ Пясецкий Павел Яковлевич (1843–?) – врач, художник, участник экспедиции в Китай полковника Ю.А. Сосновского в 1874 г., исследовавшей пути из северо-западных областей Китая к границе Семипалатинской области.
- ¹¹⁰ Абрамов Александр Константинович (1836–1886) – генерал-лейтенант, начальник Зеравшанского округа (1868–1877), военный губернатор Ферганской области (1877–1883).
- ¹¹¹ Куропаткин Алексей Николаевич (1848–1925) – генерал от инфантерии, генерал-адъютант, начальник Закаспийской области (1890–1898), военный министр (1898–1904), командир Гренадерского корпуса (1915–1916), туркестанский генерал-губернатор (1916–1917).
- ¹¹² Кун Александр Людвигович (1840–1888) – востоковед, главный инспектор училищ Туркестанского края (1876–1882).
- ¹¹³ Проценко Александр Петрович (1836–?) – генерал от инфантерии, заведующий азиатскими делами Главного штаба (1868–1878), военный губернатор Семипалатинской области (1878–1883), Тургайской области (1883–1887), заведующий Азиатской частью Главного штаба (1891–1898).
- ¹¹⁴ Щербинский Николай Степанович (?–?) – камергер, правитель Канцелярии туркестанского генерал-губернатора (1881–1883).
- ¹¹⁵ Далглиш Эндрю (?–1888) – английский путешественник по Восточному Туркестану в 1885–1886 гг.
- ¹¹⁶ В одном из писем Далглиш сообщал, что «виды английской торговли в Яркенде не благоприятны, так как рынок завален русскими товарами». Английская торговля в Китайском Туркестане «не выдержит удара», нанесённого ей Петербургским договором 1881 г. и «пребыванием в Кашгаре такого русского консула», как Н.Ф. Петровский, который «напрягает все свои усилия к тому, чтобы покровительствовать русской торговле и открыть ей новые рынки». Единственным средством поправить дело Далглиш считал «назначение английского чиновника, обладающего такими качествами», как Н.Ф. Петровский (см.: «Новое время, 1884, 2(14) октября. № 3088).
- ¹¹⁷ Небольсин Александр Григорьевич (1842–1917) – педагог, писатель, меценат, редактор журнала «Техническое образование» (с 1892 г.).
- ¹¹⁸ Цитата из Библии (Исаия 6:10): «Ибо огрубело сердце народа сего, и ушами с трудом слышат» (Синодальный перевод 1876 г.).
- ¹¹⁹ Отчёт был издан: *Петровский Н.Ф. Отчёт о Кашгарии // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии.* СПб., 1886. Вып. 22.
- ¹²⁰ Вяземский Иван Александрович (?–1904) – князь, управляющий Туркестанской контрольной палатой (1883–1895).
- ¹²¹ Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович (1826–1889) – писатель, редактор журнала «Отечественные записки» (1868–1884).

- ¹²² Намёк на присвоенный Н.Ф. Петровскому чин действительного статского советника, равнозначный чину генерал-майора, подразумевавший титулование «Ваше превосходительство».
- ¹²³ Валиханов Чокан (Мухаммед-Ханафия) Чингисович (1835–1865) – казахский просветитель, путешественник, этнограф. В 1858–1859 гг. побывал в Кашгарии, где приобрёл сочинение уйгура Мухаммеда Садыка Кашгарского «Тазкира – и ходжаган» («История династии ходжей в Восточном Туркестане»).
- ¹²⁴ Григорьев Василий Васильевич (1816–1881) – востоковед, профессор Петербургского университета (1863–1878), управляющий Восточным отделением Императорского Русского археологического общества (с 1867 г.), начальник Главного управления по делам печати МВД (1875–1880), чл.-корр. АН (с 1853 г.).
- ¹²⁵ Попов Сергей Иванович (?–?) – консул в Гавре и Руане (1865–1875), генеральный консул в Марселе (1875–1883), посланник в Пекине (1883–1886).
- ¹²⁶ Имеется в виду франко-китайская война 1884–1885 гг., в результате которой Китай признал протекторат Франции над Аннамом (Вьетнам).
- ¹²⁷ Гродеков Николай Иванович (1843–1913) – генерал от инфантерии, военный губернатор Сыр-Дарьинской области (1883–1893), помощник приамурского генерал-губернатора (1893–1898), приамурский генерал-губернатор (1898–1906), туркестанский генерал-губернатор (1906–1908).
- ¹²⁸ Путинцев Степан Романович (?–?) – полковник, начальник г. Ташкента (1883–1892), Ташкентского уезда (1892–1898).
- ¹²⁹ Абдулкарим-бек (?–?) – племянник кокандского Худояр-хана, поднявший против него мятеж в 1875 г., в мае 1876 г. бежал из Ходжента, где находился под надзором русских властей.
- ¹³⁰ Пансад – глава воинского подразделения в 500 человек.
- ¹³¹ Риттер Карл (1779–1859) – географ, профессор Берлинского университета (с 1820 г.), иностранный почётный член АН (с 1835 г.).
- ¹³² Илийский край, занятый русскими войсками, был возвращён Китаю по Петербургскому договору 1881 г.
- ¹³³ Бюцов Евгений Карлович (1837–1904) – посланник в Пекине (1873–1883), Греции (1884–1889), Персии (1889–1897), Швеции (1897–1904).
- ¹³⁴ Политическое агентство в Бухаре было учреждено 12 ноября 1885 г.
- ¹³⁵ Галдинский Николай Ильич (?–?) – чиновник особых поручений при министре внутренних дел (с 1868 г.).
- ¹³⁶ Островский Михаил Николаевич (1827–1901) – министр государственных имуществ (1881–1893), председатель департамента государственных законов Государственного совета (1893–1899), почётный член АН (с 1886 г.).
- ¹³⁷ Рейтерн Михаил Христофорович (1820–1890) – граф, министр финансов (1862–1878), председатель Комитета министров (1881–1886), почётный член АН (с 1863 г.).
- ¹³⁸ Анненков Михаил Николаевич (1935–1899) – генерал от инфантерии, управляющий делами Комитета по передвижению войск железной дорогой и водою Военного министерства.
- ¹³⁹ Иванов Николай Иванович (1837–1906) – коммерции советник, председатель Туркестанского скакового общества (1887–1895), проживал в Ташкенте (с 1879 г.).
- ¹⁴⁰ Имеется в виду Томский университет, открытый в 1880 г.
- ¹⁴¹ Наливкин Владимир Петрович (1852–1918) – старший чиновник особых поручений при туркестанском генерал-губернаторе (1899–1901), помощник военного губернатора Ферганской области (1901–1904), автор «Краткой истории Кокандского ханства» (Казань, 1886), председатель Туркестанского комитета Временного правительства (1917).
- ¹⁴² Рихтер Александр Александрович (1837–1898) – директор Департамента окладных сборов Министерства финансов (1882–1888).

- ¹⁴³ Абдулахад-хан (1857–1910) – эмир Бухары (с 1885 г.).
- ¹⁴⁴ Сантонин – противоглистное средство, изготавливаемое из цитварной полыни.
- ¹⁴⁵ Пржевальский Николай Михайлович (1839–1888) – генерал-майор, знаменитый исследователь Центральной Азии.
- ¹⁴⁶ Александр III (1845–1894) – российский император (с 1881 г.).
- ¹⁴⁷ Фриде Алексей Яковлевич (1838–1896) – генерал-майор, военный губернатор Семиреченской области (1882–1887), ярославский губернатор (с 1887 г.).
- ¹⁴⁸ Шнеур Николай Яковлевич (1848–1894) – полковник, делопроизводитель Военно-учёного комитета Главного штаба (1879–1883), военный агент в Китае (1883–1886), командир 100-го пехотного Островского полка (1893–1894).
- ¹⁴⁹ Лю Цзиньтан (Лю Чжаошай) (1844–1894) – полномочный комиссар по военным делам в Синьцзяне (1881–1884) губернатор провинции Синьцзян (1884–1886), провинций Шэньси и Ганьсу (с 1886 г.).
- ¹⁵⁰ Хаким-хан-тюря – уроженец г. Шахрихан Маргеланского уезда Ферганской области. В 1877 г., после того, как воинство под его командованием было разбито под г. Аксу китайцами, сдался русским властям.
- ¹⁵¹ Скобелев Михаил Дмитриевич (1843–1882) – генерал от инфантерии, генерал-адъютант, начальник Наманганского отдела (1875–1876), военный губернатор Ферганской области (1876–1877), командир 4-го армейского корпуса (с 1878 г.).
- ¹⁵² Соболев Леонид Николаевич (1844–1913) – востоковед, генерал от инфантерии, командир 4-го Сибирского армейского корпуса (1904–1906).
- ¹⁵³ Воронцов Михаил Семёнович (1782–1856) – светлейший князь, генерал-фельд-маршал, генерал-адъютант, генерал-губернатор Новороссии (с 1823 г.), Бессарабии (с 1828 г.), почётный член АН (с 1826 г.).
- ¹⁵⁴ Элиас Ней (1844–1897) – английский исследователь Центральной Азии, генеральный консул в провинциях Хорасан и Сеистан (Персия) (1891–1896).
- ¹⁵⁵ Артур Дуглас Кэри и Эндру Далглиш совершали путешествие по Восточному Туркестану и Тибету в 1885–1886 гг. (см.: *Кэри А.Д.* Путешествие вокруг Китайского Туркестана и вдоль северной границы Тибета // ИРГО. 1888. Т. XXIV. Вып. I. С. 41–64). Во время очередного путешествия в 1888 г. Далглиш был убит.
- ¹⁵⁶ Мария Фёдоровна (1847–1928) – российская императрица (с 1866 г.).
- ¹⁵⁷ Николай II (1868–1918) – российский император (1894–1917).
- ¹⁵⁸ См.: *Mayers W.F.* The Chinese government. London, 1886.
- ¹⁵⁹ Попов Павел Степанович (1842–1913) – филолог, автор «Русско-китайского словаря», изданного в 1879 г., генеральный консул в Пекине (1886–1902), приват-доцент Петербургского университета (с 1902 г.), чл.-корр. АН (с 1890 г.).
- ¹⁶⁰ Первое российское дипломатическое представительство в Индии (консульство) действительно было открыто в Бомбее, но лишь в 1900 г., в Калькутту оно было переведено в 1910 г.
- ¹⁶¹ Балкашин Николай Никанорович (1838–1888) – чиновник особых поручений при Главном управлении Западной Сибири (1875–1882), консул в Чугучаке (1882–1888).
- ¹⁶² Корф Андрей Николаевич (1831–1893) – барон, генерал от инфантерии, генерал-адъютант, приамурский генерал-губернатор (1884–1893).
- ¹⁶³ Громбчевский Бронислав Людвигович (1855–1926) – генерал-майор, исследователь Памира, Северо-Западного Тибета и Кашгарии, начальник Ошского уезда (1892–1895), комиссар по гражданской части Квантунской области (1899–1903), астраханский губернатор (1903–1905). Громбчевский побывал впервые в Кашгарии в августе–ноябре 1885 г. Он занимался съёмкой местности и сбором сведений военного характера. Находясь в Кашгаре, Громбчевский пользовался «радушным и широким гостеприимством» русского консула (*Громбчевский Б.Л.* Отчёт о поездке в Кашгар и Южную Кашгарию в 1885 году. Н. Маргелан, б.г. С. 7).

- ¹⁶⁴ Иванов Николай Александрович (1842–1904) – генерал-лейтенант, начальник Аму-Дарьинского отдела (1873–1877), Зеравшанского округа (1877–1883), военный губернатор Ферганской области (1883–1887), туркестанский генерал-губернатор (1901–1904).
- ¹⁶⁵ Грум-Гржимайло Григорий Ефимович (1860–1936) – географ и зоолог, исследователь Западного Китая, Памира, Тянь-Шаня, Западной Монголии, Тувы, Дальнего Востока. Впервые побывал в Кашгарии в июле 1886 г.
- ¹⁶⁶ Гумбольдт Александр (1769–1859) – немецкий естествоиспытатель, географ и путешественник, иностранный почётный член АН (с 1818 г.).
- ¹⁶⁷ Регель Альберт Эдуардович (Иоанн-Альберт) (1845–?) – путешественник, в 1881–1883 гг. совершил экспедиции в Рушан, Дарваз и Шугнан.
- ¹⁶⁸ Биддалф (Biddulf) Джон (?–?) – майор, политический агент в Гилгите (1877–1881). См.: *Biddulf*. Народы, населяющие Гиндукуш. Асхабад, 1886.
- ¹⁶⁹ Обручев Николай Николаевич (1830–1904) – генерал от инфантерии, профессор Николаевской академии Генерального штаба (1857 г.), управляющий делами Военно-учёного комитета (1867–1881), начальник Главного штаба (1881–1897), почётный член АН (с 1888 г.).
- ¹⁷⁰ 9 августа 1886 г. болгарский князь Александр Баттенберг (1857–1893) был арестован прорусски настроенными офицерами и отрёкся от престола.
- ¹⁷¹ Газан-хан (?–1886) – правитель (тум) Хунзы и Нагара (с 1864 г.).
- ¹⁷² Сафдар Али-хан (?–?) – правитель (тум) Хунзы и Нагара (1886–1891).
- ¹⁷³ Николай Михайлович (1859–1919) – великий князь, генерал от инфантерии, генерал-адъютант, председатель Императорского географического (с 1892 г.) и Императорского исторического (с 1910 г.) обществ, почётный член АН (с 1892 г.). Три первые экспедиции Г.Е. Грум-Гржимайло в 1884–1886 гг. были организованы на средства великого князя Николая Михайловича.
- ¹⁷⁴ Мушкетов Иван Васильевич (1850–1902) – геолог, исследователь Средней Азии, Урала, Кавказа, профессор Горного института в С.-Петербурге (с 1876 г.).
- ¹⁷⁵ Романовский Геннадий Данилович (1830–1906) – геолог и горный инженер, профессор Горного института в С.-Петербурге (1871–1875 и 1879–1896).
- ¹⁷⁶ Рихтгофен Фердинанд Пауль Вильгельм (1833–1905) – немецкий геолог и географ, профессор Боннского (1875–1879), Лейпцигского (1883–1886) и Берлинского (с 1886 г.) университетов.
- ¹⁷⁷ Радлов Василий Васильевич (Фридрих Вильгельм) (1837–1918) – востоковед-тюрколог, этнограф, переводчик, директор Азиатского музея (1885–1890), Музея антропологии и этнографии АН (1894–1918), академик АН (с 1884 г.).
- ¹⁷⁸ Васильев Василий Павлович (1818–1900) – синолог, профессор Казанского (1851–1854), Петербургского (с 1855 г.) университетов, академик АН (с 1886 г.).
- ¹⁷⁹ Хвольсон Даниил (Иосиф) Абрамович (1819–1911) – востоковед-семитолог, профессор Петербургского университета (1855–1894), почётный член АН (с 1908 г.).
- ¹⁸⁰ Кумани Алексей Михайлович (?–?) – генеральный консул в Париже (1876–1880), Софии (1880–1881), Кадиксе (1882–1883), Марселе (1883–1886), посланник в Пекине (1886–1891).
- ¹⁸¹ Ладъженский Николай Федорович (?–?) – первый секретарь миссии в Пекине (1884–1887).
- ¹⁸² Аристов Николай Александрович (1847–?) – востоковед-тюрколог, помощник военного губернатора Семиреченской области (1881–1889).
- ¹⁸³ См.: *Пржевальский Н.М.* Современное положение Центральной Азии // Русский вестник. 1886. № 12. С. 473–524.
- ¹⁸⁴ См.: *Петровский Н.Ф.* Венгерский путешественник по Кашгарии г. Берженчей // Туркестанские ведомости. 1887. 26 мая. № 21.

- ¹⁸⁵ Розен Виктор Романович (1849–1908) – барон, востоковед-арабист, директор Азиатского музея АН (1881–1882), председатель Восточного отделения Императорского Русского археологического общества (с 1885 г.), декан факультета восточных языков Петербургского университета (1893–1902), академик АН (с 1901 г.).
- ¹⁸⁶ Воейков Александр Владимирович (1818–1916) – климатолог и географ, профессор Петербургского университета (с 1885 г.), чл.-корр. АН (с 1910 г.).
- ¹⁸⁷ Адлерберг Александр Владимирович (1818–1888) – генерал от инфантерии, генерал-адъютант, министр императорского двора (1870–1881).
- ¹⁸⁸ Ревиль Альберт (1826–1906) – протестантский богослов, профессор парижского Collège de France.
- ¹⁸⁹ Бонвало (Bonvalot) Пьер-Габриель (1853–1933) – французский путешественник.
- ¹⁹⁰ Экспедиция Г.Е. Грум-Гржимайло была организована на средства графа С.Д. Шереметева (см.: «Только благодаря Вашей помощи...» / Публ. подг. В.Г. Бухерт // Исторический архив. 2006. № 2. С. 178–191).
- ¹⁹¹ 4 февраля 1887 г. Н.Ф. Петровский отослал в Азиатский департамент МИД «Программу наставления и вопросов» для разведчиков из местного населения. Он предлагал образовать при штабе Туркестанского военного округа секретную школу разведчиков, для отправки в Бадахшан, Шугнан, Рушан, Гильгит и Читрал (АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 493. Л. 3 – 3 об.).
- ¹⁹² На этой части письма сохранилась карандашная помета Н.М. Пржевальского: «Нельзя пройти на верблюдах».
- ¹⁹³ Янгхазбанд (Юнгхазбенд) Френсис Эдвард (1863–1942) – поручик драгунской королевской гвардии, впервые побывал в Кашгаре в августе 1887 г., а затем в октябре 1890 г. вместе с Д. Макартни, президент Королевского Географического общества в Лондоне (1919–1922).
- ¹⁹⁴ Шереметев Сергей Дмитриевич (1844–1918) – граф, обер-егермейстер, председатель обществ ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III (с 1895 г.), Археографической комиссии АН (с 1900 г.), почётный член АН (с 1890 г.).
- ¹⁹⁵ Георгиевский Сергей Михайлович (1851–1893) – историк-китаевед, приват-доцент (с 1886 г.), профессор (с 1890 г.) Петербургского университета.
- ¹⁹⁶ Бекович-Черкасский (Девлет-Кизден-Мурза) Александр (?–1717) – кабардинский князь, в 1717 г. возглавил русскую экспедицию в Хиву.
- ¹⁹⁷ Перовский Василий Алексеевич (1795–1857) – граф, генерал от кавалерии, командир Оренбургского корпуса (1832–1842 и с 1851 г.).
- ¹⁹⁸ Чингисхан (ок. 1555–1227) – основатель и великий хан Монгольской империи (с 1206 г.).
- ¹⁹⁹ См.: *Симон Ж.* Срединное царство. СПб., 1886.
- ²⁰⁰ Гюк (Нус) Эварист Режиc (1813–1860) – французский миссионер в Китае (1839–1852), путешественник.
- ²⁰¹ См.: *Гюк Э.Р., Габе Ж.* Путешествие через Монголию в Тибет к столице Талай-ламы. М., 1866.
- ²⁰² Вахович Александр-Августин Стефанович (?–?) – 2-й драгоман российской миссии в Пекине.
- ²⁰³ Шишмарёв Яков Парфентьевич (1834–1915) – консул (с 1881 г. генеральный консул) в Урге (1865–1911).
- ²⁰⁴ На этой части письма сохранилась карандашная помета Н.М. Пржевальского: «Это лучше не показывать в Азиат[ском] департаменте».
- ²⁰⁵ Фельдман Фёдор Александрович (1835–1902) – генерал от инфантерии, заведующий курсами восточных языков при Азиатском департаменте МИД, управляющий делами Военно-учёного комитета Главного штаба (1881–1896), директор Императорского Александровского лицея (1896–1900).

- ²⁰⁶ Н.Ф. Петровский составил программу «Спутника путешественников в малоисследованных странах», которую 31 октября 1888 г. выслал Ф.А. Фельдману.
- ²⁰⁷ Гирс Николай Карлович (1820–1895) – дипломат, министр иностранных дел (с 1882 г.).
- ²⁰⁸ Брандт Макс Август Сципион (1835–?) – германский дипломат, посланник в Пекине (1875–1893).
- ²⁰⁹ Цзунлиямынь (Главное управление по иностранным делам) – ведомство Китая, ведавшее сношениями с зарубежными странами.
- ²¹⁰ Имеется в виду книга Н.М. Пржевальского «От Кяхты на истоки Жёлтой реки» (СПб., 1888).
- ²¹¹ В 1888 г. был введён в строй участок Закаспийской железной дороги от Чарджуя до Самарканда.
- ²¹² Имеется в виду Туркестанская выставка сельского хозяйства и промышленности.
- ²¹³ Вышнеградский Иван Александрович (1831/32–1895) – министр финансов (1888–1892), почётный член АН (с 1888 г.).
- ²¹⁴ Шатилов Иосиф Николаевич (1824–1889) – президент Московского общества сельского хозяйства (с 1864 г.).
- ²¹⁵ Вревский Александр Борисович (1834–1910) – барон, генерал-лейтенант, начальник штаба Одесского военного округа (1884–1889), туркестанский генерал-губернатор (1889–1898).
- ²¹⁶ Ибрагимов Шахимардан (Шашмурат) Мирясович (1840–1891) – редактор «Туркестанской туземной газеты» (с 1870 г.), дипломатический чиновник при туркестанском генерал-губернаторе (1878–1881), консул в Джидде (с 1890 г.).
- ²¹⁷ Жданов Митрофан Григорьевич (1847–1916) – дипломатический чиновник при туркестанском генерал-губернаторе (1881–1883), делопроизводитель Азиатского департамента (1884–1898), генеральный консул в Смирне (1903–1906), Лионе (1911–1914).
- ²¹⁸ Вейнберг Аркадий Августович (?–1878) – дипломатический чиновник при туркестанском генерал-губернаторе (с 1873 г.).
- ²¹⁹ Блан Эдуард (?–?) – инспектор лесов во Франции. Ему было поручено ознакомиться с работами, произведёнными русскими инженерами для защиты Закаспийской железной дороги от песчаных заносов. В Кашгар он приехал в октябре 1890 г. (АВПРИ. Ф.147. Оп. 491. Д. 1731. Л. 10).
- ²²⁰ Ванновский Пётр Семенович (1822–1904) – генерал от инфантерии, генерал-адъютант, военный министр (1882–1897), министр народного просвещения (1901–1902), почётный член АН (с 1888 г.).
- ²²¹ Фрейсине Шарль Луи (1829–1923) – военный министр Франции (1888–1897).
- ²²² Макартни Джордж (1867–1945) – специальный помощник кашмирского резидента по китайским делам (1893–1908), консул (с 1910 г. генеральный консул) Великобритании в Кашгаре (1908–1918). Макартни обосновался в Кашгаре с марта 1893 г. (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1 Д. 1689. Л. 19).
- ²²³ Голицын Григорий Сергеевич (1838–1907) – генерал от инфантерии, генерал-адъютант, главноначальствующий на Кавказе (1897–1904).
- ²²⁴ Гедин (Хедин) Свен Андерс (1865–1952) – шведский путешественник. В 1890 г. состоял в миссии, посланной шведским королём Оскаром II к персидскому шаху, и тогда же посетил Кашгар. В 1893–1897 гг. побывал на Памире, в Тибете, Восточном Туркестане.
- ²²⁵ Оскар II (1829–1907) – король Швеции (с 1872 г.) и Норвегии (1872–1905).
- ²²⁶ Фогель Густав Густавович (1851–1894) – доктор медицины, старший ординатор Ташкентского госпиталя. (О нём см.: Туркестанские ведомости. 1894. 9(21) июня. № 41), его именем назван посёлок Фогелево на юге Казахстана.

- ²²⁷ Кох Роберт (1843–1910) – немецкий микробиолог, иностранный чл.-корр. АН (с 1884 г.).
- ²²⁸ Ф.Р. Остен-Сакен побывал в Кашгарии в июле 1867 г., с экспедицией полковника В.А. Полторацкого.
- ²²⁹ Дёфферин и Ава Фредерик (1826–1902) – маркиз, английский дипломат, генерал-губернатор Канады (1872–1878), посол в С.-Петербурге (1879–1881), Константинополе (с 1881 г.), вице-король Индии (1884–1888), посол в Риме (1888–1892), Париже (с 1892 г.).
- ²³⁰ Ионов Михаил Ефремович (1846–1923) – генерал от инфантерии, начальник Ошского уезда Ферганской области (1876–1884), военный губернатор Семиреченской области (1899–1907). М.Е. Ионов возглавлял экспедиции, посланные на Памир в 1891 и 1892 гг. Отряд под его командованием должен был продемонстрировать притязания России на этот край.
- ²³¹ Капнист Дмитрий Алексеевич (1837–1904) – граф, директор Азиатского департамента МИД (1891–1897).
- ²³² Кассини Артур Павлович (1835–1919) – граф, посланник в Пекине (1891–1897), посол в САСШ (1897–1905), Испании (1905–1909).
- ²³³ Шишкин Николай Павлович (1830–1902) – консул в Адрианополе (1861–1863), генеральный консул в Белграде (1863–1875), посол в САСШ (1875–1880), Греции (1880–1884), Швеции (1884–1891), товарищ министра иностранных дел (1891–1896), управляющий МИД (1896–1897).
- ²³⁴ Веселовский Николай Иванович (1848–1918) – археолог и востоковед, профессор Петербургского университета (с 1890 г.), чл.-корр. АН (с 1914 г.).
- ²³⁵ Тизенгаузен Владимир Густавович (1825–1902) – барон, нумизмат.
- ²³⁶ Никонов Михаил Николаевич (1832–1902) – директор Департамента личного состава и хозяйственных дел МИД (1884–1897).
- ²³⁷ Виткевич Иван (Ян) Викторович (1809–1839) – адъютант оренбургского военного губернатора, политический агент России в Афганистане (1837–1838).
- ²³⁸ Семёнов-Тян-Шанский Пётр Петрович (1827–1914) – знаменитый географ, статистик, путешественник, вице-председатель Императорского Русского географического общества (с 1873 г.), президент Русского энтомологического общества (с 1890 г.), почётный член АН (с 1873 г.).
- ²³⁹ Певцов Михаил Васильевич (1843–1902) – генерал-майор. После смерти Н.М. Пржевальского возглавил организованную им экспедицию 1889–1890 гг. в Кашгарию, Куньлунь и Тибет.
- ²⁴⁰ Б.Л. Громбчевский передал Ф.Р. Остен-Сакену датированную 20 марта 1891 г. записку. В ней он предлагал на случай войны с Афганистаном занять, как стратегически важный, контролируемый афганцами район озера Шива за рекой Пяндж (РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 382. Л. 3 об.).
- ²⁴¹ Гранвилль Джордж (1815–1891) – граф, министр иностранных дел и колоний Великобритании (1870–1874, 1880–1885 и 1886).
- ²⁴² В январе 1873 г. Россия официально признала позицию Англии, считавшей Бадахшан и Вахан частью Афганистана, а в 1883 г. афганцы заняли Шугнан и Рушан.
- ²⁴³ Галкин Александр Семёнович (1855–?) – генерал-лейтенант, начальник Аму-Дарьинского отдела (1896–1903), военный губернатор Семипалатинской (1903–1907), Самаркандской (1908–1911), Сыр-Дарьинской (1911–1916) областей, начальник 5-й пехотной дивизии (1916).
- ²⁴⁴ Протокол о разграничении на Памире датирован 22 мая 1884 г., а не 1882 г., как пишет Н.Ф. Петровский.
- ²⁴⁵ Императорское российское консульство в Кашгаре было преобразовано в генеральное 14 марта 1895 г.

- ²⁴⁶ Иващенко Анатолий Павлович (1842–1906) – товарищ министра финансов (1892–1897), товарищ государственного контролёра (1897–1901).
- ²⁴⁷ Витте Сергей Юльевич (1849–1915) – министр финансов (1892–1903), председатель Комитета министров (1903–1905), Совета министров (1905–1906), почётный член АН (с 1893 г.).
- ²⁴⁸ Пантусов Николай Иванович (1849–1908) – этнограф, фольклорист, географ и археолог, заведующий канцелярией (с 1883 г. чиновник особых поручений) при военном губернаторе Семиреченской области.
- ²⁴⁹ Гассер Рудольф (1829–1904) – барон, посланник Баварии в России (1884–1904).
- ²⁵⁰ См.: *Петровский Н.Ф.* Загадочные яркендские монеты // ЗВОРАО. 1893. Т. VII. Вып. I–IV. С. 307–310.
- ²⁵¹ Потанин Григорий Николаевич (1835–1920) – исследователь Центральной Азии и Сибири, совершил ряд экспедиций на озеро Зайсан, в горы Тарбагатай, в Монголию, Туву, Северный Китай, Тибет, на Большой Хинган.
- ²⁵² См.: *Потанин Г.Н.* Пи-линь-сы // Исторический вестник. 1892. Т. XLVIII. С. 390–405.
- ²⁵³ Абу-Бекр (572–634) – первый халиф (с 632 г.) в Арабском халифате.
- ²⁵⁴ Каргин Леонтий Севастьянович (1863–1905) – хорунжий 6-го Оренбургского казачьего полка (1891–1892).
- ²⁵⁵ Стычка с афганцами произошла 12 июля 1892 г. у озера Яшиль-Куль. О ней Н.Ф. Петровский узнал из письма к нему Б.Л. Громбчевского.
- ²⁵⁶ Имеется в виду восстание в афганском Хазараджате, начавшееся в апреле 1892 г. и надолго приковавшее к себе внимание эмира Абдурахман-хана (*Ромодин В.А.* Афганистан во второй половине XIX – начале XX в. М., 1990. С. 109–110.).
- ²⁵⁷ Хованский Алексей Андреевич (1814–1899) – издатель-редактор журнала «Филологические записки» (с 1861 г.).
- ²⁵⁸ Вероятно, к А.А. Котляревскому.
- ²⁵⁹ Буслав Фёдор Иванович (1818–1897) – филолог и искусствовед, профессор Московского университета (1861–1881), академик АН (с 1860 г.).
- ²⁶⁰ Чернышевский Николай Гаврилович (1828–1889) – публицист, литературный критик, писатель.
- ²⁶¹ Кожанчиков Дмитрий Ефимович (1820[1821?] – 1877) – книготорговец, петербургский купец.
- ²⁶² На этом письме сохранились карандашные пометы заведующего азиатскими делами Главного штаба А.П. Проценко: «Отряд уже усилен, и в тылу его поставлен резерв, в Алайской долине».
- ²⁶³ Помета Проценко: «Едва ли».
- ²⁶⁴ Помета Проценко: «Это уже сделано».
- ²⁶⁵ Помета Проценко: «Китайцы уже отступили из Акташа с Памира».
- ²⁶⁶ Помета Проценко: «Это было до движения наших резервов к Памирам. Вообще, мы имеем силу достаточную, чтобы выбросить китайцев с Памиров и угрожать самому Кашгару. Мы можем спокойно дожидаться закрепления за нами горного края. У соседей ни у кого нет силы вытеснить нас с Памиров. Лишь МИД несколько колеблет наше положение своими неуверенными переговорами и некоторыми возражениями м[инистер]ству Военному».
- ²⁶⁷ Ольденбург Сергей Фёдорович (1863–1934) – востоковед, профессор Петербургского университета (1895–1900), академик (с 1900 г.), непреходящий секретарь (1904–1929) АН, директор Азиатского музея (1916–1930), Института востоковедения (с 1930 г.) АН.
- ²⁶⁸ Астарта (Аштарг) – в древнефиникийской мифологии богиня плодородия, материнства и любви.
- ²⁶⁹ Вильямс Монье (1819–1899) – английский санскритолог, профессор Оксфордского университета.

- ²⁷⁰ Тилло Алексей Андреевич (1839–1899/1900) – геодезист, картограф, генерал-лейтенант, чл.-корр. АН (с 1892 г.).
- ²⁷¹ Бисмарк Отто фон Шёнхаузен (1815–1898) – князь, канцлер Германской империи (1871–1890).
- ²⁷² В 1892 г. в устье р. Ак-Байтал был основан пост Памирский. Осенью 1894 г. афганцы были вытеснены из Хорога, ставшего в 1897 г. штаб-квартирой Памирского отряда.
- ²⁷³ Прикомандированному к Генеральному штабу штабс-капитану лейб-гвардии Преображенского полка С.П. Ванновскому (1869–1914) в июле 1893 г. было поручено разведать путь из Рушана в Дарваз. 30 августа 1893 г. у кишлака Имц (Рушан) отряд Ванновского (16 человек) вступил в перестрелку с ротой афганцев. Потеряв убитыми 8 человек, афганцы отступили.
- ²⁷⁴ Бартольд Василий Владимирович (1869–1930) – историк, филолог, востоковед, приват-доцент (с 1901 г. профессор) Петербургского университета (1896–1930), академик АН (с 1913 г.).
- ²⁷⁵ Дудин Самуил Мартынович (1863–1929) – художник и этнограф.
- ²⁷⁶ Это была первая научная командировка Бартольда в Среднюю Азию. Экспедиция всё же состоялась. С. М. Дудин совершил поездку в Чуйскую долину и вокруг озера Иссык-Куль.
- ²⁷⁷ Дао Мо (?–?) – генерал-губернатор провинции Синьцзян (1891–1896).
- ²⁷⁸ Гуансюй (Цзай-Тянь) (1871–1908) – император Китая (с 1875 г.).
- ²⁷⁹ Дюранд Генри Мортимер (?–?) – полковник, британский агент в Гилгите (1889–1894), военный секретарь при вице-короле Индии (1894–1899), возглавлял миссию в Афганистан в 1893 г., заключившую соглашение о демаркации границы между Британской Индией и Афганистаном.
- ²⁸⁰ Игнатъев Владимир Иванович (1853–1902) – политический агент в Бухаре (с 1895 г.).
- ²⁸¹ Дютрейль де Рэн Жюль (1853–1894) – французский путешественник; в 1891–1894 гг. путешествовал с Ф. Гренаром по Восточному Туркестану и Тибету.
- ²⁸² Мартен Жозеф Наполеон (1848–1892) – французский путешественник, в 1888–1891 гг. путешествовал по Восточному Туркестану, умер в Новом Маргелане.
- ²⁸³ До своего назначения в Пекин А.П. Кассини служил в Гамбурге.
- ²⁸⁴ Виктория (1819–1901) – королева Великобритании (с 1837 г.), императрица Индии (с 1876 г.).
- ²⁸⁵ См.: *Dunmore A. 7th Earl of the Pamirs. 2 vols. London, 1893.*
- ²⁸⁶ 11 июля 1894 г. Я.Я. Лютш обратился к Н.Ф. Петровскому с заявлением о намерении оставить службу в Кашгаре (АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 1895. Л. 87 – 87 об.).
- ²⁸⁷ Поло Марко (ок. 1254–1324) – итальянский путешественник.
- ²⁸⁸ Гернле Рудольф (1841–?) – английский востоковед, профессор Калькуттского университета.
- ²⁸⁹ Ивановский Алексей Осипович (1863–1903) – китаевед, профессор Петербургского университета.
- ²⁹⁰ Ремюза Жан Пьер (1788–1832) – французский востоковед.
- ²⁹¹ Герценштейн Соломон Маркович (1854–1894) – зоолог, учёный хранитель Зоологического музея АН (с 1880 г.).
- ²⁹² Вебер Альбрехт-Фридрих (1825–1901) – немецкий востоковед, профессор Берлинского университета.
- ²⁹³ См.: Предисловие к наст. изд., прим. 131.
- ²⁹⁴ Козлов Пётр Кузьмич (1863–1935) – исследователь Центральной Азии, академик АН УССР (с 1928 г.).
- ²⁹⁵ Нотович Николай Александрович (1858–?) – военный журналист, публицист, путешественник, поэт, автор опубликованной в Париже в 1894 г. книги «Неизвестная жизнь Иисуса Христа».

- ²⁹⁶ Мюллер Макс (1823–1900) – английский филолог-востоковед, профессор Оксфордского университета.
- ²⁹⁷ Ростовцев Николай Яковлевич (1831–1897) – граф, полковник, «главный распорядитель» при великом князе Николае Константиновиче (1877–1880), начальник штаба 8-го армейского корпуса (1883–1890), военный губернатор Самаркандской области (с 1891 г.).
- ²⁹⁸ Носович Сергей Иванович (?–1897) – генерал-лейтенант, начальник Джизакского уезда Сыр-Дарьинской области (1870–1871), чиновник особых поручений при туркестанском генерал-губернаторе (1876–1881), иркутский губернатор (1882–1886).
- ²⁹⁹ Шады-бек (?–?) – правитель Кштута (с 1868 г.).
- ³⁰⁰ Н.Ф. Петровский осуществил перевод и издание книги австрийского востоковеда А. Шпренгера «Die Post-und Reiserouten des Orients», изданной в Лейпциге в 1864 г. (см.: *Петровский Н.Ф.* Древние арабские дорожники по среднеазиатским местностям, входящим в состав русских владений. Ташкент, 1894).
- ³⁰¹ Идриси (1100–1161 или 1165) – арабский путешественник по Пиренейскому полуострову, Франции, Англии, Малой Азии.
- ³⁰² Сутук Бугра-хан (?–955) – основатель династии Караханидов.
- ³⁰³ Хорошкин Михаил Павлович (1844–1898) – генерал-лейтенант, военный губернатор Забайкальской области (1888–1893), начальник штаба Туркестанского военного округа (1893–1896), начальник 40-й пехотной дивизии (с 1896 г.).
- ³⁰⁴ В октябре 1894 г. Д.Ф. Кобеко посетил Кашгар, где ознакомился с положением торговли (см.: АВПИР. Ф. 143. Оп. 491. Д. 476. Л. 90 – 93 об.).
- ³⁰⁵ Нижельский Владимир Аполлинарьевич (?–?) – помощник начальника Ферганской таможни в 1895 г.
- ³⁰⁶ Затвардницкий Николай Антонович (?–?) – генерал-майор, начальник Туркестанского таможенного округа (1895–1901).
- ³⁰⁷ Ма Хуалун (?–1871) – руководитель восстания дунган в округе Нинся провинции Ганьсу в 1863 г.
- ³⁰⁸ Лапин Сер-Али (?–?) – казах-переводчик при самаркандском военном губернаторе, автор «Карманного русско-узбекского словаря» (Самарканд, 1895).
- ³⁰⁹ Восстание дунган началось весной 1895 г. к югу от г. Ланьчжоу (провинция Ганьсу) и продолжалось до осени 1896 г. Первые сведения о восстании дунган были получены летом 1895 г. (см.: Туркестанские ведомости. 1895. 22 июня (4 июля). № 44).
- ³¹⁰ См.: *Гейнс А.К.* О восстании мусульманского населения или дунганей в Западном Китае // ИРГО. 1866. Т. II.
- ³¹¹ Имеется в виду «Комиссия по разграничению Памиров с Афганистаном».
- ³¹² Жомини Антуан Анри (Генрих Вениаминович) (1779–1869) – военный теоретик и историк, генерал от инфантерии.
- ³¹³ Грюнведель Альберт (1856–1935) – немецкий археолог.
- ³¹⁴ Венюков Михаил Иванович (1832–1901) – географ и этнограф, генерал-майор, с 1877 г. в эмиграции.
- ³¹⁵ Лисовский Дмитрий Львович (?–?) – вице-директор Азиатского департамента МИД (1888–1895), чиновник особых поручений при министре иностранных дел (1896–1900).
- ³¹⁶ Губастов Константин Аркадьевич (1845–1919) – историк-генеалог, генеральный консул в Вене (1885–1896), вице-директор Азиатского департамента МИД (1896–1897), министр-резидент в Черногории (1897–1900), Риме (1900–1904), посланник в Сербии (1904–1906), товарищ министра иностранных дел (1906–1907).
- ³¹⁷ Николай Николаевич (Старший) (1831–1891) – великий князь, генерал-фельдмаршал, генерал-инспектор по инженерной части и генерал-инспектор кавалерии, почётный член АН (с 1855 г.).

- ³¹⁸ Лессар Павел Михайлович (1851–1905) – политический агент в Бухаре (1890–1895), посланник в Пекине (с 1901 г.).
- ³¹⁹ Залеман Карл Германович (1849–1916) – филолог, академик АН (с 1895 г.).
- ³²⁰ Успенский Виктор Матвеевич (1845–?) – консул в Кульдже (1885–1897).
- ³²¹ Колоколов Сергей Александрович (1868–1921) – консул в Кашгаре (1904–1909), генеральный консул в Мукдене (1910–1916).
- ³²² Генрих (1867–1901) – принц Орлеанский, путешественник.
- ³²³ Шпейер Алексей Николаевич (?–?) – первый секретарь миссии в Персии (1890–1895), поверенный в делах и генеральный консул в Корее (1895–1897), поверенный в Пекине (1897–1898).
- ³²⁴ Ламанский Владимир Иванович (1833–1914) – историк, филолог, этнограф, профессор Петербургского университета (с 1871 г.), академик АН (с 1900 г.).
- ³²⁵ Плансон-Ростков Георгий Антонович (1859–?) – делопроизводитель Первого (Азиатского) департамента МИД (1891–1902), генеральный консул в Сеуле (1906–1908), поверенный в делах и генеральный консул в Сиаме (1910–1916), посланник в Швейцарии (1916–1917).
- ³²⁶ Коббольд Ральф Паттесон (?–?) – капитан, английский политический агент в Кашмире, автор изданной в Лондоне в 1900 г. книги «Innermost Asia» («Сокровенная Азия»). В конце октября 1897 г. Коббольд, вместе с капитаном Г. Дизи прибыли в Восточный Туркестан. Выдавая себя за частное лицо, Коббольд отправился на Памир, но был задержан 11 июня 1898 г. русскими военными в Рушане и вынужден был вернуться в Кашгар, вня в неудаче своей миссии Н.Ф. Петровского.
- ³²⁷ Бильдерлинг Александр Александрович (1846–1912) – барон, генерал от кавалерии, художник, помощник начальника Главного штаба (1891–1898), командир 17-го армейского корпуса (1899–1905).
- ³²⁸ См.: *Бартольд В.В.* Рец на кн.: Cahun. Introduction à l'histoire de l'Asie // ЖМНП. 1896. Ч. CCCV. № 6. С. 366–384.
- ³²⁹ Павлов Александр Иванович (1860–?) – секретарь миссии в Пекине (1894–1898), поверенный в делах и генеральный консул в Сеуле (1898–1902), посланник в Сеуле (1902–1904).
- ³³⁰ Гирс Михаил Николаевич (1856–1932) – посланник в Бразилии (1895–1898), Пекине (1898–1901), Баварии (1902–1903), Румынии (1904–1911), посол в Константинополе (1911–1914), Риме (с 1915 г.).
- ³³¹ Ильминский Николай Иванович (1822–1891) – профессор Казанской духовной академии и Казанского университета (1861–1872), директор Казанской инородческой семинарии (1872–1891).
- ³³² Победоносцев Константин Петрович (1827–1907) – профессор Московского университета (1860–1865), обер-прокурор Синода (1880–1905), почётный член АН (с 1880 г.).
- ³³³ Духовской Сергей Михайлович (1838–1901) – генерал от инфантерии, военный губернатор Эрзерумской области в 1878 г., начальник штаба Московского военного округа (1879–1893), приамурский (1893–1898), туркестанский (с 1898 г.) генерал-губернатор (1898–1901).
- ³³⁴ Корольков Николай Иванович (1837–1906) – генерал-лейтенант, начальник г. Коканда (1876–1877), военный губернатор Ферганской области (1887–1893), Сыр-Дарьинской области (1893–1905).
- ³³⁵ Имеется в виду «Андижанское восстание» в мае 1898 г. Исполнявшим обязанности туркестанского генерал-губернатора Н.И. Корольковым был составлен «Отчёт по расследованию обстоятельств восстания туземцев Ферганской области в мае 1898 г.», датированный 3 августа 1898 г.
- ³³⁶ Мадали (Мухаммед Али), ишан (Дукчи Ишан) (?–1898) – возглавлял «Андижанское восстание» в 1898 г.

- ³³⁷ Канчи-бек (?–1895) – алайский волостной старшина, сын «царицы Алая» Курбан джан-датха (1811–1907), был казнён в г. Ош 2 марта 1895 г.
- ³³⁸ Кан Ювей (1858–1927) – учёный, возглавивший движение за реформы в Китае.
- ³³⁹ Цыси (1835–1908) – маньчжурская императрица, фактически стоявшая у власти в Китае с 1861 г.
- ³⁴⁰ Писаренко Александр Семёнович (?–?) – генерал-майор, помощник начальника штаба Туркестанского военного округа.
- ³⁴¹ См.: *De Bourbel. Routes in Jammu and Kaschmir*. Calcutta, 1897.
- ³⁴² Романов Пётр Михайлович (1851–1911) – директор Общей канцелярии министра финансов (1892–1897), товарищ министра финансов (1897–1905).
- ³⁴³ Таубе Максим Антонович (1826–1910) – барон, генерал от кавалерии, генерал-губернатор Степного края (1889–1900).
- ³⁴⁴ Буш Мориц (1821–1899) – немецкий писатель.
- ³⁴⁵ Вильгельм I Гогенцоллерн (1797–1888) – прусский король (с 1861 г.) и германский император (с 1871 г.).
- ³⁴⁶ Нестеровский Константин Александрович (?–?) – управляющий Канцелярией туркестанского генерал-губернатора (1883–1899).
- ³⁴⁷ Стааль Егор Егорович (1824–1907) – барон, посланник в Вюртемберге (1871–1884), Бадене и Баварии (1884–1884), посол в Великобритании (1884–1903).
- ³⁴⁸ См.: *Гедин С.* В сердце Азии. Памир. Тибет. Восточный Туркестан. СПб., 1899.
- ³⁴⁹ Гарtwig Николай Генрихович (1853–1914) – директор Первого (Азиатского) департамента МИД (1900–1906), посланник в Персии (1906–1909), Сербии (1909–1914).
- ³⁵⁰ Гедин побывал в Кашгаре в августе–сентябре 1899 г., а затем отправился в Тибет. В Кашгар он вернулся из путешествия 14 мая 1902 г. и снова встретился с Н.Ф. Петровским.
- ³⁵¹ Корнилов Лавр Георгиевич (1870–1918) – генерал от инфантерии, Верховный главнокомандующий русской армией (1917).
- ³⁵² Яо Инци (?–?) – генерал-губернатор провинции Синьцзян (1896–1902).
- ³⁵³ Имеются в виду маршрутные съёмки, проводившиеся в Восточном Туркестане капитаном Генерального штаба Л.Г. Корниловым. В письме В.В. Сахарову от 9 мая 1900 г. Н.Ф. Петровский писал, что Корнилову следует «если не отложить, до времени, свои поездки по стране, то, по крайней мере, начать их не с Сары-кола, а с таких мест, по поводу посещения которых подозрительность китайских властей не может быть возбуждена» (РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1561. Л. 8).
- ³⁵⁴ Белявский Николай Николаевич (1846–?) – генерал-лейтенант, начальник штаба Туркестанского (1897–1899) и Кавказского (1899–1904) военных округов.
- ³⁵⁵ Имеется в виду С.А. Колоколов.
- ³⁵⁶ Евреинов Михаил Дмитриевич (1851–?) – генерал-лейтенант, начальник штаба Туркестанского военного округа (1904–1906), начальник Закаспийской области (1908–1910).
- ³⁵⁷ Остроумов Николай Петрович (1844–1930) – директор Туркестанской учительской семинарии (с 1879 г.), Ташкентской мужской гимназии (с 1883 г.), редактор «Туркестанской туземной газеты»
- ³⁵⁹ Ольденбург Сергей Сергеевич (1888–1940) – публицист.
- ³⁵⁹ Чернышёв Феодосий Николаевич (1856–1914) – геолог и палеонтолог, академик АН (с 1899 г.).
- ³⁶⁰ Пельо Поль (1878–1945) – французский археолог.
- ³⁶¹ Стейн (Stein) Аузел (1862–1943) – английский археолог, профессор Калькуттского университета.
- ³⁶² Вельяминов-Зернов Владимир Владимирович (1830–1904) – историк-востоковед, археолог, лингвист, нумизмат, академик (с 1861 г.), почётный член (с 1890 г.) АН.

- ³⁶³ Срезневский Измаил Иванович (1812–1880) – филолог славист, этнограф, академик АН (с 1851 г.).
- ³⁶⁴ Гобино Жозеф Артур де (1816–1882) – французский социолог и писатель.
- ³⁶⁵ Димитрий (Давид Ильич Абашидзе) (1867–1913) – епископ Туркестанский и Ташкентский (1906–1912).
- ³⁶⁶ Маркс Карл (1818–1883) – основоположник научного коммунизма.
- ³⁶⁷ Бокль Генри Томас (1821–1862) – английский историк и социолог-позитивист.
- ³⁶⁸ Мошешотт Якоб (1822–1893) – немецкий физиолог и философ.
- ³⁶⁹ Дарвин Чарльз Роберт (1809–1882) – английский естествоиспытатель, чл.-корр. АН (с 1867 г.).
- ³⁷⁰ Нижеследующая часть письма датирована 19 декабря.
- ³⁷¹ Пославский Илья Титович (1853–1914) – востоковед, генерал-лейтенант, помощник начальника инженеров Туркестанского военного округа (с 1903 г.).
- ³⁷² См.: *Веселовский Н.И.* Ещё об оссуариях // ЗВОРАО. 1907. Т. XVII. С. 176–180.
- ³⁷³ Калмыков Андрей Дмитриевич (1870–1931) – востоковед, дипломатический чиновник при туркестанском генерал-губернаторе (1907–1911).
- ³⁷⁴ Мустафин Владимир Андреевич (1867–1933) – генерал-майор, управляющий Канцелярией туркестанского генерал-губернатора (1906–1911).
- ³⁷⁵ Маев Николай Александрович (1835–1896) – майор, редактор «Туркестанских ведомостей» (1870–1892).
- ³⁷⁶ Сосновский Юлиан Адамович (1842–1897) – генерал-майор, возглавлял «учено-торговую» экспедицию в Китай в 1874–1875 гг.
- ³⁷⁷ 9 февраля 1877 г. товарищ министра финансов И.И. Шамшин сообщил военному министру Д.А. Милютину об отказе выдать просимые Н.А. Маевым на экспедицию 7 тысяч рублей. По этой причине экспедиция не состоялась (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 474. Л. 14).
- ³⁷⁸ Публикуется по изданию: *Петровский Н.Ф.* Наставление и программа вопросов для туземных разведчиков, посылаемых в малоизвестные страны Средней Азии. [СПб., 1887].
- ³⁷⁹ 27 февраля 1891 г. Н.Ф. Петровский предлагал китайским властям увеличить сбыт китайского чая в Среднюю Азию и Кашгарию, закрыв тем самым рынок для чая из Британской Индии.
- ³⁸⁰ Базили Александр Константинович (1846–1902) – гофмейстер, директор Азиатского (Первого) департамента МИД (1897–1900), старший советник МИД (с 1900 г.).
- ³⁸¹ Должности драгомана и врача генерального консульства в Кашгаре были учреждены 6 июня 1908 г.
- ³⁸² Ликейские (ныне Окинава) острова, с 1876 г. в составе Японии.
- ³⁸³ Пастер Луи (1822–1895) – французский учёный, основоположник современной микробиологии и иммунологии, иностранный почётный член АН (с 1893 г.).
- ³⁸⁴ Константин Константинович (1858–1915) – генерал от инфантерии, генерал-адъютант, главный начальник (с 1900 г.), генерал-инспектор (с 1910 г.) военно-учебных заведений, президент АН (с 1889 г.).
- ³⁸⁵ То есть со времени начала японско-китайской войны 1894–1895 гг.
- ³⁸⁶ Об ином отношении к деятельности Н.Ф. Петровского свидетельствует следующее письмо:
Л.Г. Корнилов – М.Д. Евреинову
Кашгар. 4 апреля 1901 г.
Ваше превосходительство милостивый государь Михаил Дмитриевич.
Рапортом от сего числа № 52 я прошу ходатайства Вашего превосходительства об отчислении меня к штатному месту службы. Вместе с тем я позволяю себе обратиться к Вашему превосходительству [с] частным письмом и доложить Вам истинные мотивы упомянутой просьбы. Меня вынудили к этому не тяготы службы, не

боязнь ответственности, которой я могу подвергнуться за ошибки и уклонения от данных мне инструкций. От службы, какова бы она ни была, я никогда не уклонялся; ответственность, как тяжка она ни была, – никогда меня не пугала, раз таковая требовалась делом, которое мне поручалось. Меня вынудило просить об отчислении искреннее убеждение, что дальнейшее пребывание моё здесь не принесёт никакой пользы делу, разумея в данном случае сарькольский вопрос, – а может, пожалуй, оказаться даже вредным. Взгляды д[ействительного] с[татского] с[оветника] Петровского и мои в данном случае расходятся диаметрально, следствием чего являются недоразумения и бесконечная переписка: с его стороны обвинения меня в отступлении от инструкции и раздувании политических дел, с моей – объяснения и разъяснения. В ноябре прошлого года смещение с должности китайского офицера, за изгнание из Ташкургана мирзы Сулеймана, д[ействительный] с[татский] с[оветник] Петровский считал достаточным для нас удовлетворением; я же, будучи глубоко убеждён, что только постанова нашего поста в Сарьколе может положить конец всем безобразиям, творившимся там с нашими джигитами, – безусловно, унижительными для нас, – считал своим нравственным и служебным долгом доложить об этом Вашему превосходительству.

В феврале настоящего года враждебное отношение китайского начальника в Сарьколе к нашему офицеру, возбуждение местного населения и, наконец, упорство китайцев (Чжао сменён только на днях, а дело начато в конце января) были поводом к моему докладу о необходимости усилить пост. Д[ействительный] с[татский] с[оветник] Петровский находит, что я не имел права высказывать такого мнения, т. к. это является вмешательством в область политики. Но я считаю необходимым доложить Вашему превосходительству, что я предпочитаю подвергнуться ответственности за невпазд высказанное мнение, чем не донести, и быть косвенной причиной гибели, в случае, если дело повернулось иначе, – нашего поста. Наконец, – усиление поста проектировалось мной не ради одной безопасности поста, а как средство понудить китайцев к исполнению наших требований в Сарьколе.

Изложенные мнения мои не были секретом для д[ействительного] с[татского] с[оветника] Петровского, т. к. я не считал нужным их скрывать, но, вместе с тем, я имел основание предполагать, что его личные взгляды на дело, прямо противоположные моим, – также не безызвестны высшему начальству из донесений его превосходительства.

Всё вышеизложенное заставляет меня просить ходатайства Вашего превосходительства об откомандировании меня из Кашгара, т. к. дальнейшее моё пребывание здесь, не принося пользы делу, – может отозваться неблагоприятно на моей службе.

С искренним почтением и совершенною преданностью имею честь быть Вашего превосходительства покорный слуга

Л. Корнилов

(РГВИА. Ф. 1396. Он. 2. Д. 1576. Л. 171–173. Автограф.)

ПЕРЕЧЕНЬ ОПУБЛИКОВАННЫХ ПИСЕМ Н.Ф. ПЕТРОВСКОГО

1. Н.А. Ермакову – 24 ноября 1870 г.
2. П.Н. Стремоухову – 11 февраля 1871 г.
3. П.Н. Стремоухову – 24 февраля 1871 г.
4. А.Ф. Кони – [Февраль]. 1871 г.
5. П.Н. Стремоухову – 19 мая 1871 г.
6. Н.А. Ермакову – 27 октября 1871 г.
7. Н.А. Ермакову – 18 февраля 1872 г.
8. А.Ф. Кони – 6 апреля [1872 г.].
9. Н.А. Ермакову – 10 апреля 1872 г.
10. Н.А. Ермакову – 5 августа 1872 г.
11. П.Н. Стремоухову – 16 августа 1872 г.
12. Н.А. Ермакову – 17 августа 1872 г.
13. П.Н. Стремоухову – 20 августа 1872 г.
14. Н.А. Ермакову – 25 августа 1872 г.
15. А.Ф. Кони – 14 сентября 1872 г.
16. Н.А. Ермакову – 14 сентября 1872 г.
17. Н.А. Ермакову – 25 октября [1872 г.].
18. Н.А. Ермакову – 4 декабря 1872 г.
19. Н.А. Ермакову – 9 января 1873 г.
20. Н.А. Ермакову – 28 марта 1873 г.
21. П.Н. Стремоухову – 22 мая 1873 г.
22. М.М. Стасюлевичу – 4 июня 1873 г.
23. Н.А. Ермакову – 9 января 1874 г.
24. Н.А. Ермакову – 22 марта 1875 г.
25. Н.А. Ермакову – 23 марта 1875 г.
26. А.Н. Пышину – 13 августа [1875 г.].
27. Н.А. Ермакову – 12 октября 1878 г.
28. Н.А. Ермакову – 16 ноября 1878 г.
29. Н.А. Ермакову – 29 декабря 1878 г.
30. А.С. Суворину – 19 декабря 1879 г.
31. А.С. Суворину – 31 декабря [1879 г.].
32. Д.Ф. Кобеко – 14 марта 1883 г.
33. Ф.Р. Остен-Сакену – 14 марта 1883 г.
34. Н.А. Ермакову – 16 марта 1883 г.
35. Г.П. Небольсину – 17 марта 1883 г.
36. Н.А. Ермакову – 5 июля 1883 г.

37. Ф.Р. Остен-Сакену – 28 июля 1883 г.
38. Н.А. Ермакову – 4 сентября 1883 г.
39. Н.А. Ермакову – 4 октября 1883 г.
40. Н.А. Ермакову – 27 октября 1883 г.
41. Д.Ф. Кобеко – 12 ноября 1883 г.
42. Д.Ф. Кобеко – 19 января 1884 г.
43. Д.Ф. Кобеко – 31 января 1884 г.
44. Ф.Р. Остен-Сакену – 31 января 1884 г.
45. Г.П. Небольсину – 14 февраля 1884 г.
46. Ф.Р. Остен-Сакену – 1 марта 1884 г.
47. Д.Ф. Кобеко – 27 марта 1884 г.
48. Д.Ф. Кобеко – 31 марта 1884 г.
49. Д.Ф. Кобеко – 14 апреля 1884 г.
50. Д.Ф. Кобеко – 15 мая 1884 г.
51. Д.Ф. Кобеко – 21 июля 1884 г.
52. Н.А. Ермакову – 28 июля 1884 г.
53. Д.Ф. Кобеко – 16 августа 1884 г.
54. Г.П. Небольсину – 18 августа 1884 г.
55. Г.П. Небольсину – 20 октября 1884 г.
56. Ф.Р. Остен-Сакену – [1884 г.]
57. Ф.Р. Остен-Сакену – 23 октября 1884 г.
58. Ф.Р. Остен-Сакену – 25 октября 1884 г.
59. Д.Ф. Кобеко – 25 октября 1884 г.
60. Д.Ф. Кобеко – 1 ноября 1884 г.
61. Ф.Р. Остен-Сакену – 5 ноября 1884 г.
62. Д.Ф. Кобеко – 7 января 1885 г.
63. Д.Ф. Кобеко – 6 февраля 1885 г.
64. Ф.Р. Остен-Сакену – 4 марта 1885 г.
65. Д.Ф. Кобеко – 28 марта 1885 г.
66. Ф.Р. Остен-Сакену – 17 апреля 1885 г.
67. Н.А. Ермакову – 28 мая 1885 г.
68. И.А. Зиновьеву – 1 июня 1885 г.
69. Н.А. Ермакову – 4 сентября 1885 г.
70. Ф.Р. Остен-Сакену – 1 ноября 1885 г.
71. Д.Ф. Кобеко – 1 ноября 1885 г.
72. Д.Ф. Кобеко – 16 ноября 1885 г.
73. Д.Ф. Кобеко – 18 ноября 1885 г.
74. Ф.Р. Остен-Сакену – 7 января 1886 г.
75. Н.М. Пржевальскому – 17 февраля 1886 г.
76. Н.М. Пржевальскому – 19 апреля 1886 г.
77. Ф.Р. Остен-Сакену – 17 мая 1886 г.
78. Ф.Р. Остен-Сакену – 24 мая 1886 г.
79. Н.М. Пржевальскому – 25 мая 1886 г.
80. Ф.Р. Остен-Сакену – 4 августа 1886 г.
81. Н.М. Пржевальскому – 15 августа 1886 г.
82. Н.М. Пржевальскому – 3 октября 1886 г.
83. Ф.Р. Остен-Сакену – 3 октября 1886 г.
84. Ф.Р. Остен-Сакену – 8 октября 1886 г.
85. Н.М. Пржевальскому – 25 ноября – 18 декабря 1886 г.
86. Ф.Р. Остен-Сакену – 27 ноября 1886 г.
87. В. П. Буренину – 4 января 1887 г.
88. Н.М. Пржевальскому – 27 января 1887 г.

89. Н.М. Пржевальскому – 30 января 1887 г.
90. Н.М. Пржевальскому – 14 февраля 1887 г.
91. Ф.Р. Остен-Сакену – 20 февраля 1887 г.
92. Ф.Р. Остен-Сакену – 3 марта 1887 г.
93. Ф.Р. Остен-Сакену – 29 апреля 1887 г.
94. Н.М. Пржевальскому – 20 мая 1887 г.
95. Ф.Р. Остен-Сакену – 22 августа 1887 г.
96. Н.М. Пржевальскому – 28 августа 1887 г.
97. Н.М. Пржевальскому – 21 ноября 1887 г.
98. Н.М. Пржевальскому – 15 февраля 1888 г.
99. Н.М. Пржевальскому – 9 сентября 1888 г.
100. Н.М. Пржевальскому – 15 сентября 1888 г.
101. Ф.А. Фельдману – 14 октября 1888 г.
102. Ф.Р. Остен-Сакену – 17 ноября 1888 г.
103. Ф.Р. Остен-Сакену – 28 ноября 1888 г.
104. Д.Ф. Кобеко – 22 июля 1890 г.
105. Ф.Р. Остен-Сакену – 25 июля 1890 г.
106. Ф.Р. Остен-Сакену – 1 октября 1890 г.
107. Ф.Р. Остен-Сакену – 20 ноября 1890 г.
108. И.А. Зиновьеву – [1890 г.]
109. Ф.Р. Остен-Сакену – 10 января 1891 г.
110. В.П. Буренину – 5 мая 1891 г.
111. Ф.Р. Остен-Сакену – 5 октября 1891 г.
112. Ф.Р. Остен-Сакену – 25 октября 1891 г.
113. В.Р. Розену – 27 января 1892 г.
114. В.Р. Розену – 25 марта 1892 г.
115. В.Р. Розену – 14 мая 1892 г.
116. В.Р. Розену – 4 июля 1892 г.
117. В.Р. Розену – 3 сентября 1892 г.
118. Ф.Р. Остен-Сакену – 7 сентября 1892 г.
119. В.Р. Розену – 15 сентября 1892 г.
120. А.Н. Пыпину – 21 января 1893 г.
121. Ф.Р. Остен-Сакену – 29 апреля 1893 г.
122. С.Ф. Ольденбургу – 15 мая 1893 г.
123. И.В. Мушкетову – 18 мая 1893 г.
124. А.Б. Вревскому – 1 августа 1893 г.
125. Ф.Р. Остен-Сакену – 21 августа 1893 г.
126. Ф.Р. Остен-Сакену – 3 октября 1893 г.
127. Ф.Р. Остен-Сакену – 15 ноября 1893 г.
128. Ф.Р. Остен-Сакену – 3 декабря 1893 г.
129. Ф.Р. Остен-Сакену – 15 декабря 1893 г.
130. Ф.Р. Остен-Сакену – 31 января 1894 г.
131. Ф.Р. Остен-Сакену – [Февраль] 1894 г.
132. Ф.Р. Остен-Сакену – 9 апреля 1894 г.
133. Ф.Р. Остен-Сакену – 27 июля 1894 г.
134. С.Ф. Ольденбургу – 1 августа 1894 г.
135. С.Ф. Ольденбургу – 15 августа 1894 г.
136. С.Ф. Ольденбургу – 5 октября 1894 г.
137. С.Ф. Ольденбургу – 5 ноября 1894 г.
138. С.Ф. Ольденбургу – 15 ноября 1894 г.
139. Н.Я. Ростовцеву – 4 января 1895 г.
140. С.Ф. Ольденбургу – 14 января 1895 г.

141. Ф.Р. Остен-Сакену – 16 января 1895 г.
142. Ф.Р. Остен-Сакену – 1 марта 1895 г.
143. Ф.Р. Остен-Сакену – 2 марта 1895 г.
144. М.П. Хорошину – 8 марта 1895 г.
145. С.Ф. Ольденбургу – 24 марта 1895 г.
146. С.Ф. Ольденбургу – 31 марта 1895 г.
147. М.П. Хорошину – 9 апреля 1895 г.
148. Д.Ф. Кобеко – 10 апреля 1895 г.
149. С.Ф. Ольденбургу – 24 апреля 1895 г.
150. Д.Ф. Кобеко – 25 апреля 1895 г.
151. Д.Ф. Кобеко – 7 июня 1895 г.
152. Д.Ф. Кобеко – 15 июня 1895 г.
153. Ф.Р. Остен-Сакену – 7 июля 1895 г.
154. С.Ф. Ольденбургу – 25 июля 1895 г.
155. С.Ф. Ольденбургу – 30 августа 1895 г.
156. С.Ф. Ольденбургу – 1 сентября [1895 г.]
157. С.Ф. Ольденбургу – 26 сентября 1895 г.
158. С.Ф. Ольденбургу – 14 октября 1895 г.
159. Ф.Р. Остен-Сакену – 16 октября 1895 г.
160. С.Ф. Ольденбургу – 26 ноября 1895 г.
161. С.Ф. Ольденбургу – 15 декабря 1895 г.
162. Ф.Р. Остен-Сакену – 25 декабря 1895 г.
163. Ф.Р. Остен-Сакену – 12 января 1896 г.
164. Ф.Р. Остен-Сакену – 27 января 1896 г.
165. С.Ф. Ольденбургу – 2 февраля 1896 г.
166. С.Ф. Ольденбургу – 20 февраля 1896 г.
167. Ф.Р. Остен-Сакену – 25 мая 1896 г.
168. Ф.Р. Остен-Сакену – 26 мая 1896 г.
169. Ф.Р. Остен-Сакену – 15 июня 1896 г.
170. Ф.Р. Остен-Сакену – 6 ноября 1896 г.
171. С.Ф. Ольденбургу – 9 ноября 1896 г.
172. Ф.Р. Остен-Сакену – 14 декабря 1897 г.
173. С.Ф. Ольденбургу – 18 января 1898 г.
174. Г.А. Плансону – 25 января 1898 г.
175. А.А. Бильдерлингу – 11 марта 1898 г.
176. С.Ф. Ольденбургу – 6 июля 1898 г.
177. Ф.Р. Остен-Сакену – 25 ноября 1898 г.
178. Ф.Р. Остен-Сакену – 24 февраля 1899 г.
179. А.С. Писаренко – 11 марта 1899 г.
180. Ф.Р. Остен-Сакену – 12 мая 1899 г.
181. Ф.Р. Остен-Сакену – 19 июня 1899 г.
182. Ф.Р. Остен-Сакену – 12 августа 1899 г.
183. Н.А. Иванову – 7 января 1900 г.
184. Г. . Плансону – 15 февраля 1901 г.
185. М.Д. Евреинову – 5 сентября 1902 г.
186. С.Ф. Ольденбургу – 4 октября 1902 г.
187. С.Ф. Ольденбургу – 10 июля 1904 г.
188. С.Ф. Ольденбургу – 27 июня 1906 г.
189. В.Р. Розену – 17–19 декабря 1907 г.

СПИСОК ТРУДОВ Н.Ф. ПЕТРОВСКОГО

1873

Материалы для торговой статистики Туркестанского края. Ташкент, 1873; СПб., 1874. Вып. 1.

О шелководстве и шелкомотании в Средней Азии. Ташкент, 1873; СПб., 1874 // Известия Кавказской шелководственной станции. Тифлис, 1904. Т. 3. Вып. 5/11. С. 1–108.

Моя поездка в Бухару // Вестник Европы. 1873. Т. II. Кн. 3. С. 209–248.

1875

Очерки Коканского ханства // Вестник Европы. 1875. Кн. 10. С. 722–727.

1878

Учёно-торговая экспедиция в Китай в 1874–1875 годах // Русский вестник. 1878. Т. 135. С. 101–121; *Пясецкий П.Я.* Путешествие по Китаю в 1874–1875 гг. СПб., 1880. Т. II. С. I–XVIII (изд 2-е: М., 1882. Т. II. С. I–XX).

1879

По Закавказью и новопокорённым областям // Древняя и новая Россия. 1879. №. 3. С. 177–186

1880

Абдурахман-хан // Новое время. 1880. 1(13) января. № 1380.

Россия и Англия в Средней Азии // Древняя и новая Россия. 1880. №. 1. С. 93–105.

1884

Из Кашгара // Новое время. 1884. 3(15)апреля. № 2909.

1885

Китайские войска в Восточном Туркестане // Русский инвалид. 1885. 4 октября. № 215.

1886

Административное устройство Китайской империи // Туркестанские ведомости. 1886. 29 июля. № 29.

Отчёт о Кашгарии // Сборник географических, топографических и статистических сведений по Азии. СПб., 1886. Вып. XX. С. 1–61; Сокращённое издание: Краткий обзор Восточного Туркестана // *Кляшторный С.Г., Колесников А.А.* Вос-

точный Туркестан глазами русских путешественников. Алма-Ата, 1988. С. 181–188.

1887

Венгерский путешественник по Кашгарии г. Берженчей // Туркестанские ведомости. 1887. 26 мая. №. 21.

Наставление и программа вопросов для туземных разведчиков, посылаемых в малоизвестные страны Средней Азии. [СПб., 1887] (литографированное издание).

1888

Дальгейш // Туркестанские ведомости. 1888. 5 июля. № 26.

1892

Землетрясения в Туркестане // ИРГО. 1892. Т. XVIII. Вып. V. С. 497.

Сообщение Н.Ф. Петровского о буддийских памятниках в Кашгаре // Туркестанские ведомости. 1892. 27 октября. № 43.

Заметка по поводу статьи (Д. И. Эварницкого) «К вопросу о начале города Ташкента» // Туркестанские ведомости. 1892. 3 ноября. № 44.

1893

Библиографическая заметка (*Эварницкий Д.И.* Путеводитель по Средней Азии от Баку до Ташкента в археологическом и историческом отношении) // Туркестанские ведомости. 1893. 29 августа. № 67.

Ответ консула в Кашгаре Н.Ф. Петровского на заявление С.Ф. Ольденбурга // ЗВОРАО. 1893. Т. VII, Вып. I–IV. С. 293–298.

Буддийский памятник близ Кашгара // ЗВОРАО. 1893. Т. VII, Вып. I–IV. С. 298–301.

Загадочные яркендские монеты // ЗВОРАО. 1893. Т. VII. Вып. I–IV. С. 307–310.

1894

К статье «О христианстве в Туркестане» // ЗВОРАО. 1894. Т. VIII. Вып. I–II. С. 150–151.

Разъяснение к двум местам второй песни о Худояр-хане // ЗВОРАО. 1894. Т. VIII. Вып. I–II. С. 151.

К статье «О христианстве в Туркестане» // ЗВОРАО. 1894. Т. VIII, Вып. I–II. С. 150–151.

Башня «Бурана» близ Токмака // ЗВОРАО. 1894. Т. VIII. Вып. III–IV. С. 351–354.

Ещё заметка к статье В. Бартольда «О христианстве в Туркестане в домонгольский период» // ЗВОРАО. 1894. Т. VIII. Вып. III–IV. С. 354–358.

Что такое древние развалины близ Токмака с башней, известною под названием «Бурана»? // Туркестанские ведомости. 1894. 7(19)апреля. № 25.

Древние арабские дорожки по среднеазиатским местностям, входящим в настоящее время в состав русских владений. Ташкент, 1894.

1895

Рецензия: Карманный русско-узбекский словарь / Сост. С.А. Лапин, Самарканд, 1895 // Туркестанские ведомости. 1895. 21 мая. № 34.

Землетрясение в Кульдже и Кашгарии летом 1895 г. // ИРГО. 1895. Т. XXXI. Вып. 5. С. 574–575.

1896

Заметки о древностях Кашгара. Вып. 1: Хан-Уй // ЗВОРАО. 1896. Т. IX. Вып. I–IV. С. 147–155.

Буразан. Донесение хотанского торгового агента Абду-с-Саттара Н.Ф. Петровскому // ЗВОРАО. 1896. Т. IX. Вып. I–IV. С. 267–269.

Библиографическая заметка. Перевод надписей на исторических памятниках г. Самарканда С.А. Лапина // Туркестанские ведомости. 1896. 18 февраля (1 марта). № 13.

1897

В археологическом обществе // Туркестанские ведомости. 1897. 23 марта (4 апреля). № 22.

Голодная степь. Орошение // Туркестанские ведомости. 1897. 5 (17) октября. № 72. Доклад Н.Ф. Петровского 25 февраля 1897 г. в ВОРАО об условиях собирания им древностей в Кашгаре и демонстрация коллекции // Археологические известия и заметки. М., 1897. № 3. С. 92–93; Новое время. 1897. 1 (13) марта. № 7546.

1898

Землетрясение в Кашгаре 10 июня // ИРГО. 1898. Т. XXXIV. Вып. 3. С. 366.

1902

Донесение генерального консула в Кашгаре Н.Ф. Петровского о землетрясении 1902 г. // ИАН. 1902. V серия. Т. XVII. №. 3. С. XVII–XX; № 4. С. XXVII–XXVIII; № 5. С. XLVIII–LI.

1904

Из письма Н.Ф. Петровского Н.И. Веселовскому // Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова // ЗИРГО. 1904. Т. XXIX. С. 486–488.

1905

Заметка [О бугре Канка] // Туркестанские ведомости. 1905. 13 (26) апреля. № 57.

1906

Заметка [О мечети Ходжи Ахмеда Ясеви в г. Туркестане] // Туркестанские ведомости. 1906. 2 (15) июня. № 82.

По поводу «Исторической справки» (В. Вяткина) // Туркестанские ведомости. 1906. 23 июня (6 июля). № 94.

Заметка [Об орудиях в каменном веке] // Туркестанские ведомости. 1906. 24 ноября (7 декабря). № 176.

1908

Кашгарская торговля // Ташкентский курьер. 1908. 22 января. № 18.

1917

Краткие сведения о лицах, имевших отношение ко времени кашгарского владетеля Бек-Кули-бека // ПТКЛА. 1917. Год. XXI. С. 89–99.

2002

«Вы посылаетесь в страну, которую мы мало знаем». Разведывательная «программа» русского консула в Кашгаре Н.Ф. Петровского / Публ. подг. Д.Ю. Арапов // Источник, 2002. № 6(60). С. 52–56.

2003

Туркестанские письма Н.Ф. Петровского / Публ. подг. В.Г. Бухерт // Российский архив. Новая серия. М., 2003. Т. ММШ. С. 450–517.

2006

Из переписки Н.Ф. Петровского с Н.М. Пржевальским / Публ. подг. А.А. Колесников // Н. М. Пржевальский и русские исследователи Кыргызстана. Бишкек, 2004. С. 8–29; *Колесников А.А.* Русские в Кашгарии (вторая половина XIX – начало XX в.). Бишкек, 2006. С. 133–134, 136, 138–142, 144–150.

2007

«С китайцами мы живём пока ладно». Письма российского консула в Кашгаре Н.Ф. Петровского к Д.Ф. Кобеко. 1883–1895 гг. // Исторический архив. 2007. № 1. С. 167–196.

ЛИТЕРАТУРА О Н.Ф. ПЕТРОВСКОМ

- Бартольд В.В.* Рец. на книгу: *Петровский Н.Ф.* Древние арабские дорожники по среднеазиатским местностям, входящим в настоящее время в состав русских владений. Ташкент, 1894 // *Окраина*. 1895. № 40–41.
- Белоголовый Б.* Кашгарские письма Лавра Корнилова // *Московский журнал*. 1995. № 1. С. 2–9.
- Беспорядки в Кашгаре // *Сведения, касающиеся стран, сопредельных с Туркестанским военным округом*. Ташкент, 1899. Вып. XIII. С. 44–45.
- Васильев В.П.* О снимке с китайской надписи, полученном Академией от русского консула в Кашгаре г. Петровского // *Записки Академии наук*. СПб., 1887. Т. IV. Кн. I. С. 98–105.
- Доклад С.Ф. Ольденбурга «О геммах Петровского» в заседании ВОРАО 14 октября 1894 г. // *Археологические известия и заметки*. М., 1894. Т. II. № 11. С. 366.
- Дьяков В.А.* Деятели русского и польского освободительного движения в царской армии 1856–1865 годов (Библиографический указатель). М., 1967. С. 134.
- Кизерицкий Г.Е.* Древности из собрания Н.Ф. Петровского // *ЗВОРАО*. 1896. Т. IX. Вып. I–IV. С. 167–190.
- Кирснер А.Л., Калмыков А.Д.* Н. Ф. Петровский (некролог) // *Туркестанский курьер*. 1908. 21 ноября. № 63.
- Лемке М.К.* Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». СПб. 1908.
- Лунин Б.В.* Николай Фёдорович Петровский // *Историография общественных наук в Узбекистане*. Ташкент, 1974. С. 277–286.
- Некролог (Н.Ф. Петровского) // *Исторический вестник* 1909. № 1. С. 424–425.
- Ольденбург С.Ф., Ольденбург Г.Е.* Гандарские скульптурные памятники Государственного Эрмитажа // *Записки коллегии востоковедов*. Л., 1930. Т. V. С. 145–186.
- Ольденбург С.Ф.* Ещё по поводу кашгарских буддийских текстов // *ЗВОРАО*. 1894. Т. VIII. Вып. III–IV. С. 349–351.
- Ольденбург С.Ф.* Кашгарская рукопись Н.Ф. Петровского // *ЗВОРАО*. 1893. Т. VII. Вып. I–IV. С. 81–82.
- Ольденбург С.Ф.* Отрывки кашгарских санскритских рукописей из собрания Н.Ф. Петровского. Ч. 1–3 // *ЗВОРАО*. 1894. Т. VIII. Вып. I–II. С. 47–67; 1899. Т. XI. Вып. I–IV. С. 207–264; 1904. Т. 15. Вып. IV. С. 0113–0122.

- Ольденбург С.Ф.* Памяти Николая Федоровича Петровского 1837–1908 // ЗВОРАО. 1910. Т. XX. Вып. I. С. 1–8.
- [Об отпевании тела Н.Ф. Петровского в Спасо-Преображенском соборе в Ташкенте 21 ноября 1908 г.] // Туркестанские ведомости. 1908. 23 ноября. № 252.
- Петровский Николай Фёдорович // Библиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. Изд. 2-е, перераб. и доп. / Подг. А.Н. Кононов. М., 1989. С. 189–190.
- Представление Восточного отделения об избрании в почётные члены Н.Ф. Петровского // Протоколы общих собраний Императорского Русского археологического общества за 1899–1908 годы. Пг., 1915. С. 198–199.
- В. Р[озен].* Рец. на книгу: *Петровский Н.Ф.* Древние арабские дорожники по среднеазиатским местностям, входящим в настоящее время в состав русских владений. Ташкент, 1894 // ЗВОРАО. 1896. Т. IX. Вып. I–IV. С. 296–297.
- Рагоза А.Н.* К истории сложения коллекции рукописей на среднеиранских языках из Восточного Туркестана, хранящихся в рукописном отделе ЛО ИВАН // Памятники письменности Востока. Ежегодник. 1969. М., 1972. С. 244–261.
- С. Николай Фёдорович Петровский (некролог)* // Туркестанские ведомости. 1908. 21 ноября (4 декабря). № 251.
- Семёнов А.А.* Николай Федорович Петровский (некролог) // Этнографическое обозрение. 1908. Т. LXXIX. № 4. С. 201–204.
- Семёнов А.А.* Памяти Николая Фёдоровича Петровского // Туркестанские ведомости. 1909. 20 мая (2 июня). № 103.
- Семёнов А.А.* Нечто о среднеазиатских геммах, их любителях и собирателях (Из воспоминаний прошлого) // Известия Отделения общественных наук АН Таджикской ССР. Душанбе, 1957. Вып. 14. С. 150–151.
- С[луцкий] С.* Кашгарские собрания Н.Ф. Петровского (Эрмитаж и Академия наук) // Археологические известия и заметки. М., 1898. Т. VI. № 1. С. 24–25.
- Снесарев А.Е.* Николай Фёдорович Петровский (некролог) // Голос правды. 1908. 29 ноября. № 957.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АН – Петербургская Академия наук
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
ЗВОРАО – «Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества»
ЗИРГО – «Записки Императорского Русского географического общества»
ИАН – «Известия Императорской Петербургской Академии наук»
ИВР РАН – Институт восточных рукописей Российской академии наук
ИРГО – «Известия Императорского Русского географического общества»
ОР ИРЛИ – Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинский Дом)
ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
ПТКЛА – «Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии»
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
РГИА – Российский государственный исторический архив
СПб. ФА РАН – С.-Петербургский филиал Архива Российской академии наук

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абдулахад-хан – 175, 190, 297, 321
Абдул-Газий – 295
Абдулгафар – 82
Абдулкарим-бек – 166, 185, 320
Абдулла-диван-беги – 211
Абдулмалик-хан (Катта-тюря) – 106, 128, 166, 175, 176, 316
Абдуррахман-хан – 118, 119, 180, 182, 184, 185, 223, 230, 242, 317, 326
Абрамов А.К. – 151, 252, 319
Абу-Бекр – 229, 326
Адлерберг А.В. – 198, 323
Александр II – 121
Александр III – 26, 29, 30, 34, 35, 177, 180, 208, 211, 321
Александр Македонский – 131
Алексеевы – 127
Аливердиев Х.А. – 115
Аливердиев М. – 115
Аливердиев Н. – 115
Алимкул – 108, 316
Аносов Н.С. – 313
Анненков М.Н. – 173, 175, 218, 320
Аристов Н.А. – 193, 322
Арсеньев М.М. – 313
Асоль-хан – 284
Асигновкин – 96
Астарта (Ашгарт) – 235, 326
Афиани В.Ю. – 66
Ашур-бек – 127
- Баба-бек** – 82, 85
Бабушкин Н.М. – 45, 48, 50, 288
Бадрицкий М.С. – 313
Базили А.К. – 331
Балкашин Н.М. – 181, 188, 321
- Бальтон – 213
Бартольд В.В. – 20, 24, 26, 31, 41, 58, 240, 248, 298, 327, 329
Басханов М.К. – 22
Баттенберг А. – 188, 322
Бах – 115
Бахирев – 207
Бахтиаров Н.М. – 76, 77, 101, 314
Бегунов – 86, 96
Бек-Кули-бек – 13, 185
Бекович-Черкасский А. – 205, 323
Беллор (Bellor) – 203
Белов Е.А. – 62
Белоголовый Б.Г. – 46
Белявский Н.Н. – 289, 330
Бендерский Н.А. – 28, 33
Берзенцев (Берженчей) В. – 197, 202, 322
Биддалф (Biddulf) Д. – 187, 275, 322
Бильдерлинг А.А. – 329
Бисмарк О. – 238, 286, 327
Бич (Beech) Р. – 218
Блан (Blanc) Э. – 216–218, 222, 243, 271, 324
Блиох И.С. – 138, 318
Богоявленский Н.В. – 59
Бокль Г.Т. – 296, 331
Бонвало (Bonvalo) П-Г. – 201, 323
Бонсдорф А.Р. – 27
Борнс (Бёрнс) (Burns) А. – 88, 236, 315
Боуер – 16, 223
Брандт М.А.С. – 212, 324
Бунге Н.Х. – 124, 131, 159, 174, 317
Бурбель (Bourbel) – 285, 330
Бурган-Эддин – 252
Буренин В.П. – 118, 139, 317
Буслаев Ф.И. – 232, 326

- Бутовский А.И. – 81, 82, 99, 100, 102, 103, 315
 Бутыркин В.Г. – 116, 316
 Бухерт В.Г. – 28, 66, 323
 Буш М. – 286, 330
 Быковский – 93
 Бюцов Е.К. – 169, 320
- Валиулла-ахун** – 195
 Валихан-тюря – 152, 185
 Валиханов Ч.Ч. – 27, 161, 166, 319, 320
 Вамбери (Vambéry) А. – 109, 172, 228, 234, 316
 Ванновский П.С. – 30, 32–36, 39, 40, 217, 218, 324
 Ванновский С.П. – 240, 327
 Васильев В.П. – 8, 192, 235, 322
 Васильева О.В. – 4
 Васильчиков И.С. – 63
 Вахаб (Wahab) Р.А. – 39
 Вахович А.С. – 206, 323
 Вебер А.Ф. – 249, 264, 265, 327
 Вейнберг А.А. – 215, 324
 Величко Ф.К. – 30
 Вельяминов-Зернов В.В. – 294, 330
 Венков М.И. – 271–273, 277, 328
 Веселовский Н.И. – 31, 224, 248, 298, 325, 331
 Виктория, королева – 245, 287, 327
 Вильгельм I Гогенцоллерн – 286, 330
 Вильд Г.И. – 122, 180, 317
 Вильямс М. – 235, 326
 Виткевич И.В. – 226, 236, 325
 Витовский – 130
 Витте С.Ю. – 227, 326
 Воейков А.И. – 198, 323
 Воронцов М.С. – 180, 321
 Воскресенский А.Д. – 7
 Вревский А.Б. – 32, 33, 35, 36, 38, 40, 42, 214, 219, 220, 222, 226, 227, 239, 241, 253, 254, 260, 324
 Вышнеградский И.А. – 214, 324
 Вяземский И.А. – 159, 160, 180, 319
- Габе Ж. – 205, 206, 323
 Газан-хан – 190, 322
 Галдан – 6
 Галдинский Н.И. – 173, 227, 320
 Галкин А.С. – 38, 226, 325
 Гансен – 287
 Гартвиг Н.Г. – 287, 330
- Гассер Р. – 228, 326
 Гедин (Хедин) (Hedin) С.А. – 218, 243, 246, 254, 255, 263, 269, 271–273, 277, 284, 287, 311, 324, 330
 Гейнрикс – 209
 Гейнс А.К. – 82, 269, 315, 328
 Гейслер (Ch.F. Geissler) – 184
 Генрих, принц Оранский – 277, 329
 Георг III – 6
 Георгиевский С.М. – 204–206, 323
 Гермажис – 212
 Гернле Р. – 248, 327
 Герценштейн С.М. – 248, 327
 Гирс М.Н. – 43, 44, 282, 283, 285, 329
 Гирс Н.К. – 25, 26, 29, 30, 32–34, 36, 211, 226, 324
 Гирс Ф.К. – 25, 119, 123–126, 128, 130–133, 135, 138, 147, 151, 156, 173, 198, 290, 317
 Гобино Ж.А. – 295, 331
 Голиков – 267
 Голицын – 294
 Голицын Г.С. – 32, 218, 324
 Головачёв Н.Н. – 98, 101, 315
 Головкин – 303
 Гомзин А.И. – 79, 98, 101, 315
 Гордон Ч. – 6
 Горчаков А.М. – 24, 81, 226, 315
 Гранвилль Д. – 226, 325
 Гренар (Grenard) Ф. – 243, 254, 255, 264, 271, 273, 327
 Григорьев В.В. – 19, 161, 166, 234, 271, 320
 Гродеков Н.И. – 165, 295, 297, 298, 320
 Громбчевский Б.Л. – 29, 30, 32, 33, 183, 187, 211, 215, 216, 218, 220, 226, 236, 245, 256, 321, 325, 326
 Громов – 173
 Грошев В.И. – 92
 Грум-Гржимайло Г.Е. – 28, 29, 186, 191, 201–203, 322, 323
 Грюнведель (Grünwedel) А. – 269, 292–294, 328
 Гуансюй (Цзай-Тянь) – 242, 245, 284, 287, 327
 Губастов К.А. – 272, 328
 Гулям-Хайдер-хан – 230
 Гумбольдт А. – 186, 191, 202, 322
 Гуссейн-бек – 252
 Гуюс И.Ф. – 100, 101, 315
 Гюк Э.Р. – 205, 206, 323

- Далглиш (Dalglish) Э. – 28, 157, 161, 163, 180, 187, 195, 196, 198, 319, 321
Данмор (Dunmore) А.Э. – 246, 327
Дао Мо – 242, 244, 327
Дарвин Ч.Р. – 296, 331
Дашков Д.В. – 21
Дашков Д.Д. – 21
Дейбнер И. – 139, 184, 191, 236, 248, 275
Дёфферин и Ава Ф. – 219, 325
Джерард (Gerard) М.Дж. – 38
Джура-бек – 82, 85, 96, 252, 315
Ди-дарин – 46, 48
Дизи (Deasy) Г. – 41, 46, 329
Димитрий (Д.И.Абашидзе) – 295, 331
Длотовский В.В. – 78, 79
Дудин С.М. – 240, 293, 327
Дукович С.В. – 65
Дун-дарин – 164, 189
Духовской С.М. – 43, 44, 60, 284, 286, 289, 329
Дэвисен (Devisen) – 220, 221
Дюранд Г.М. – 242, 327
Дютрейль де Рэн (Dutreuil de Rhins) Ж. – 243, 254, 255, 264, 271–273, 327
- Евреинов М.Д. – 45, 48, 51, 52, 330
Егоров А.И. – 61
Емельянов – 78
Ермаков Н.А. – 66, 95, 149, 158, 159, 272, 314, 317
Ермакова (Семиградова) С.И. – 125, 171, 317
- Жданов М.Г. – 215, 243, 324
Жомини А.А. – 269, 328
- Зайцев В.Н. – 4
Зайцов (Зайцев) В.Н. – 27, 34, 36, 313
Зайченко З.И. – 26, 50, 52–54, 313
Залеман К.Г. – 275, 329
Зарубин И.И. – 64, 65
Затвардницкий Н.А. – 261, 263, 328
Захаров И.И. – 147, 319
Зиновьев И.А. – 30, 127, 139, 143, 173, 189, 199, 220, 317
- Ибрагимов Ш.М. – 215, 324
Иванов Д.Л. – 28
Иванов Н.А. – 48, 49, 52–54, 184, 289, 293, 322
Иванов Н.И. – 173, 175, 176, 320
Иванов-Ринов П.П. – 63
- Ивановский А.О. – 248, 327
Ивашенков А.П. – 227, 326
Игнатъев В.И. – 243, 245, 253, 327
Игнатъев Н.П. – 128, 187, 198, 318
Игумнов – 208
Идаров С.А. – 146, 147, 162, 174, 319
Идриси (Edrisi) – 256, 328
Извольский А.П. – 60
Ильминский Н.И. – 283, 295, 329
Иоакимф (Н.Я.Бичурин) – 138, 318
Ионов М.Е. – 33, 34, 37, 47, 220, 226, 227, 230, 231, 238, 240, 325
Исиев Д.А. – 21
Иссамеддин-мирахур – 87
Истмен – 267
Исхак-хан – 30
Иш-Магомед – 110
- Каён (Cahun) Л. – 282
Казем-бек А.К. – 83, 315
Калмыков А.Д. – 298, 331
Кальтбруннер – 213
Калям-биби – 162
Камаль-Эддин – 251, 252
Кан Ювей – 284, 330
Канчи-бек – 284, 330
Капнист Д.А. – 220–222, 227, 241, 242, 271, 272, 276, 277, 325
Капюс – 201
Караханиды – 328
Каргин Л.С. – 230, 326
Кассини А.П. – 35, 36, 40, 222, 227, 242–245, 272, 279, 325, 327
Кастилионе Д. – 6
Кауфман К.П. – 23, 24, 27, 70, 80, 85, 87, 88, 90, 92, 95, 96, 98, 104, 105, 107, 112, 14, 120, 121, 128, 130, 131, 168, 188, 203, 214, 215, 252, 298, 302, 303, 314, 315, 317
Кельин Ф.В. – 116
Кивекэс К.-Э.К. – 41, 313
Киммель – 248
Кириллов В.Е. – 45, 50
Клемм В.О. – 44
Кляшторный С.Г. – 46
Коббольд (Cobbold) Р.П. – 11, 12, 14, 41, 42, 280, 329
Кобеко Д.Ф. – 66, 143, 180, 223, 229, 250, 258, 317, 328
Кобеко О.А. – 120, 136, 138–140, 148, 150, 152, 153, 155, 161, 162, 165, 167, 173, 175, 176

- Кожанчиков Д.Е. – 232, 326
 Козлов П.К. – 251, 256, 327
 Колесников – 85, 110, 114
 Колесников А.А. – 46, 66
 Колесников М.Н. – 89
 Колоколов С.А. – 55, 276, 277, 289, 312, 329, 330
 Колоколова С.Г. – 11, 289
 Колпаковский Г.А. – 22, 23, 79, 179, 182, 187, 194–196, 315
 Колпаковский И.А. – 208
 Кони А.Ф. – 314
 Константин Константинович, великий князь – 8, 11, 311, 331
 Корнилов Л.Г. – 28, 41, 45–52, 55, 288, 313, 330
 Корольков Н.И. – 284, 329
 Коростовец И.Я. – 60
 Корф А.Н. – 181, 321
 Костенко Л.Ф. – 27, 30
 Котляревский А.А. – 115, 232, 316, 326
 Котов К.Ф. – 26
 Кох Р. – 218, 325
 Красильников – 93
 Крачковский И.Ю. – 20
 Крестовский В.В. – 131, 318
 Крыжановский Н.А. – 112, 316
 Кузнецов – 103
 Кузнецов П.А. – 34, 313
 Кумани А.М. – 192, 198, 212, 244, 322
 Кун А.Л. – 151, 319
 Курбан-джан датха – 330
 Куропаткин А.Н. – 42–44, 46, 52, 151, 179, 186, 278, 319
 Кэри (Carey) А.Д. – 180, 187, 195, 198, 201, 204, 321
- Лавров М.И.** – 55
 Ладьженский Н.Ф. – 192, 322
 Ламанский В.И. – 280, 329
 Ламздорф В.Н. – 34, 48
 Лапин Сер-Али – 263, 328
 Ласточкин В.Г. – 55–57, 313
 Ле Ког – 17
 Леман А. – 88, 315
 Лемке М.К. – 21
 Ленард (Lenard) Г. – 218
 Лесков – 81
 Лессар П.М. – 54, 275, 292, 329
 Лисовский Д.Л. – 272, 328
 Ли Хунчжан – 37, 250
- Лобанов-Ростовский А.Б. – 38, 40, 117, 310, 311, 316
 Логинов А.А. – 86, 315
 Локкарт – 184
 Лужецкая Н.Л. – 29, 30, 33
 Лунин Б.В. – 23, 24, 31, 58
 Лэмсден – 197
 Лэйярд О.Г. – 131, 318
 Лю-дарин – 46
 Лю Цзиньтан (Лю Чжаошай) – 10, 177, 180, 187, 190, 193, 194, 197, 199, 203, 205, 208, 321
 Люти Я.Я. – 11, 13, 35, 57, 135, 139, 174, 213, 221, 223, 229, 237–239, 241, 242, 246, 248, 251, 265, 276, 277, 318, 327
- Ма Хуалун** – 262, 329
 Мадали (Мухаммед Али), ишан – 284, 329
 Мадали (Мухаммед Али), хан – 27
 Мадкарим (Мухаммед Карим) – 166
 Мадкарим (Мухаммед Карим), бек – 50
 Мадкарим (Мухаммед Карим), ляшкар баши – 182, 184–186
 Мадкарим (Мухаммед Карим), сотник – 182
 Мадсаид (Мухаммед Саид) – 166
 Маев Н.А. – 302–304, 331
 Майерс (Mayers) В.Ф. – 180, 321
 Макаров – 130
 Макгахан А. – 108, 316
 Макгрегор Ч.М. – 28, 220, 237
 Макартни (Макартней) Д. – 4–8, 12–16, 18, 58, 217, 218, 248, 249, 254, 264, 281, 323, 325
 Макартни Д. – 6
 Макартни К. – 4, 11, 16, 19
 Макартни Х. – 6, 7
 Макартни Э. – 4
 Маков Л.С. – 120, 317
 Макфолл (MacFall) – 311
 Мамедова Э.М. – 59
 Маннергейм К.Г. – 5
 Мария Фёдоровна, императрица – 180, 321
 Маркс К. – 296, 331
 Мартен Ж.Н. – 243, 271, 273, 327
 Мартенс Ф.Ф. – 142, 145, 179, 183, 226, 274, 286, 318
 Маршал – 219
 Массье (Massieu) – 263, 311
 Мауляви – 184

- Мединский В.Ю. – 122, 226, 317
 Мейендорф Е.К. – 88, 315
 Мельников А.А. – 122, 128, 215, 317
 Менделеев – 153
 Мещерский Д.В. – 312
 Милютин Д.А. – 302, 331
 Мир-Хайдер – 268
 Мирза Юнус – 106
 Михаил Николаевич, великий князь – 116, 316
 Моисеев В.А. – 8
 Моисеев С.В. – 22
 Молешотт Я. – 296, 331
 Молчанов – 200
 Монич – 46
 Мономах – 157
 Морозов В. – 115
 Мочалов М.К. – 127
 Музаффар-хан – 84, 87, 88, 91, 105, 107, 128, 175, 176, 252, 315, 316
 Муно (Maunoir) – 243
 Муравьёв М.Н. – 43, 46
 Мусса Магомет-бий – 108
 Мустафин В.А. – 298, 331
 Мухаммад Назим-хан – 29
 Мухаммед Иса – 254
 Мухаммед Рахим-хан – 105, 317
 Мухаммед Садык Кашгарский – 320
 Муханов А.В. – 313
 Мушкетов И.В. – 191, 237, 322
 Мюллер М. – 251, 265, 328
 Мясников В.С. – 5, 10, 11, 13, 15, 66
- Найтингэйл П.** – 4, 7, 8, 11–16
Наливкин В.П. – 174, 297, 320
Насрулла-хан – 74, 109, 314
Небольсин А.Г. – 157, 319
Небольсин Г.П. – 66, 139, 161, 317
Негри А.Ф. – 315
Немчинов – 78
Нератов А.А. – 60, 61
Нестеровский К.А. – 286, 330
Нестор – 317
Несторий – 318
Нижельский В.А. – 261, 328
Николаев М.Н. – 99, 315
Николай I – 21
Николай II – 38, 43, 45, 47, 49, 54, 180, 278, 287, 321
Николай Константинович, великий князь – 328
- Николай Михайлович, великий князь** – 191, 322
Николай Николаевич (Старший), великий князь – 273, 328
Никонов М.Н. – 225, 325
Нимейр – 213
Новицкий В.Ф. – 64
Новицкий Н.Д. – 135, 136, 138, 139, 150, 318
Нор-мирза – 195
Носович – 239
Носович С.И. – 252, 328
Нотович Н.А. – 251, 264, 265, 327
- Обручев Н.Н.** – 26, 188, 322
Ольденбург С.С. – 293, 330
Ольденбург С.Ф. – 18–20, 31, 55, 58–60, 66, 236, 238, 240, 260, 269, 271, 298, 326
Олькин – 127
Омар-бек – 252
Оскар II – 218, 324
Остен-Сакен Р.Ф. – 19
Остен-Сакен Ф.Р. – 18, 19, 22, 66, 139, 187, 195, 204, 206, 317, 325
Островский А.Н. – 7
Островский М.Н. – 173, 320
Остроумов Н.П. – 58, 293, 298, 330
- Павлов А.И.** – 282, 283, 329
Падерин И.В. – 122, 317
Пантусов Н.Н. – 228, 326
Пастер Л. – 311, 331
Певцов М.В. – 226, 325
Пельо (Pelliot) П. – 294, 330
Первушин И.И. – 78, 314
Перовский В.А. – 205, 323
Петровская Е.Н. – 120, 136, 139, 155, 173, 180, 219, 221, 279
Петровская Н.Н. – 120, 136, 139, 155, 159, 160, 167, 170, 172, 180, 221, 293
Петровская (Сахновская) С.А. – 11, 21, 136, 173, 180, 279
Петровский Н.Н. – 11, 120, 136, 139, 155, 160, 161, 173, 180, 219, 221, 317
Петровский С.Ф. – 130, 146, 163, 164, 174, 208, 318
Пётр I – 85
Писаренко А.С. – 330
Плансон-Ростков Г.А. – 41, 329
Победоносцев К.П. – 283, 329

- Повало-Швейковский А.Н. – 38, 39, 42
 Поливанов А.А. – 60, 61
 Поливанов А.Н. – 21
 Поло Марко – 27, 247, 327
 Полонский С.Е. – 63
 Полторацкий В.А. – 22, 325
 Поляков И.К. – 116
 Понафидин П.Е. – 38
 Попов П.С. – 181, 321
 Попов С.И. – 162, 181, 320
 Попова И.Ф. – 18
 Пославский И.Т. – 298, 331
 Постников А.В. – 13, 39, 66
 Потанин Г.Н. – 229, 314, 326
 Пржевальский Н.М. – 66, 176, 180, 193, 198, 202, 212, 218, 235, 251, 273, 277, 303, 321–325
 Прокопович Д.Е. – 86, 315
 Проценко А.П. – 151, 319, 326
 Прутков К. – 76
 Пупышевы – 89, 93, 149
 Путинцев – 238, 239
 Путинцев С.Р. – 165, 320
 Путята Д.В. – 28, 186
 Пушкин А.С. – 4, 180
 Пьпин А.Н. – 115, 318
 Пясецкий П.Я. – 150, 319
- Радлов В.В.** – 192, 228, 240, 322
 Разгонов А.К. – 54
 Разумов – 254
 Райер – 218
 Рам Синг – 46
 Рахмонкул – 50
 Ревиль (Reville) А. – 200, 324
 Регель А.Э. – 186, 322
 Рейнталь П.Я. – 22
 Рейтерн М.Х. – 101, 173, 180, 302, 320
 Ремюза Ж.П. – 248, 327
 Риттер К. – 166, 320
 Рихтгофен Ф.П.В. – 191, 202, 218, 269, 277, 322
 Рихтер А.А. – 174, 320
 Рихтер Г.К. – 57
 Ровнягин – 268
 Розен В.Р. – 18–20, 55, 66, 197, 214, 228, 235, 240, 244, 248–251, 255, 257, 258, 260, 261, 264, 268, 269, 271, 274, 275, 280, 292–294, 323
 Розенбах Н.О. – 26, 28, 30, 147, 161, 165, 168, 174, 198, 202, 208, 211, 214, 319
- Романов П.М. – 285, 330
 Романовский Г.Д. – 191, 322
 Романовский Д.И. – 96, 315
 Ромодин В.А. – 326
 Ростовцев Н.Я. – 328
 Рошуар – 206
 Рустамов У.А. – 29, 33, 42
- Сазонов С.Д. – 60, 61
 Саиб-Назар – 182
 Саид-бек – 82
 Саид-хан – 252
 Салтыков-Щедрин М.Е. – 160, 319
 Самсонов А.В. – 61, 62
 Сафдар Али-хан – 29, 33, 190, 211, 220, 322
 Сахаров В.В. – 47, 289, 330
 Святополк-Мирский Д.И. – 117, 316
 Северцов Н.А. – 27
 Семанов В.И. – 7
 Семёнов А.А. – 21, 58
 Семёнов-Тян-Шанский П.П. – 31, 226, 245, 325
 Сидоренко Н.А. – 4
 Симон Ж. – 205, 206, 323
 Сиссере – 120
 Скерский А.Г. – 33, 37, 38, 313
 Скобелев М.Д. – 179, 321
 Скотт Ч. – 43
 Скрайн К. – 4, 8, 11–16, 66
 Снесарев А.Е. – 59, 313
 Соболев Л.Н. – 179, 321
 Соболев Н.В. – 73, 76, 314
 Соков С.В. – 312
 Сосновский Ю.А. – 302, 303, 319, 331
 Срезневский И.И. – 295, 331
 Стааль Е.Е. – 286, 330
 Стасюлевич М.М. – 115, 316
 Штейн (Штейн) А. – 17, 18, 45, 46, 294, 330
 Стремоухов Н.П. – 107, 316
 Стремоухов П.Н. – 66, 79, 83, 93, 168, 169, 179, 184, 234, 237, 314
 Струве К.В. – 73, 79, 81, 85, 93–95, 180, 252, 314
 Суворин А.С. – 118, 119, 316
 Сулейман, мирза – 45, 48, 332
 Сулоцкий Н.А. – 313
 Сунь Ятсен – 6, 7
 Сутеева К.А. – 8
 Сутук Бугра-хан – 256, 328

- Суфи-Бадалъ – 110
Сюй Хуэнь – 24
- Тан** – 189
Таубе М.А. – 286, 330
Тахтамов – 87
Тевяшёв Н.Н. – 57
Терентьев М.А. – 315
Тертий – 222
Тизенгаузен В.Г. – 225, 295, 325
Тилло А.А. – 236, 327
Тимур (Тамерлан) – 131, 318
Толстой Д.А. – 132, 180, 318
Торнау Н.Е. – 83, 174, 315
Тренч (Trench) Ф. – 109, 316
Троцкий В.Н. – 27
Трубчанинов – 73
Тункина И.В. – 11
Тухолка Л.Ф. – 127, 318
Тюря-Ахун – 22
Тюстин – 205
- Умидов Мирза Хаким** – 95, 96, 315
Успенский А.И. – 312
Успенский В.М. – 276, 329
Уэрмз (Worms) – 83
- Фёдоров А.П.** – 55, 313
Федченко А.П. – 24
Фельдман Ф.А. – 212, 213, 323, 324
Фемида – 76, 96
Фенин В.В. – 64, 313
Фергуссон (Fergusson) – 248
Флавицкий Н.Д. – 73, 76, 97–99
Фогель Г.Г. – 218, 324
Форсайт (Forsyth) Т.Д. – 27, 275
Франкини В.А. – 117, 316
Фрейсине Ш.Л. – 217, 218, 324
Фриде А.Я. – 177, 181, 187, 188, 190, 193, 195, 321
Фройер (Froyer) – 261
- Хабибулла-хан** – 52
Хазрет Аппак – 13, 275
Хаким-хан-тюря – 13, 178, 266, 321
Халфин Н.А. – 44, 57
Хан-заде – 84, 85
Хантер (Hunter) В.В. – 110, 316
Ханыков Н.В. – 88, 315
Хвольсон Д.А. – 192, 322
Хлудов И.А. – 75, 78, 314
Хованский А.А. – 232, 326
- Ходжаев А. – 24
Хоулдич (Holdich) Т.Х. – 38
Хорошкин М.П. – 37, 39, 328
Хуан (Хуанг) – 15, 162, 199
Хуанг-дарин – 260
Худояр-хан – 78, 83–85, 91, 96, 106, 184, 185, 314, 320
Хюгель (Hügel) – 248
- Цзин-Пенг** – 181, 184
Цзо Цзунтан – 38
Цзэн Пу – 7
Цзэн Цзицзэ – 7
Цыси – 284, 287, 330
Цяньлун – 6
- Чайковский А.П.** – 47
Чарыков Н.В. – 139, 161, 180, 181, 318
Череванский В.П. – 69, 151, 314
Чернозубов Н.Г. – 55, 313
Чернышевский Н.Г. – 232, 326
Чернышёв Ф.Н. – 294, 330
Черняев М.Г. – 25, 108, 112, 124, 126, 128–130, 134, 135, 168, 170, 214, 252, 316, 317
Чжан, ти-ду – 49
Чжан Лаушай – 119, 121, 122, 124, 126, 127, 137, 138, 162, 163
Чжао – 50, 322
Чингисхан – 205, 323
- Шады-бек** – 252, 328
Шамшин И.И. – 24, 331
Шатилов И.Н. – 214, 324
Шау Р.Б. – 27
Шафанстюн – 311
Шахмурад – 74, 229, 314
Шебалин – 207
Шереметев С.Д. – 28, 204, 323
Шериф-Ходжа – 83
Шереметьевский П.Н. – 63
Шир-Мухаммед – 45
Шишкин Н.П. – 32, 34, 35, 223, 325
Шишмарёв Я.П. – 207, 323
Шлагинтвейт А. – 146, 152, 153, 164, 176, 184, 185, 188, 189, 195, 197, 198, 200, 212, 222, 228, 318, 319
Шлегель – 311
Шлиман Г. – 131, 318
Шлихтер – 236
Шмелёв И.Н. – 92
Шнеур Н.Я. – 177, 182, 321

- Шпейер А.Н. – 279, 329
Шпилько Г.А. – 61, 313
Шпренгер (Sprenger) А. – 247, 328
Штейнгель – 212
Штукен-Спис – 78
- Щепкин Н.Н.** – 65
Щербинский Н.С. – 151, 319
- Эггерт В.В. – 313
Экк Н.В. – 120, 153, 317
Элиас (Элайас) (Elias) Н. – 180, 181, 184, 185, 321
- Юденич Н.И.** – 37
Юль – 247
Юнус-Ходжа – 229
- Юнусов А. – 128, 252, 318
- Ягелло И.Д.** – 63, 64, 313
Якуб-бек – 13, 21–23, 31, 58, 106, 170, 180, 182, 184, 185, 187, 200, 303, 316
Ян-тун-лин – 48
Янгхазбанд (Yonghusband) Ф.Э. – 8, 11–14, 32, 203, 217, 218, 220, 221, 323
Янчевский – 165
Яо Инци – 288, 330
- Arntz – 191
- De Clereg – 196
De Vallat – 196
- Wahrmünd А. – 138, 139

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Австрия – 286
Австралия – 151, 303, 304
Адрианополь – 325
Азия – 5, 9, 12, 15, 28, 39, 52, 56, 116, 168, 172, 177, 207, 245, 251, 272, 279, 329, 330
Ак-Байтал, река – 35, 327
Акмолла – 71, 86, 91
Аксай – 240
Аксайчин – 46
Аксу – 106, 187, 236, 256, 257, 268, 282, 292, 321
Аксуйский округ – 21
Акташ, урочище – 35, 326
Акташский пост – 53, 54, 62
Алай – 27, 29, 36, 182, 184–186, 238, 330
Алайская долина – 326
Александрополь – 117, 118
Алжир – 222
Аличур-Памир – 32
Алтышар (Шестиградье) – 27, 89
Америка – 16, 181
Аму-Дарья – 87, 88, 106, 116, 130, 131, 298, 316
Аму-Дарьинский отдел – 322, 325
Амур, река – 201
Амурская область – 28
Анатолия – 117
Англия (Великобритания) – 4–7, 15, 26, 33, 35, 38–43, 61, 139, 144, 168, 170, 178, 184, 208, 217, 219, 220, 245, 254, 280, 324, 325, 327, 328, 330
Андижан – 63, 144, 234
Андижанский уезд – 63
Андхой – 30
Аннам (Вьетнам) – 320
Аньси-чжоу – 39
Аравия – 83
Ардаган – 117
Арстан-бель-Кудук – 107
Артвин – 117
Артыш – 266
Асхабад – 243, 278
Аулие-Ата – 86, 207, 240
Аулиеатинский уезд – 315, 317
Афганистан – 13, 14, 24, 26, 30, 32, 35, 38–40, 50, 53, 64, 88, 91, 92, 105, 110, 118, 130, 176, 180, 181, 185, 213, 220, 226, 285, 311, 317, 325–328
Африка – 83
Ахалцих – 117
Ащebutак – 113
Бавария – 326, 329, 330
Багдад – 64, 234
Бадахшан – 33, 167–169, 176, 180–182, 184, 191, 212, 221, 323, 325
Баден – 330
Бактрия – 19, 271
Баласагун – 240
Балканы – 137
Балтит – 29
Бальтистан – 53
Балх – 30
Баркуль – 206, 303
Барскаун – 240
Батум – 24, 117
Багумская область – 117
Бедель, перевал – 61, 193, 240, 292
Бейк, перевал – 42, 61
Белград – 325
Белуджистан – 181, 217

- Бельгия – 184, 191
 Берлин – 184, 218, 231
 Бессарабия – 321
 Богу-Шамалл – 74
 Болгария – 189, 221
 Болор – 247, 250
 Большой Алай – 33
 Большой Каракуль, озеро – 227
 Большой Памир – 32
 Большой Хинган – 326
 Бомбей – 44, 181, 321
 Бразилия – 329
 Бузулук – 296
 Буканские горы – 80
 Будункуль – 40, 42
 Бутан – 311
 Бухара (Бухарское ханство) – 12, 23, 24, 41, 44, 53, 57, 63, 70, 72–74, 79, 80, 82, 84, 85, 87–93, 95, 106, 107, 109–111, 114, 124, 128, 134, 152, 155, 168, 172, 173, 175, 176, 180, 181, 193, 199, 205, 213, 215, 222, 224, 234, 252, 272, 276, 296, 301, 314–316, 318, 320, 321, 327, 329
Вавилон – 318
 Вахан (Ваханское бекство) – 14, 27, 28, 52, 63, 160, 167, 169, 184, 186, 191, 212, 223, 226, 325
 Вахан-Дарья, река – 53
 Вена – 316
 Верный – 8, 10, 22, 134, 292
 Верхнеозёрная, станица – 112
 Верхняя Татария – 27
 Виши – 217, 218
 Владивосток – 273
 Внутренний Китай – 203, 273
 Воронеж – 232
 Восточная Азия – 15, 58
 Восточная Бухара – 28, 54
 Восточная Сибирь – 303
 Восточный Гиндукуш – 29
 Восточный Памир – 53, 55, 64
 Восточный (Китайский) Туркестан – 8, 16–22, 24, 26, 27, 31, 32, 36, 37, 41, 44–48, 51, 55–58, 66, 137, 141, 144–146, 157, 160–162, 169, 170, 228, 237, 238, 243, 247, 259, 264, 265, 271, 319–321, 324, 327, 329, 330
 Вюртемберг – 330
Гавр – 320
 Гамбург – 243, 327
 Ганьсу – 39, 205, 267, 321, 328
 Геймис – 251, 264
 Герат – 115, 116, 278
 Германия – 184
 Гималаи – 318
 Гиндукуш – 30, 33, 38, 181, 234, 237, 310, 322
 Гилгит (Гильгит) – 30, 41, 45, 163, 168, 182, 184, 191, 211, 220, 221, 223, 274, 301, 322, 323, 327
 Гиссар – 168, 169, 176
 Голодная степь – 129, 131
 Греция – 320, 325
 Гульча – 47
 Гунт, река – 37
 Гучень – 302
 Дагбит – 224
 Дальний Восток – 46, 322
 Дарваз – 168, 169, 176, 240, 322, 327
 Дейнау – 179
 Дерпт – 218
 Джалаб-Кичут – 117
 Джамму и Кашмир – 28, 285, 330
 Джаны-Дарья (Жана-Дарья) – 130, 131
 Джидда – 215, 325
 Джизак – 80, 252
 Джизакский уезд – 328
 Джинхо – 106
 Джунгария (Джунгарское ханство) – 6, 8, 24
 Джурм (Джарм) – 180, 182
 Дидаотин – 262, 274
 Дильверзи, арык – 130
 Дунганское ханство – 9
 Европа – 16, 20, 82, 111, 220, 234, 239, 246
 Заалайский хребет – 27
 Забайкальская область – 328
 Зайсан (Зайсанское укрепление) – 194, 195
 Зайсан, озеро – 10, 314, 326
 Закавказье (Закавказский край) – 24, 118
 Закаспийская область (Закаспийский край) – 30, 47, 65, 116, 199, 216, 319, 330
 Занарынский край – 22
 Западная Монголия – 304, 322
 Западная Сибирь – 303, 321

- Западный Китай – 5, 7, 8, 16, 28, 43, 46, 59, 142, 145, 188, 267, 281, 302–304, 317, 318, 322, 328
- Западный Памир – 32, 36, 40, 41, 44, 53, 57, 63, 64
- Западный (Русский) Туркестан (Туркестанское генерал-губернаторство, Туркестанский край) – 9, 12, 13, 21, 23–25, 27–29, 31, 33, 41, 46, 59, 60, 65, 70, 72–75, 77, 79–81, 86, 88, 90, 91, 93, 95, 97, 100–102, 104, 108, 110, 112, 113., 116 122, 124, 126, 128–134, 138, 144, 151, 156, 164, 168, 170, 174, 182, 190, 193, 198, 199, 212, 214, 216, 234, 235, 240, 262, 265, 302, 302, 303, 317, 319
- Зебак – 52
- Зеравшан, река – 74, 114
- Зеравшанский округ – 73, 74, 91, 319, 322
- Зоб – 311
- Зоркуль (Виктория), озеро – 39
- Иерусалим** – 222
- Икезяки, перевалы – 119, 137
- Или (Илийский край) – 8, 10, 11, 22, 25, 56, 178, 205, 315, 320
- Или, река – 10
- Илы-су – 54
- Имц, кишлак – 327
- Индия (Британская Индия, Ост-Индия) – 4, 7, 11, 14, 15, 19, 20, 24, 28, 40, 43, 50, 52, 55, 56, 64, 110, 111, 129, 163, 181, 187, 198, 201, 203, 218, 219, 233, 237, 241, 247, 259, 263, 269, 282, 285, 286, 311, 325, 327, 331
- Иркештам – 43, 47, 61, 227, 239, 259, 272
- Испания – 325
- Истыкский пост – 50
- Иссык-Куль, озеро – 214, 224, 229, 327
- Ишкашим (Ишкашимское бекство) – 52, 63, 168
- Ишкашимский пост – 53, 54, 62
- Йэттишар (Семиградье)** – 13, 21, 22, 24, 26, 27, 89, 316
- Кабул** – 166, 182, 184, 236, 315
- Кавказ – 133, 168, 169, 178, 234, 237, 316, 322, 324
- Кадикс – 322
- Казала – 91, 96
- Казалинский уезд – 314
- Казань – 9, 174, 283, 298
- Казахстан – 324
- Кала-и-Бар-Пяндж – 180, 182
- Калифорния – 303, 304
- Калькутта – 181, 219, 321
- Канада – 325
- Канджун (Хунза и Нагар) – 28–30, 32, 33, 36, 38–40, 42–44, 56, 61, 163, 184, 187, 190, 191, 201–203, 211, 212, 220, 223, 226, 227, 236, 237, 240, 242, 245, 246, 274, 301, 322
- Карагаты – 107
- Каракол (Пржевальск) – 208, 209, 292, 293
- Каракорум – 27, 51
- Кара-Куль, озеро – 27
- Карасу – 44, 85, 110
- Каратегин – 168
- Кара-Чукур, река – 39, 51
- Карашар – 106, 274, 281, 303
- Карашарский округ – 21
- Каргалык – 45
- Карс – 24, 117, 118
- Карсская область – 117, 118, 316
- Карсский санджак – 117
- Карши – 88, 90
- Каспийское море – 115, 279
- Катта-Курганский отдел – 72
- Кашгарский округ – 21, 59, 65
- Кашмир – 12, 29, 32, 33, 39–42, 53, 163, 221, 246, 259, 261
- Квантунская область – 321
- Керия – 247
- Керки – 30, 87, 88, 190
- Кермине – 106, 175, 190, 297
- Кизылсу (Кашгар-Дарья) – 40, 42
- Китаб – 315
- Кок-Таш – 54
- Коканд (Кокандское ханство) – 10, 23, 24, 27, 38, 50, 61, 74, 79, 80, 84, 85, 88, 89, 91, 93, 96, 98, 106, 110, 111, 115, 128, 130, 145, 297, 314, 316, 318, 329
- Константинополь – 12, 38, 117, 272, 316, 318, 325, 329
- Корея – 254, 329
- Кудара – 182
- Кукунор, озеро – 264
- Кульджа (Инин) – 8–11, 22, 23, 47, 79, 106, 107, 125, 144, 154, 168, 169, 173, 187, 190, 201, 203, 276, 304, 315, 317, 319, 329
- Куляб – 168, 169, 176

- Кум-Сай, река – 113
 Кундуз – 30, 180
 Куньлунь – 55, 56, 325
 Кураминский уезд – 100, 101, 105, 114, 315
 Курля – 18, 240, 256
 Куча – 18, 230, 231, 240, 247–249, 251, 256, 257, 266, 269, 274, 292
 Кучаский округ – 21
 Кушка – 219, 278
 Кштут – 328
 Кштутское бекство – 252
 Кызылрабатский пост – 62
 Кыргызстан – 9, 66
 Кяхта – 78, 324
- Ладакх (Ладак)** – 12, 27, 53, 168, 181, 221, 251, 254, 301
 Ланьчжоу – 39, 259, 267, 302, 328
 Лейпциг – 311, 328
 Ленинград – 28
 Лех – 41, 168
 Ликейские (Окинава) острова – 311, 331
 Лион – 324
 Лобнор, озеро – 187, 195, 198, 218, 273, 287
 Лондон – 4, 6, 127, 148, 166, 181, 316, 323, 329
 Лянгарский пост – 53, 54, 62
 Ляодунский полуостров – 39
- Магианское бекство** – 252
 Мадрас – 6
 Мазари-Шериф – 30
 Малая Азия – 328
 Малая Бухария (Нань-лу) – 27
 Малый Памир – 32
 Малый Тибет – 214
 Манас – 195, 287
 Маньчжурия – 56, 279, 312
 Маралбаши – 208, 247, 256
 Маргелан – 220, 266
 Маргеланский уезд – 317, 321
 Маркансу – 40, 42
 Марсель – 222, 320, 322
 Махачкала (Петровск-Порт) – 279
 Меймене (Маймане) – 30, 181
 Мекка – 110, 168
 Мерв – 74, 157, 173, 175, 275, 278, 314
 Мёртвый Култук – 129
 Мешхед – 44, 92, 227
- Мин-Юль – 186, 202
 Монблан – 137, 173, 258
 Монголия – 323, 326
 Москва – 78, 92, 108, 148, 208, 214
 Музтаг-ата (Муस्ताгский хребет) – 34, 40, 42, 51, 55
 Мужа – 40, 42
 Мукден – 329
 Мургаб, река – 34, 184
- Наманганский отдел** – 321
 Нанкин – 6, 7
 Нарын (Нарынское укрепление) – 22, 23, 41, 119, 149, 159, 160, 162, 178, 218
 Нарын, река – 22
 Нижний Артыш – 229
 Нижний Новгород – 78, 92
 Нидерланды – 314
 Ниневия – 131, 318
 Нинся – 328
 Новая Бухара (Каган) – 297
 Новороссия – 321
 Новый Маргелан – 36, 121, 129, 327
 Норвегия – 324
- Одесса** – 318
 Оксу, река – 53
 Оренбург – 69, 73, 91, 110–112, 293
 Орошорская волость – 53
 Орск – 111–113
 Орь, река – 111, 112
 Ош – 28, 47, 119, 122, 148, 149, 155, 159, 161, 172, 178, 214, 225, 218, 231, 261, 271–274, 278, 293, 330
 Ошский уезд – 33, 321, 325
- Павловск** – 64
 Пакистан – 28
 Памир (Памиры) – 13, 14, 26–43, 45, 50–57, 62–65, 130, 184, 201, 205, 220, 223, 226, 227, 230, 231, 233, 237, 240, 241, 244, 245, 262, 269, 273, 321, 322, 324–326, 328, 330
 Памир, река – 53
 Памирский пост – 35, 53, 54, 62, 327
 Памирский район – 62–65
 Париж – 36, 60, 311, 322, 327
 Пенде – 197
 Пенджикент – 74
 Пенза – 318
 Перовск – 108, 130

- Персия – 24, 91, 110, 181, 217, 218, 317, 320, 321, 329, 330
 Петро-Александровск – 131
 Петропавловск – 86, 91
 Пешавар – 109, 128, 175
 Пиренейский полуостров – 328
 Пишпек – 293
 Плевна – 273
 Полу – 247, 250
 Потти – 24, 117
 Пржевальск – см. Каракол
 Пригиндукушские страны (княжества) – 29, 53
 Пяндж, река – 27, 37, 54
- Ранг-Куль, озеро – 27, 34, 53, 233
 Ранкульский пост – 53, 54, 62
 Раскем (Раскем-Памир) – 43, 44, 46, 56, 61
 Раскем-Дарья – 41, 42, 44, 51, 54, 56, 281, 301
 Рига – 243
 Рим – 86, 325, 328, 329
 Руан – 320
 Румыния – 317, 329
 Рустак – 180
 Рушан (Рушанское бекство) – 32, 34, 37, 42, 63, 169, 191, 212, 322, 323, 325, 327, 329
- Сазоновка, деревня – 214, 224, 229
 Самара – 296
 Самарканд – 70, 72–74, 88, 96, 98, 110, 113, 114, 118, 129, 131, 132, 161, 178, 213, 251, 252, 279, 297, 317, 324
 Самаркандская область – 314, 317, 325, 328
 Самаркандский отдел – 72, 74
 Самарская губерния – 24, 112
 Санджу – 167
 Саратовская губерния – 24
 Сарыкол – 14, 15, 26–28, 35–37, 39, 42–46, 48–53, 55–57, 60, 61, 163, 166, 203, 233, 237, 274, 288, 291, 313, 330, 332
 Сарыкольский округ (район) – 28, 40, 42, 46, 50
 Сарыкольский хребет – 35, 37, 42, 51, 55, 56, 60, 61
 Сарыкольское плато – 14
 Сачжоу – 198
 Северная Индия – 29, 53
- Северный Афганистан – 30
 Северный Китай – 326
 Северный Тибет – 269
 Северо-Западный Китай – 9, 10
 Северо-Западный Тибет – 321
 Сеистан – 321
 Семипалатинская область – 22, 315, 319, 325
 Семиречье (Семиреченская область) – 9, 22, 23, 41, 89, 91, 103, 131, 170, 212, 240, 268, 269, 274, 283, 315, 321, 322, 325, 326
 Сербия – 328–330
 Сеул – 318, 329
 Снам – 295, 329
 Сибирь – 65, 91, 199, 172, 173, 198, 262, 273, 303, 315, 326
 Симбирск – 296
 Симла – 12
 Синин – 254, 262, 267, 270, 274
 Синьцзян – 4–9, 11, 12, 15, 16, 19, 23, 28, 36, 37, 48, 57, 59, 62, 203, 205, 206, 238, 242, 244, 288, 321, 327, 330
 Синьцзян-Уйгурская автономная область – 26
 Сиюй – 8
 Скарду – 168
 Смирна (Измир) – 324
 Сосницкий уезд – 315
 София – 322
 Средняя Азия – 14, 24, 26, 31, 36, 40, 46, 51, 58, 66, 70, 71, 75, 77–79, 83, 84, 90, 91, 94, 96, 105, 106, 108–110, 115, 125, 126, 139, 144, 156, 166, 168, 183, 186, 188, 202, 204, 208, 248, 265, 312, 314, 315, 322, 327, 331
 Степной край (Степное генерал-губернаторство) – 131, 149, 262, 315, 330
 Суук-Чубирь – 262
 Сучжоу (Цзююань) – 25, 195, 302
 США (САСШ) – 304, 314, 325
 Сыр-Дарьинская область – 27, 80, 91, 314, 315, 320, 325, 328, 329
 Сыр-Дарья – 91, 98, 130, 131
 Сюньхуатин – 39, 259, 262
- Тагарма – 40, 42, 43, 55, 56
 Тагдумбаш, река – 44, 51
 Тагдумбаш-Памир – 14, 32, 39–44, 54, 61, 233, 274

- Такла-Макан – 17, 224, 247, 282, 294
 Тамбуда – 264
 Тамды – 106
 Танжер – 60
 Тарбагагай – 8, 25, 205, 314, 326
 Тарим, река – 26
 Тахта-Карач, перевал – 252
 Таш-момо – 54
 Ташкент – 10, 21, 23–25, 30, 31, 33, 51, 55, 58, 70–73, 81–87, 91–98, 100, 102, 103, 105, 108, 110, 119–121, 124, 125, 127, 129, 130, 134, 136, 146, 147, 155, 156, 158–162, 165, 167, 170, 172, 173, 175, 180, 181, 190, 207, 214, 215, 218, 221, 226, 248, 252–254, 256, 259, 265, 268, 272, 278, 279, 293, 296, 297, 302, 310, 314, 317, 318, 320, 322
 Ташкентский уезд – 320
 Ташкурган – 14, 26, 40, 42, 43, 45, 46, 48–50, 52, 54–56, 290, 291, 332
 Ташкурганский пост – 48, 49, 51–53, 57, 62, 66
 Ташкурган-Таджикский автономный уезд – 26
 Тебриз – 315
 Тегеран – 60, 317
 Терек-Даван перевал – 119, 121, 123, 126, 137, 140, 144, 172, 258
 Теректы – 240
 Терская область – 316
 Тессык (Тешик)-Таш – 22
 Тибет – 127, 139, 144, 201, 203, 209, 243, 247, 269, 287, 304, 311, 321, 323, 324–327, 330
 Тифлис – 24
 Тихий океан – 312
 Той-Тюбе – 98
 Токан – 111
 Токмак – 268, 274, 293
 Тонгуз (Тунгус) – арык – 129, 131
 Трапезунд (Трабзон) – 222, 228
 Троицк – 91
 Троя – 131, 318
 Тува – 322, 326
 Тургайская область – 315, 319
 Туркестан, город – 234
 Туркестанская область – 315, 316
 Туркмения – 175
 Туругарт, перевал – 22, 61, 119, 121, 123, 126
 Турфан – 25, 106, 311
 Турция – 24, 83, 285, 318
 Тяньцзинь – 317
 Тянь-Шань – 9, 91, 119, 123, 126, 170, 207, 322
 Уз-Бель (Кизыл-Джик), перевал – 28, 34, 227
 Улугчат – 238, 260
 Упранг – 54
 Ура-Тюбе – 108
 Урал – 111, 322
 Урал, река – 111
 Урга – 25, 207, 212, 323
 Ургут – 113, 114
 Урумчи (Дихуа) – 9, 23, 57, 106, 180, 187, 190, 198, 203, 205, 206, 208, 242, 245, 302
 Урюк – 54
 Уссурийский край – 181, 201
 Уч-Курган – 33
 Уч-Турфан – 192, 292, 293
 Уч-Учаг – 106
 Файзабад – 168
 Фарабское бекство – 252
 Фергана (Ферганская область) – 12, 25, 26, 32–35, 38, 43, 45, 47, 52, 53, 60, 62, 63, 65, 119, 121, 122, 125, 126, 129, 130, 144, 148, 159, 161, 166, 176, 180, 182, 184–186, 197, 203, 213, 214, 216, 218, 272, 283, 284, 291, 304, 306, 307, 314, 317, 319, 320–322, 325, 329
 Финляндия – 286, 287
 Фогелево – 324
 Франция – 39, 184, 217, 218, 227, 320, 324, 328
 Фуцзянь – 38
 Хазараджат – 326
 Хазрет-Аюб – 225, 276
 Халата – 108
 Хами – 192, 195, 198, 200, 205, 206, 302
 Ханабад – 180
 Ханькоу – 302, 303
 Ханьчжоу – 303
 Харгош-Памир – 32
 Хатырчи – 74, 314
 Хива (Хивинское ханство) – 80, 104–109, 112, 175, 203, 205, 315, 316, 323
 Хивинский оазис – 116
 Ходжент – 84, 98, 114, 130, 320

Ходжентский район – 74
Хорасан – 115, 321
Хорог – 41, 57, 63, 65, 327
Хорогский пост – 53, 54, 62
Хотан – 19, 45, 89, 127, 139, 144, 166, 167,
187, 197, 198, 203, 240, 243, 247–249,
251, 256–258, 260, 264, 268, 271, 273,
280, 282
Хотан-Дарья – 263
Хотанский округ – 21
Хуанхэ (Жёлтая), река – 324
Хэчжоу – 262, 274

Центральная Азия – 8, 14, 18, 20, 30, 31,
66, 212, 321, 322, 326, 327

Цзянси – 38

Цзяюйгуань – 302

Цзянсу – 38

Цинская империя – 6, 9, 10, 24

Чар-вилоят – 30

Чарджуй – 190, 324

Чатыр-Куль, озеро – 22, 119, 121, 126, 162

Черниговская губерния – 315

Черногория – 328

Чёрный Иртыш – 10

Чжэцзян – 37, 38

Чимкент – 71, 86, 108, 207

Чимкентский уезд – 315

Чиназ – 85

Читрал – 32, 191, 211, 212, 221, 242, 323

Чугучак – 8, 9, 144, 246, 317, 321

Чуйская долина – 327

Шаджан, урочище – 34, 35, 240

Шахдара, река – 37

Шахриябз – 85, 88, 107, 252

Шахриябзский округ – 114

Шахрихан – 321

Шаяр – 235

Швейцария – 329

Швеция – 318, 320, 324, 325

Шива, озеро – 33, 325

Шэньси – 321

Шугнан (Шугнанское бекство) – 28, 32,

34, 37, 63, 130, 139, 143, 169, 180, 182,

186, 191, 212, 240, 322, 323, 325

Эрзерум – 228

Эрзерумская область – 329

Юго-Западный Китай – 303

Южная Америка – 222

Южная Кашгария – 42, 45, 321

Южный Китай – 302, 303

Южный (Афганский) Туркестан – 30

Юнгушкалик (Кулькара) – 110

Юньнань – 39, 217

Ягистан – 53

Янгигисар – 203

Янгигисарский округ – 21

Япония – 39, 272, 314, 332

Яркенд – 27, 32, 42, 45, 89, 141, 157, 160,

161, 163, 166, 187, 197, 198, 203, 234,

247, 256, 257, 301, 319

Яркенд-Дарья – 26, 40–42

Яркендский округ – 21, 27, 28

Яшиль-Куль, озеро – 34, 326

Научное издание

Н.Ф. Петровский
ТУРКЕСТАНСКИЕ ПИСЬМА

Корректор *Г.Н. Рынькова*

Издательство
«Памятники исторической мысли»
115597 Россия, Москва, ул. Воронежская, 38–334
Сайт: pim-info.ru

Подписано в печать 15.10.2010. Формат 60×90¹/₁₆
Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Уч.-изд. л. 23,5. Печ. л. 22,5
Тираж 800 экз.
Заказ №